

Владимирский государственный университет

**НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ
И АМЕРИКИ XIX в.
(до конца 60-х годов)**

Хрестоматия

Владимир 2023

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

**НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ
И АМЕРИКИ XIX в.
(до конца 60-х годов)**

Хрестоматия

Электронное издание



Владимир 2023

ISBN 978-5-9984-1732-0

© ВлГУ, 2023

© Захарова О. В., 2023

УДК 94(420)+94(71)
ББК 63.3(4)6+63.3(7)

Автор-составитель О. В. Захарова

Рецензенты:

Доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений
Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
И. М. Эрлихсон

Кандидат исторических наук
доцент кафедры истории России
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
И. А. Николаева

Новая история стран Европы и Америки XIX в. (до конца 60-х годов) [Электронный ресурс] : хрестоматия / авт.-сост. О. В. Захарова ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2023. – 485 с. – ISBN 978-5-9984-1732-0. – Электрон. дан. (3,07 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Представлены важные исторические документы, отрывки из научных статей и монографий, способствующие детальному и глубокому анализу ключевых событий в истории стран Европы и Америки в Новое время, в том числе в истории международных отношений.

Предназначена для студентов бакалавриата, обучающихся по направлениям подготовки 44.03.05 – Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки – История. Иностранный язык (Английский язык)), 44.03.05 – Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки – История. Обществознание), а также магистрантов направления подготовки 44.04.01 – Профильное обучение истории. Может быть полезна преподавателям и студентам, желающим усовершенствовать подготовку в области истории зарубежных стран Нового времени.

Библиогр.: 65 назв.

ISBN 978-5-9984-1732-0

© ВлГУ, 2023
© Захарова О. В., 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Тема 1. ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС: СОЗДАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	10
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	10
<i>Источники</i>	10
<i>Научные публикации</i>	65
Тема 2. ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (1810 – 1826 ГГ.): ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД, ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ	78
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	78
<i>Источники</i>	78
<i>Научные публикации</i>	111
Тема 3. СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ XIX В.	133
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	133
<i>Источники</i>	133
<i>Научные публикации</i>	173
Тема 4. ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА 1832 ГОДА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ДВИЖЕНИЕ ЗА «НАРОДНУЮ ХАРТИЮ»: 1830-Е – НАЧАЛО 1850-Х ГГ.....	182
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	182
<i>Источники</i>	182
<i>Научные публикации</i>	209
Тема 5. «ВЕСНА НАРОДОВ»: БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 – 1851 ГГ.....	219
Революция 1848 – 1851 гг. во Франции.....	
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	219
<i>Источники</i>	219
Революция 1848 – 1849 гг. в германских государствах.....	301
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	301
<i>Источники</i>	301

Революция 1848 – 1849 гг. в Австрийской империи.....	324
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	324
<i>Источники</i>	324
Революция 1848 – 1849 гг. в итальянских государствах	340
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	340
<i>Источники</i>	340
<i>Научные публикации</i>	379
Тема 6. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЮГА	
В США	392
<i>Вопросы к практическому занятию</i>	392
<i>Источники</i>	392
<i>Научные публикации</i>	450
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	470
ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ	
В ХРЕСТОМАТИИ	471
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	477

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия разработана в соответствии с рабочей программой дисциплины «Новая история стран Европы и Америки 1640 – 1870 гг.». Издание включает шесть тем, каждая из которых содержит тексты официальных, нарративных и эго-документов (в том числе и на языке оригинала), отрывки из научных статей и монографий, а также перечень вопросов для практических занятий.

Задачи, поставленные перед изданием, – предоставить преподавателям и студентам необходимую информацию для успешного проведения практических занятий по дисциплине; обучить студентов стадиям научной критики; привить навыки самостоятельной исследовательской работы; научить приемам работы с отдельными источниками для отбора и успешного написания исследовательских работ по истории стран Европы и Америки Нового времени. Включенные в хрестоматию материалы также способствуют более детальному и глубокому анализу ключевых событий в истории стран Европы и Америки в Новое время.

В издании содержатся материалы, которые представляют собой важнейшие исторические документы, отражающие состояние внутреннего развития стран Европы и Америки с начала – до конца 60-х годов XIX века. Документы распределены на несколько групп, выделенных на основе проблемно-хронологического принципа. В данном случае это документы, раскрывающие многочисленные аспекты в рамках следующих тем: «Венский конгресс: создание новой системы международных отношений», «Война за независимость в Латинской Америке (1810 – 1826 гг.): предпосылки, ход, образование независимых государств», «Социальные утопии XIX в.», «Парламентская реформа 1832 года в Великобритании и движение за «Народную хартию»: 1830-е – начало 1850-х гг.», «Весна народов»: буржуазные революции 1848 – 1851 гг.», «Гражданская война и Реконструкция Юга в США». В каждой из указанных тем выделены отдельные ключевые проблемы, объединяющие группы документов, размещенных по хронологическому принципу.

В различных учебных и научных изданиях можно встретить рекомендации по работе с источниками, научными статьями и историческими исследованиями. В статье В.А. Антонцевой «Работа с историческими источниками в школе и вузе»¹ отмечается:

«Работа с историческими документами позволяет сформировать у учащихся и студентов исследовательские навыки, применимые не только в области истории, но и в области современных социально-экономических и политических отношений. Данная проблема уже давно разрабатывается ведущими методистами. Так, в методическом пособии М.С. Ерохиной и М.В. Коротковой предложена памятка работы с историческим документом [Ерохина М.С., Короткова М.В. Уроки Клио: методическое пособие для учителя. – М.; МИРОС, 2000. – 64 с.]:

- 1. Характер документа (официальный, письмо, дневник и т.п.).*
- 2. Происхождение документа, время его создания, язык (оригинал или перевод), полнота (фрагмент или приведен целиком).*
- 3. Основное содержание документа (события, идеи, персонажи).*
- 4. Основные акценты, симпатии и антипатии автора. Чьи взгляды он выражает? Его компетентность (статус, образование, профессия).*
- 5. Достоверность источника (неточность и ошибки, умышленное искажение).*
- 6. Непонятные места в источнике.*
- 7. Факты документа, подтверждаемые другими источниками.*

В данной памятке акцент в большей степени сделан на внешней, а не на внутренней критике источника, в связи с чем О.Н. Хохлова предложила дополнить данный алгоритм анализа исторического источника, выделив пять этапов этой работы [Хохлова О.Н. Работа с историческим источником как этап подготовки учащихся к исследовательской деятельности // Исследовательская деятельность старшеклассников в процессе изучения гуманитарных дисциплин. – Тверь, 2002. С. 51 – 61]:

¹ Пример рекомендаций по работе с историческими источниками и научной литературой приведен по статье В.А. Антонцевой «Работа с историческими источниками в школе и вузе» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.

1. Работа с отдельными терминами и понятиями, встречающимися в источнике, самостоятельное составление их определений.

2. Нахождение в источнике «смысловых якорей», позволяющих понять суть текста.

3. Умение отвечать на поставленные к источнику вопросы различных типов и уровней сложности.

4. Самостоятельная формулировка учащимся вопросов по содержанию документа.

5. Показ на основе вопросов информативных возможностей источника.

Стрелова О.Ю. предложила еще более развернутую схему анализа исторических документов, в основе которой лежит многоуровневый подход. К вопросам первого уровня она относит вопросы, которые помогают установить вид документа, личность автора, время, место и обстоятельства его создания (условно этот уровень можно назвать «паспортизацией документа»). Вопросы второго уровня направлены на логический анализ содержания документа и работают с информацией, лежащей на поверхности текста, охватывают факты, описанные автором. Вопросы третьего уровня направлены на критический анализ источника: учащиеся пытаются определить его достоверность и мотивы манипуляции автора историческими фактами. Вопросы четвертого уровня выводят на аксиологический анализ документа. Они связаны с реконструкцией и анализом ценностных установок социальных слоев, политических организаций, отдельных исторических деятелей или автора документа. Вопросы пятого уровня ориентированы на праксиологический анализ источника: проясняют его ценность в изучении конкретной темы или проблемы [Стрелова О.Ю. Ключи к историческому Олимпу // История. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». – 2011. – №15. – С. 52 – 58.].

Все рассмотренные выше методики работы с историческими документами в большей степени относятся к школьному образованию, однако, вполне актуальны (с некоторыми дополнениями) при изучении исторических дисциплин в вузах. Все виды работы с письменными историческими источниками могут быть условно отнесены к одному из трех уровней: воспроизводящему, преобразующему, творческо-поисковому.

Воспроизводящий уровень предполагает узнавание самого источника и отраженных в нем фактов, выявление и определение понятий, используемых в источнике, ответы на поставленные преподавателем вопросы, пересказ текста.

Преобразующий уровень может включать в себя выделение главной идеи документа, составление плана, формулирование тезисов, самостоятельная постановка вопросов к документу, выявление причин и целей создания документа и определение его последствий.

Творческо-поисковый уровень предполагает осмысление данного источника, определение его места в системе других документов: анализ позиции автора, сравнение с другими источниками, озвучивание и аргументация собственной позиции в отношении событий, отраженных в документе, характеристика достоверности/недостоверности источника, объективности/субъективности представленной в нем информации.

Студентам предлагается несколько форм работы с историческими документами, которые постепенно усложняются. Так, на первом этапе (воспроизводящем) учащиеся вырабатывают умение, направленное на узнавание и поверхностный анализ источника. Им предлагается по предложенному отрывку из документа:

- 1) определить название источника, его вид, время создания;*
- 2) назвать автора документа (если есть);*
- 3) передать коротко его основное содержание;*
- 4) выделить и дать определение основным понятиям, используемым в тексте;*
- 5) определить основную мысль, главную проблему, представленную в тексте.*

Второй этап работы с историческими источниками (преобразующий) предполагает более глубокое понимание текста и событий, описанных в нем, а также умение поместить предложенный текстовый отрывок в исторический контекст. Для этого студентам предлагается самостоятельно составить схему анализа источника.

Порядок работы по данной схеме следующий:

- 1. Пишется название документа и время его создания, ставится проблема;*
- 2. К документу формулируются вопросы;*
- 3. Даются ответы на поставленные вопросы;*

4. Выявляется причина(ы), приведшая к появлению данного документа;

5. Определяются ближайшие последствия события, затронутого в источнике;

6. Определяются его перспективные, отдаленные последствия.

На третьем, творческом, этапе учащийся должен научиться давать оценку историческому источнику и вписать его в общий массив документов по теме исследования: определять уровень его достоверности и объективности, объяснять позицию автора источника, аргументировать свою точку зрения. Часто для решения этой задачи студенту требуется подобрать другой источник или источники, отражающие описываемое событие с альтернативной или аналогичной позиции или отображающий отдельный (-е) аспект(ы) рассматриваемой проблемы.

На этом этапе предлагается охарактеризовать источник по следующему плану:

1. Репрезентативность и полнота источника (насколько в нем отражены наиболее значимые исторические факты);

2. Цели создания документа;

3. Позиция автора (-ов): личная, политическая, социальная;

4. Достоверность источника (насколько точно в нем отражены исторические факты и явления);

5. Точность информации, представленной в документе (т.е. степень отражения деталей в нем).»

Представленные в хрестоматии материалы собраны с использованием различных изданий, многие из которых недоступны для широкого использования в учебной работе. Перечень изданий, использованных при составлении, размещен в конце хрестоматии.

Тема 1. ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС: СОЗДАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вопросы к практическому занятию

1. Подготовка и созыв Венского конгресса. Основные социально-политические принципы «венской системы».
2. Позиция России, Англии, Пруссии и Австрии по проблеме территориального переустройства Европы. Позиция «малых» стран.
3. Образование Германского союза. Решение польско-саксонского, бельгийско-голландского, скандинавского, швейцарского вопросов. Принцип легитимизма в решениях конгресса.
4. Заключительный акт Венского конгресса. Историческое значение Венского конгресса.
5. Образование «Священного союза монархов и народов». Принципы и цели союза, его конгрессы.

Источники

THE TREATY BETWEEN RUSSIA AND AUSTRIA OF THE 21 APRIL, 3 MAY, 1815

In the Name of the Most Holy and Undivided Trinity.

His Majesty the Emperor of all the Russias his Majesty the Emperor of Austria, and his Majesty the King of Prussia, being equally desirous of coming to an amicable understanding upon the measures most proper to adopt for consolidating the welfare of the Polish people, in the new relations in which they are placed by the changes effected in the fate of the Duchy of Warsaw; and wishing at the same time to extend the effects of this benevolent disposition to the provinces and districts which composed the ancient kingdom of Poland, by means of such liberal arrangements as circumstances have permitted, and by placing the intercourse of the inhabitants, in respect to commerce, upon the most advantageous footing; have agreed to conclude two separate Treaties, one between Russia and Austria; and the other between the former Power and Prussia, in order to comprise therein, the general engagement's common to the three Powers, as well as the stipulations which concern them individually. Their Imperial Majesties

have for this purpose named, for their separate Treaty, the following Plenipotentiaries:

His Majesty the Emperor of all the Russias, the Sieur Andrew, Count de Rasoumoffsky, his Privy Counsellor, Knight of the Orders of St. Andrew and of St. Alexander Newsky, Grand-Cross of the Order of St. Vladimir, and his principal Plenipotentiary at the Congress.

And his Majesty the Emperor of Austria, the Sieur Clement-Venceslas-Lothaire, Prince de Metternich-Winnebourg-Ochsenhausen Knight of the Golden Fleece, Grand-Cross of the Royal Order of St. Stephen of Hungary, Knight of the Orders of St. Andrew, of St. Alexander Newsky, and of St. Anne of the First Class, Grand Cordon of the Legion of Honour, Knight of the Orders of the Elephant, of the Supreme Order of the Annunciation, of the Black Eagle and the Red Eagle, of the Seraphim, of St. Joseph of Tuscany, of the Orders of St. Hubert, of the Golden Eagle of Wurtemberg, of Fidelity of Baden, of St. John of Jerusalem, and of several others: Chancellor of the Military Order of Maria-Theresa, Curator of the Academy of the Fine Arts, Chamberlain, intimate and actual Counsellor of his Majesty the Emperor of Austria, King of Hungary and Bohemia, his Minister of State, of Conferences, and of Foreign Affairs, and his Plenipotentiary at the Congress;

Who, after having exchanged their full powers, found in due and proper form, have agreed upon, concluded, and signed the following Articles:

ART. I. His Majesty the Emperor of all the Russias cedes to his Imperial and Royal Apostolic Majesty, the districts which were dismembered from Eastern Galicia, in virtue of the Treaty of Vienna of 1809, from the circles of Zloczow, Bzzezan, Tarnapol, and Zalesczyk; and the frontiers on this side shall be re-established as they existed previous to the date of the said Treaty.

ART. II. His Imperial and Royal Apostolic Majesty shall possess, in full property and sovereignty, the salt-mines of Wieliczka, and the territory belonging to them.

ART. III. The Thalweg of the Vistula shall separate Gallicia from the territory of the free town of Cracow. It shall also form the frontier between Gallacia and that part of the ancient Duchy of Warsaw united to the dominions of his Majesty the Emperor of all the Russias, as far as the environs of the town Of Zawichost.

The land frontier from Zawichost to the Bug shall be determined by the line designated in the Treaty of Vienna of 1809, with such modifications as, by common consent, it may be thought necessary to introduce.

The frontier from the Bug, shall be re-established on this side, between the two empires, such as it was before the said Treaty.

ART. IV. The city of Cracow, as well as the territory designated in the additional Treaty, signed in common by the Courts of Russia, Austria, and Prussia, are declared free and independent.

ART. V. The Duchy of Warsaw, excepting the parts which have been otherwise disposed of, in virtue of the above Articles, and by the Treaty signed the same day between their Majesties the Emperor of Russia and the King of Prussia, is united to the empire of Russia, to which it shall be irrevocably attached by its constitution, and be possessed by his Majesty the Emperor of all the Russias, his heirs and successors, for ever. His Imperial Majesty reserves to himself the right of giving to this State, enjoying a distinct administration, such interior improvement as he shall think proper. He shall add to his other titles that of Czar, King of Poland, agreeably to the form established for the titles attached to his other possessions.

The Poles, subjects, respectively, of the High Contracting Parties, shall obtain a representation, and national institutions regulated conformably to the system of political existence that each of the governments to which they belong shall think it useful and convenient to grant them.

ART. VI. If the inhabitants and landowners of the countries separated in virtue of the present Treaty should wish to settle under another Government, they shall be allowed six years to dispose of their properly, moveable or immovable, of whatever nature it may be, to sell it, to quit the country, and to export the produce thereof in specie, or in any other description of money, without any impediment or drawback whatever.

ART. VII. A complete, general, and special amnesty shall be granted to all individuals, of whatever rank, sex, or condition they may be.

ART. VIII. In consequence of the preceding Article, no individual shall in future be prosecuted or disturbed, in any manner whatever, on account of his direct or indirect participation in the political, civil, or military events that have taken place in Poland at any period. All actions, prosecutions, or suits, shall be considered as at an end; sequestrations and provisional confiscations shall be taken off, and any act proceeding upon such grounds, shall not be followed up.

ART. IX. From these general regulations on the subject of confiscations are excelled all those cases in which edicts or sentences, finally pronounced, have already been fully executed, and have not been annulled by subsequent events.

ART. X. The condition of a subject of both Governments, as far as property is concerned, shall be acknowledged and maintained.

ART. XI. Every individual who possesses property under more than one Government shall be obliged, in the course of a year, dating from the day of the ratification of the present Treaty, to make the declaration of his settled abode, in writing, before the magistrate of the nearest city or town, or before the Commander of the nearest district, or before the nearest civil authority in the country that he may have chosen for his residence. This declaration, which the above Magistrate or other authority is to transmit to the superior authority of the province, renders him, as to his person and family, exclusively the subject of the sovereign in whose states he has fixed his abode.

ART. XII. With respect to minors, or other persons who are under the care of guardians, such guardians shall be obliged to make the necessary declaration at the appointed time.

ART. XIII. If any individual, possessing property under both Governments, shall have neglected, at the end of the prescribed term of a year, to make the declaration of his final abode, he shall be considered as a subject of the Power in whose States he last resided; his silence, in this case, being considered as a tacit declaration to that effect.

ART. XIV. Any individual, possessing property under both Governments, who shall have once made a declaration of his place of abode, shall be allowed, for the period of eight years, dating from the day of the ratification of the present Treaty, to settle under another Government, by making a new declaration, and by producing the permission of the Power, under whose government he wishes to reside.

ART. XV. Any individual, possessing property under both Governments, who has made a declaration of his place of abode, or who is considered as having made it, conformably to the stipulations of Article XII, is not obliged, at any period whatever, to dispose of the possessions he may have in the dominions of a sovereign of whom he is not a subject. He shall enjoy, with respect to this property, all the rights attached to its possession. He shall be free to expend the revenues of these possessions in the country

where he shall have chosen his abode, without sustaining any deduction whatever at the time of their removal. He may sell these possessions, and take the value thereof, without being subject to any drawback.

ART. XVI. The privileges specified in the preceding Article, of removing property without diminution, shall extend only to the effects of which such individuals may be possessed at the time of the ratification of the present Treaty.

ART. XVII. The same privileges are, however, attached to every acquisition made under either Government, by reason of inheritance, marriage, or gift of property, which, at the date of the ratification of the present Treaty, belonged lastly to a proprietor under both Governments.

ART. XVIII. Should any individual, having property under one of the two Governments only, whether by inheritance, legacy, gift, or marriage, become possessed of property under the other Government, he shall be considered as a proprietor under both Governments, and, as such, obliged to make, within the prescribed time, the declaration of his fixed abode. This term of a year shall date from the day on which he shall have produced the legal proof of his acquisition.

ART. XIX. An individual possessing property under both Governments, or his agent, shall be allowed at all times to pass from one of his possessions to the other; for which purpose it is the pleasure of the two Courts that the Governor of the nearest province shall give the necessary passports, on the application of the parties. These passports shall be deemed a sufficient protection, from «ne Government to the other, and shall be equally respected on both sides.

ART. XX. Possessors having estates divided by the frontier shall be treated, in respect to those possessions, according to the most liberal principles.

Individuals whose property is thus circumstanced, their servants and tenants, shall have the privilege of passing and repassing from one part of the possession, so divided by the frontier, to the other, with their implements of husbandry, their cattle, tools, &c. the difference of sovereignty being no impediment thereto. They may also remove, from one place to the other, theirs crops, all articles of growth, their cattle, and every article of manufacture, without passports, molestation, rent or impost whatever.

This privilege is, however, limited to articles the produce of the soil, or of industry, in the territory thus divided by the line of demarcation. It

likewise extends to such lands only as belong to the same person, in the fixed distance of one mile (fifteen to the degree) on both sides, and which may have been divided by the line of frontier.

ART. XXI. The shepherds and drovers, subjects of both Powers, shall continue to enjoy the rights, immunities, and privileges, which have hitherto been granted to them; and no obstacle shall prevent the daily intercourse on the frontiers between the neighbouring people. (In German, *Gränzverkehr*).

ART. XXII. The Domiciliary Court shall also decide the differences between individuals which are brought forward by the Governor of these territories. But the Court of the territory, in which the property in litigation is situated, shall cause the sentence to be put into execution. This arrangement shall be in force for the term of ten years, at the end of which the two High Courts reserve to themselves the right of making any other regulation that may be necessary.

ART. XXIII. The sovereignty of the mills, manufactories, or foundaries established in the course of a river forming the frontier, shall be exercised by the Sovereign in whose territory the village or place is situated, to which these establishments belong.

Should they constitute private property, the commission charged with the demarcation of the land frontiers, shall determine, according to the principles of equity and their local situation, what shall be proper with respect to the sovereignty.

It is understood that new establishments of this description shall not be formed without the consent of the governments of the respective states, bordering on the river.

ART. XXIV. The navigation of all the rivers and canals throughout the whole extent of the ancient kingdom of Poland, (as it existed before the year 1773) to their mouths, as well in ascending as in descending, shall be free, so as not to be interdicted to any inhabitant of the Polish provinces, subject to other the Russian or Austrian government.

The same liberty of passage and navigation is reciprocally permitted upon the streams or rivers which, not being navigable at present, may become so in future, as well as upon canals which may hereafter be cut.

The same principles shall be adopted in favour of the above-mentioned subjects, in regard to their frequenting ports at which they may arrive by the navigation of the said rivers and canals.

ART. XXV. The tonnage and towage duties shall be alike on both rivers; the watermen shall nevertheless be obliged to conform to the regulations of the existing Police with regard to the mode of internal navigation.

ART. XXVI. In order to secure still further this liberty of navigation, and to remove every obstacle for the future, the two High Contracting Parties have agreed to establish only one kind of duty on shipping, proportioned to the burthen or tonnage of the vessel, or its lading. Commissioners shall be named on both sides to regulate the duty, which shall be at a moderate rate, and be solely applied to maintaining the rivers and canals in question, in a navigable state. This duty, once approved of by the two Courts, shall be changed only by common consent.

The same rule shall be observed with regard to, the Boards which shall regulate the collection of the said duty.

If, however, either of the two Contracting Powers should, at His own expense, establish a new canal, the subjects of his Majesty the Emperor of all the Russias shall never be subjected to higher duties on navigation than those of his Majesty the Emperor of Austria. In this respect each party shall be considered on a perfect equality.

ART. XXVII. The Commissioners who shall be charged with the arrangements determined in the above Articles, shall be named without delay. Their labours shall be finished, examined, and approved, within six months at the latest, dating from the day of the ratification of the present Treaty.

ART. XXVIII. The two High Contracting Parties, with the view of giving greater scope to the commercial relations, especially between Brody and Odessa, and *vice versa*, have agreed to grant the most perfect liberty in favour of the transit of merchandize, throughout all parts of ancient Poland. The duties to be collected on this account shall be as moderate as possible, and such as are levied on the merchants, or subjects of the most favoured nations.

ART. XXIX. With the view also of encouraging the import and export trade between the said provinces which constituted the ancient kingdom of Poland, it has been mutually agreed that the two Courts shall name Commissioners, who are to be charged with examining the regulations and tariffs now in force, to present plans, tending to regulate whatever is relative

to this commerce, and especially to prevent all kinds of abuse, or undue interference on the part of the customs.

ART. XXX. His Imperial and Royal Apostolic Majesty having issued from his general fund of state debts, (universal Stadts Schuldencassa) bonds for a sum equal to the quota of the old debts of the King and the Republic of Poland, with which he had been burthened, in consequence of the Convention of the 15th (26th) January 1797, and as these bonds are henceforth to remain at his charge, with all the arrears of, and present interest; it is agreed between the High Contracting Parties, that the government of the duchy of Warsaw, under the guarantee of his Majesty the Emperor of all the Russias, shall be bound, on this account, to make good to the Court of Vienna, by way of a settlement in full, the sum of four millions of Polish florins.

ART. XXXI. On the other hand, his Imperial and Royal Apostolic Majesty fully renounces every other pretension relative to loans and debts, of whatsoever nature they may be, which have been, or which might be either assigned to, mortgaged upon, or registered against the ceded territory.

ART. XXXII. The four millions of Polish florins, stipulated in Article 30, as a settlement in full on the part of the government of the duchy of Warsaw, shall be paid by that government to the Austrian Imperial treasury, in specie, and in eight equal annual instalments of 500,000 Polish florins each; the first of these annual payments shall become due the 12th (24th) June 1816, and the last on the same day in 1824. Having, however, taken into consideration the actual state of affairs, and the new exertions which circumstances may require, the High Contracting Parties have agreed, that if peace is not re-established at the precise time of the first payment becoming due, such first payment is to be deferred, and consequently the others progressively, so that the first payment shall take place six months after the ratification of the definitive Treaty of Peace.

ART. XXXIII. With respect to the new debts, which bear date since the erection of the duchy of Warsaw, his Imperial and Royal Apostolic Majesty undertakes to provide for them, in the proportion of one ninth part; it being understood that the Court of Vienna shall participate in the interest resulting from their liquidation, in the same proportion.

ART. XXXIV. Immediately after the signature of the present Treaty, a Commission shall be named, which shall assemble at Warsaw. It shall be

composed of a proper number of commissioners and assistants: its object shall be;

1. To prepare an exact balance of what is due by foreign governments.

2. To regulate, reciprocally, between the Contracting Parties, the accounts of their respective claims.

3. To settle the claims of subjects against their governments. In short, to adjust whatever relates to subjects of this nature.

ART. XXXV. As soon as the Commission mentioned in the preceding Article shall have entered upon its duties, it shall appoint a committee, for the purpose of proceeding immediately to the necessary arrangement for the restitution of all securities, whether consisting of money, or of deeds and documents', which the subjects of one of the Contracting Parties may have given, and which may be found in the states of the other. The same rule shall be observed in all judiciary depôts which may have been transferred from one province to the other. They shall be restored to the jurisdictions of the governments to which they belong.

ART. XXXVI. All documents, plans, maps or deeds whatever, which may be found in the archives of either of the Contracting Parties, shall be mutually restored to the power whose territory they concern.

If a document of this kind be of common interest, the party who is in possession of it shall keep it, but a certified and legalized copy shall be given to the other.

ART. XXXVII. The acts of administration shall be separated: each of the Contracting Parties shall receive the part which concerns his states. The same rule shall be observed with regard to mortgage books and deeds. In the case provided for in the preceding Article, a legalized copy shall be given.

ART. XXXVIII. A military and civil Commission shall be immediately appointed, to construct an exact map of the new frontier, annexing the topographical description thereto, to place the boundary posts, and describe the angles of its situation, so that in no case the least doubt, dispute or difficulty may arise, if, in the course of time, it should be wished to replace a boundary mark, destroyed by any accident.

ART. XXXIX. It is agreed between the two High Contracting Parties, that the contract for the purchase of 500,000 quintals of salt, shall be

mutually binding, for the term of five years; at the end of which period it may be renewed, on the conditions which shall then be agreed upon.

ART. XL. Immediately after the ratification of the present Treaty, the necessary orders shall be sent to the commanders of troops, and the competent authorities, for the evacuation of the provinces which are restored to his Majesty the Emperor of Austria, and for the restitution of the country, to Commissioners, who shall be appointed for this purpose; and this evacuation shall be effected so that it may be completed in six weeks, dating from the day of the exchange of the ratifications of the present Treaty.

ART. XLI. The present Treaty shall be ratified, and the ratifications exchanged in six days.

In faith of which the respective Plenipotentiaries have signed it, and have affixed thereunto the seals of their arms.

Done at Vienna the 21st April, (3d May) 1815.

TREATY BETWEEN RUSSIA AND PRUSSIA OF THE 21ST APRIL (3D MAY) 1815

His Majesty the Emperor of all the Russias, and his Majesty the King of Prussia, animated with the desire of cementing more closely the ties of friendship which have united their arms and their subjects in a difficult and sanguinary war, the sacred object of which was to restore peace to Europe and tranquillity to nations, have judged it expedient, in order to fulfil their immediate engagements, and to put an end to all uncertainties, to fix definitively, by a solemn treaty, every thing which concerns the arrangements relative to the duchy of Warsaw; as well as to settle the state of affairs resulting therefrom, by combined negotiations, founded upon the principles of a just balance of power and division of forces, discussed and agreed upon at the Congress of Vienna.—The national spirit, the advantages of commerce, the arrangements which may restore stability to the administration, regularity in the finances, public and individual prosperity in the provinces recently obtained, have all been taken into consideration, and their Imperial and Royal Majesties, in order to complete this salutary work, to settle and fix definitively the limits of their states, to agree on all the stipulations which can insure their happiness, have named for their Plenipotentiaries, viz.:

His Majesty the Emperor of all the Russias, the Sieur Andrew, Count de Rasoumoffsky, his Privy Counsellor, Knight of the Orders of St. Andrew, and of St. Alexander Newsky, Grand Cross of the Order of St. Wolodimir, and his First Plenipotentiary at the Congress; and

his Majesty the King of Prussia, the Prince Hardenberg, his Chancellor of State, Knight of the Grand Orders of the Black Eagle and of the Red Eagle, of St. John of Jerusalem, and of the Iron Cross of Prussia, of the Orders of St. Andrew, St. Alexander Newsky, and of St. Ann of the first class of Russia, Grand Cross of the Royal Order of St. Stephen of Hungary, Grand Eagle of the Legion of Honour, Knight of the Order of St. Charles of Spain, of the Supreme Order of the Annunciation, of the Seraphim of Sweden, of the Order of the Elephant of Denmark, of the Golden Eagle of Wurtemberg, and of several others, his First Plenipotentiary at the Congress;

Who, after having exchanged their full powers, and found them in good and due form, have agreed on the following Articles:

these Articles having been negotiated in common with the Treaties between Russia, Austria, and Prussia respectively, are inserted in all their form and tenor, excepting the modifications which are contained in that concluded with his Imperial and Royal Apostolic Majesty, occasioned by the particular state of affairs.

ART. I. The part of the duchy of Warsaw which his Majesty the King of Prussia is to possess, in full sovereignty and property, for himself and his successors, under the title of Grand Duchy of Posen, shall be comprised within the following line of demarcation:

Commencing from the frontier of Eastern Prussia, at the village of Neuhoff, the new limit shall follow the frontier of Western Prussia, as it has existed from 1772 to the Peace of Tilsit, as far as the village of Leibitsch, which shall belong to the duchy of Warsaw; from thence a line shall be drawn, which, leaving Kompania, Grabowiec, and Szczytno, to Prussia, passes the Vistula near the latter place, on the other side of the river, which falls, opposite Szczytno, into the Vistula, as far as the ancient limit of the district of the Netze, near Gros-Opoczko, in such a manner that Sluzewo shall belong to the duchy, and Przybranowa, Hollander, and Maciejewo, to Prussia. From Gros-Opoczko it shall pass through Chlewiska, which shall remain to Prussia, to the village of Przybyslaw, and from thence by the vil-

lages of Piaski, Chelnice, Witowicki, Kobylinka, Woyczyr, Orchowo, as far as the town of Powidz.

From Powidz it shall continue through the town of Slupse, to the point at which the rivers Wartha and Prosna join.

From this point it ascends the river Prosna as far as the village of Koscielnawies, a league from the town of Kalisch.

Thence, leaving to this town, (on the left bank of the Prosna) a territory describing a semi-circle, measured according to the distance between Koscielnawies and Kalisch, it rejoins the course of the Prosna, and continues to follow it, ascending by the cities Grabow, Wieruszow, Boleslawiec, and ending near the village of Gola, at the frontier of Silesia, opposite Pitachin.

ART. II. The city of Cracow is declared free and independent, as well as the territory designated in the additional Treaty, signed in common by the courts of Russia, Austria, and Prussia.

ART. III. The duchy of Warsaw, with the exception of the free city of Cracow and its territory, as well as of that line on the right bank of the Vistula which is restored to his Majesty the Emperor of Austria, and, excepting also the provinces which have otherwise been disposed of, in conformity to the Articles abovementioned, is united to the empire of Russia, to which it shall be irrevocably attached by its constitution, to be possessed by his Majesty the Emperor of all the Russias, his heirs and successors, in perpetuity. His Imperial Majesty reserves to himself the right of giving to this state, enjoying a distinct administration, the internal modification which he shall judge proper. He shall assume, in addition to his other titles, that of Czar, King of Poland, agreeably to the form established for the titles attached to his other possessions.

The Poles, subjects respectively of the High Contracting Powers, shall obtain institutions by which the preservation of their nationality may be insured, according to the degree of political existence which each of the governments to which they belong, shall judge proper to allow them.

ART. IV. If the inhabitants and landed proprietors of the countries which have been separated in consequence of the present Treaty, wish to settle under another government, they shall be at liberty, during six years, to dispose of their (property, moveable or immoveable, of whatever nature it may be, to sell it, to quit the country, and to remove the produce thereof,

either in specie, or other description of money, without any impediment or deduction whatever.

ART. V. A complete, general, and special amnesty shall be granted to all individuals, of whatever rank, sex, or condition they may be.

ART. VI. In consequence of the preceding Article, no person shall in future be molested or disturbed, in any manner, on account of any part he may have taken, either directly or indirectly, and at any period, in the political, civil, or military events in Poland. All processes, proceedings, or prosecutions, shall be regarded as null. Sequestrations or provisional confiscations shall be taken off, and any act proceeding from similar causes, shall be of no effect.

ART. VII. From these general regulations respecting confiscations, all cases are excepted in which edicts or sentences, finally pronounced, shall have been carried into complete execution, and have not been annulled by subsequent events.

ART. VIII. The quality of a subject, of the two governments, with regard to property, shall be acknowledged and confirmed.

ART. IX. Every individual, possessing property under more than one government, is required, in the course of a year, dating from the day of the ratification of the present Treaty, to declare, in writing, before the magistrate of the nearest town, or the commander of the nearest district, or before the nearest civil authority in the country which he has chosen to reside in, the place while he shall have fixed upon for his settled abode. This declaration, which the above magistrate or other authority shall transmit to the superior authority of the province, renders him, as to his person and his family, exclusively the subject of the sovereign in whose states he has fixed his said residence.

ART. X. With regard to minors and other persons under the care of guardians, such guardians shall be compelled to make the necessary declaration at the time prescribed.

ART. XI. If an individual, possessing property under both governments, shall have neglected, at the expiration of the said term of one year, to make the declaration of his fixed abode, he shall be considered as being the subject of the power, in whose states he last resided; his silence, in this case, being considered a tacit declaration.

ART. XII. Every individual possessing property under both governments, having once declared his place of abode, shall nevertheless retain,

during the term of eight years, dating from the day of the ratification of the present Treaty, the liberty of settling under another government, upon making a new declaration of his abode, and upon producing the permission of the power, under whose government he wishes to settle.

ART. XIII. Any individual possessing property, and circumstanced as above, who has made his declaration of abode, or who is considered as having made it, conformably to the stipulations of the 11th Article, is not obliged to sell, at any period whatever, the property which he may possess in the states of a sovereign of whom he is not a subject. He shall enjoy, with regard to this property, all the rights which attach to possession. He shall be allowed to expend the revenues thereof in the country where he has chosen his residence, without being subject to any drawback at the time of exportation, and he may dispose of the said possessions, and remove the value thereof, without any impediment whatever.

ART. XIV. The privileges mentioned in the preceding Article extend solely to the property which such individual may possess at the time of the ratification of the present Treaty.

ART. XV. The same privileges are, however, attached to every acquisition made under either government by reason of inheritance, marriage, or gift of an estate, which at the date of the ratification of the present Treaty shall finally belong to a possessor under both governments.

ART. XVI. Should any individual, previously possessing property under one government only, become entitled, by inheritance, legacy, gift, or marriage, to any property under the other government, he shall be considered as a possessor under both governments, and shall be required to declare his place of abode in the prescribed term of a year. This term shall be dated from the day on which he shall have produced the legal proofs of his new acquisition.

ART. XVII. Any individual, possessing property under both governments, or his agent, shall be at liberty, at all times, to proceed from one of his possessions to the other; and it is the pleasure of the two Courts, that the Governor of the nearest province shall grant the necessary passports for this purpose, on application of the parties. These passports shall be deemed sufficient authority for passing from one government to the other, and shall be mutually respected.

ART. XVIII. Possessors whose estates are divided by the frontier, shall be treated, in regard to such possessions, on the most liberal principles.

Possessors under both governments, their servants and tenants, shall have the liberty of passing and repassing, with their implements of husbandry, their cattle, utensils, &c. from one part of the estate, thus separated by the frontier, to the other, the difference of sovereignty being no impediment thereto; as well as of removing, from one place to the other, their harvests, all productions of the soil, their cattle, and all 'manufactured articles, without passports, molestation, rent or impost, or duty whatever.

This favour, however, shall be limited to articles of growth or of industry, in the territory thus separated by the line of demarcation. It shall likewise extend to such lands only as belong to the same individual, in the defined distance of a mile (15 to a degree) on each side of the frontier line.

ART. XIX. The shepherds and drovers, subjects of both Powers, shall continue to enjoy the rights, immunities, and privileges, which were formerly granted to them; nor shall any obstacle be thrown in the way of the daily communications between the inhabitants of the borders. (In German, *Gransverkehr*).

ART. XX. The Domiciliary Court shall likewise decide differences, which may arise between any individual and the Governor of those territories, but it is the Chief Court of the territory, wherein the property in litigation is situated, which shall cause the sentence, emanating from the former Court, to be put in execution. This regulation shall be in force for the term of ten years, at the expiration of which, the two High Powers reserve to themselves the right of making any other regulation that may be necessary.

ART. XXI. The sovereignty of mills, manufactories, or foundaries, established upon a river constituting the frontier line, shall be exercised by the sovereign of the territory in which the village or place shall be situated, to which such establishment may belong.

In the event of their constituting private property, the Commissioners who shall be charged with the demarcation of the line of frontier, shall determine, according to locality and the principles of equity, what shall be proper, as to the sovereignty.

It is expressly understood, that new establishments of this description shall not be formed without the mutual consent of the governments of the respective states bordering on the rivers.

ART. XXII. The navigation of all rivers and canals, in all parts of ancient Poland (as it existed in the year 1772) along their whole extent, as far as their mouths, as well in going up as in coming down, whether those rivers be navigable at present, or become so in future, as well as canals which may be hereafter cut, shall be free, so as not to be interdicted to any inhabitant of the Polish provinces under the Russian and Prussian governments.

The same principles established in favour of the subjects of the two High Powers, shall apply to the trade they carry on; it being understood that they refer to those parts only, at which they may arrive by the said streams, rivers, and canals, or by the Haff, in order to enter the port of Königsberg.

ART. XXIII. The tonnage and towage duties on the banks of streams, rivers, and canals, shall be levied equally on the subjects of the two Powers. Boatmen shall nevertheless conform to the regulations of the Police, with regard to the interior navigation.

ART. XXIV. In order to secure, still further, the freedom of navigation, and to remove every obstacle thereto for the future, the two High Contracting Parties agree to establish only one kind of duty on navigation, levied according to the burthen, the tonnage, or the lading of the vessel.

Commissioners shall be respectively appointed to regulate this duty, which shall be levied at a very moderate rate, to be applied solely to the keeping the rivers and canals in a navigable state. This duty, once approved by the two Courts, cannot again be altered but by common consent. The same rule shall be observed with regard to the Boards which are to settle the collection of those duties.

The rate thus established, shall be collected on the territory of each of the two Contracting Powers, on their respective account. If, however, either of the two Contracting Powers should cut, at their own expense, a new canal, the subjects of his Prussian Majesty shall never be liable to higher duties on navigation, than those of his Majesty the Emperor of all the Russias In this respect, both the parties shall be placed upon a perfect equality.

ART XXV. In consequence of the principle laid down in the preceding Article, all oppressive duties of *entrepôt*, of staple, of breaking bulk, and others of a like nature, which may have been injurious to the free navigation of the said rivers and canals, shall be for ever abolished throughout their whole extent.

ART. XXVI. With regard to the rights and privileges of certain towns and ports, which might affect the rights of property, and which would consequently be contrary to the principles reciprocally adopted, it has been agreed that they shall be examined by a Board of Commissioners, appointed by the two Courts, to determine which shall be abolished, and to give that freedom and activity to commerce which is necessary to its prosperity.

The Commissioners for this purpose, shall be nominated forthwith, and their operations shall be completed and approved six months, at latest, after the date of the ratification of the present Treaty.

ART. XXVII. Each Power shall be at liberty to accredit to the other consuls, or commercial agents, on condition, however, that they shall be recognised according to the usual forms.

ART. XXVIII. In order to promote agriculture as much as possible in all parts of ancient Poland, to encourage the industry of its inhabitants and to insure their prosperity, the two High Contracting Parties have agreed, that their paternal and beneficent views, in this respect, may be clearly understood, that the most unlimited circulation, for the future and for ever, of all articles of growth and industry, shall be permitted throughout their Polish provinces (as it existed in 1772). The Commissioners appointed to make the arrangements, conformable to the stipulations of the 26th Article, shall likewise determine, in the prescribed term of six months, the tariff of duties on the import and export of all articles of produce and manufacture, in the above-mentioned provinces. This duty shall not exceed 10 per cent, which is to be levied on the value of the merchandize, at the place of its departure. If the two Courts should think proper, respectively, to establish a duty on the importation of grain, it shall be fixed at the most moderate rate by the said Commissioners, according to the instructions which shall be given them. In order to prevent foreigners profiting by the arrangements made in favour of the provinces above mentioned, it is determined, that all articles, the produce thereof, which shall pass from one territory to the other, shall be accompanied with the certificate of origin, without which, they shall not be allowed to enter. In case the consul should be at too great a distance to grant one, that of the Magistrate of the place shall be sufficient.

ART. XXIX. The transit of merchandize shall be perfectly free in all parts of ancient Poland, and shall be subject to the most moderate duties. The Commission, mentioned in the 26th and 28th Articles, shall determine

the mode by which the value shall be ascertained, and shall consider of the most certain means of preventing all delay in passing the Custom-houses, or any kind of impediment whatever.

ART. XXX. The stipulations agreed upon in the above-mentioned Articles, relative to commerce and navigation, shall not be partially applied: consequently, up to the period (which shall not exceed six months) in which the above-mentioned Commission shall have completed their labours, the navigation shall continue on the same footing as latterly. With regard to the import trade, each government shall adopt, during the interval, such measures as may be judged most expedient.

ART. XXXI. The particular attention of the two High Courts has been directed towards the regulations concerning debts, and the fixing of the proportions which each of the Contracting Powers shall bear in a transaction on which depend the interest of individuals, the regularity of the finance, and the execution of treaties. It has therefore been resolved to proceed with that precision which such arrangements require; and to distinguish them; viz. into old debts, those of King Stanislaus Augustus, and of the former Republic; and, into new ones, those of the Duchy of Warsaw.

ART. XXXII. With regard to the first class, all such debts as are to be liquidated by Prussia, in virtue of the Treaty of 1797, having been converted into bonds of the Maritime Society, known by the name of Recognizances, and his Majesty being willing to become responsible for the total amount of those bonds, with their interest, the security which the Duchy of Warsaw (under the guarantee of the Emperor of all the Russias) is to afford to Prussia with regard to the principal, has been regulated, as well with respect to capital as interest, in the Table A. It has been determined, in consequence, that the regulations contained in that table should be considered as having the same validity as if they had been inserted, word for word, in the present Article. The table has, for this reason, been signed separately and the sum total which thereby accrues to Prussia, shall be reimbursed to that Power in eight equal annual Payments, with an interest at the rate of 4 per cent, it being understood, that the instalments shall be regulated in such manner, that no compound interest shall be paid. The first payment shall be made 12th (24th) June 1816. The High Contracting Powers having, however, taken into consideration the actual state of affairs, and the new efforts which the circumstances may require, have agreed, that if peace be not re-established at the above-mentioned period, the first payment is to be de-

ferred) and the others progressively, according to the rule laid down, until the time when the troops of the respective Powers shall have returned to their homes.

ART. XXXIII. The Duchy of Warsaw shall be at liberty to reimburse Prussia, for the capital and Interest, as settled in the aforesaid table, either in bonds of the Maritime Society, called Recognizances, in such bills as may supply the place of these Recognizances, or in specie; and, in the latter case, His Prussian Majesty consents to a discount of 10 per cent. This discount, however, is not to be taken on payment of the current interest, which may nevertheless be discharged in paper currency, (*Coupons courants*).

ART. XXXIV. With respect to the new debts of the Duchy of Warsaw, His Prussian Majesty undertakes to provide for them in the proportion of three tenths; it being understood that the Court of Prussia shall participate in the interest which may accrue on their liquidation, in the same proportion.

ART. XXXV. The quota which his Majesty the Emperor of all the Russias engages to provide for the old debts of the Duchy of Warsaw, being specified in the table B, the regulations contained therein shall be considered as having the same validity as if they were inserted in the present Article, and the Russian Imperial Treasury shall pay, without delay, to the Prussian government, the amount which shall appear in this table, in the same order, by the same instalments, and bearing the same interest, as is stipulated and agreed upon for the reimbursements to be made from the treasury of the Duchy of Warsaw, under the guarantee of His Imperial Majesty; so that the said Duchy shall not be charged, on the part of Prussia, with a water sum than eighteen millions, five hundred and seventy-three thousand, nine hundred and fifty-two, and twenty-one thirtieths, Polish florins.

ART. XXXVI. Immediately after the signature of the present Treaty, a Commission shall be named, which shall assemble at Warsaw. It shall be composed of a proper number of Commissioners and clerks: its object shall be:

1. To prepare an exact balance of what is due by foreign governments.
2. To regulate reciprocally between the Contacting Parties the demands arising from their respective claims.

3. To settle the claims of subjects upon their governments. In fine, to adjust whatever relates to subjects of this nature.

ART: XXXVII. As soon as the Commission mentioned in the preceding Article shall have assembled it shall name a Committee, for the purpose of proceeding Immediately to the necessary arrangements for the restitution of all securities, whether consisting of money, or in deeds and documents, which the subjects of one of the Contracting Parties may have given, and which may be in the states of the other. The same rule shall be observed in all law or other offices, which may have been transferred from one province to the other. They shall be restored to the jurisdiction of the governments to which they belong.

ART. XXXVIII. All documents, plans, maps, or deeds whatever, which may be found in the archives of either of the Contracting Parties, shall be mutually restored to the Power whose territory they concern:

If a document of this kind be of a common interest, the party who is in possession of it shall keep it, but a certified and legalised copy thereof shall be given to the other.

ART. XXXIX. Acts of the administration shall be separated. Each of the Contracting Parties shall receive the part which concerns His states.

The same rule shall be observed with regard to books and deeds concerning mortgages. In the case provided for in the above Article, a legalised copy shall be given.

ART. XL. If the restitution of the different kinds of depots which, during the war of 1806, were placed in security at Konigsberg by Prussian officers, has not yet been effected, it shall take place forthwith, according to the principles established by the Convention of the 10th of September 1810,^[14] and conformably to what has been settled in the conferences of the respective Commissioners who have discussed this subject at Warsaw.

ART. XLI. A military and civil Commission shall be immediately appointed, to construct an exact map of the new frontier, annexing the topographical description thereto, to place the boundary posts, and describe the angles of its situation, so that in no case the least doubt, dispute, or difficulty may arise, if, in the course of time, the replacing of a boundary mark, destroyed by any accident, should be disputed.

ART. XLII. Immediately after the ratification of the present Treaty, the necessary orders shall be sent to the commanders of troops in the Duchy of Warsaw, as well as to the competent authorities, for the evacua-

tion of the provinces which are restored to his Prussian Majesty, and for the restitution of the country to the Commissioners who shall be appointed for that purpose. And the evacuation shall take place so as to be completed in twenty-one days.

ART. XLIII. The present Treaty shall be skill ratified, and the ratifications shall be exchanged in six days. In faith of which the respective Plenipotentiaries have signed the same, and have affixed thereunto the seals of their arms.

Done at Vienna, the 31st April, (3rd May), 1815.

**ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС ПО РАССКАЗАМ
ГРАФИНИ Э. ФОН БЕРН-СТОРФ
(Извлечение)**

29 сентября 1814 года Вена осветилась блестящей иллюминацией: император Франц встречал своих высоких гостей – русского государя и прусского короля. Они вступили в город втроем, верхами. Впереди их шла мадьярская гвардия, под командой князя Эстергази, который явился в блестящем магнатском наряде, с жемчужными пуговицами на сапогах и брильянтами на шапке. По прибытии императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма в Вену, приехали и другие влиятельные особы и множество дипломатов; таким образом, к началу октября весь состав конгресса был налицо.

Государь, на коем было сосредоточено всеобщее внимание, около которого сплетались и развязывались всевозможные интриги, был, конечно, император Александр. Историки Венского конгресса любят распространяться об его чарующей любезности – качество, которым он действительно обладал и которое охотно признавал в себе.

Церемониальная часть конгресса лежала, разумеется, на австрийском дворе, и главным образом на важнейшем его представителе – князе Меттернихе. Переговоры, ради которых конгресс был собран, сперва продвигались очень медленно, и чтобы скрыть их вялый ход, нужно было занять общество обилием увеселений. Меттерниху приходилось устраивать частые празднества, при чем он еще должен был заботиться об их разнообразии.

В начале конгресса увеселения служили для прикрытия вялости переговоров; позже ими стали пользоваться, чтобы скрывать интриги, грозившие развиться до полной ссоры между совещающимися державами. Как бы то ни было, в самый разгар всяких празднеств, в ночь с 6-го на 7-е марта 1815 года, в Вену пришло известие о высадке Наполеона на французский берег. У императора Александра лицо стало жёлтым, как лимон, и даже Тайлеран казался встревоженными беспрестанно повторял, что Наполеону надо устроить облаву, как бешеной собаке. Дальнейшие известия об успехах Наполеона только усилили панику; однако, они имели и свою хорошую сторону: в виду новой опасности, перессорившиеся между собою члены конгресса должны были по неволе помириться.

А. Дебидур
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ. СВЯЩЕННЫЙ
СОЮЗ ОТ БЕРЛИНСКОГО ДО ВЕНСКОГО КОНГРЕССА.
1814 – 1878
(Извлечение)

Для ясного понимания дипломатических осложнений, возникших на Венском конгрессе, нужно прежде всего дать себе точный отчёт относительно тех интересов, которые пришлось защищать на конгрессе каждому из союзных государств.

Англия намеревалась прежде всего упрочить и расширить морское и торговое своё превосходство. Недавние завоевания удвоили размеры её колониальной империи. Но собственные её колонии всё же не составляли достаточно большого рынка для сбыта продукции её промышленности.

Поэтому обширные владения за морем, ещё остававшиеся во власти некоторых государств, представляли для Англии ценные рынки, которые она стремилась захватить; этим объясняется происхождение обременительных трактатов, которые она навязала или намеревалась навязать Португалии и Испании; нет другого объяснения также и для тайных английских происков в колониях этих двух королевств, из коих одни были уже в состоянии открытого восстания, а другие должны были не сегодня-завтра восстать; эмансипация этих колоний

должна была представить большие выгоды для Англии. Отменив в своих владениях торговлю неграми уже с 1807 г., она отчасти из филантропии, но главным образом из эгоистических побуждений желала проведения этой реформы повсюду, чтобы предохранить некоторые свои колонии от опасной конкуренции. Поэтому она собиралась упорно отстаивать теперь в Вене, как прежде в Париже, требования, осуществление которых сулило ей и выгоду и славу. Но самое верное средство сохранить за собой то важное положение в мире, которым она обладала, заключалось, по её мнению, в том, чтобы сдерживать и нейтрализовать оппозицию Франции и России. Первая из этих двух держав внушала ей сильное опасение своим флотом и торговлей; вторая, имея постоянные виды на Константинополь, угрожала вытеснить её на Востоке. Чтобы держать в руках и ту и другую, британское правительство, коротко говоря, желало следующего: Нидерландское королевство, созданное нарочно для того, чтобы стеснить Францию и нанести ей экономический ущерб должно расширить свои владения за Маасом до Рейна и даже дальше, если возможно. А предполагавшийся тогда брак наследного голландского принца с единственной дочерью принца-регента 3 должен был ещё более укрепить и без того очень тесные связи, соединявшие Голландию с Великобританией. С другой стороны, Нидерланды должны были сблизиться в Германии с Ганновером родовым владением английских королей; Ганновер же должен был сделаться королевством и получить значительные земельные приращения. Что касается Пруссии, то вместо рейнских земель, которые она желала получить из которых ей будет дана лишь незначительная часть, - ей должно быть предоставлено всё Саксонское королевство, которого она добивалась больше всего; король же Саксонии, находившийся в плену со времени Лейпцигского сражения, будет низложен за то, что слишком долго оставался верным Наполеону. Взамен этого огромного подарка Англия не потребует от берлинского двора никакой жертвы. Напротив, Пруссия получит обратно все части старой Польши, которые она когда-то присвоила. Ибо если следует стеснить Францию на западе, то столь же необходимо сдержать на востоке и Россию, так как русский император задумал восстановить исключительно к своей выгоде-королевство Польское. По тем же соображениям Австрия вернёт себе всё то, что она прежде отняла у этой несчастной страны. Таким образом, Россия будет оттеснена за

Вислу. Германия не будет объединена (это сделало бы её слишком опасной), а будет поставлена под коллективный контроль Австрии и Пруссии, между которыми установится тесная солидарность, Наконец, Австрия будет иметь довольно сильное влияние в Италии; не настолько сильное, чтобы господствовать там безраздельно (Англия этого совсем не хотела), а именно такое, чтобы составить там противовес Франции. Таким образом, вся Центральная Европа, образуя группу связанных между собой государств, будет своим взаимным сцеплением и сопротивлением поддерживать то равновесие, о котором мечтало британское министерство.

Из всех великих держав Австрия теснее других была повязана своими интересами с Англией. Венский двор подобно лондонскому стремился к тому, чтобы не дать Франции и России выйти за их пределы. Первому из этих государств Австрия собиралась противопоставить Нидерланды, а затем организованную на федеративных началах Германию, мелкие князья которой, обладая землями на Рейне, имели бы особый интерес следить за Францией. Швейцария будет сделана нейтральной. Это можно будет сделать под видом поддержки, оказываемой политике Франции. Что касается Италии, то господство над нею будет осуществляться через посредство Милана, Венеции, Модены, Пармы, Флоренции и Неаполя, причём по возможности не будет допущено восстановление там французского влияния. На востоке предполагалось дать отпор панславизму и для этого воспрепятствовать восстановлению Польши под властью царя; постоянно бдительностью надеялись, вероятно, уберечь от посягательств России Дунай. До сих пор нет особенно заметного несогласия между Лоном и Веней. Но по вопросу о Пруссии политика Меттерниха не могла вполне совпадать с политикой Кэстльри. Если Австрия не хотела видеть русских в Кракове, то тем более не хотела она видеть и пруссаков в Дрездене. Саксония под властью Фридриха-Вильгельма казалась ей нарушением германского равновесия: богемские ущелья и дорога к Вене становились в этом случае открытыми для самых опасных и закоренелых врагов Габсбургов. Кроме того, такое поглощение второстепенного государства могло повлечь за собой ещё и другие подобные действия со стороны державы, которая давно уже стремилась к господству в Германии и не стеснялась в отношении аннексий. Не лучше ли будет, если Пруссия, получив обратно свою часть Польши и

оставив в покое Саксонию, расширит свои владения на Рейне? Этим путём она окажется в соприкосновении и, следовательно, в антагонизме с Францией. А это будет явно выгодно для Австрии, которая отвлечёт в сторону Франции внимание и силы своей соперницы. Впрочем, Меттерних не думал предоставить Пруссии безраздельную гегемонию в Западной Германии. По его мысли, Пруссия не должна была переходить за Майн. В Южной же Германии предполагалось образовать в противовес Пруссии государство, которое, так же как и Пруссия, было бы вооружено против Франции вместе с тем обладало бы достаточной силой, чтобы в случае надобности помешать Пруссии подчинить себе конфедерацию. Указанным государством должна была стать Бавария, которая, возвратив Австрии всё то, что отняла у неё во времена Наполеона, получила бы на обоих берегах Рейна, от Нижней Франконии до границ Лотарингии, обширную, богатую и непрерывно простирающуюся территорию; таким образом, она оказывала бы давление на Вюртемберг и великое герцогство Баденское, со всех сторон окружённые её владениями, и установила бы контроль над Рейном, держа гарнизон в сильной Майнцской крепости. Что же касается руководства германской федерацией, то, разумеется, Австрия не собиралась делить его с Пруссией. Она нисколько не помышляла о восстановлении в свою пользу прежнего императорского достоинства, давно ставшего пустым титулом; она хорошо сознавала, что теперь объединение Германии могло осуществиться только к выгоде её соперницы. Поэтому тайным её желанием даже тогда, когда она утверждала противное, было создание как можно более слабой федеральной власти. Ибо чем меньше был бы затронут партикуляризм, которым так дорожили небольшие германские государства, тем легче было бы Австрии оказывать своё мощное влияние на каждое из них в отдельности. Таким образом, создавая оплот одновременно против России, Пруссии и Франции, господствуя одновременно и в Германии и в Италии, охраняя неприкосновенность Балканского полуострова, Австрия смотрела на себя, как на основу того великого здания, которое призван был воздвигнуть конгресс. После всего изложенного нет необходимости подробно излагать планы России. По главным вопросам они были диаметрально противоположны планам Австрии и Англии. Император Александр I, поднявший на ноги всю Европу своим сопротивлением Наполеону (в 1812 г.), а затем энергичным перехо-

дом в наступательное движение, не без основания полагал, что без него великий Союз не мог бы осуществиться и тем более выйти победителем. Он думал и открыто заявлял, что Европа хоть чем-нибудь должна заплатить ему за показанный им пример и за принесённые им большие жертвы. И единственной наградой, которую он, с несколько, пожалуй, напускной экзальтацией, просил, - было право заглавить великую несправедливость, допущенную его бабкой Екатериной II, путём воссоединения под его скипетром в одно государство с конституционным образом правления великого герцогства Варшавского, недавно занятого его войсками, и всей остальной Польши. Как видите, это был дешёвый способ облагодетельствовать поляков. Александр был, с одной стороны, чрезвычайно зол на короля Саксонского, владевшего раньше великим герцогством Варшавским и находившегося в союзе с Наполеоном, а с другой стороны, он был связан тесной дружбой с королём Фридрихом-Вильгельмом; поэтому он не только не противился планам Пруссии относительно новых территориальных приобретений, но горячо их поддерживал. Польский и саксонский вопросы представлялись для него тесно связанными. Убеждённый в том, что он всегда сумеет держать в подчинении берлинский двор, он желал, чтобы Пруссия могла оказывать энергичное воздействие на Германский союз. Кроме того, он не прочь был распространить границы Пруссии до горных проходов Богемии, дабы она явилась постоянной угрозой для Австрии и сама находилась под её непосредственным наблюдением. Что же касается Венского двора, то император надеялся воздействовать на него прежде всего при помощи своей союзницы (Пруссии), затем - при помощи Польского королевства и, наконец, пожалуй, при помощи Франции, которую он мог бы в случае надобности противопоставить Австрии и Италии. Совершенно обезопасив себя со стороны Балтийского моря завоеванием Финляндии, достигнув по Бухарестскому договору! Дуная и по Гюлистанскому? - Армении, он полагал, что скоро ему можно будет, наперекор Англии, обратить все свои силы на Восток. Уничтожение Оттоманской империи было его затаённой мечтой. Но оне сумел скрыть её достаточно искусно, и сент-джемский кабинет давно уже разгадал его намерения.

Нам остаётся ещё изложить политические планы Пруссии, государства, в то время гораздо менее значительного, чем перечисленные, но деятельного, энергичного, склонного к завоеваниям; его скрытые

честолюбивые замыслы не были тайной для дипломатов. Поднявшись весьма высоко во мнении Европы благодаря успехам Фридриха II, Пруссия со времени Иенского сражения в несколько месяцев потеряла всю свою славу и влияние. Раздроблённая Тильзитским трактатом на отдельные куски и сохранившая лишь незначительную часть своих владений, она сумела за несколько лет незаметно оправиться от своих неудач и в 1813 г. дала такие доказательства своей жизнеспособности, что её пришлось отнести попрежнему к числу великих держав. Она подала Германии сигнал к восстанию против Наполеона и первая показала пример. Бурная вспышка патриотического чувства заставила забыть всё её недавнее бессилие. Уже в это время германский народ, инстинктивно склонявшийся к объединению, начал обращать свои взоры к Берлину, Фридрих-Вильгельм III и его советники Гарденберг Штейн Гнейзенау самым настойчивым образом призывали его к завоеванию национальной независимости и политической свободы. Таким образом, Пруссия, не решаясь высказать это открыто, стремилась к гегемонии в Германии. Недаром проявляла она к Франции, к своему, так сказать, «наследственному врагу», дикую ненависть, которую, казалось, ничем нельзя было утолить. Пруссия открыто жаловалась на то, что с Францией поступили слишком снисходительно по трактату 30 мая. Выдвигая требование держать гарнизон не только в Кёльне, но и в Майнце и Люксембурге, она добивалась для себя роли часового на передовых постах в рейнских провинциях. С другой стороны, она просила, чтобы ей отдали всю Саксонию, утверждая, что саксонский король - изменник, не заслуживающий никакого снисхождения. Саксонские владения могли превосходно округлить Пруссию и представляли для неё первоклассную стратегическую позицию против Австрии. Поэтому, чтобы получить Саксонию, Пруссия с готовностью отказывалась почти от всех своих прежних владений в Польше. Она претендовала ещё на многие другие земельные приращения - в Померании, в Вестфалии и вообще повсюду, где она с выгодой для себя могла связать свои раздроблённые владения. Она не переставала повторять, что в 1813 г. ей обещали довести число её подданных до 10 миллионов и даже больше. Таким образом, Пруссия была готова забирать всё, что можно, руководствуясь только своими выгодами и правом сильного. Но, конечно, она не хотела, чтобы другие германские государства получали пропорциональные приращения. В част-

ности, она противилась всеми силами осуществлению планов Баварии. Что касается Австрии, то под личиной доброжелательства к ней Пруссия прилагала старания к тому, чтобы занять её место и затем использовать исключительно в своих интересах ту федеративную организацию, которую предполагалось дать Германии. Впрочем, хорошо понимая, что у неё нет ни сил, ни средств для борьбы с соперницей без чужой помощи, она делала пока вид, что следует на буксире за Россией, - в ожидании того момента, когда можно будет её одурачить.

Из всего предшествующего следует, что в момент открытия конгресса четыре союзные державы далеко не были согласны между собой относительно плана государственного переустройства Европы. Только одна мысль, казалось, разделялась всеми ими, и эта мысль заключалась в том, что они - самые могущественные державы, что Европа - в их руках и что никто не может помешать им распоряжаться по своему произволу.

**МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ,
ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В ПАРИЖЕ
8/20 НОЯБРЯ 1815 г.
(Извлечение)**

Дворы союзные, предохранив своими соединенными усилиями и победами как Францию, так и всю Европу от смятений, коими угрожали им преступное возвращение Наполеона Бонапарта во Францию и провозглашенные им снова в сем государстве, для утверждения похищения своего, пагубные революционные правила;

Разделяя с его христианнейшим величеством искреннее желание, чтобы, с одной стороны, залогом порядка, благополучно во Франции восстановленного, были ненарушимость королевской власти и соблюдение вполне конституционной хартии, а с другой, утвердились опять взаимные между Францией и сопредельными ей державами сношения доверенности и дружбы, кои были столь долго смущаемы ужасными следствиями революции и системы завоеваний;

И зная также, что сей последней цели можно достигнуть единственно чрез доставление сим державам выгод, достаточных для воз-

награждения за прежние бедствия и для обеспечения судьбы их в будущем...

Рассуждали вместе с его вел. кор. французским о средствах исполнить на деле сие предположение и признали, что Франция без важного себе ущерба не может удовлетворить справедливым требованиям держав, ни одною уступкою областей, ни одними денежными пожертвованиями и что будет лучше, для отвращения всяких невыгодных последствий, употребить совокупно оба означенные способа вознаграждения. Их имп. и кор. вел. решились принять сие за основание новых мирных постановлений и также, признав согласно необходимость оставить на определенное время в пограничных провинциях Франции некоторое число союзных войск, повелели собрать и внести в один окончательный трактат все различные условия, на вышесказанных главных положениях основанные.

Ст. I. Границы Франции будут те же, кои были в 1790 г.... Для открытия прямого сообщения между Женевским кантоном и Швейцарией часть земли Жекс... будет уступлена Гельветическому союзу для присоединения к кантону Женевскому. Французские таможи будут сведены на западную сторону горы Юры, и вся земля Жекс должна быть вне образуемой оными цепи...

Отношения зависимости княжества Монако от Франции... отныне прекращаются навсегда, и сие княжество будет в зависимости от короля сардинского...

Ст. III... Укрепления Гюнингена будут скрыты и французское правительство... обязывается никогда не возобновлять оных и на расстоянии по крайней мере трех миль от Базеля не строить никаких других укреплений.

Земля, лежащая на севере черты, проведенной от Уджина... к южной стороне озера Аннеси через Фаверж до Лошерена, а оттуда к озеру Бурже до Роны, будет пользоваться правами и выгодами нейтралитета Швейцарии, на том же основании, как оными, в силу 92 статьи главного акта венского конгресса, пользуются провинции Чиаблезе и Фосиньи.

Ст. IV. Денежная сумма, которую Франция обязана, как часть требуемых от нее вознаграждений, заплатить державам союзным, определяется в семьсот миллионов франков...

Ст. V. Полагая, что смутное и беспокойное состояние умов во Франции, сие необходимое следствие столь долго терзавших оную смятений и последнего несчастного происшествия, может еще, несмотря на отеческие намерения короля и даруемые чрез конституционную хартию всем классам его подданных выгоды, сделаться источником новых бедствий, и что потому безопасность государств сопредельных требует принятия временных, чрезвычайных мер предосторожности и охранения, выс. державы признали нужным занять на время некоторые военные позиции в границах французских особенным корпусом союзных войск, притом однако же именно постановляя, что сие военное занятие не будет ни в чем противно правам державной власти его христианнейшего величества и неприкосновенности владений его...

Сие военное занятие долженствует продолжаться не более пяти лет...

Ст. VII. Во всех землях, кои перейдут во владение другого государства... жителям, как природным, так и иностранным..., дан будет... срок на шесть лет для продажи, если они пожелают, имуществ своих и переселения в другое государство по произволу.

Ст. XI. Парижский трактат 18/30 мая 1814 г. и окончательный акт венского конгресса 28 мая/9 июня 1815 г. утверждаются и все оных постановления, кои не отменены условиями настоящего трактата, будут соблюдаемы...

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА.

18 МАЯ 1814 ГОД

(Извлечение)

Во имя Пресвятой и Неразделимой Троицы.

Дворы, между коими заключен Парижский трактат 18 (30) мая 1814 года, собравшись в Вене, чтоб в следствие XXXII статьи сего Акта, вместе с прочими Государями и Державами, им союзными, дополнить постановления означенного Трактата и прибавить к оным распоряжения, кои сделало необходимыми состояние Европы при окончании последней войны, желая сверх того ввести в один общий договор разные частные положения, в течении переговоров подпи-

санные, и утвердить оные взаимными ратификациями, повелели Своим Полномочным составить из постановлений, до существенной и неперемнной пользы касающихся, один Главный Трактат и присоединить к оному как неотдельные части, все прочие положения Конгресса: Договоры, Соглашения, Декларации, Уставы и другие частные Акты, означенные в настоящем Трактате. Для сего вышеупомянутые Дворы наименовали своими Полномочными: (...)

Те из именованных Полномочных, кои присутствовали при окончательном заключении переговоров, представя свои законные полномочия, согласились внести в Главный Трактат и утвердить своим подписанием следующие статьи:

Статья I

Герцогство Варшавское за исключением тех областей и округов, коим в нижеследующих статьях положено иное назначение, навсегда присоединяется к Российской империи. Оно в силу своей конституции будет в неразрывной с Россией связи и во владении е. в. императора всероссийского, наследников его и преемников на вечные времена. Его императорское величество предполагает даровать по своему благоусмотрению внутреннее устройство сему государству, имеющему состоять под особенным управлением. Его Величество, сообразно с существующими в рассуждении прочих Его титулов обычаем и порядком, присовокупит к оным и титул Царя (Короля) Польского.

Поляки, как российские подданные, так равномерно и австрийские и прусские, будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из вышепоименованных правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них, в кругу его владений.

Статья II

Часть герцогства Варшавского, поступающая в полное державное владение и собственность е. в. короля прусского и наследников его, по ч, названием великого герцогства Познанского, будет заключена в нижеозначенных пределах.

Статья XV

Король саксонский на вечные времена, за себя и за всех своих потомков и преемников, отказывается в пользу е. в. короля прусского от всяких прав и притязаний на означенные ниже сего области, окру-

ги и земли или участки земель, прежде принадлежавшие королевству Саксонскому. Они будут состоять в полном державном владении и собственности е. в. короля прусского и присоединены к его государству...

Статья XXV

Е. в. король прусский будет также иметь в полном державном владении и собственности на левой стороне Рейна земли, заключающиеся в нижеозначенных границах.

Статья LIII

...Все владетельные государи и вольные города Германии и в том числе их величества император австрийский, король прусский, датский и нидерландский, первые, то есть: император австрийский и король прусский в качестве государей тех из владений своих, какие в прежние времена принадлежали к Германской империи; а короли датский, в качестве герцога Голштейнского, нидерландский, в качестве великого герцога Люксембургского, постановляют между собою вечный союз, под названием общего Германского союза.

Статья LIV

Целью сего союза будет соблюдение внешней и внутренней безопасности Германии, независимости и неприкосновенности, принадлежащих к оной земель.

Статья LVI

Управление делами союза будет вверено сейму, в коем все члены без всякого впрочем нарушения прав, сану их принадлежащих, будут подавать голоса через полномочных своих иные особенно, иные же в совокупности с другими членами...

Статья LXV

Прежние соединенные нидерландские области и бывшие провинции бельгийские в границах, кои для тех и других определены следующею статьею, составят вместе с прочими всей статье означенными землями особенное государство под державой е. к. высочества принца Нассау-Оранского, владетельного государя соединенных нидерландских областей и будут именоваться королевством Нидерландским...

Статья LXXIV

Целостность и неприкосновенность девятнадцати кантонов швейцарских... признаются основанием Гельветического союза.

Статья LXXV

Валлис, Женевская область и княжество Невшательское присоединяются к Швейцарии и составят три новых кантона...

Статья LXXXV-XCIII

(Установление границ Королевства Сардинского в Северной Италии.)

Статья XCIV

(Передача Венецианской области и Далмации Австрии.)

Статья CIV

Е.В, королю Фердинанду IV, наследникам его и потомству возвращается престол неаполитанский, и все державы признают его королем королевства обеих Сицилий.

Ст. CXVIII. Трактаты, Конвенции, Декларации, Уставы и другие отдельные Акты, приложенные к сему главному Трактату, именно же следующие:

1. Трактат между Россией и Австрией 21 апреля (3 мая) 1815 года. 2. Трактат между Россией и Пруссией 21 апреля (3 мая) 1815 года. 3. Дополнительный между Австрией, Пруссией и Россией трактат о г. Кракове 21 апреля (3 мая) 1815 года (...) должны быть почитаемы за неотдельные части общих постановлений Конгресса и везде будут иметь таковую же силу и действие, как если бы оные были от слова до слова внесены в сей главный Трактат.

Ст. CXIX. Всем Державам, коих Полномочные присутствуют на Конгрессе, равномерно и Князьям и вольным городам, принимавшим участие в вышеозначенных постановлениях или Актах, сим Главным Трактатом утвержденных, предлагается приступить к оному.

Ст. CXX. Хотя во всех списках сего Трактата употреблен один Французский язык, однако Державами, участвовавшими в составлении сего Акта, признано, что сие не должно служить правилом для будущего, что и впредь всякая Держава для переговоров и постановления условий будет употреблять тот же язык, который доселе бы ею употребляем в делах Дипломатических, и что настоящий Трактат не будет почитаем за доказательство перемены прежних обыкновений.

Ст. CXXI. Сей Трактат будет ратификован и ратификации оного будут разменены всеми другими Державами через шесть месяцев, а Португальским Двором через год, или, будет возможно, скорее.

Экземпляр сего общего Трактата будет положен для хранения в Государственный Придворный Архив Его Императорского и Королевского Апостолического Величества и служить свидетельством, когда который-либо из Европейских Дворов пожелает видеть подлинные слова Трактата.

В уверение чего, взаимные Полномочные подписали сей Акт и приложили к оному гербов своих печати.

Г.Г. Гервинус
ИСТОРИЯ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА
ОТ ВРЕМЕНИ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА
(Извлечение)

При заключении Парижского мира великие державы условились собрать, по истечении двух месяцев, в Вене всеобщий конгресс из уполномоченных для того, чтобы дополнить постановления мирного договора и дать им надлежащую полноту. Этот срок приходился к началу августа, но был потом отложен до 1-го октября по случаю заседаний английского парламента и поездки императора Александра в Россию, не терпевшей отлагательств. Между тем уже в середине сентября собрались в Вене полномочные министры и вскоре затем и сами государи, и начали переговоры о нерешенных еще окончательно вопросах. Так как в предшествовавших договорах и мирных условиях были утверждены в общих чертах основания нового государственного порядка Европы, то и ожидали – как венский двор, так и его гости – скорого окончания всего этого дела. 32 миллиона людей, которым готовилась новая судьба, напряженно ожидали скорейшего исполнения своих надежд и желаний. Но постоянными проволочками в продолжении многих месяцев и таинственной неподвижностью дело это ожидание было до того обмануто, что наконец оно перешло в другую крайность – совершенно тупого и горького равнодушия к венским переговорам. 8-го октября было в первый раз объявлено о том, что открытие конгресса отложено до 1-го ноября. Но и в этот день только и узнали, что была поверка полномочий. И после четырех следующих затем месяцев можно было узнать по газетам, что во все это время ничего решительного не было сделано, кроме присоединения Генуи к

Сардинии и возведения Ганновера на степень королевства. С самого начала уже встретились с двух сторон неожиданные затруднения по вопросам о вознаграждении России и Пруссии и о государственном устройстве Германии. Переговоры по последнему пункту, после безуспешных попыток соглашения, были прекращены еще в конце ноября, а решение первого вопроса затянулось до возвращения Наполеона с о-ва Эльбы и в одно время, казалось, способно было вместо желаемого мира возжечь новую войну.

В публике между тем получались по временам отрывочные сведения об этом разногласии. Остановку дел можно было заметить по отсутствию решений. Но праздники, даваемые двором, министрами и дворянством Австрии своим гостям, казалось, должны были опровергать или по крайней мере скрывать то и другое. На тесном пространстве города Вены толпились государи с своими свитами, литературные, военные и политические знаменитости, пышное дворянство Австрии, Венгрии и Богемии с их иностранными гостями, салонные бонмотисты, германские и космополитические мечтатели, чудаки и искатели приключений. Эта суэта пустой, праздной, безнравственной жизни целого общества и эта безмерная расточительность денег, времени и сил нашли себе осуждение не в одних только строгих судьях, но и в людях, которые далеко не были жолчными моралистами. Можно было еще простить знати этот взрыв радости после 25 лет беспокойства и унижения, но нельзя было оправдать того, что на придворной кухне ежедневно тратились страшные суммы.

М. Ф.-Фромгольд
СОБРАНИЕ ТРАКТАТОВ И КОНВЕНЦИЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ
РОССИЕЙ С ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ
(Извлечение)

№77

Из Величества Император Австрийский, Король Венгерский и Богемский, Император Всероссийский, Король Прусский и Король Баварский, одушевленные одинаковым желанием, в скорейшем по возможности времени, пустить в действие те силы, которые должны выступить в поход, вследствие нападений Наполеона Бонапарта, и

полагая, что для устройства полного согласия и единодушия в их обоюдных действиях необходимо определить точным образом отношения между союзными армиями, назначили следующих лиц: (Е.Апостолическое Величество князя Маттерниха. Е.И. Всероссийское В. графа Нессельроде, Е.В. Король Прусский князя Гарденберга, Е.В. Король Баварский фельдмаршала Вреде).

Уполномоченные эти согласились на нижеследующие постановления, которые будут служить основанием для отношений, устанавливаемых с Баварской армией.

Статья 1.

Е.В. Король Баварский, желая всеми находящимися в его власти средствами облегчить военные действия и, не намереваясь увеличить число отдельных армий, соглашается на то, что его войска, впредь до нового распоряжения, будут составлять часть великой армии Верхнего Рейна, находящейся под начальством фельдмаршала князя Шварценберга.

Статья 2.

Для попечения об интересах Баварского войска в отношении администрации и содержания его, Е.В. Королем Баварским аккредитован будет при главнокомандующем один из его генералов. Этот генерал приглашаем будет на все совещания, касающиеся в частности Баварского войска. Главнокомандующий этою армиею постоянно будет поставлять его в известность обо всем необходимом дабы он мог давать все указания, необходимые для согласования военных действий.

Статья 3.

Главнокомандующий Баварским войском допущен будет на все совещания, которые будут иметь место относительно общего плана действий, во всех случаях, когда обстоятельства того потребуют и если движение войск не воспрпятствует ему там присутствовать.

Статья 4.

Дабы облегчить Баварскому войску средства по доставке продовольствия и снарядов, постановлено, что войско это не будет удаляемо от той черты военных операций, которая будет для него назначена, а в случае, если бы по обстоятельствам подобное движение оказалось бы необходимым, то оно не иначе может воспоследовать, как по соглашению с главнокомандующим этою армиею.

Статья 5.

Три батальона Баварских войск расположены будут в Майнце для охранения тех складов своей армии, которые могут быть учреждены в этой крепости. Во время наступательных действий эти три батальона будут постоянно находиться в распоряжении их главнокомандующего для сопровождения и конвоирования транспортов с оружием и другими воинскими предметами. В случае же, если бы Майнц оказался в осадном положении, вышеупомянутые батальоны войдут в состав гарнизона и будут находиться в распоряжении местного начальника.

Статья 6.

Главнокомандующему Баварским войском предоставляются аккредитовать высших офицеров при главных квартирах армии Нижне-рейнской и Бельгийской.

В уверение чего и т.д.

Заключено в Вене 2 апреля 1815 г.

Меттерних.

Нессельроде.

Гарденберг.

Вреде.

Ш.-М. Талейран

МЕМУАРЫ

(Извлечение)

Шестая глава. Венский конгресс (1814–1815 годы)

Я прибыл в Вену 23 сентября 1814 года и остановился в доме Кауница, снятом для французской дипломатической миссии. Когда я входил в него, швейцар вручил мне несколько писем, адресованных: «Князю Талейрану, дом Кауница». Мне казалось, что сочетание этих двух имен предвещает удачу.

На другой же день по прибытии я отправился к членам дипломатического корпуса. Их удивляло то, что из сдачи Парижа им удалось извлечь лишь незначительные выгоды. Проехав только что через страны, разоренные многолетней войной, они слышали только слова ненависти и мщениия по адресу Франции, обременившей их контрибу-

цией и нередко обращавшейся с ними, как заносчивый победитель. Мои коллеги уверяли меня, что все упрекали их в слабости, проявленной при подписании Парижского мира. Я нашел их совершенно пресыщенными многочисленными развлечениями и склонными подстрекать друг друга притязаниями, которые они считали нужным заявлять. Все то и дело перечитывали Шомонский договор, скрепивший узы между союзниками не только для продолжения войны: он заложил основы союза, который пережил эту войну и сохранил связь между союзниками на случай, который мог представиться в отдаленном будущем. Кроме того, как могли они решиться допустить в совет европейских держав государство, против которого Европа стояла уже двадцать лет под ружьем? Посланник страны, так недавно замиренной, должен быть счастлив, говорили они, что ему разрешают присоединиться к решениям, которые будут приняты послами других держав.

Таким образом, несмотря на то, что мир был заключен, все кабинеты занимали в начале переговоров если не совершенно враждебную, то по меньшей мере весьма двусмысленную позицию в отношении Франции. Они все считали себя в большей или меньшей степени заинтересованными в том, чтобы еще больше ослабить ее. Так как для этого они ничего сделать не могли, то они вели переговоры с целью ослабления хотя бы ее влияния. По этому вопросу они были единодушны.

Я мог только надеяться на то, что между державами возникнут разногласия, когда дело дойдет до распределения обширных территорий, поступивших вследствие войны в их распоряжение: каждая из них желала либо получить для себя, либо дать зависящим от нее государствам значительную часть завоеванных земель. В то же время все желали исключить из участия в разделе те государства, чрезмерная независимость которых внушала опасения. Эта борьба не давала мне, однако, повода проникнуть к делам, потому что державы заключили предварительные соглашения, предопределявшие судьбу самых важных областей. Для того чтобы добиться изменения этих соглашений или же заставить державы совершенно от них отказаться, в зависимости от того, как бы это диктовалось справедливостью, нужно было не только уничтожить предубеждения, не только отвергнуть притязания и подавить честолюбие; нужно было заставить аннулировать то, что

было решено помимо Франции. Дело в том, что если нас и согласились допустить к участию в мероприятиях конгресса, то это была только форма, принятая для того, чтобы лишить нас способа оспаривать затем их законность; указывалось, что Франция не может протестовать против уже принятых решений, которые считались совершившимся фактом.

Прежде, чем пытаться дать здесь верную картину Венского конгресса, ...я считаю нужным окинуть беглым взглядом общий ход переговоров в этом великом собрании, чтобы облегчить понимание отдельных обсуждавшихся на нем вопросов.

Открытие конгресса было назначено на 1 октября, и 23 сентября я уже находился в Вене, но на несколько дней раньше меня туда прибыли посланники стран, которые сначала руководили войной и, сожалея о заключенном ими мире, хотели затем извлечь пользу из конгресса. Я скоро узнал, что они образовали уже комитет и имели совещания, по которым ими был составлен протокол. Они намеревались сами решить то, что должно было подвергнуться обсуждению конгресса, притом решить без участия Франции, Испании и второстепенных держав, которым они сообщили бы затем в форме предложения, а фактически как окончательное решение, уже принятые пункты. Я не возражал, продолжал с ними встречаться, не говоря о делах, и ограничивался тем, что высказывал все свое недовольство посланникам второстепенных держав, имевшим общие со мной интересы. Находя в исконной политике своих стран старинную традицию дружбы с Францией, они скоро начали смотреть на меня, как на свою опору, а убедившись в том, что они одобряют все мои шаги, я стал официально торопить с открытием конгресса. Во время первых своих выступлений я держал себя так, как будто не имел никакого представления о происходивших совещаниях. Открытие конгресса было назначено на определенный день, но он прошел, и я просил, чтобы назначили другой, близкий день. Я дал понять, что мне не следует быть слишком долго вдали от Франции. Уклончивые ответы заставили меня возобновить свои настояния; я немного посетовал; наконец, мне пришлось воспользоваться личным влиянием на главных участников конгресса, к счастью, приобретенным мною во время предшествовавших переговоров. Князь Меттерних и граф Нессельроде не хотели быть нелюбезны и пригласили меня на совещание, которое должно было происхо-

дить в министерстве иностранных дел; испанский посланник Лабрадор, с которым я имел честь выступить сообща на конгрессе, тоже получил такое приглашение.

В указанный час я отправился в государственную канцелярию, где встретил лорда Кэстльри, князя Гарденберга, Гумбольдта, Нессельроде, Лабрадора, Меттерниха и Генца, человека выдающегося ума; он исполнял обязанности секретаря. Протокол предыдущих заседаний лежал на столе. Я подробно описываю первое заседание, потому что оно определило положение Франции на конгрессе. Меттерних открыл его, сказав несколько фраз о лежавшем на конгрессе долге, заключавшемся в том, чтобы укрепить только что восстановленный в Европе мир. Князь Гарденберг добавил, что для прочности мира нужно свято соблюдать обязательства, возложенные войной, и что таково намерение *союзных держав*.

Я сидел рядом с Гарденбергом и, естественно, должен был говорить после него. Сказав несколько слов о выпавшем на долю Франции счастье находиться в дружеских и тесных отношениях со всеми кабинетами Европы, я отметил, что у князя Меттерниха и князя Гарденберга вырвалось выражение, которое, по моему мнению, устарело; оба они говорили о намерениях *союзных держав*. Я заявил, что *союзные державы* и конгресс с участием держав *несоюзных* мало способны, с моей точки зрения, к лояльной совместной работе. Я несколько раз повторил с некоторым удивлением и даже с горячностью слова «*союзные державы*»... «Союзные... – говорил я, – и против кого же направлен этот союз? Уже не против Наполеона: он на острове Эльбе... уже не против Франции: мир заключен... конечно, не против французского короля: он служит порукой прочности этого мира. Господа, будем откровенны: если еще имеются *союзные державы*, то я здесь лишний». Мне было ясно, что я произвел некоторое впечатление, в особенности на Генца. Я продолжал далее: «А между тем, если бы меня здесь не было, вам бы недоставало меня. Господа, я, может быть, единственный из всех присутствующих, который ничего не требует. Подлинное уважение – это все, что я желаю для Франции. Она достаточно могущественна благодаря своему богатству, своему протяжению, численности и духу своего населения, расположению своей территории, единству своей администрации, защите, которую природа и искусство дали ее границам. Повторяю, я ничего не желаю

для нее и бесконечно много могу дать вам. Присутствие здесь министра Людовика XVIII освящает начала, на которых покоится весь социальный порядок. Основная потребность Европы – это изгнание навсегда мысли о возможности приобретения прав одним завоеванием и восстановление священного принципа легитимности, из которого проистекают порядок и устойчивость. Показав теперь, что Франция мешает вашим совещаниям, вы этим самым сказали бы, что вы не руководствуетесь больше одними истинными принципами и что, вы отвергаете справедливость; эта мысль далека от меня, так как мы все одинаково понимаем, что простой и прямой путь один достоин той благородной миссии, которую нам предстоит выполнить.

Парижский договор гласит: *«Все державы, участвовавшие на той и другой стороне в настоящей войне, отправят в Вену полномочных представителей для того, чтобы принять на общем конгрессе постановления, которые должны дополнить предписания Парижского договора»*. Когда откроется общий конгресс? Когда начнутся его заседания? Эти вопросы ставят все те, которых привели сюда их интересы. Если бы некоторые державы, находящиеся в привилегированном положении, захотели, как об этом уже распространяются слухи, осуществить на конгрессе диктаторскую власть, то я должен сказать следующее: опираясь на условия Парижского договора, я не мог бы согласиться на признание над этим собранием какой-либо высшей власти в вопросах, входящих в компетенцию конгресса, и я не стал бы входить в рассмотрение предложений, исходящих от нее».

После нескольких минут молчания Лабрадор сделал свойственным ему смелым и колким языком заявление, почти сходное с моим; на всех лицах изобразилось замешательство. Все стали одновременно отрицать и объяснять то, что происходило до этого заседания. Я воспользовался этим моментом, чтобы сделать некоторую уступку самолюбиям, которые, как я видел, страдали. Я сказал, что в столь многочисленной совещании, как этот конгресс, которому предстояло рассмотреть такие разнообразные проблемы, вынести решения по вопросам первостепенной важности и разрешить целый ряд второстепенных задач, трудно, даже невозможно достигнуть удовлетворительных результатов, обсуждая все эти вопросы на пленарных собраниях; затем я указал, что можно установить такой способ распределения и

разграничения дел, чтобы интересы и достоинство ни одной из держав не пострадали.

Это выступление, хотя еще неопределенное, открывало возможность передать вопросы общего значения для особого рассмотрения и позволило собравшимся уполномоченным отказаться от того, что было ими уже сделано, признав это недействительным; Генц уничтожил протоколы предыдущих заседаний и составил протокол этого дня. Он превратился в официальную запись первого заседания, и для памяти я его подписал. С тех пор великие державы больше не устраивали совещаний без участия Франции. В следующие дни мы собрались для распределения работы. Все члены конгресса разбились на комиссии, которые должны были рассматривать вносимые в них предложения. В каждую из этих комиссий входили представители государств, более непосредственно заинтересованных в вопросах, которые в них решались. Наиболее важные проблемы и вопросы, имевшие общее значение, были поручены комиссии из представителей восьми главных европейских держав, а чтобы иметь в этом отношении твердый критерий, было решено, что такими признаются государства, подписавшие договор 30 мая 1814 года.

Это решение было не только полезно тем, что оно ускоряло и значительно облегчало работу, но оно было, по-видимому, и совершенно справедливо, так как все участники конгресса на него согласились и оно не вызвало никаких возражений.

Таким образом, в конце октября 1814 года я мог написать в Париж, что династия Бурбонов, вернувшаяся во Францию за пять месяцев до того, что Франция, лишь пять месяцев тому назад покоренная, уже восстановили свое прежнее положение в Европе и приобрели надлежащее влияние на важнейшие заседания конгресса. А через три месяца эти самые державы, которые не сделали ничего для спасения несчастного Людовика XVI, были приглашены мною, чтобы отдать запоздалую, но торжественную дань его памяти. Эта дань была также способом связать нить времен и вновь подтвердить законные права династии Бурбонов.

Я должен отметить, что австрийские император и императрица оказали мне большую поддержку при устройстве прекрасной религиозной церемонии, совершенной в Вене 21 января 1815 года, на кото-

рой присутствовали все монархи и все выдающиеся лица, находившиеся тогда в столице Австрийской империи {86}.

Комиссия восьми держав занялась прежде всего судьбой саксонского короля и его королевства, а затем судьбой Варшавского герцогства. Пруссия уже давно стремилась подчинить себе Саксонское королевство. Приобретя его, она не только присоединила бы к своим владениям прекрасную и богатую страну, но и сильно укрепила бы свою старую территорию. Во время войны, завершившейся Парижским миром, союзники Пруссии обещали ей, что будущие соглашения обеспечат за ней обладание Саксонией. Потому Пруссия рассчитывала с полной уверенностью на это важное приобретение и уже считала себя владычицей прекрасного саксонского государства, занятого ее войсками, между тем как она заточила саксонского короля в качестве пленника в одной из прусских крепостей. Но, когда в комиссию восьми держав было внесено предложение присоединить к ней это государство, я заявил, что не могу подписаться под ним. Я признавал, что Пруссия, от которой Наполеон отторгнул многие обширные владения, из коих она не все могла вернуть обратно, имела право на получение возмещения. Но разве это причина, чтобы Пруссия в свой черед ограбила саксонского короля? Разве это не значило бы заменить право, основанное на справедливости, правом сильного, которого Пруссия чуть не сделала жертвой? Воспользовавшись этим правом, разве Пруссия не отказалась бы фактически от права на сочувствие, которое ее положение должно было внушать? Наконец, разве территории, которыми конгрессу предстояло распорядиться, не позволяли иным способом щедро вознаградить ее? Франция готова была пойти на все соглашения, которые могли бы удовлетворить прусского короля, лишь бы только они не нарушали признанного права; я повторял, что она не может ни участвовать в таких решениях, которые представляли бы собой узурпацию, ни согласиться на них. Не говоря о сочувствии к личности саксонского короля и уважении к нему, усугублявшимся его несчастьями и добродетелями, отметившими его царствование, я лишь взывал в его интересах к священному принципу законности.

Пруссия считала, что все требования этого принципа были бы достаточно удовлетворены, если бы саксонскому королю было дано известное, возмещение в странах, которыми конгресс мог распорядиться; она полагала, что, независимо от согласия этого государя с

таким решением, ее обладание Саксонией было бы достаточно узаконено признанием этого факта союзными монархами. На это я возразил князю Гарденбергу, что такого рода признание со стороны тех, кто не имеет никакого права на известный объект, не может дать права собственности на него тому, кто его не имеет.

Это плачевное забвение всех принципов следует приписать беспорядку и возбуждению, в каком Европа находилась в течение двадцати пяти лет; у стольких монархов были отторгнуты их владения, в стольких странах переменились государи, что публичное право, подвергнувшееся разложению, перестало, если можно так выразиться, отвергать узурпацию. Европейские монархи были вынуждены властью непреодолимых обстоятельств признавать узурпаторов, подписывать с ними договоры, заключать союзы. Постепенно они пришли таким образом к тому, что их щекотливость отступила перед вопросом безопасности; для удовлетворения же своего властолюбия они были готовы сами сделаться узурпаторами, когда для этого наступил благоприятный момент. Уважение к законным правам настолько ослабело у них, что после своей первой победы над Наполеоном монархи не выступили защитниками прав династии Бурбонов; у них появились даже другие планы в отношении Франции. Если она вернула своих королей, то это ей удалось потому, что как только она смогла обнаружить свои желания, она сама бросилась в объятия этой царственной династии, которая дала ей разумные свободы вместе со славными историческими воспоминаниями. Для держав, которые, — я это повторяю, — содействовали реставрации, но не произвели ее, она являлась в первый момент вопросом факта гораздо больше, чем вопросом права.

Когда французские уполномоченные открыто выступили на конгрессе защитниками принципа легитимности, державы обнаружили готовность принять его следствия, поскольку они не противоречили бы их намерениям, перед которыми принцип отступал на второй план. Поэтому, чтобы доставить ему победу, я должен был преодолеть все препятствия, какие только могут быть созданы властолюбием, встретившим помехи в тот самый момент, когда оно уже надеется на удовлетворение.

Пруссия ревностно и упорно защищала свои притязания на Саксонию, а Россия поддерживала их, сколько было в ее власти, благода-

ря ли преданности своего монарха прусскому королю, потому ли, что в награду за эту уступку император Александр должен был получить Варшавское герцогство. Его представители высказывались в этом смысле без малейшего стеснения. «В политических делах все является сделкой, – говорил мне один из них, – вы заинтересованы главным образом в Неаполе; уступите в отношении Саксонии, и Россия поддержит вас касательно Неаполя». – «Вы предлагаете мне торг, – отвечал я ему, – но я не могу в нем участвовать. Я, к счастью, чувствую себя не столь непринужденно, как вы: если вы руководствуетесь своими желаниями и своими интересами, то я вынужден следовать принципам, а принципы не могут быть предметом сделки».

Содействуя видам Пруссии и России в отношении Саксонии, Англия преследовала, по-видимому, задачу укрепления второй линией защиты, идущей по Эльбе, линии Одера, бывшей уже в распоряжении Пруссии и служившей для ее обороны; она стремилась к тому, чтобы эта держава была в состоянии противопоставить более прочную преграду замыслам, которые Россия могла составить в дальнейшем против Германии. Но мысль эта была даже в стратегическом отношении чистойшей иллюзией.

Австрия не имела иных побудительных причин поддерживать притязания Пруссии, кроме желания сохранить соглашения, поспешно и легкомысленно задуманные в лагерной суматохе. Ее не удерживала тогда даже опасность, вытекавшая для нее из укрепления Пруссии на склонах Богемских гор, – опасность, которую она заметила лишь, когда Франция ее о ней предупредила. Я нашел прямой путь для внушения императору Францу, помимо его министерства, той мысли, что он весьма заинтересован в сохранении Саксонии. Доводы, приводившиеся мною посреднику, к которому я прибег, произвели на него впечатление.

Англия тоже скоро поняла, что было бы неосторожно бросить новые семена вражды и раздора между обеими державами, защищавшими границы Германии от России. Кроме того, Саксония долго была бы для Пруссии владением непокорным и непрочным, готовым воспользоваться всяким случаем, чтобы отложиться и вернуть свою независимость. Такое приобретение могло бы скорее ослабить Пруссию, чем укрепить ее. Вопрос о судьбе Саксонии очистился для Англии от частных соображений, обусловивших ее первое решение, а перед Ав-

стрией он предстал в правильном с точки зрения ее интересов освещении; таким образом, обе эти державы были, наконец, готовы выслушать без предубеждения хорошо обоснованные доводы Франции в пользу соблюдения принципов. Когда эти державы убедились, что их собственные интересы согласуются с принципом легитимности, они охотно признали его преимущества перед выгодами других держав. Вследствие этого они сделались его защитницами, и вскоре между Францией, Австрией и Англией образовался тайный союз против России и Пруссии. Таким образом, при помощи одних доводов разума и одной силы принципов Франция разрушила союз, направленный исключительно против нее. (Это была бы большая удача, если бы роковая катастрофа 20 марта не восстановила расторгнутые узы!)

Итак, между союзниками царило несогласие, в то время как мы создали новый союз, в котором главная роль принадлежала Франции. Державы хотели сохранить старую коалицию, направленную против Наполеона, после исполнения задачи, ради которой она была заключена, но она могла быть для союзников только средством удовлетворения их властолюбивых притязаний и частных интересов, между тем как целью нового союза была поддержка охранительных начал и принципов порядка и мира. Благодаря этому Франция, едва переставшая быть пугалом для Европы, становилась в некотором роде арбитром и примирительницей.

Раз Англия и Австрия приняли известное решение, Пруссии приходилось уступать; поэтому она в конце концов согласилась на то, чтобы Саксония продолжала существовать, и удовлетворилась получением части ее в виде добровольной уступки со стороны государя этой страны. Когда это важное решение было достигнуто, нужно еще было убедить саксонского короля принести указанную жертву. Мне поручили вместе с герцогом Веллингтоном и князем Меттернихом отправиться к нему и попытаться склонить его на это. В Вене только что распространилось известие о возвращении Наполеона во Францию. На конгрессе царило крайнее возбуждение. Нам предоставили для исполнения нашей тягостной миссии только двадцать четыре часа. Я немедленно отправился в Пресбург, где саксонскому королю позволили, наконец, поселиться.

В этом городе жила графиня Брион, удалившаяся туда после пребывания в эмиграции... Госпожа Брион!!. Госпожа Брион, питав-

шая ко мне в течение стольких лет чувства, которые испытывают только к собственным детям, и считавшая меня виновным перед ней... Нет! политика подождет! Прибыв в Пресбург, я поспешил к ней, чтобы броситься к ее ногам. Она долго не просила меня подняться, и я ощутил счастье, почувствовав на своем лице ее слезы. «Вот вы, наконец! – сказала она. – Я всегда верила, что опять увижусь с вами. Я могла быть вами недовольна, но я ни на минуту не переставала вас любить. Всюду я мысленно сопровождала вас...» Я не мог произнести ни слова, я плакал. По доброте своей она пыталась несколько успокоить меня, задавая мне вопросы. «Вы занимаете прекрасное положение», – говорила она. – «О да, по моему мнению, оно превосходно». Меня душили слезы. Испытанное мною впечатление было столь сильно, что мне пришлось на несколько минут покинуть ее; я чувствовал, что близок к обмороку, и пошел подышать воздухом на берега Дуная. Придя несколько в себя, я вернулся к госпоже Брион, которая возобновила свои вопросы; я мог более связно отвечать ей. Она потолковала со мной немного о короле, больше о его брате, упомянула саксонского короля, так как она знала, что я защищал его права, и сама интересовалась им. Через несколько дней после описанного свидания смерть лишила меня этого друга, которого я был так счастлив вновь обрести.

Вечером я отправился во дворец и исполнил возложенное на меня поручение. Саксонский король, оказывавший мне некоторое доверие, назначил мне аудиенцию с глазу на глаз. На этом совещании, на котором он без всякого стеснения говорил мне о своей благодарности, я доказал ему необходимость принести некоторые жертвы и старался убедить его, что при создавшемся положении это – единственный способ обеспечить независимость его страны. Король удерживал меня у себя около двух часов; он не взял еще на себя никаких обязательств и только сказал мне, что удалится со своей семьей в частную жизнь. Через несколько часов после этого я получил с князем Меттернихом и герцогом Веллингтоном приглашение во дворец. Князь Меттерних, которому мы поручили выступить от нашего имени, весьма осторожно изложил королю желание держав. Король говорил в очень благородных и трогательных выражениях о любви к своему народу и тем не менее дал нам понять, что он не будет чинить препятствий решениям, которые, согласуясь с честью его короны, могли бы

содействовать умиротворению Европы; он сохранил за собой право послать на конгресс представителя, облеченного всеми полномочиями, чтобы разрешить там вопросы, задевающие его интересы.

Мы вернулись в Вену, не получив определенного согласия короля, но тем не менее убежденные, что он принял решение и что его согласие будет передано конгрессу через его полномочного представителя Эйнзиделя.

После нескольких совещаний, на которые был допущен Эйнзидель, вопросы, задевавшие интересы Саксонии и Пруссии, были урегулированы не к исключительной выгоде той или другой из них, а по взаимному согласию. Таким образом, в этом важном деле принцип легитимности не пострадал.

Из упомянутых соглашений вытекала необходимость для России, претендовавшей на полное обладание Варшавским герцогством, отказаться от своих требований. Пруссия вернула себе значительную его часть, а Австрия, не перестававшая владеть частью Галиции, получила обратно некоторые из округов, уступленных ею в 1809 году.

Постановление это, которое могло казаться на первый взгляд важным только для этих двух держав, имело общее значение. Польша, почти целиком находившаяся в руках России, была для Европы предметом постоянных тревог. Для ее безопасности было важно, чтобы две державы, а не одна, подвергались риску потерять свои владения и склонялись благодаря чувству общей опасности к объединению против властолюбивых замыслов России. Общий интерес создавал между ними крепкие узы, и именно поэтому Франция поддержала в данном случае притязания Пруссии и Австрии.

Русский уполномоченный пытался возражать мне моими собственными доводами. Он утверждал, что если принцип легитимности требует сохранения Саксонского королевства, то он требует также восстановления Польши. Он добавил, что император Александр хотел получить все Варшавское герцогство для превращения его в королевство и что поэтому я не мог, оставаясь последовательным, возражать против передачи его России. Я с горячностью отвечал, что, конечно, вполне возможно рассматривать как принципиальный вопрос восстановление независимого правительства и национального единства многочисленного народа; я напомнил, что он был некогда могуществен, занимал обширную объединенную территорию, и если позво-

лил разрушить узы своего единства, то остался тем не менее однороден по своим нравам, языку и упованиям; если бы державы пожелали, Франция не только первая дала бы согласие на восстановление Польши, но с пылом настаивала бы на нем, при условии, чтобы Польша была восстановлена в своем прежнем виде, такой, какой Европа хочет ее видеть. Но, добавлял я, нет ничего общего между принципом легитимности и большим или меньшим протяжением государства, которое Россия хочет образовать из незначительной части Польши; при этом она даже не обнаруживает намерения воссоединить с ним прекрасные провинции, присоединенные к этой обширной империи во время последних разделов. Русские уполномоченные поняли после нескольких совещаний, что им не удастся прикрыть принципом легитимности своекорыстные виды, которые им было поручено защищать; они ограничились переговорами с целью получения части территории, составлявшей в течение нескольких лет великое герцогство Варшавское.

Дань, отданная принципу легитимности в постановлении, принятом по поводу Саксонского королевства, решила в сущности и судьбу Неаполитанского королевства. Приняв однажды принцип, нельзя было отвергнуть его следствия. Итак, Франция отклонила притязания, основанные на праве победителя, и потребовала гарантий, что Фердинанд IV будет признан неаполитанским королем. Нужно было преодолеть искреннее замешательство некоторых кабинетов, находившихся в дружбе с Мюратом, и особенно Австрии, заключившей с ним договор.

Я был далек от того, чтобы отвергать всякое решение, которое привело бы к той же цели, согласуясь вместе с тем с достоинством держав. Мюрат помог мне: он находился в постоянном возбуждении, писал одно письмо за другим, делал заявления, отправлял свои войска в походы, приказывал им совершать контрмарши и давал мне тысячу случаев обнаружить его вероломство. Передвижение его армии в направлении Ломбардии было признано враждебным выступлением и ознаменовало начало его гибели. Австрийцы выступили против него, нанесли ему поражение, преследовали его войска, и через несколько дней, покинутый своей армией, он бежал из Неаполитанского королевства, тотчас вернувшегося под скипетр своего законного короля. Возвращение Неаполитанского королевства Фердинанду IV снова по-

казало на серьезном примере значение принципа легитимности и было помимо того выгодно для Франции, потому что благодаря ему она получила союзника в лице самого сильного государя Италии{*10}.

Соглашения, касавшиеся нескольких других частей Италии, преследовали задачу создания на этом полуострове сильного противовеса влиянию Австрии на случай, если бы ее честолюбивые планы направились в эту сторону. Так Сардинское королевство приобрело всю Генуэзскую республику. Правившая тогда в Турине ветвь Савойской династии была близка к угасанию, и Австрия могла вследствие своих династических связей заявить притязания на это богатое наследство; опасность эта была предотвращена признанием прав Кариньянской династии, за которой обеспечили наследование указанной короны.

Швейцария, являющаяся центральной страной Европы, с которой граничат три больших государства – Франция, Германия и Италия, была торжественно и навсегда объявлена нейтральной. Указанное постановление усилило для каждой из этих трех стран способы обороны, ослабив их средства нападения. Такое решение особенно благоприятно для Франции, окруженной крепостями на всех своих прочих границах и лишенной их на границе с Швейцарией. Поэтому нейтралитет этой страны дает ей в том единственном пункте, где она слаба и беззащитна непреодолимый оплот.

Чтобы предохранить Гельветический союз от внутренних разногласий, которые нарушили бы его спокойствие и могли бы поставить под угрозу сохранение его нейтралитета, мы силились примирить требования разных кантонов и разрешить споры, издавна ведшиеся между ними. Союз, находившийся под угрозой столкновения старых прав и требований, возникших из новой организации, созданной при посредничестве Наполеона, был укреплен актом, объединявшим все постановления, наиболее способные примирить различные интересы.

Создание нового Нидерландского королевства, решенное еще до заключения мира, было, несомненно, враждебным против Франции мероприятием; оно было задумано с целью создания вблизи нее неприязненного к ней государства, которое потребность в защите делала естественным союзником Англии и Пруссии. Следствия этого замысла казались мне, однако, менее опасными для Франции, чем это предполагалось, так как молодому королевству предстояла большая

работа по своему укреплению. В самом деле, составившись из двух стран, разделенных старинной враждой, противоположных по стремлениям и интересам, оно на долгие годы обречено быть слабым и неустойчивым. Покровительственная дружба, которую Англия надеется установить в своих отношениях с этим новым государством, еще долго останется, как я полагаю, в сфере политических мечтаний. Королевство, образовавшееся из двух стран – торговой и промышленной, – должно стать соперником Англии или быть подавлено ею и, следовательно, преисполниться раздражения против нее.

Германская конфедерация должна была стать одним из важнейших элементов европейского равновесия. Нельзя сказать, удалось ли конгрессу заложить прочные основы этой организации, которые могли бы превратить ее в опору указанного равновесия. Роковые события 1815 года, заставившие конгресс ускорить свои совещания, послужили причиной того, что конфедерация получила зачаточный, бесформенный вид, что она до сих пор не приобрела устойчивости и что над ее развитием приходится еще работать.

Я предоставляю другим судить о роли Франции в этих достопамятных обстоятельствах. Несмотря на неблагоприятное положение, какое она занимала во время первых заседаний конгресса, ей удалось приобрести такое влияние на прения, что самые важные вопросы разрешались отчасти в согласии с ее намерениями и с принципами, которые она установила и защищала. Последние находились в полном противоречии с намерениями держав, которым военное счастье позволило беспрепятственно диктовать Европе законы. Хотя в разгар заседаний конгресса дух бунта и узурпации чуть еще раз не покорил себе Европу, король, переселившийся в Гент, оказывал на Вену такое же влияние, как и из Тюильрийского дворца. По моему предложению и – я должен это сказать к чести государей – без всяких настояний с моей стороны, Европа издала грозную декларацию против *узурпатора*. Я так называю его, потому что по возвращении его с острова Эльбы роль Наполеона была именно такова. До того он был победителем, и только братья его являлись узурпаторами.

В этот период я получил награду за свою верность принципам. Я ссылался на них во имя короля для сохранения прав других, а они превратились в гарантию его собственных прав.

Увидя себя снова под угрозой оживающей во Франции революции, державы начали наспех вооружаться. Все стали торопить с окончанием венских переговоров, чтобы немедленно посвятить себя более срочным делам; заключительный акт конгресса, в некоторых своих частях только намеченный, был подписан уполномоченными, которые затем разъехались.

Когда дела были таким образом закончены и король, а следовательно, и Франция были приняты в союз, заключенный против Наполеона и его приверженцев, я покинул Вену, в которой ничто меня более не удерживало, и отправился в Гент, очень далекий от мысли, что по прибытии в Брюссель я узнаю об исходе сражения при Ватерлоо. Обо всех его подробностях мне любезно сообщил принц Конде. Он говорил мне с благоволением, которого я никогда не забуду, об успехах Франции на Венском конгрессе.

ОПИСАНИЕ В. ГЮГО СРАЖЕНИЯ ПРИ ВАТЕРЛОО **18 ИЮНЯ 1815 г.** *(Извлечение)*

...Ватерлоо – это одно из самых своеобразных столкновений в истории. Наполеон и Веллингтон. Это не враги – это противоположности. Никогда бог, которому нравятся антитезы, не создавал контраста более захватывающего, очной ставки более необычной. С одной стороны – точность, предусмотрительность, математический расчет, осторожность, обеспеченные пути отступления, сбереженные резервы, непоколебимое хладнокровие, невозмутимая методичность, стратегия, извлекающая выгоду из местности, тактика, согласующая действия батальонов, резня, строго соблюдающая правила, война, ведущаяся с 97 часами в руках, никакого упования на случайность, старинное классическое мужество, безошибочность во всем, с другой – интуиция, провиденье, своеобразие военного мастерства, сверхчеловеческий инстинкт, блистающий взор, нечто, обладающее орлиной зоркостью и разящее подобно молнии, чудесное искусство в сочетании с высокомерной пылкостью, все тайны глубокой души, союз с роком, река, равнина, лес, холм, собранные воедино и словно принужденные к повиновению, деспот, доходящий до того, что подчиняет своей тирании даже поля брани, вера в свою звезду, соединенная с

искусством стратегии, возвеличенным ею, но в то же время смущенным. Веллингтон – это Барем войны, Наполеон – ее Микеланджело, и на этот раз гений был побежден расчетом...

ОТРЕЧЕНИЕ НАПОЛЕОНА ПОСЛЕ БИТВЫ ПРИ ВАТЕРЛОО, 22 ИЮНЯ 1815 г.

(Извлечение)

Французы! Начав войну для сохранения национальной независимости, я рассчитывал на объединение всех усилий, всех желаний и на содействие всех авторитетов нации. Я имел основание надеяться на успех и не придавал значения всем направленным против меня декларациям правительств. Обстоятельства кажутся изменившимися. Я приношу себя в жертву ненависти врагов Франции. Могут ли они быть искренними, заявляя, что им всегда нужна была только моя личность! Моя политическая жизнь закончилась, и я провозглашаю моего сына как Наполеона II императором французов. Министры настоящего времени образуют временное государственное правительство. Забота о моем сыне побуждает меня предложить палатам учредить без промедления в законодательном порядке регентство. Объединитесь же для общественного спасения и сохранения национальной независимости.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ АКТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА,

Подписанный 28 Мая (9 июня) 1815 г. (Выдержки) (Уполномоченные: России – А. Разумовский, Штакельберг и К. Нессельроде, Австрии Меттерних и Вессенберг, Испании – Лабрадор, Франции – Талейран, Дальберг, Ла-Тур-Дюпен и Ноайль, Великобритании – Кестльри, Веллингтон, Кланкарти, Каткарт и Стюарт, Португалии – Пальмелла, Сальданга и Лобо, Пруссии – Гарденберг и Гумбольдт, Швеции – Левенгельм)

(Извлечение)

Ст. I. Герцогство Варшавское, за исключением тех областей и округов, коим в нижеследующих статьях положено иное назначение, навсегда присоединяется к Российской империи. Оно в силу своей конституции будет в неразрывной с Россией связи и во владение его

вел. имп. всероссийского, наследников его и преемников на вечные времена. Его имп. вел. предполагает даровать, по своему благоусмотрению, внутреннее устройство сему государству, имеющему состоять под особенным управлением. Его вел. сообразно с существующим в рассуждении прочих его титулов обычаем и порядком присовокупит к оным и титул царя (короля) польского.

Поляки, как российские подданные, так и равномерно и австрийские и прусские, будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласно с тем образом политического существования, который каждым из вышеименованных правительств будет признан за полезнейший и приличнейший, в кругу его владений.

Ст. II. (Передача Познани Пруссии). [...]

Ст. V. Его вел. имп. всерос... возвращает его имп. и кор. апостол. величеству уезды восточной Галиции...

Ст. VI. Город Краков с принадлежащею к оному областью объявляется на вечные времена вольным, независимым и совершенно нейтральным городом под покровительством России, Австрии и Пруссии.

Ст. XV. Король саксонский, на вечные времена, за себя и за всех своих потомков и преемников, отказывается в пользу его вел. короля прусского от всяких прав и притязаний на означенные ниже сего области..., прежде принадлежавшие Королевству Саксонскому (следует описание границ Пруссии и Саксонии).

Ст. XXIII. (Переход Данцига к Пруссии).

Ст. XXIV–XXV. (Перечисление земель, отходящих к Пруссии по правому и левому берегам Рейна).

Ст. LIII–LXIV. (О строе Германского общего и вечного союза и о составе союзного германского сейма, имеющего заседать во Франкфурте-на-Майне).

Ст. LXV–LXXIII. (Слияние Голландии и Бельгии в королевство Нидерландское с присоединением Люксембурга).

Ст. LXXIV. Целость и неприкосновенность девятнадцати кантонов швейцарских... признаются основанием Гельветического союза.

Ст. LXXV. Валлис, Женевская область и княжество Невшательское присоединяются к Швейцарии и составят три новые кантона...

Ст. LXXXV–XCIII. (Установление границ Королевства Сардинского в Северной Италии).

Ст. XCIV. (Передача венецианской области и Далмации Австрии).

Ст. CIV. Е. в. королю Фердинанду IV, наследникам его и потомству возвращается престол неаполитанский, и все державы признают его королем королевства обеих Сицилий.

Ст. CVIII–CIX. (О свободе судоходства)

Ст. CXVIII. Трактаты, Конвенции, Декларации, Уставы и другие отдельные Акты, приложенные к сему главному Трактату, именно же следующие:

1. Трактат между Россией и Австрией 21 апреля (3 мая) 1815 года. 2. Трактат между Россией и Пруссией 21 апреля (3 мая) 1815 года. 3. Дополнительный между Австрией, Пруссией и Россией трактат о г. Кракове 21 апреля (3 мая) 1815 года (...) должны быть почитаемы за неотдельные части общих постановлений Конгресса и везде будут иметь таковую же силу и действие, как если бы оные были от слова до слова внесены в сей главный Трактат.

Ст. CXIX. Всем Державам, коих Полномочные присутствуют на Конгрессе, равномерно и Князьям и вольным городам, принимавшим участие в вышеозначенных постановлениях или Актах, сим Главным Трактатом утвержденных, предлагается приступить к оному.

Ст. CXX. Хотя во всех списках сего Трактата употреблен один Французский язык, однако Державами, участвовавшими в составлении сего Акта, признано, что сие не должно служить правилом для будущего, что и впредь всякая Держава для переговоров и постановления условий будет употреблять тот же язык, который доселе бы ею употребляем в делах Дипломатических, и что настоящий Трактат не будет почитаем за доказательство перемены прежних обыкновений.

Ст. CXXI. Сей Трактат будет ратификован и ратификации оного будут разменены всеми другими Державами через шесть месяцев, а Португальским Двором через год, или, будет возможно, скорее.

Экземпляр сего общего Трактата будет положен для хранения в Государственный Придворный Архив Его Императорского и Королевского Апостолического Величества и служить свидетельством, когда который-либо из Европейских Дворов пожелает видеть подлинные слова Трактата.

В уверение чего, взаимные Полномочные подписали сей Акт и приложили к оному гербов своих печати.

Научные публикации

Е.В. Котова

РОССИЯ НА ВЕНСКОМ КОНГРЕССЕ 1814 – 1815 ГОДОВ

(Извлечение)

Конгресс предполагалось созвать не позднее чем через два месяца после подписания договора. А пока представители союзных держав по приглашению принца-регента, будущего короля Георга IV, отправились в Лондон, жители которого с энтузиазмом встретили российского императора. Александра I сопровождали статс-секретарь К.В. Нессельроде и российский посланник в Швейцарии И.А. Каподистрия. Прусский король прибыл вместе с канцлером К.А. Гарденбергом и фельдмаршалом Г. Блюхером, австрийский император Франц I направил вместо себя министра иностранных дел К.В.Л. Меттерниха. В Лондоне продолжились консультации по оставшимся нерешенными вопросам. В ходе этих переговоров Меттерних сблизился с английским министром иностранных дел лордом Р. Каслри.

Австрийский и британский министры оптимистично надеялись, что в Лондоне могут быть достигнуты соглашения по основным вопросам и конгрессу останется лишь санкционировать их. Однако этим планам не суждено было сбыться, слишком серьезные противоречия выявились между позициями четырех держав.

Великобритания, прежде всего, стремилась упрочить свое морское и торговое превосходство. Недавние завоевания серьезно расширили размеры ее колониальной империи. Она захватила остров Мальту и Ионические острова в Средиземном море, Капскую колонию в Африке, остров Цейлон, Сейшельские острова, большие территории в Индии и ряд островов в Вест-Индии морскими путями и обезопасила британскую торговлю. Таким образом, она достигла всего, что ее интересовало, еще до начала работы конгресса. На Европейском континенте Великобритания выступала за установление равновесия сил между державами, для чего необходимо было сдерживать Францию и Россию. Французы могли составить конкуренцию англичанам своим флотом и развитой торговлей. Россия же, имея, по мнению Лондона, постоянные виды на Константинополь, угрожала инте-

ресам Великобритании на Востоке. Противовесом Франции должны были служить Нидерланды, объединенные с Бельгией (бывшие Австрийские Нидерланды) в единое королевство, а также Ганновер – родовое владение английских королей в Германии. Таким образом создавался своеобразный барьер против возможной экспансии Франции, включавший также нейтральную Швейцарию. Первоначально Великобритания готова была поддержать притязания Пруссии на присоединение к ней всей Саксонии – последнего союзника Наполеона. Что же касается намерения России восстановить Польское королевство под скипетром русского императора, то в этом вопросе Лондон не намерен был идти на уступки. Он был готов признать сохранение сильного влияния Австрии в раздробленной Италии в качестве противовеса французскому влиянию.

Интересы Австрии были наиболее близки к интересам Великобритании. Венский двор также стремился к тому, чтобы не допустить усиления Франции и России. Первой Австрия собиралась противопоставить Нидерланды и организованную на федеративных началах Германию. Швейцария должна была стать нейтральной и играть роль своеобразного буфера между Францией и другими европейскими державами. Что же касается России, то Вену пугало то влияние, которое она приобрела на европейские дела после победоносного завершения наполеоновских войн. Поэтому Австрия выступала против объединения Польши под властью русского царя. По вопросу о расширении Пруссии австрийские интересы не совпадали с предложениями Англии. Саксония в составе Прусского королевства – это, с точки зрения Австрии, нарушение германского равновесия, которое дает преимущества давнему сопернику австрийских Габсбургов в Германии. Стратегической целью Меттерниха было обеспечение за Австрией центральных позиций в европейском концерте держав, достижение доминирования в Италии и Германии.

Интересы России по ряду позиций существенно расходились с интересами союзников. Еще после заключения Парижского мира от 30 мая 1814 г. Александр I попросил Каподистрию оценить его последствия. Будущий российский статс-секретарь пишет в своих Записках: «...государь был поражен заключением, к которому по необходимости приводил разбор этого трактата. Оказывалось, что был принят порядок, противоположный тому, которого следовало дер-

жаться, что Австрия, Пруссия и Россия являлись на будущем конгрессе как государства, которым еще следовало все получить, тогда как Англии и Франции уже нечего было добиваться, и поэтому им только оставалось наделять других; следовательно, положение держав уже не было одинаковое для всех, и даже не было равенства между тремя дворами, требования которых конгрессу следовало удовлетворить. Достаточно было, чтобы один из этих дворов присоединился к Англии и Франции, и тогда совещания непременно должны были принять направление, вредное для выгод остальных двух держав.

.... Изменившиеся обстоятельства настолько ускорили работу Венского конгресса, что уже 9 июня 1815 г. в торжественной обстановке был подписан его Заключительный акт, состоявший из 121 статьи. В нем были закреплены основные соглашения, достигнутые в ходе конгресса. Первоначально его подписали представители держав – участниц Парижского договора: Австрии, Великобритании, России, Пруссии, Франции, Португалии, Швеции. Испания подписала трактат лишь в 1817 г. Ратификация договора монархами происходила с 14 сентября до 11 декабря 1815 г. Все остальные страны приглашались присоединиться к Заключительному акту. В течение пяти лет его подписали еще 34 государства.

Оценивая значение конгресса, Генц писал в феврале 1815 г.: «Те, кто в момент созыва Венского конгресса хорошо понимал его характер и значение, не могли заблуждаться относительно направления, в котором он будет действовать. Громкие фразы о “переустройстве социального порядка”, “обновлении политической системы Европы”, “прочном мире, основанном на справедливом распределении сил” и т.д. и т.п., произносились с целью успокоить народы и придать этому торжественному собранию некоторый характер достоинства и величия, но истинной целью конгресса был дележ наследства побежденного между победителями». Конечно, каждая великая держава стремилась решить на конгрессе свои задачи, усилить свои позиции на международной арене. По результатам Венского конгресса Россия увеличила свою территорию на 2100 кв. миль с населением более 3 млн человек, Австрия – на 2300 кв. миль с 10 млн жителей, Пруссия – на 2200 кв. миль, приобретя более 5300 млн населения.

Тем не менее, главной целью держав было все же достижение стратегического равновесия, направленного на то, чтобы ни одна страна не могла добиться превосходства над другими. И, по мнению большинства современных исследователей, Венский конгресс смог решить эту задачу. В результате его решений вся Европа была впервые охвачена системой общих договоров, которая просуществовала до середины XIX в., а некоторые сохранили свое значение до наших дней. Венский конгресс 1814–1815 гг. явился первым в истории столь представительным собранием европейских государств, призванным после 25-летия революционной смуты и Наполеоновских войн создать устойчивый международный порядок, основанный на четких правилах и принципах взаимоотношений государств между собой.

Победы, одержанные Россией в войнах с Наполеоном, способствовали значительному росту ее международного авторитета и укреплению ее положения в Европе. Период, последовавший за Венским конгрессом, стал апогеем влияния России, значительно расширившей свои границы, на европейские дела. Она играла одну из ведущих ролей в «венской системе» международных отношений, сутью которой стало поддержание баланса сил на континенте, создание «европейского концерта» великих держав. Политика великих держав была направлена на мирное разрешение противоречий, на достижение взаимоприемлемого компромисса. Эта система способствовала тому, что вплоть до Крымской войны в Европе удавалось избегать крупных конфликтов между великими державами.

Е.П. Кудрявцева
ЗА КУЛИСАМИ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА
(Извлечение)

Во время проведения Венского конгресса обострились сербско-турецкие отношения, которые регулировались статьями Бухарестского договора 1812 г. Бухарестский мир явился крупной дипломатической победой России. Он значительно укрепил ее положение на южных рубежах: Россия превратилась в придунайскую державу и сохраняла за собой добровольно присоединившиеся к ней области на Кавказе. VIII-я статья договора гласила, что «Блистательная Порта» при-

мет меры для безопасности сербов. Порта дарует им выгоды, которыми уже пользовались подданные Ионических островов, «предоставив им самим управление внутренних дел» [10, с. 55]. Известный литератор и реформатор сербского языка Вук Караджич так оценил значение этой статьи русско-турецкого договора: «Турки подписали свободу и права сербского народа в Бухаресте в 1812 г.»

Русско-турецкие переговоры не остались незамеченными в Европе. Российский посол в Лондоне Х.А. Ливен сообщал К.В. Нессельроде, что английский статс-секретарь по иностранным делам лорд Каслри выражал беспокойство по поводу «жесткого тона» последних объяснений Строганова с Портой. Эти объяснения вызвали у недоброжелателей подозрение в завоевательных планах России, противоречивших миролюбивым заверениям императорского кабинета [3, с. 541]. Каподистрия еще до отбытия Строганова в Константинополь предвидел подобное развитие событий. Зная обычный характер ведения переговоров турками, он предупреждал: «Дискуссии. будут такими, что Турция и остальные европейские державы решат, что Россия скрывает свои настоящие планы и не хочет ликвидации притеснения (сербов. - Е. К.), а напротив, требует только поводов, по которым бы могла начать новую войну».

Задачи урегулирования международных проблем в постнаполеоновскую эпоху, а также создание осенью 1815 г. Священного союза существенно ограничивали возможности России в поддержке освободительных движений на Балканах. Проблемы послевоенного устройства Европы занимали исключительное внимание всех европейских правительств. Связанная узами Священного союза, Россия не могла открыто встать на сторону восставших сербов, а позже - в 1821 г. - поддержать греков. Российская дипломатия избрала другой путь поддержки единоверцев - это было началом длительной политической дискуссии по выполнению Портой условий Бухарестского мира.

А.И. Молок
ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС И СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ
(Извлечение)

В сентябре 1814 г. в Вене открылся конгресс европейских держав. На конгресс съехалось 216 представителей различных государств. Главным представителем России был вице-канцлер граф Нессельроде, Англии – министр иностранных дел лорд Кэстльри, Австрии – канцлер князь Меттерних, Пруссии – министр-президент князь Гарденберг, Франции – министр иностранных дел князь Талейран. Кроме дипломатов, в работе конгресса принимали участие и многие государи. Большую роль на конгрессе играл Александр I.

Официальные заседания Венского конгресса начались 1 ноября 1814 г. и закончились 9 июня 1815 г. принятием так называемого «Заключительного акта». Но дипломатические переговоры велись главным образом за кулисами конгресса, на узких совещаниях представителей пяти великих держав, на нескончаемых балах, банкетах, приемах. Руководящая роль в решениях конгресса принадлежала России и Англии как государствам, стоявшим во главе коалиции, которая сокрушила наполеоновскую империю. Победенная Франция была допущена к участию в конгрессе не сразу.

Н.А. Троицкий
АЛЕКСАНДР I И ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС
(Извлечение)

Александр I действительно строил «наполеоновские» планы. Как самый авторитетный из победителей Наполеона, он хотел бы стать или, по крайней мере, выглядеть перед Европой новым Наполеоном, преобразующим весь континент. С одной стороны, он утопически рассчитывал создать из России «евангельское государство» в качестве общехристианского центра и главного политического арбитра в Европе¹⁹, а с другой - восстановить на континенте легитимных, «законных государей», свергнутых Французской революцией и Наполеоном, и обеспечить политическое «равновесие» между ними. При этом, однако, Александр (в отличие от других монархов) считал, что

«последствия революции уже не могут быть уничтожены» и что в интересах самих государей, возвращающихся к власти из прошлого, вводить у себя конституционные новшества²⁰. Более того, монархов, бывших к 1814 г. в союзе с Наполеоном (датского и саксонского), царь предполагал наказать ограничением или вовсе лишением их власти. Зато победители Наполеона, в первую очередь Российская империя, должны были быть щедро вознаграждены.

В каждом из пунктов этой программы Александр I встречал то или иное противодействие со стороны своих партнеров по антинаполеоновской коалиции.

С первых же дней работы «танцующего» конгресса руководящую роль на нем стал играть квартет великих держав - победителей Наполеона (Россия, Англия, Австрия, Пруссия), а с 12 января 1815 г., благодаря дипломатической изобретательности Талейрана, квартет превратился в квинтет:

Франция вновь была принята как равная в ряд великих держав и, вместо «большой четверки», все вопросы конгресса стала решать «большая пятерка».

В польском вопросе Александр I сразу занял твердую позицию: Россия должна быть вознаграждена за свою роль в разгроме Наполеона присоединением к ней герцогства Варшавского со столицей в Варшаве, которое Наполеон создал в 1807 г. из польских земель, отошедших к Пруссии и Австрии в XVIII в. по трем разделам Польши. Александр рассчитывал присоединить к России все герцогство посредством личной унии как Царство Польское во главе с ним, Александром - царем русским и польским. При этом Александр обещал даровать Царству Польскому конституцию «и тем самым обеспечить счастье его народа».

С.М. Фалькович
ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В РЕШЕНИЯХ ВЕНСКОГО
КОНГРЕССА 1815 г. И ПРИЧИНЫ КРАХА ВЕНСКИХ
ДОГОВОРЕННОСТЕЙ
(Извлечение)

В переговорах по польскому вопросу претензии России подкреплялись ее военной мощью и победами, одержанными над войсками Наполеона. Российский император хотел взять под свою эгиду Варшавское княжество и поддерживал план создания «вольных» городов Кракова и Торуня, хотя Австрия опасалась, что они станут «очагом недовольства, козней и мятежей». Российская делегация на Венском конгрессе подчеркивала, что Россия выступает за «дух времени, именуемый конституционным», ссылаясь на личную позицию Александра I, «чьи либеральные воззрения известны всей Европе». В соответствии с ними царь хотел одарить Польшу «национальной конституцией», «удовлетворить жителей Варшавского герцогства, дать им почетное существование».

Александр I отвергал право держав вмешиваться в дело определения статуса как части Княжества Варшавского, намеченной для включения в состав Российской империи по решению Венского конгресса, так и той территории, которая была присоединена к России при разделах Речи Посполитой. Он предлагал и другим монархам дать конституционные блага присоединяемым ими польским землям и подчеркивал необходимость оказывать полякам «все знаки уважения, которых требует их национальность».

В решении этой задачи принимали участие и польские политические деятели (В. Чарторыйский, Т. Островский, С. Замойский, Ф. Грабовский, С. К. Потоцкий, А. Линовский, Т. Матушевич, Л. Плятер, И. Соболевский), некоторые из них были в числе участников Венского конгресса, а затем вошли в Гражданский комитет по разработке принципов построения нового государства. Активное участие в работе над проектом «Основ Конституции Королевства Польского» принял и Н. Н. Новосильцев - доверенное лицо российского императора.

В польской среде существовало и «недоверие», которое отмечал поэт Ю. У. Немцевич, писавший о «тихих раздорах» в гражданском обществе и «бурном ожесточении» среди военных. «Шепот сомнения

и недоверия» возник, по свидетельству В. Лукасиньско-го, еще во время приезда Александра I в Варшаву в 1815 г., когда некоторые поляки заподозрили в «ловкой и умной» политике царя «хитрость и притворство».

Ю.В. Борисов
ШАРЛЬ-МОРИС ТАЛЕЙРАН
(Извлечение)

Австрийская столица стала на время столицей монархической Европы. В Вене находились 2 императора, 4 короля, 2 наследных принца, 3 великие герцогини и 215 глав княжеских домов. На конгресс в этот город приехали 450 дипломатов и официальных лиц и их многочисленный персонал. Казалось, они были заняты не столько переговорами, сколько празднествами, зрелищами. Венцы шутили: «Русский император любит, король Дании пьет, король Вюртемберга ест, король Пруссии думает, король Баварии говорит и император Австрии платит». В этой шутке была заключена горькая для австрийских налогоплательщиков истина: каждый день «танцующего конгресса» стоил государственному бюджету 220 тысяч флоринов.

Но танцы и музыка не могли скрыть истинных целей Венского конгресса. Речь шла об очередном переделе территорий в Европе, о новом передвижении пограничных столбов, о переходе миллионов людей от одного властителя к другому, о закреплении нового соотношения военных и политических сил, сложившегося на Европейском континенте в результате поражений императорской Франции. Разумеется, все перемены в Европе явились результатом острейшей борьбы господствующих классов ведущих европейских государств, столкновения их различных, а во многих случаях и противоположных интересов.

Царская Россия стремилась получить герцогство Варшавское, усилить Пруссию как своего союзника, передав ей Саксонию. Английские государственные деятели опасались укрепления русского правления в Европе, надеялись укрепить дружественные отношения с Пруссией и союзные – с Австрией. Австрийские руководители рассчитывали закрепится в Италии, занять командные позиции среди

германских государств, преградив дорогу прусскому экспансионизму. Франция Людовика XVIII стремилась сохранить свои дореволюционные границы, восстановить международные позиции в Европе. Королевская дипломатия выступала против политики Александра I в «польском вопросе», стремилась помешать опасному усилению прусского королевства у французских границ, не допустить его гегемонии среди германских государств.

Л.А. Зак
МОНАРХИ ПРОТИВ НАРОДОВ
(Извлечение)

Руководящие деятели Венского конгресса решали судьбы Европы, не считаясь с мнением и интересами народов. Однако общественная атмосфера в различных странах оказывала заметное воздействие на позиции и планы правительств великих держав, накладывала отпечаток на дипломатическую борьбу в Вене. Влияние общественного мнения на ход событий в период Конгресса принадлежит к числу наименее изученных сторон истории этого времени.

В истории многих государств бывали примеры, когда то или иное отношение к событиям международной жизни, даже как будто бы непосредственно не затрагивавшим данную страну, способствовало проявлению общественных тенденций, размежеванию идеологических течений, формированию политических направлений. В конце XVIII – начале XIX века в России происходил процесс формирования передового лагеря, образования ранних преддекабрьских организаций.

С.М. Соловьев
ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I: ПОЛИТИКА. ДИПЛОМАТИЯ
(Извлечение)

Конгресс был назначен в Вене на осень 1814 года. В ожидании великого конгресса государи и министры их разъехались из Парижа по своим странам, где ждали их приветствия торжествующих, осво-

божденных народов. Но с какими чувствами съедутся союзники в Вену? Союз их в прежней ли силе?

Открытие конгресса было отсрочено до 1-го ноября именно для того, чтобы дать важнейшим вопросам время созреть для решения. Важнейшим вопросом был вопрос Польский.

Австрия распространяет свой скипетр и свое влияние на лучшую половину Германии, покрытой развалинами своих древних учреждений; она обладает прекрасными областями Италии, которые были покорены соединенными усилиями великого союза под самыми стенами Парижа; она присоединила к своим обширным владениям провинции иллирийские, которые доставляют ей господство на Адриатическом море и обеспечивают первенствующее влияние в Европейской Турции; по своему настоящему положению в Италии она способна предписывать законы королевствам Неаполитанскому и Сардинскому, могущественно влиять на Швейцарию и охранять против Франции границу альпийскую.

Пруссия берет на себя северную часть великого наследства Германской империи и упрочивает свою власть на Висле, Эльбе и Рейне. Германия получает политическую крепость, какой прежде никогда не имела. Франция, обрезанная вследствие крайностей колоссального честолюбия, без флота и торговли, может надеяться только на мудрость своего правительства. Пиренейский полуостров, истощенный и занятый губельною борьбой с собственными колониями, не представляет никакой точки опоры.

Остается Россия. Что это за увеличения ее владений, которые грозят спокойствию Европы? Неужели приобретение Финляндии и Бессарабии может подать повод к таким опасениям? Нельзя ли спросить наоборот: неужели Германия или Италия могут обеспечить Россию против враждебных замыслов какой-нибудь державы, которая захочет воспользоваться своими новыми выгодами? Россия может ли льстить себя совершенною безопасностью внутри, если не получит хорошей военной границы и особенно если покинет жителей герцогства Варшавского на жертву отчаянию и прельщению с разных сторон? Для России предмет первой важности – положить конец всем беспокойствам поляков. Затуманные теперь, эти беспокойства вспыхнут когда-нибудь под иностранным влиянием, и эта вспышка взволнует необходимо Россию и весь Север.

Этому второму меморандуму предпослано было письмо императора Александра к Кэстльри в нескольких строках, где император выражает надежду, что частная корреспонденция этим и окончится, и просит лорда на будущее время представлять свои бумаги обыкновенным порядком.

Е.В. Тарле
ТАЛЕЙРАН: ИЗ МЕМУАРОВ ТАЛЕЙРАНА
(Извлечение)

Талейрану приходилось выступать в Вене в 1814–1815 годах против таких противников, которые, за вычетом Меттерниха и Александра, не возвышались над уровнем дипломатической обыденщины и могли в лучшем случае считаться «средними служебными полезностями». Кэстльри, например, и других английских дипломатов, как и прусских представителей, он мог несколько не опасаться. Эти люди были свидетелями и даже участниками величайших событий и сплошь и рядом не понимали их истинного характера и внутреннего значения. Они все еще плелись в традиционных колеях доброго, старого, веселого, изящного XVIII века.

Талейран проявил здесь в полном блеске свои огромные дипломатические способности. Он во всю остальную жизнь всегда указывал на Венский конгресс, как на то место, где он упорно отстаивал – и отстаивал – интересы своего отечества от целого полчища врагов, и притом в самых трудных, казалось, безнадежных, обстоятельствах, в каких только может очутиться дипломат: не имея за собою в тот момент никакой реальной силы. Франция была разбита, истощена долгами и кровавыми войнами, подверглась только что нашествию. Против нее на конгрессе, как и прежде на поле битвы, стояла коалиция всех первоклассных держав: Россия, Пруссия, Австрия, Англия. Если бы этим державам удалось сохранить на конгрессе хоть какое-нибудь единство действий, Талейрану пришлось бы всецело подчиниться.

Но в том-то и дело, что с первого дня приезда своего в сентябре 1814 года в Вену Талейран принялся ткать сложную и тончайшую сеть интриг, направленных к тому, чтобы вооружить одних противников Франции против других ее противников. Первые шаги были

трудны. И репутация князя еще осложняла его положение. Не в общих оценках личности князя Талейран а дело было, не в том, что его на самом конгрессе называли (конечно, не в глаза) наибольшей канальей всего столетия, «la plus grande canaille du siècle». И не то было существенно, что богомольная ханжеская католическая Вена со всеми этими съехавшимися монархами и правителями, для которых мистицизм в тот момент казался наилучшим противоядием против революции, презирала расстриженного и в свое время отлученного от церкви епископа отенского, который предал и продал католицизм революционерам. Даже и не то было самое важное, что его, несмотря на все его ухищрения, упорно считали убийцей герцога Энгиенского. Раздражало в нем другое: ведь все эти государи и министры именно с Талейраном имели дело в течение всей первой половины наполеоновского царствования.

Тема 2. ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (1810 – 1826 гг.): ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД, ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Вопросы к практическому занятию

1. Предпосылки Войны за независимость в испанских колониях. Деятельность Франсиско Миронды.
2. Начало войны за независимость.
3. Восстание в Каракасе.
4. Освобождение Колумбии.
5. Война за независимость на Ла-Плате. Освобождение Чили и Перу.
6. Война за независимость в Мексике. Освободительная борьба под руководством Хосе Морелоса.
7. Окончание войны за независимость. Итоги освободительной борьбы.
8. Освободительное движение в Бразилии.
9. Социально-экономическое развитие стран Латинской Америки в 1820–1840 гг.
10. Страны Латинской Америки в 50–60-е гг. XIX в.

Источники

**BRACKENRIDGE H. M. SOUTH AMERICA: A LETTER
ON THE PRESENT STATE OF THAT COUNTRY TO JAMES
MONROE, PRESIDENT OF THE UNITED STATES,
BY AN AMERICAN**

(Извлечение)

JAMES MONROE,
PRESIDENT OF THE UNITED STATES,
SIR,

The discovery of America, the separation of the British colonies, and the present struggle for independence in the colonies of Spain, are three of the most interesting occurrences of the last thousand years. Columbus, in search of a passage which would change the track of Eastern commerce,

discovered a new world, possessing greater riches than the East, and capable of sustaining a population nearly equal to all the rest of the globe. Although disappointed in one object, he succeeded in opening sources of wealth to Europe which have changed its condition for the better in every department of life. The discovery of America enabled Europe to reach a point of improvement, which she could not otherwise have arrived at for centuries, if at all. Those who followed Columbus, with little or no scruple, appropriated to themselves whatever was found in the discovered countries, peaceably in some cases, but in most instances, by violence and cruelty. The inhabitants of America, in some districts numerous and far advanced in civilization, were regarded by the Spaniards with little more respect than the wild beasts of the forest. They were destroyed without mercy, their possessions were seized without compunction, and all the principles of justice and humanity were violated without remorse. The superior skill of the Europeans in the arts, derived from the use of letters, which preserves the discoveries of the ingenious and enables the human mind to advance towards perfection, necessarily placed the unfortunate Americans in the power of their invaders. The first discovery of America, and the subsequent encroachments, were alike the acts of enterprising individuals, although their respective sovereigns were careful to come in for the lion's share. As to those portions of the country where vast regions lay waste, (for the possession as hunting grounds by a few wandering tribes could scarcely be considered an appropriation of the soil) the laws of God and Nature might justify other members of the human family in taking a sufficient portion of the common inheritance for their subsistence. This was the case over nearly all the country now possessed by us, who, as the first of the colonies in forming an independent government, have become peculiarly entitled to the appellation of Americans. Our conquests were principally over the asperities of the climate and the earth; the axe and the plough were the weapons with which they were effected. If the natives have been sufferers, we are not to blame: the hunter cannot subsist by the side of the cultivator: the wild animals, which constitute his support, fly the fixed habitations of man. As in the natural progressive stages of society, so in relative position or vicinity, there must be a separation between these two states of human existence. The hunter and the cultivator could not be neighbours; the hunter, therefore, retired, and our settlements advanced.

In other parts of the continent the inhabitants were not always found in the hunter's state. Although not possessed of letters, they were far advanced as men can be without them. They had made no inconsiderable progress in the arts; they had their fixed seats or cities, vieing in population with those of Europe or Asia, their cultivation of the soil in a high state of improvement, and they had learned, unfortunately for them, to bestow a factitious value upon those metals which, in the old world, were regarded as the representatives of wealth, and used as the medium of commerce. Such was the situation of Mexico, of Peru, and parts of Chili. – These unhappy people were assailed by the Spaniards with barbarous cupidity, and every species of violence and injustice practised upon them. This, it is true, was the work of a few audacious and lawless persons, but it met the approbation of the sovereign, who came in when all was quieted for the larger share of the spoil. The sovereign took possession of these countries by the right of conquest ; and even after the enterprising and industrious of his own subjects had formed settlements and built cities, the privileges of conquest were never abandoned. Nothing can be more true than that the discovery, settlement, and conquest of America, was the work of private enterprize, but the advantages have been reaped by the different sovereigns. From the first discovery until the present day, they had but one thing in view – to draw the greatest possible advantage from the colonies, without regard to their prosperity. The colonies have furnished vast sums to be spent abroad, or rather squandered in wars and in the extravagance of courts. Their advancement, further than this object was answered, was regarded with indifference; the misery and wretchedness of the colonies would have been preferred to their prosperity, if this would have produced the greatest supply. They were in fact regarded as mere appendages, very useful and convenient, but forming no part of the state.

The policy pursued by the different European states towards the colonies, received a tinge from their peculiar characters, unavoidably influenced by the situation and nature of the colony itself, keeping always in view the sole advantage of the European sovereignty, no matter how disagreeable or distressing it might be to the colonies.

The Spaniards, for instance, found some districts abundant in the precious metals; here every pursuit was discouraged, and even forbidden, not necessarily connected with the working of the mines. Here neither agriculture, manufactures, commerce, nor even considerable population was

of much importance ; hence the mine districts have generally been condemned to barrenness more by the policy of the sovereign than by Nature, while the inhabitants have been the poorest on the continent. Nature has established no such law? as that because we reside in countries abounding in the precious metals, we must therefore want the comforts and conveniences of life. If permitted to avail ourselves of these advantages, we should prosper even if the soil were barren, by exchanging for things more necessary. But regarding solely the Spanish interests, these districts have been condemned to barrenness and poverty; they have been closed like caverns where the light of day is not seen. These riches must be transported abroad to gratify the idle debauchery of a court, and unintentionally to benefit the unshackled industry of neighbouring nations. This vile and oppressive monopoly appeared in everything; when the colonies could procure what was barely sufficient to exchange for the commodities which the crown permitted to be furnished them by those of her own subjects, or even the subjects of other nations to whom she sold this privilege, all further advancement was deemed unnecessary, and therefore checked, lest they might cease to want those" articles, mostly of the first necessity, which the crown was desirous of supplying <...>.

It is very evident that, the Spanish colonies had long ago become a very different people from the European Spaniards, and as the natural consequence, mutual dislikes and jealousies would be cherished. They must have long- since felt that they were a people held in subjection. They could naturally ask, " how long does Spain mean to consider us as appendages to her monarchy, as slaves fastened to the wheels of her chariot to swell her vanity and pomp ? Are we to be colonies for ever? Must we renounce all hope of being able to claim some of the honours of our beloved native soil – of being permitted to improve and ornament the birth place of our ancestors, our own homes, the only country which possesses our affections, the residence of our friends and relations?

Are we to be restricted in all our enterprizes by strangers, who come to us as it were from another planet, who have no ties amongst us, and are indifferent to the prosperity and improvement of our country? Shall we tamely submit to these task-masters who will not permit us to use what is our own, and who carry away the fruits of our industry we know not whither?" The only answer that could be made by the oppressor, would be short and simple, " I have the power." This is denied. The madness, the

pride, the obstinacy of Spain, is not yet satisfied, but the world is satisfied – that a people who can defend themselves for ten years, will be able to defend themselves for ever.

The policy of Spain necessarily tended to create and to increase this deep-rooted enmity. Its government would soon be considered as an odious usurpation. The most pleasing subject of the thoughts and conversation of the colonists, would be – their liberation from this political bondage. They would look to the day which would bring about this so much desired event, with something like religious devotion. There is nothing more natural than the prevalence of such wishes. Even in extensive, monarchies, which have the advantage of contiguity, or which have but slight separations, there is a constant tendency to fall by their own weight. In Cicero's orations against Verrus, we have a fine picture of the thousand impositions to which the remote provinces must necessarily be subject ; the vexations practised by the almost irresponsible vice-roys, governors, and sub-agents, sent to govern, or rather rob, are without end. Nothing can remedy the want of a centre of power, an original fountain of authority of their own. A country thus separated, without a government of its own, is a world without a sun. The distance from the metropolis renders it impossible to have feelings in common with it, or but few.

No empire, therefore, of extensive territory, and particularly when separated by oceans, can be of long duration, unless divided into separate states, each possessing its own centre of power, to which the sympathy, passions, and interests of the people are attracted. Besides being in this manner removed from the metropolis, which rendered it impossible for the people of America to have this community of feeling with the Europeans, and which enabled the imported governors and dignitaries to practice their abuses with impunity, they were separated by an ocean of a thousand leagues. By placing the Americans at such a distance from Europe, Nature seems to have forbidden their becoming dependencies, plantations, or appendages of petty European states* The king of Brazil acted a wise part in transporting his court and go».

government to his American possessions and converting the ancient seat of empire into a province; his American possessions had grown too considerable to remain as a distinct colony ; and although his form of government is not such as we should prefer to see generally prevail in America, it is yet much better than if he had attempted to retain them in the colo-

nial state. He must, however, hasten to identify his interests with those of America – he must cease to be European – he must escape from the trammels of European politics, or he will find his position an uneasy one. I should be glad to see the breach between him and Spain still further widened, and at the same time a good healthy rejection of the interference of the allies in the affairs of America.

The royal family of Spain would have acted wisely for its own interests in transporting itself to Mexico; and even George the Third might have retained his American colonies, and by this time have been master of the new world, had he transferred his crown from the island of Great Britain to the American continent.

Spain has been well aware of this disposition or tendency to separation on the part of the Colonies, and to establish governments of their own. She knew that the colonial state was a forced one, and too unnatural to last for ever. She had had, everywhere, frequent indications of the dispositions of the people which she could not mistake. They were gradually becoming ripe for a separation, in spite of all the precautions she could devise to retard this so much dreaded state. An event, however, in which she took some share (actuated no doubt by the desire of being freed from her ambitious neighbours, the English) served, contrary to her expectations, to hasten this maturity. This was the successful emancipation of the United States. To avoid one evil she encouraged another even more pernicious. Her colonies could not behold without uneasiness, the full enjoyment of the blessings of self-government and a free constitution in adjoining colonies. The imprisoned are tormented by the desire to escape, as much by the natural love of liberty, as by the sight of others in the enjoyment of it.

The precautions of Spain for the preservation of her colonies were in consequence increased; and their dissatisfaction increased in the same proportion. All the pains which were taken to prevent the introduction of liberal principles into her colonies were in vain; the importation of goods may be prohibited, but thoughts will find their way like the rays of light; it is as vain to forbid the spreading of knowledge as to forbid the sun to shine. The true principles of liberty, which have at last escaped abroad, can never be consigned to the tomb of secrecy. The art of printing will, in time, effect the liberty of the press ; and wherever this liberty prevails, despotism is at an end. These principles shook Europe to its centre ; and, although re-

strained at length, in some measure they are still silently working their way.

They found their way at last to the more natural clime of Southern America ; and we have seen that in America these principles have been invariably connected with the establishment of independence. Formerly a revolution indicated little more than a change of masters ; it now means the establishment of free government. The unexampled prosperity of the United States, the knowledge of which could not be concealed from the colonists, furnished the aliment to keep alive the fire which had been thus lighted up – their triumph over all their enemies, and their conquest over all their difficulties, at last, must render this fire unextinguishable. The daring enterprize and the intelligence of our citizens, who continually found their way into the Spanish colonies, in spite of all the guards which the most watchful jealousy could establish, contributed not a little to open the eyes of the colonists.

For twenty-five years before the revolutions of South America took place, there was a slow but progressive state of preparation for this momentous occurrence. It is, therefore, a mistake to suppose that the separation of the colonies was a revolt produced by an unpremeditated and accidental event – a sudden and passing storm which would soon be over – it was, in fact, the natural consummation of what had been long and gradually preparing, hastened by accidental circumstances, but not occasioned by them. <...>

The character which we bestow upon our brethren of the South would do injustice to the most uncivilized of our Indians. That information is as general among them, as amongst our people, no one, I presume, will pretend ; yet, have we made no progress since the American revolution ? Let this question be answered.

Three generations of freemen have arisen since that period, and each has undergone some improvement. I would ask, amongst whom began our resistance to Great Britain – by whom was it carried on and directed ? Certainly by the intelligent part of the community, who moved the uninformed mass, addressing themselves to passions which belong to nature, not to education alone, then inculcating ideas which had not before suggested themselves to those who are not in the habit of reading and thinking. Compare the state of general information and public spirit at that time with the present, and it will be found that the balance will be as much in favour of the

latter, as it is in favour of the present state of our population, wealth, and public improvements. We had many well educated men, especially in the different professions > we had a numerous class in the middle walk pi* life, that is, possessing a moderate share of wealth, and with sufficient leisure and opportunity for acquiring enough of information to understand and place a proper value upon their rights, and to appreciate the advantage of a separation from Great Britain. Has it ever been pretended that such a population is no where to be found in South America? I am far from pretending that the great mass of its population is as well prepared as ours was; but let it be recollected that we established at once, not only a free government, but the freest that had ever been known in the world. It does not follow that because the Southern Americans cannot establish a government within many degrees as free as ours, that they are therefore incapable of anything but absolute despotism. It would not be difficult to prove that there are some strong features of resemblance in the southern population to our own, and which have an equal tendency to qualify them for free government. The means of acquiring affluence, for instance, were sufficient to raise up in every village or district, families sufficiently at ease in their circumstances to acquire some information and to maintain a respectable character ; they were everywhere more locomotive and consequently more thoughtful. They had their professional men as we had, who were necessarily enlightened, and were attached to the soil by the ties of birth and by family connexions, and yet could aspire to no public offices or honours. The native priesthood were, with hardly an exception, excluded from the dignities of the church, which were usually bestowed on foreigners. The secular priests, so far from being inimical to the cause of independence, have been its most active supporters, and what is more, the advocates of the most liberal principles. The fact is, that these native priests, who are the sons of the most respectable families, and, in most instances, have little more in reality than the name, are the leaders of their armies, their partizan officers, and engage actively in disseminating political information among the people. These men have in fact been long brooding over the emancipation of their country, and many, it is highly probable, have been induced to put on the gown in order the more effectually to conceal their studies. I have been acquainted with several gentlemen, who informed me that long before the present struggle in South America, they had been surprized at the liberal sentiments of this class, and at the ex-

traordinary avidity with which they gathered up everything which related to our country.

Although incredible pains were taken by the Spanish government to shut out from the colonies all information, all knowledge of a liberal kind, and notwithstanding also all books were proscribed whose possible tendency might be to disclose to the Southern Americans the important secret that they were men, yet it was utterly impossible to exclude every kind of learning: some branches were even encouraged in order to divert the attention from more dangerous studies; they had their colleges and seminaries of learning in the principal cities and towns, as well as schools for teaching the first elements ; while the sons of many of the more wealthy, as was the case in our own country, were sent abroad. In a philosophical point of view, there is nothing so vain as this attempt to force the thoughts into a particular channel like a stream of water. The reading of any book can do little more than set the mind in motion; and when we once begin to think, who but the Divinity can set bounds to our thoughts ? The mere reading of an edict forbidding a book to be read, might give rise to a train of thought infinitely more dangerous than the book itself.

In Southern America, as well as in the North, subsistence was easily obtained ; and from the thinness of the population, men were worth much more than in the thickly settled, starving countries of Europe. There was little or no hereditary nobility to look down upon them, and habituate them to feel an inferiority ; such nobility as were in the country (sprigs from old rotten Spanish stocks) were regarded as exotics, badly adapted to the climate and soil. In general, each one was the fabricator of his own fortune. The only real distinction of rank was that of superior wealth, talents, or office ; the exotic nobility, who aspired to something more, were no better than strangers, often contemptible in themselves, and secretly despised by all classes of the natives. I do not see that I risk much in boldly asserting, that our Southern brethren, taken collectively, were better fitted for liberty (Switzerland excepted) than any part of Europe. The shepherds of America are a bold, vigorous, manly race of men, and from the very nature of their employments, serious and contemplative. <...>

The specimens of Southern Americans we have had in this country, within a few years past, are surely not such as to justify the opinions which many of us entertain of the character and capacities of those people. The countries which can produce such men as Clemente, and Gaul, are surely

not sunk in brutish ignorance, or incapable of rational self-government. These we have heard to breathe sentiments of manly independence and of exalted patriotism, which until now were thought to belong only to Greece or Rome. With shame, have I heard these men complain that we regarded all their countrymen as sunk below the rest of their species – that we were entirely unacquainted even with their geography, and that many of us treat, their cause with a contemptuous indifference. I blush for the vanity and selfishness of my countrymen, who are unwilling to allow the common attributes of humanity to these generous men, who have offered their lives and fortunes to purchase freedom for their beloved native soil. <...>

The situation of Mexico, which, perhaps, more nearly concerns us than any other part of the world, it is difficult precisely to ascertain. The nature of its coast, its want of ports, its secluded situation, enables the royalists to keep from us all correct information as to the state of the interior. A thousand petty artifices and fabrications are used to impose upon the world, in this instance, as well as in everything which concerns the colonies. The Spaniards are continually spreading ridiculous rumours of the entire submission of the country ; of large armies arriving, and of measures taken by European allies. Has Spain yet succeeded in persuading the colonies, contrary to every wish of the human heart- – contrary to the plainest dictates of reason, that it would be better for them to continue her abject slaves, than to follow their own inclinations and be great and happy ?

Has she convinced them that slavery is better than freedom – that poverty is better than abundance – that to be ruled by another's will, is better than to pursue our own inclination – that to be robbed, is better than to be secured in our possessions – that to be shut up like felons and denied all intercourse with other men, is the most agreeable condition of society ? If she has succeeded in these things, we may then presume that her power is again established. <...>

**BRACKENRIDGE, H.M. THE PRINCIPAL OCCURRENCES
AT BUENOS AYRES SINCE THE COMMENCEMENT
OF THEIR REVOLUTION**

(Извлечение)

The Principal Ayres the Retribution, revolution at Buenos Ayres, may be dated as far back as the first invasion by the British under Beresford, in June, 1806. The country was at that time almost in a state of abandonment on the part of Spain. She had a few wretched troops at Buenos Ayres and Monte Video; and an indifferent naval force, chiefly stationed at the Inter of these places, which from the circumstances of being nearer the ocean, and having a better harbour, was the naval depot. While Napoleon was preying on the Spanish monarchy in Europe, the feeble and defenceless state of the Spanish American colonies, held out strong temptations to the avarice of England. Sobre Monte, at this time the viceroy of La Plata, seems to have been totally devoid of energy and talents; and when the British expedition, under Beresford and Sir Home Popham, appeared, the city of Buenos Ayres fell an easy conquest, The Spaniards had neither soldiers nor arms; the inhabitants far from being accustomed to rally round the standard of their country, in times of danger, had not even been permitted to think they had a country. From a people entirely excluded from any participation in national or political affairs, indifference and apathy were to be expected. An idle shew of resistance, it is true, was made by Sobre Monte, a few arms were distributed to the militia ; but to use the words of Mr. Poinsett, " ignorant of their use, they ran out without order to look at the enemy^ while General Beresford with two thousand men, marched into the city and took possession of the citadel without opposition. Don Juan Martin Pueyrredon, was the only officer at the head of a company of hussars, that harassed the enemy's march. The viceroy fled panic struck to Cordova, in the interior.

But the same people when left to themselves, soon discovered energies which astonished the invaders. They appeared to awaken as from a dream, or rather to be aroused into life from a state of lethargy or stupor. Inflamed with indignation at the imbecile conduct; of the ruler, whom chance, favouritism, or bribery, had placed over them, and chagrined at seeing their native soil in the possession of foreigners, they soon began to meditate upon the means of effecting their expulsion. Liniers a captain in

the navy, and a Frenchman by birth, not being included in the capitulation, was at liberty to take immediate steps with a view to this object. He entered into a secret correspondence with several members of the cabildo of Buenos Ayres, the most conspicuous of whom were Alzaga, an European Spaniard, and the present director, Pueyrredon. He at the same time, applied for assistance to the governor of Monte Video, who could spare him only the marines and seamen at that place. With these, and such volunteers as could be collected at Colonia, he suddenly crossed the river, and in the vicinity of the capital, was joined by the force collected and embodied by Pueyrredon, consisting; of the neighbouring peasants, and such of the citizens as had escaped from the city. The British were attacked, and after an obstinate resistance, compelled to surrender at discretion.

This was the first immediate impulse given to the revolution, by an event apparently no way connected with it. The urgent necessity of their situation, cast upon them the duty of self-defence, and this disclosed to them the secret of their capacity and strength. That the revolutionary movement would stop here, was not in the nature of things. It is besides well known that there was no inconsiderable state of preparation among the better informed classes of society, arising from their contemplation of the revolutions of the United States, and of France. Liniers was acknowledged their deliverer, and the people, now abandoned to themselves, by the desertion of Sobre Monte, and being thus self-rescued, conceived they had a right to make choice of their ruler. A general meeting of the citizens was called, and it was resolved to invest Liniers with the power and dignity of viceroy. Although no other change was effected in any department of the government, this cannot but be regarded as the first step towards their emancipation.

This single but important exercise of power, was the principle from which a multitude of important reasonings were deduced. It was in its nature and manner, an act of the people, inasmuch as there were no orders of nobility, or ancient families claiming hereditary influence. The audiencia, which, according to the Spanish American constitution, is the counterpoise to the power of the viceroy, was on this occasion passive ; the lead was taken by the principal citizens, and by the municipality, with some interference on the part of the higher clergy, who from the first settlement of the colonies, had been in the habit of intermingling their voice in all important secular concerns.*

It now became incumbent on Liniers, to place the country thus intrusted to his care, in a conditions to resist a future attack, of which there was every probability. The citizens were formed into volunteer corps, moth on the same principle of those which were seen in the United States during the war with Great Britain. From the strong resemblance between them, and at the same time, the democratic character this occasion exhibited by Buenos Ayres», I am tempted to make the following extract from the work of Dean Funes. Speaking of this military organization of the inhabitants, he observes, '* in these times, all those prerogatives which arise from a diversity of professions and fortunes, at once disappeared ; since the love of country had placed all upon a level, or had left no other distinction but that of merit. It v/as a spectacle worthy of the contemplation of philosophy, to see men of the greatest wealth common soldiers in the ranks, under the command of a poor labourer, and the bravo negro by the side of his master, who in numerous instances, rewarded his courage with liberty. Wealth, when placed in competition with capacity, left the possessor only the privilege of employing it for the benefit of the common cause, in purchasing uniforms for the soldiers, and in supplying their necessities. This disinterestedness, was only equalled by their assiduity in acquiring the elements of the military art. The most experienced in the science of war, would scarcely believe the progress made in the course of a few months, by several thousand individuals, who before were only accustomed to the peaceful occupations of commerce, to manual labour, or to the mechanic arts." <...>

CAESAR A. RODNEY TO THOMAS JEFFERSON
8 AUGUST 1818

From Caesar A. Rodney

Wilmington Aug. 8th 1818 Honored & Dear Sir,

On my return home, after an absence of many months, I am naturally led to enquire, after the health & happiness, of those, who are the constant objects of my respect regard & solicitude. Among the first in my affections, is the sincere & uniform friend of my youth to whom I have always been personally & politically attached.

The people, of S. America whom I have lately visited, resemble in appearance, character & manners, those of our own country. I was most

agreeably disappointed with the prospect I beheld A fine soil, a most delightful climate and an amiable humane & brave population. The improvements have been as rapid as circumstances permit. A system of moderation however prevails. They appear to avoid the excesses of the French Revolution, which really operates as a bloody buoy² warning them of the dangers.

I am now occupied in preparing a report on the subject of that country, which I expect to take on to Washington in the month of October. And I do flatter myself with the prospect of once more paying my respects to the best of friends.

With every sentiment of esteem affection & gratitude I remain Dear Sir

Yours Most Sincerely & Truly
C A. Rodney

**CORNELIO DE SAAVEDRA, PRESIDENT OF THE GOVERNING
JUNTA OF THE PROVINCES OF THE RIO DE LA PLATA,
TO JAMES MADISON, PRESIDENT OF THE UNITED STATES**

Buenos Aires, June 26, 1811

Most Excellent Sir: Myson Don Diego de Saavedra will have the honour of placing in Your Excellency's hands this Letter, and of paying his compliments to in my name.— He goes from this Court in company with Don Juan Pedro Aguirre, both commissioned by this Superior Government, for the purposes which will perceive by the credentials authorizing their Mission. To procure the necessary aid of arms against every European, who is opposed to the cause of that Liberty which the People of America have recovered, is the interesting object of their Mission.

We can look to no other Power better enabled to aid us than our Brethern of North-America, over whom so worthily presides— I take the liberty of recommending these Gentlemen to Your Excellency, to forward the objects explained by their instructions which will be shewn to you. It is important that they should conceal from the Public, their real names, the former being a Captain of Dragoons, and the latter, the actual Secretary of this Most Excellent Cabildo. (Court of Justice)

I can assure that this frank and liberal Government will take particular pleasure in establishing with their Fellow-Countrymen of N. America, all kinds of mercantile relations, and that it desires to preserve the strictest friendship towards of whom, I have the honor to be [etc.].

**CORNELIO DE SAAVEDRA, PRESIDENT OF THE GOVERNING
JUNTA OF THE PROVINCES OF THE RIO DE LA PLATA,
DOMINGO MATHEU, AND ELEVEN OTHERS, TO JAMES
MADISON, PRESIDENT OF THE UNITED STATES
Buenos Aires, June 6, 1811.**

Most Excellent Sir: This Government, desirous of securing the fullest safety for these countries from the attacks from abroad of other peoples who either are its enemies or assault its liberty, entertains the just wish to secure the adequate force to enforce respect for itself and maintain its rights.

Since it needs arms for that purpose, which it believes it could not obtain better than from your generous nation which appreciates in the most noble manner the just liberty of men, it has decided to send with its powers and appropriate instructions citizens Don Diego de Saavedra and Don Juan Pedro de Aguirre, in order that they can purchase these in the United States and forward them with all the safety and caution that they can command: and it also hopes that your Government will be generous enough to deign to assist and protect its envoys in the achievement of the purpose of their mission; but, considering also that the better success of that mission and the safety of the undertaking of so much importance to us essentially depends on the greatest and most solemn secrecy, it has also decided that in carrying out their mission the above named gentlemen will keep from the public their true names, which are as above stated, and go under those of Pedro Lopez and Jose Cabrera, and will carry two passports to that effect and also to avoid compromising in any way your nation in the eyes of England or any other, which, although without ground, might imagine they were offended. In the understanding that this measure is taken for the precise intent of communicating frankly with your Government through your Excellency's respected medium as is done, and recommending to the effective protection of your Excellency the persons of its commissioners and the

purpose of their commission; without a doubt that your Excellency's kindness will generously lend itself to the views and desires of this Government, which will be extremely pleased to comply with what it may have the honor to be asked at any time by your nation. May God guard your Excellency many years.

' MS. Papers relative to the Revolted Spanish Provinces.

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ АРГЕНТИНЫ

9 ИЮЛЯ 1816 г.

(Извлечение)

В достойном и весьма важном городе Сан Мигель дель Тукуман 9 июля 1816 г., когда была закончена очередная сессия, конгресс Объединенных провинций продолжил свои предыдущие обсуждения относительно великой и августейшей цели независимости народов, составляющих его. Всеобщим, постоянным и решительным был глас народа всей территории за ее торжественную независимость от деспотической власти королей Испании.

Декларация

Мы, представители Объединенных провинций в Южной Америке, собравшиеся на Генеральный конгресс, призывая Всевышнего, который правит миром, от имени и властью народов, представляемых нами, заявляем небу, всем нациям и людям земного шара о справедливости, которая направляет наши голоса, что мы торжественно провозглашаем перед лицом всей земли о том, что единодушной и незыблемой волей Объединенных провинций является разрыв насильственных уз, которые привязывали их к королям Испании, восстановление прав, отнятых у них, а также стремление облечь себя высоким положением нации, свободной и независимой от короля Испании Фердинанда VII, его преемников и метрополии; располагать фактически и по праву широкой и полной властью, чтобы придать себе формы, которых требует справедливость и обстоятельства. Поэтому все и каждая из провинций должны опубликовать эту декларацию, провозгласить и утвердить, возложив на нас ответственность за выполнение и поддержание их воли при безопасности и гарантии их жизни, имущества и репутации. Из уважения, которое приличествует

нациям в манифесте, будут подробно описаны серьезнейшие побудительные основания этой торжественной декларации...

ДОКТРИНА МОНРО

**(из ежегодного послания Конгрессу Президента Джеймса Монро,
2 декабря 1823 г.)**

(Извлечение)

...В ходе переговоров было сочтено целесообразным воспользоваться случаем для утверждения в качестве принципа касающегося прав и интересов Соединенных Штатов, того положения что американские континенты, добившиеся свободы и независимости и оберегающие их, отныне не должны рассматриваться как объект будущей колонизации со стороны любых европейских держав.

...Мы всегда с беспокойством и интересом наблюдали за событиями в этой части земного шара, с которой у нас не только существуют тесные взаимоотношения, но с которой связано наше происхождение, Граждане Соединенных Штатов питают самые дружеские чувства к своим братьям по ту сторону Атлантического океана, к их свободе и счастью. Мы никогда не принимали участия в войнах европейских держав, касающихся их самих, и это соответствует нашей политике. Мы негодуем по поводу нанесенных нам обид или готовимся к обороне лишь в случае нарушения наших прав либо возникновения угрозы им.

По необходимости мы в гораздо большей степени оказываемся вовлеченными в события, происходящие в нашем полушарии, и выступаем во поводам, которые должны быть очевидны всем хорошо осведомленным и непредубежденным наблюдателям... Поэтому в интересах сохранения искренних и дружеских отношений, существующих между Соединенными Штатами этими державами, мы обязаны объяснить, что должны будем рассматривать попытку сих сторон распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и

безопасности. Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела уже существующих колоний или зависимых территорий какой-либо европейской державы. Но что касается правительств стран, про-

возгласивших и сохраняющих свою независимость, и тех, чью независимость после тщательного изучения и на основе принципов справедливости мы признали, мы не можем рассматривать любое вмешательство европейской державы с целью угнетения этих стран или установления какого-либо контроля над ними иначе, как недружественное по отношению к Соединенным Штатам.

**FROM JOHN ADAMS TO CAESAR AUGUSTUS RODNEY,
26 September 1818**

Quincy Sept. 26 1818

Dear Sir

I thank you for Permission to publish your former Letter.

In that Letter you allude to original Letters from Mr Otis which you have Seen, and which do him honour.

I dare not ask for those Original Letters, because If I possessed them myself, I would not part with them.

But if you will favour me with Copies you will greatly oblige me. I would hesitate at no Price for them.

I can never recollect the Character and History of Mr Otis, without a tenderness of Sentiment, that all my Stoical Phylosphy cannot conquer. One must have lived with him to have known him.

I wish, Sir, that I lived near you and that I could converse with you every day. You have lately travelled in the Country the most interesting as far as I know, in the World. I gaze with Awe and reverence on South America. And I have gazed for forty years. That all America will be torn from the Domination of Europe I have never doubted: but what will be the Effects and Consequences? Aye! theres the Rub. My Maxim is all Such Cases of incomprehensible difficulty, has always been "Stand Still and See, the Salvation of the Lord."!

A free Government in South America would produce Revolutions in Religion and Government over the whole Globe: But what an hundred Despotisms would produce who can foresee? I am Sir your much obliged Friend

John Adams

FROM JOHN ADAMS TO CAESAR AUGUSTUS RODNEY,
4 April 1819
(Извлечение)

Quincy April 4th 1819

Sir

I thank you Sir for your Condolence in my great affliction.—

And for the Copies of the two letters from your Uncle to you Father—the first in 65. and the last in 76.

[. . .] Cæsar Rodney your Uncle was in my opinion a judicious and Sagacious Judge of men and things—I knew only three of the Delegates to the Congress of 65.—General Timothy Ruggles was a Man of a strong mind—but devoted to great Britain.—James Otis possessed as great talents as any Man, <, Start deletion,as, End,> that ever arose in North America—and was wholly devoted to his native Country—Oliver Partridge was a Gentleman of Education but not greatly distinguished—more inclined however to great Britain than to his own Country—Governour McKeen and his talents you knew—these are all that I ever knew—except your Uncle—I have heard that Mr Ogden was distinguished—but he was on the side of Ruggles and great Britain—

On the Subject of <, Start deletion,great, End,> Miranda I could send you a bundle of papers—in Spanish, and in English, and French, but they are two voluminous—the originals [. . .], and Copies I cannot make—I published in the Boston Patriot several years ago the most material of them—but they appear not to have been read or considered of any value—a plan was laid by the British Ministry under Mr Pitt to set South America free—And what you have seen in the Edinburgh Review contains some imperfect hints of it only—

A Scotch Gentleman by the name of Briested, in a very large Octavo Volume which he entitled hints on the Bankruptcy of great Britain, If I remember right, in which he has given some account of this hopeful plot—and has charged the defeat of it to John Adams—who thanks him for the honour he did him—for Mr Pitt must have believed John Adams to have been an Idiot and the people of the United States out of their Senses to be duped by his Artifices into the adaption of an enterprise more Romantick than any we read in the History of Mirandas great Archetype, Model, and example—the Hero of Lamanca—

The History of that mad transaction, I hope will one day be written, but I know not by whom, certainly it cannot be, by your obliged friend / and most humble Servant

John Adams

**MIGUEL HIDALGO. THE GRITO DE DOLORES
("CRY OF/FROM DOLORES")**

(Извлечение)

“My Children, a new dispensation comes to us today...

Will you free yourselves? Will you recover the lands stolen 300 years ago from your forefathers by the hated Spaniards?

We must act at once.”

**W. G. MILLER, UNITED STATES CONSUL AT BUENOS AIRES,
TO JAMES MONROE, SECRETARY OF STATE OF THE UNITED
STATES BUENOS AIRES,**

April 30, 1812

Sir: I had the honor to address you on the 25 UI. and to inform you the intended meeting of the assembly for the purpose of electing a new member for the Executive: Agreeably to the decree of Gov: the assembly met on Sunday: its opening was announced to the public by the discharge of the ort Guns &c: this formality and compliment on the part of Gov induced the people generally to suppose the Executive were inclined to permit them to Enjoy their rights as representatives of the people: after a due consideration Juan Martyn Puereydon late Comm in chief of the army in Peru was elected as the new member: the Gov. thro' their partisans 3 of the Cabildo & three of the members, endeavored to obtain the election of another person, but finding the opposition too great, they assented imm[^]. to the choice of the candidate submitted to their approbation.

A discussion then took place respecting the suplente until the arrival of Puereydon: the Executive, insisted on their right to name, whom they might think proper, as having the supremacy over the assembly, and named "Rivadavia", urging, the inconvenience, of a stranger, being admitted into

the Executive, and thus becoming possessed of the Secrets of State; to this nomination, the assembly would not assent: but insisted on the right of electing a suplente as inherent in them: A warm discussion then took place: it will elucidate the subject, if the reserved object of the well meaning members, of the assembly be stated, & which had been arranged by several of the members that were actually elected & those who had expected to be elected: the first was, the declaration of Independence.

An Enquiry into the state of the negotiations with the U S. the correspondence that had passed and what had been done to conciliate them in their favor, the powers of the deputies sent the state of the negotiations with Caraccas, & Condinamarca: the recognition of their independence these objects were gradually to have been brot on the Tapis but it was necessary to establish the supremacy of the Assembly ere it could be done with propriety: The Gov on their part brot forward three other resolutions to which they wished the acknowledg\ of the Assembly that they were the

Executive of an independent people

Reply : we have not declared independence we therefore cannot recognize you as an Executive of an Ind. Government,

That a tax must be levied by the Assembly, on the people and province amount to 2 millions dollars annually,

Reply. We cannot grant you any such power or can we tax the provinces & people: We have no such powers. Let the people from the interior send us the powers or let them send other deputies.

(It must be observed that the members representing the interior towns were all citizens of B A. chosen by the people above from the impossibility of their being chosen am themselves in time for the Assembly: they were

the ablest men.) the acknowledge of the independence of Carraccas & Condinamarca.

Reply; This, the assembly of a colony, cannot do: Under what character can we treat with them: let us declare our own independence & then we can acknowledge theirs: The chagrin of the Executive was considerable at this unexpected denial of their propositions: their object in obtaining the consent of the Assembly to the taxation was to render them hated by the people All the intentions of the Assembly were however frustrated by the imprudence of some of the young members, who on the heat of discussion discovered at too early a moment their views: one of the members of the

assembly a decided partisan of the Gov. whether right or wrong as he declared in y room, instantly escaped privately and informed the Gov: of the subject in discussion.

The assembly finding their privildges thus invaded, voted the arrest of the member which was immediately carried into effect: the president of the assembly (alcalde the first vote in the Cabildo) which formed 12 members in the meeting wrote with the approbation of the Assembly, a letter to the Exec unfolding their objects & inviting the members to a friendly Conference: to this the executive replied directing the assembly to act in conformity to the Cons" and not interfere in matters not relating to their dep a warm discussion took place: one of the members, who had been one, of the 13 who composed the first assembly, which had elected the Executive said, there are five Citizens present who were my associates: I call on them to say whether when they gave their assent to the act of installation they considered they were signing an act & naming an executive to be superior in power to the assembly: Let the orig document or record be produced: it is in the archives of Gov. Let it be examined & inform yourselves whether any such power as is now claimed by the executive was then granted them. I deny it: my associates deny it: surely six out of 13 are entitled to some credit: the Executive urge that they have formed a constitution and that as it had been sworn to by the people it must be considered the guide of the assembly in their proceedings, was that constitution ever approved or submitted to the consideration even of any regular representation of the people : it was formed by the Executive in direct opposition to the tenor of the powers invested in them, & sworn to by a small number of the people, under the point of the bayonet, for the troops had sworn to defend it first. A note was then passed requesting the inspection of the document alluded to: the Executive returned for answer that it was not to be found:

The Executive then finding, that in the Event of the supremacy of the assembly being establish, and, that one of the members had moved that the people be called together, there would be an end of their power: and their measures strictly examined, determined to do away [with] the assembly without delay: three days previous to its meeting, it had been declared by public Bands death for any 3 persons to be found in the streets together during the scene of its sitting: availing themselves of this Law & perceiving the assembly which had opened at 8[^]™ & con[^]. in session until , had still the same objects in view, they sent an officer with the Copy of the

Law & dissolved the assembly desiring the members to return to their houses under pain of incurring its penalties : also suspending the functions of the Cabildo this was an act of violence unknown to the people: unprecedented and created such general irritation that it was current that the members of the assembly would have been poignarded could they have been met with: the members separated, and tranquillity has since prevailed.

Puereydon was imm written to by his friends, We hear he is now on the way down: Letters recvd a few days since from him stated that he had some hope of coming to an arrangement with Goyonche: & making peace the sudden retreat of the latter from Suypacha in consequence of another revolution of the Cochabambi means who had it is said attacked a division of his army (500) & routed them, had put an end to the discussions. Belgrano is now Comm in chief in Peru he is at 10 leagues from Jujui, his force is small, the hatred of the people of Peru to the Gov. of B As is almost as great as it was to that of the Old Sp^a and it will be difficult to appease their resentment: originating in the impolitic conduct of Castelli & the Governm.

Paraguay continues tranquil: the people are very happy under the change: the Gov, is very popular, and affairs are approaching the crisis: independence will be declared by them ere long: a copy of the constitution of the United States translated by the consul General whilst here: has been requested of me by the president of the Junta:

The President of the Executive of this Gov: Don Manuel de Sarratea left B, this morning to join the army on the other side and direct its operations, he precedes the Etat majeur: the chief of which will proceed from hence on Saturday: 600 Cavalry & 300 infantry regulars uniformed &c: left this with Sarratea, French's & Terrada's divisions have not yet joined

Artigas: who has thought it prudent to retreat across the Uruguay, as the Portuguese had advanced rapidly: Several Garrisons have been left on the road, hence his whole regular force will hardly exceed: 4800 to 5500 men: The British Cons: General M. Staples has not been received by this Gov.he presented his patents which were returned to him with a letter stating that the B. Gov. had not addressed them an introductory letter or taken any notice of the many letters written to them: a long time since: The prejudice ag^a the English is consequently very strong and has evinced itself in many acts of disgust & neglect:

I had the honor of a letter from the Consul Gen^l under date 10 Ap. hementions that the Troops of Conception were at the River Maule, but that there was reason to suppose an accommodation would take place as the president had left S. Iago for that purpose:

I have the honor [etc.].

PLAN OF IGUALA, 24 February 1821

ART. 1. The Mexican nation is independent of the Spanish nation, and of every other, even on its own Continent.

ART. 2. Its religion shall be the Catholic, which all its inhabitants profess.

ART. 3. They shall be all united, without any distinction between Americans and Europeans.

ART. 4. The government shall be a constitutional monarchy.

ART. 5. A junta shall be named, consisting of individuals who enjoy the highest reputation in the different parties which have shown themselves.

ART. 6. This junta shall be under the presidency of his Excellency the Count del Venadito, the present Viceroy of Mexico.

ART. 7. It shall govern in the name of the nation, according to the laws now in force, and its principal business will be to convoke, according to such rules as it shall deem expedient, a congress for the formation of a constitution more suitable to the country.

ART. 8. His Majesty Ferdinand VII shall be invited to the throne of the empire, and in case of his refusal, the Infantes [princes] Don Carlos and Don Francisco de Paula.

ART. 9. Should his Majesty Ferdinand VII and his august brothers decline the invitation, the nation is at liberty to invite to the imperial throne any member of reigning families whom it may select.

ART. 10. The formation of the constitution by the congress, and the oath of the emperor to observe it, must precede his entry into the country.

ART. 11. The distinction of castes is abolished, which was made by the Spanish law, excluding them from the rights of citizenship. All the in-

habitants of the country are citizens, and equal, and the door of advancement is open to virtue and merit.

ART. 12. An army shall be formed for the support of religion, independence, and union, guaranteeing these three principles, and therefore it shall be called the army of the three guarantees. sdct

ART. 13. It shall solemnly swear to defend the fundamental bases of this plan.

ART. 14. It shall strictly observe the military ordinances now in force.

ART. 15. There shall be no other promotions than those which are due to seniority, or which shall be necessary for the good of the service.

ART. 16. This army shall be considered as of the line.

ART. 17. The old partisans of independence who shall immediately adhere to this plan, shall be considered as individuals of this army.

ART. 18. The patriots and peasants who shall adhere to it hereafter, shall be considered as provincial militiamen.

ART. 19. The secular and regular priests shall be continued in the state in which they now are.

ART. 20. All the public functionaries, civil, ecclesiastical, political, and military, who adhere to the cause of independence, shall be continued in their offices, without any distinction between Americans and Europeans,

ART. 21. Those functionaries, of whatever degree and condition, who dissent from the cause of independence, shall be divested of their offices, and shall quit the territory of the empire, taking with them their families and their effects.

ART. 22. The military commandants shall regulate themselves according to the general instructions in conformity with, this plan, which shall be transmitted to them.

ART. 23. No accused person shall be condemned capitally by the military commandants. Those accused of treason against the nation, which is the next greatest crime after that of treason to the Divine Ruler, shall be conveyed to the fortress of Barrabas, where they shall remain until the congress shall resolve on the punishment which ought to be inflicted on them.

ART. 24. It being indispensable to the country that this plan should be carried into effect, in as much as the welfare of that country is its object,

every individual of the army shall maintain it, to the shedding (if it be necessary) of the last drop of his blood.

Town of Iguala, 24th February, 1821.

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ С. БОЛИВАРА В АССАМБЛЕЕ
ВЕНЕСУЭЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КАРАКАСЕ
2 ЯНВАРЯ 1814 г.
(Извлечение)**

Граждане! Ненависть к тирании вынудила меня покинуть Венесуэлу, когда я увидел мою родину, вторично закованную в цепи; но любовь к свободе снова привела меня сюда из далеких краев Магдалены и помогла преодолеть любые препятствия, встречавшиеся на пути, на который я вступил, дабы избавить мою страну от ужасов и притеснений, чинимых испанцами. Мои войска, которым неизменно сопутствовал успех, заняли всю страну и разгромили могущественного противника...

Дабы спасти вас от анархии и разгромить врагов, пытавшихся сохранить угнетение, я согласился принять на себя верховную власть в стране. Я дал вам законы - учредил судебные органы, установил налоговую систему - иными словами, я создал для вас систему правления.

Граждане! Я отнюдь не являюсь носителем верховной власти. Ваши представители сами должны разрабатывать для вас законы, и национальные финансы не принадлежат тому, кто руководит вами. Все люди, призванные охранять ваши интересы, должны давать вам отчет о том, как они это делают...

Ныне я стремлюсь лишь к тому, чтобы передать власть представителям, которых вы должны избрать, и надеюсь, мои сограждане, что вы избавите меня от того предназначения, которое один из вас может достойно взять на себя, предоставив мне единственную желанную для меня честь - продолжать сражаться против ваших врагов, и я клянусь, что не вложу в ножны меч до тех пор, пока не будет полностью обеспечена свобода моей родины...

Соотечественники! ...Военный деспотизм не может обеспечить счастья народа, и власть, которой я располагаю, будет служить интересам республики не вечно, а лишь временно...

Симон Боливар
МАНИФЕСТ ИЗ КАРТАХЕНЫ
15 ДЕКАБРЯ 1812
(Извлечение)

Освободить Новую Гранаду, как и Венесуэлу, и избавить её от мучений, которым она подвержена, – вот цели, сподвигшие меня на этот Меморандум. Снизойдите же, о мои сограждане, к принятию с терпимостью в дар этих намерений, достойных похвалы.

Я, гранадцы, – сын несчастного Каракаса, чудесным образом спасшийся из сердца его физических руин и от политиков, которые всегда верны либеральной системе. Истинно, что провозгласив свою родину, я пришёл установить и здесь стандарты независимости, которыми так славно размахивают в этих государствах.

Позвольте мне дерзнуть направить на вас оживлённость патриотической ревностью, чтобы слегка указать на причины, приведшие Венесуэлу к разрушению; мне льстит, что ужасные и назидательные уроки, которые получила эта угасшая Республика, позволят Америке улучшить правление, исправляя дефекты в единстве, прочности и энергии, отмечаемые в её правительствах.

Самой закономерной из ошибок политического театра Венесуэлы стало, несомненно, фатальное постановление, сделавшее её системой толерантной; системой, отягчённой слабостью и не эффективностью. Её упорное и слепое поддержание с тех пор и до последних времён было для всего разумного мира беспримерным.

Первым доказательством неразумной слабости нашего Правительства стал его манифест о городе, подчинённом Коро, который отказался признать его легитимность: город объявили восставшим, и против него повели военные действия, как против врага...

...Совет основывал свою политику на плохо понимаемых принципах гуманности, которые не подтверждаются ни одним правитель-

ством, чтобы насильно освободить глупые народы, не знающих цену своим правам.

Своды законов, с которыми сверялись наши правители, не могли научить их практической науке правления: они лишь сформировали известных добрых фантазёров, которые, выдумывая для себя республики из воздуха, стремились достичь идеальной политики, предполагающей совершенствование человеческого рода. Таким образом, нашими начальниками стали философы; нашими законодателями – филантропы, нашими тактиками – диалектики, а нашими солдатами – софисты. С подобным разрушением принципов и дел общественный порядок чрезвычайно быстро пришёл в волнение, и конечно же, Государство гигантскими шагами побежало к полному разрушению, реализацию которого все вскоре и увидели.

Отсюда родилась безнаказанность за преступления перед Государством, нагло совершаемые недовольными, и в особенности нашими врождёнными и беспощадными врагами – европейскими испанцами, коварно оставшимися в нашей стране, чтобы иметь возможность непрестанно её беспокоить и порождать такие заговоры, которые позволяли им формировать наше судейство так, чтобы оно всегда их прощало, даже когда их посягательства становились столь непомерны, что направлялись против общественного здоровья.

Исток доктрины, на которую опиралось это поведение, лежит в филантропических изречениях некоторых писателей, защищавших отсутствие у кого бы то ни было прав лишать человека жизни, даже в том случае, когда он совершает преступление против Вашей Родины. Под прикрытием этой жалостливой доктрины любой заговор получает прощение, а любое прощение порождает другой заговор, приводящий к прощению, ибо либеральные правительства можно различить по милосердию. Криминальному милосердию, дающему наибольший вклад в разрушение машины, ещё не полностью у нас завершённой!

Отсюда-то и возникла оппозиция, решившаяся поднять знающие свое дело войска, дисциплинированные, способные представить себе поле боя, и уже обученные, чтобы защищать свободу с успехом и славой. И напротив: возникло неисчислимое множество недисциплинированной милиции, что помимо опустошения национальной казны на зарплаты высшему руководству, разрушили сельское хозяйство, про-

гнав крестьян от их очагов, взрастив их ненависть к правительству и заставив взяться за оружие и покинуть свои семьи.

“Республики, – говорили наши государственные деятели, – не нуждались в людях, которым платят за сохранение их свободы. Когда враг атакует, солдатами должны становиться все граждане. Греция, Рим, Венеция, Генуя, Швейцария, Голландия, а теперь и Северная Америка, побеждали своих противников, не прибегая к помощи наёмников, всегда готовых поддержать деспотизм и поработить своих сограждан”.

Этими антиполитическими и неверными рассуждениями они очаровывали простаков, но не убедили тех благоразумных, кто хорошо знал огромную разницу между народами, временами и обычаями этих республик и нашими. Они действительно не платили постоянным армиям; в основном – потому, что в древности их не было: спасение и славу эти государства вверяли лишь своим политическим добродетелям, суровым привычкам и военному характеру – качествами, от обладания которыми мы ещё очень далеки... Результат сурово доказал Венесуэле ошибочность её расчёта, так как милиция, вышедшая навстречу врагу, не умея даже обращаться с оружием и не имея привычки к дисциплине и подчинению, была уничтожена в самом начале последней кампании, несмотря на героические и экстраординарные усилия, предпринятые её командирами на пути к победе...

Подразделение провинции Каракас, спроектированное, обсужденное и одобренное федеральным Конгрессом, пробудило и разожгло в городах и подчинённых местечках ожесточённую враждебность против столицы, которая, как говорили амбициозные конгрессмены, доминирующие в своих районах, «является тираном городов и пиявкой на теле Государства». Так в Валенсии вспыхнул огонь гражданской войны, который не потух, будучи уменьшен в этом городе, но, оставаясь открытым, передался сопредельным Коро и Маракайбо, и одни завязали отношения с другими, помогая приходу испанцев, что и привело к падению Венесуэлы.

Растрата государственных доходов на легкомысленные и вредные цели, особенно – на зарплаты бесчисленного множества клерков, секретарей, судей, магистратов, провинциальных и федеральных парламентариев, нанесла Республике смертельный удар, ибо заставила её прибегнуть к опасному делу выпуска бумажных денег без каких-либо

гарантий, кроме силы и воображаемой ренты Конфедерации. Эти новые деньги похожи, по мнению большинства, на нарушение манифеста о праве собственности, ибо их расценивают, как грабительский обмен объектов, имеющих самоценность, на объекты, цена которых не определена и даже иллюзорна. Бумажные деньги окончательно вывели из себя отупевшие захолустные селения, которые призвали командующего испанскими войсками, чтобы тот освободил их от денег, казавшихся им страшнее рабства...

...С другой стороны, какая страна в мире, сколь бы хорошо воспитанной и республиканской она ни была, могла бы, находясь между внутренними мятежниками и внешней войной, управляться правительством столь усложнённым и слабым, как федеральное? Нет, его невозможно сохранить в сумятице битв и партий. Верно, что правительство отождествляет себя, скажем так, с характером обстоятельств, времён и людей, которые его окружают. Если они процветают и спокойны, то оно должно быть мягким и защищающим; но если они бедствуют и мятежны, то оно должно казаться ужасным, и вооружаться прочностью, соразмерной несчастьям, невзирая ни на законы, ни на конституции, пока не будут восстановлены счастье и мир.

Каракас перенёс много мучений вследствие изъяна в самой Конфедерации, которая вовсе не пришла ему на помощь при исчерпании его денежных средств и боеприпасов, а когда пришла беда, бросила его на произвол судьбы, не дав в помощь даже небольшого контингента. Кроме того, она увеличивала его беды, упорно разжигая соперничество между федеральными и провинциальными властями, что дало простор врагам, пробравшимся в сердце Государства прежде, чем был разрешён вопрос о том, федеральные или провинциальные войска должны выйти, чтобы дать им отпор, в то время как они уже оккупировали большую часть провинции. Этот фатальный спор привёл к задержке, которая стала ужасной для наших войск. Поэтому-то они и были разбиты в Сан-Карлосе, без прихода подкреплений, которых они ждали, чтобы победить.

Лично я чувствую, что при отсутствии централизма в наших американских государствах, враги получают полнейшее преимущество; мы неизбежно вернёмся к ужасам гражданских беспорядков и будем подло завоёваны горсткой этих бандитов, разоряющих наши провинции.

Народные выборы, проведённые крестьянами из деревни и интригующими жителями городов, добавили ещё одно препятствие к нашей практике Федерации, ибо некоторые столь невежественны, что делают свой выбор машинально, а другие столь амбициозны, что всё это превращают в заговор, и в результате в Венесуэле так ни разу и не удалось увидеть честные и удачные выборы: они вверяли правление в руки людей, испытывающих неприязнь к делам, бестолковых и аморальных. Во всём главенствовал дух партийности [клановости – Д.К.], что в результате дезорганизовало нас больше, нежели это могли бы сделать обстоятельства. В рабство нас ввергла наша разобщённость, а не испанские войска...

Если бы Каракас, вместо вялой и неэффективной Конфедерации, установил простое правление, которого требовала его политическая и военная ситуация, то ты жила бы и дальше, о, Венесуэла, и сегодня наслаждалась бы своей свободой!

Церковное влияние сыграло после землетрясения существенную роль в мятеже местечек и подчинённых городов, и в приходе врагов в нашу страну: кощунственное злоупотребление святым служением сыграло на руку зачинщикам гражданской войны. Однако мы должны откровенно признаться, что на свершение чудовищных злодеяний, в которых их справедливо обвиняют, этих предателей-священников воодушевило наличие абсолютной безнаказанности за эти преступления, нашедшие в Конгрессе возмутительное покровительство. Когда же несправедливость привела к восстанию в Валенсии, усмирение которой стоило около тысячи человеческих жизней, закон не распростёр свои права на мятежников: всем им сохранили жизнь, и даже имущество.

Таким образом получается, что среди причин, приведших к падению Венесуэлы, на первое место надо поставить природу её конституции, которая, повторяю, столь же противоречила её интересам, сколь благоволила интересам её противников. На второе – дух мизантропии, охвативший наших правителей. На третье – сопротивление созданию военных сил, которые могли бы спасти Республику и отразить удар, который ей нанесли испанцы. На четвёртое – землетрясение, сопровождаемое фанатизмом, который смог получить от этого феномена важнейшие результаты. И наконец, это внутренние враги, ставшие смертельным ядом, унесшим Родину в могилу.

Эти примеры ошибок и неудач будут вовсе не бесполезны для народов Южной Америки, стремящихся к свободе и независимости.

Увидев гибель Венесуэлы, Новая Гранада должна избежать опасностей, которые к этой гибели привели. Ради этой цели я считаю жизненно важной мерой по обеспечению безопасности Новой Гранады отвоевание Каракаса. На первый взгляд, этот проект может показаться неуместным, дорогим, и возможно, непрактичным, но рассмотрев его внимательно, дальновидно и с глубоким размышлением, нельзя не признать его необходимости, ибо его исполнение принесёт верную пользу...

Таким образом, нам не остаётся другого способа принять заранее меры против этих бедствий, кроме как быстро усмирить подчинённые нам провинции, чтобы далее вывести наши армии против врагов, и сформировать, таким образом, солдат и офицеров, достойных звания столпов Родины.

Всё способствует нашему принятию этого средства: не говоря о срочной необходимости закрыть двери перед врагом, у нас есть и другие мощные причины решиться на наступление, пренебрежение которым было бы непростительной военной и политической ошибкой. Мы столкнулись с вторжением, и поэтому вынуждены отбросить врага как можно дальше от границы. Кроме того, есть принцип, гласящий, что ведение оборонительных войн всегда несёт ущерб и разорение, ибо ослабляет без надежды на компенсацию, и что ведение военных действий на территории врага полезно тем, что наносит ему урон; таким образом, мы ни по каким причинам не должны уходить в оборону.

Мы должны, также, рассмотреть реальное состояние врага, который находится в весьма критичном положении: большая часть его креольских солдат дезертировала, в то время как он вынужден снабжать патриотические города Каракас, Пуэрто-Кабельо, Ла Гуайру, Барселону, Кумана и Маргариту, в которых есть его склады, без которых он не осмелится покинуть эти места из боязни общего восстания сразу после его удаления от них. Поэтому не исключено, что наши войска могут дойти до самых дверей Каракаса, не давая боя...

Честь Новой Гранады настоятельно требует проучить этих дерзких захватчиков, преследуя их до самых последних окопов, а слава её зависит от взятия на себя дела выступления в поход на Венесуэлу,

чтобы освободить колыбель колумбийской независимости, её мучеников и тех достойных жителей Каракаса, чьи крики направлены лишь к своим любимым соотечественникам гранадцам, которых они ждут со смертельным беспокойством, как своих спасителей. Поспешим же разбить оковы этих жертв, стонущих в темницах в непрерывном ожидании вас – своих спасителей; не обманите их доверия, не будьте бесчувственны к стонам ваших братьев. Идите скорее, чтобы отомстить за мёртвых, дайте жизнь погибающим, выпустите угнетённых и освободите всех!

РЕЧЬ С. БОЛИВАРА НА КОНГРЕССЕ В АНГОСТУРЕ
14 ДЕКАБРЯ 1819 г.
(Извлечение)

...Да, единодушное желание скорее умереть свободными, нежели жить рабами, дало Новой Гранаде право на наше восхищение и уважение. Решение Новой Гранады о присоединении ее провинций к провинциям Венесуэлы также было единодушным. Гранадцы все, как один, понимают, какую огромную выгоду принесет обоим народам учреждение новой республики, состоящей из этих двух наций. Объединение Новой Гранады и Венесуэлы - единственная цель, которую я поставил перед собой, вступив на военное поприще, ибо это желание граждан обеих стран, это гарантия свободы всей Южной Америки.

Законодатели! Пришло время создать твердую и незыблемую основу нашей Республики. Вам надлежит принять мудрое решение и свершить великий социальный акт, установить договорные принципы, на которых будет зиждиться эта большая Республика. Провозгласите ее перед лицом всего мира, и мои старания будут вознаграждены.

Научные публикации

В.Н. Авлиев, С.Н. Авлиев
СИМОН БОЛИВАР КАК ОСВОБОДИТЕЛЬ АМЕРИКИ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(Извлечение)

О жизни и деятельности Боливара написано множество книг, однако в основном они написаны иностранными авторами, что неудивительно, учитывая, иностранное происхождения национального героя для нашей страны и наших исследователей.

Историческая масштабность его свершений и необыкновенная одаренность личности, сверкавшей талантами полководца, политика, законодателя, мыслителя, оратора, привлекают внимание историков, философов, писателей и поэтов. Полярностью точек зрения, контрастностью оценок – от восторженно – апологетических до уничижительно-отрицательных – роли этого выдающегося деятеля и его драматической судьбы отмечены многие книги, образуя обширную «боливариану».

Основными вехами дипломатии национального освобождения Боливара стали борьба за дипломатическое признание молодых независимых государств, создание республики Великая Колумбия, «дипломатическая дуэль» с президентом США Монро, подготовка и созыв Панамского конгресса. Боливар прекрасно понимал значение внешнеполитического фактора и верил в искусство дипломатии. Международные вопросы органически вплетены в ткань многих его прокламаций, декретов, заявлений, писем. До конца своих дней он проявлял живой интерес к дипломатической деятельности. «Если правительство захочет использовать меня на посту посланника в Мексике, я буду рад этому», – писал он в последние годы жизни.

Выполняя миссию Освободителя, которую он считал своим призванием, Боливар гениально сумел подчинить все достижению главной задачи – завоеванию народами континента независимости.

В.П. Казаков
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
НА РИО-ДЕ-ЛА ПЛАТЕ
(Извлечение)

Неудача английского вторжения на Рио-де-ла-Плате 1806–1807 гг. заставила британское правительство изменить политику в отношении Испанской Америки. Лондон стал рассматривать Южную Америку как сферу прежде всего экономических, а не политических интересов. В целом британская политика с началом войны и до окончательного признания независимости Рио-дела-Платы преследовала две цели, изложенные Каслри еще в 1807 г.: развитие торговых связей и ограниченное политическое присутствие. На первом этапе войны Британия пыталась выступать посредником между Испанией и ее колониями на основе их допуска к внутреннему управлению и участию в торговле. Испанские власти не приняли это посредничество. С восстановлением власти Фердинанда VII, он приступил в 1814–1820 гг. к подавлению революции. Для этого ему необходима была помощь европейских великих держав.

Но Англия отказалась сделать это и не позволила это другим. В силу ряда внутренних и внешних причин Великобритания продолжала оставаться приверженной политике посредничества. Эта политика, первоначально являясь препятствием контрреволюционной политике Испании, ходом событий все более превращалась в ее поддержку. После испанской революции 1810 г. политика посредничества явно устарела.

Новое положение, создавшееся в результате упадка испанской монархии, заставило британское правительство отказаться от нее и искать новую. Это нетрудно было сделать, поскольку ее основные положения были высказаны Каслри еще в 1807 г.: Британия не собирается добиваться политического господства в Южной Америке, но и не позволит сделать это другим государствам. Каннинг разделял взгляды Каслри, что британские интересы в Объединенных провинциях Рио-де-ла-Платы, как и повсюду в Латинской Америке прежде всего экономические и что политические отношения придут вслед экономическим. Это побудило британское правительство подписать в 1825 г. англо-аргентинский договор о дружбе и торговле и признать независимость Объединенных провинций Рио-де-ла Платы.

Е.А. Ларин
ХОСЕ ДЕ САН-МАРТИН (1778 – 1850)
(Извлечение)

Жизнь нашего героя сложилась так, что первые 6 лет он прожил в вице-королевстве Рио-де-ла-Плата, в селении Япейу, среди индейцев и метисов, затем 2 года – в Буэнос-Айресе и, наконец, семья переезжает в столицу Испании, где Хосе зачисляются в Семинарий для знати. Он попадает в совершенно новый мир, где обучают музыке, танцам, рисованию, риторике, преподают математику.

В пятнадцать участвует в настоящих сражениях против арабов на севере Африки в районе города Мелильи и получает звание младшего лейтенанта. Следующая важная фаза в его жизни приходится на начало XIX вв., когда венесуэльский патриот Франсиско де Миранда создал в Лондоне Великую американскую ассамблею (ложу), призванную возглавить борьбу за освобождение всех испаноязычных народов Нового Света. Непосредственно связан с ней был и Хосе де Сан-Мартин.

При первом же известии о начале Майской революции 1810 г. в Буэнос-Айресе, он направился на родину, предложив революционным властям свою шпагу, сердце и горячее желание защищать свободу и участвовать в строительстве нового государства. Анализируя перспективы окончательного освобождения Рио-де-Ла Платы от испанского господства, Сан-Мартин пришел к выводу, что оно возможно только в том случае, когда роялисты будут разгромлены не только в пределах ее границ, но и в Чили и главное - в Перу, в наиболее мощном бастионе испанских войск в Южной Америке. Добрых три года (1813 – 1816) он создавал так наз. Северную армию, которую вскоре назвали Андской.

В январе – начале февраля 1817 г. Андская армия, осуществив трудный переход через одноименные горы, оказалась в Чили. 12 февраля в районе Чакабуко произошло одно из крупнейших сражений этого периода Войны за независимость. Объединенные силы под командованием Сан – Мартина и О’Хиггинса разбили испанские войска.

Перу стало следующим важнейшим этапом борьбы Сан-Мартина. Сполохи Войны за независимость уже опалили почти все южно – американские колонии, Мексику, Гаити, однако, Лима и дру-

гие перуанские города и веси продолжали жить в условиях почти колониального статус-кво. Сан-Мартин потребовал признания независимости Перу, Чили и Ла-Платы. Ла Серна (как его чаще всего называют в исторической литературе) категорически отказался. Он не принял даже самый крайний для патриотов вариант - о признании Перу независимой в качестве ограниченной монархии во главе с принцем испанской крови. Тупиковый характер переговоров вкупе с окруженной столицей, вынудили вице-короля передислоцировать свою армию (ради ее спасения, как он сам об этом заявил) из столицы в горы. Патриоты не препятствовали подобному «бегству» и через некоторое время заняли Лиму без единого выстрела.

Три важнейших проблемы касались: а) вопроса о включении Гуаякиля в состав Перу; б) о пополнении перуанской армии солдатами Боливара в качестве компенсации за погибших в кампании по освобождению Кито, в которой участвовала перуанская армия; в) о мерах, необходимых для завершения войны в Перу.

История подтвердила правоту оценок Сан-Мартинем либеральных латиноамериканских правительств первой половины XIX в. Она отдала и продолжает отдавать должное огромному вкладу знаменитого Освободителя в достижение свободы и независимости Аргентины, Чили и Перу. Вспоминая его жизнь и борьбу, трудно не согласиться с Артуром Шопенгауэром: «Самым чистым сокровищем, которым способна одарить земная жизнь, может быть только репутация без пятен». Аргентинский генерал и политический деятель Хосе де Сан - Мартин владел таким сокровищем.

Е.Е. Панкина
СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
В ИСПАНИИ И ИСПАНОГОВОРЯЩИХ СТРАНАХ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
(Извлечение)

В истории испаноязычных стран прослеживается череда политических событий, которые в дальнейшем оказали решающее влияние на формирование корпуса конституций Испании и Латинской Америки.

Основным политико-идеологическим и правовым кредо во всех новых государствах Латинской Америки стал конституционализм. Кодификация, происходившая в течение следующего за завоеванием государственной независимости периода, заложила основу для формирования национальных правовых систем. Если кодификация законодательства, проводимая в европейских странах после революций, представляла собой своеобразное подведение итогов этих революций, то кодификация законодательства в латиноамериканских республиках, с одной стороны, отразила компромисс элементов доколониального и колониального права, а с другой – являлась рычагом, способствовавшим в конечном счете закреплению и развитию новых отношений на Латиноамериканском континенте.

Первые конституции латиноамериканских государств, несмотря на отсталую социально-экономическую базу последних, испытали на себе в огромной степени влияние передовых для своего времени идей республиканизма.

Однако в ряде государств утверждение республиканского строя проходило в острой борьбе. Например, первая Конституция Аргентины (Конституция Объединенных провинций Южной Америки), принятая в 1819 г. Учредительным собранием, где сильные позиции занимали помещики-монархисты, обошла молчанием вопрос о форме правления. И только по Конституции 1826 г. в Аргентине окончательно утвердилась «республиканская представительная форма». Разногласия по вопросам национального единства носили отнюдь не теоретический или чисто юридический характер. Они отражали классовые и социальные интересы, а также этническую неоднородность общества и проявлялись не только в стенах конституционных конвентов. Эти разногласия нередко становились поводом к длительной, а нередко и кровопролитной вооруженной борьбе. Еще в ходе войны за независимость наиболее дальновидные лидеры освободительного движения (Ф. Миранда, Х. Сан-Мартин, С. Боливар и др.), понимавшие необходимость объединения всех патриотических сил, выступали за создание крупных централизованных и унитарно организованных государств. Они надеялись на то, что сильная правительственная власть обеспечит в новых республиках твердый и демократический порядок.

Первая попытка оформления с помощью конституции новой власти была предпринята патриотическими кругами Венесуэлы. Провозглашенная в 1811 г. Конституция, закрепившая федеративное устройство республики, копировала многие положения конституционных документов США. Федеральные власти получили право заключать договоры, объявлять войну, содержать армию и флот, обеспечивать внутренний порядок, взимать налоги и принимать законы по вопросам, затрагивающим интересы федерации. Конституция гарантировала каждой провинции «суверенитет, свободу и независимость» по всем вопросам, которые не были прямо делегированы федерации. Федеральные органы создавались по принципу разделения властей. Законодательная власть осуществлялась двухпалатным Конгрессом (Палата и Сенат), исполнительная – консульской коллегией из трех лиц (под влиянием французской Конституции 1799 г.), судебная – Верховным судом и нижестоящими трибуналами. Под влиянием французских правовых документов Конституция Венесуэлы 1811 г. (это стало традицией для латиноамериканского конституционализма в целом) содержала большое количество статей, посвященных общим принципам организации власти и прирожденным правам человека. Прогрессивные в целом положения Конституции 1811 г. прекратили свое существование вместе с падением Первой Венесуэльской республики.

Зависимость конституционного развития от политических амбиций очередного диктатора и поддерживающего его военного режима приводила к тому, что государственно-правовая история многих латиноамериканских стран представляла собой сложный политический процесс. Так, в Эквадоре в XIX в. сменилось 12 конституций, в Боливии – 9, в Колумбии – 11, в Доминиканской Республике – 15, в Венесуэле – 11 и т. д. Конституционную историю латиноамериканских республик в XIX в. нельзя рассматривать как зеркальное отражение интересов и воли лишь реакционных сил. В ней отразились и все развития этнического и классового состава общества, противоречия формирования единой национальной государственности, неизбежное усиление буржуазных элементов в политической жизни, нарастающая борьба трудящихся масс против диктаторских режимов. В результате этой борьбы в некоторых конституциях нашли свое отражение новые и прогрессивные для своей эпохи идеи и положения, а

сами эти правовые документы стали важными вехами в истории мирового конституционализма.

А.А. Петрова

**К 180-ЛЕТИЮ ЗАВЕРШЕНИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ
ИСПАНСКИХ КОЛОНИЙ В АМЕРИКЕ. РЕШАЮЩАЯ
СХВАТКА: СРАЖЕНИЯ ПРИ ХУНИНЕ (6 АВГУСТА 1824 г.)
И АЯКУЧО (9 ДЕКАБРЯ 1824 г.)**

(Извлечение)

В январе 1826 г. капитулировали испанские гарнизоны в крепости Кальяо и на острове Чилоэ. Многолетняя освободительная борьба народов Испанской Америки завершилась изгнанием испанских колонизаторов.

В 1816 г. об окончательном отделении от Испании заявили Объединенные провинции Рио-де-Ла-Платы. В 1818 г. была провозглашена независимость Чили. В 1821 г. было создано независимое государство Колумбия, в состав которого вошли Венесуэла и Новая Гранада. В конце мая 1822 г. в результате успешного похода колумбийцев под командованием генерала Сукре в состав Колумбии вошла аудиенсия Кито. В 1821 г. была провозглашена независимость Мексиканской империи. В июле 1823 г. была образована независимая и суверенная федеративная республика Соединенных провинций Центральной Америки.

Таким образом, к началу 1824 г. оплотом испанского владычества на Американском континенте оставалось Перу. Его освобождение означало бы завершение войны за независимость в масштабе всей Испанской Америки. Это хорошо понимали Боливар и его соратники, начиная военную кампанию 1824 г.

К началу решающих сражений за освобождение Перу испанская (роялистская) армия представляла собой грозную силу. В Уанкайо базировалась армия генерала Кантерака, численностью в 8 тыс. чел. ; в Куско с 1000 солдат находился вицекороль Ла Серна. В Арекипе стояла армия генерала Вальдеса - 3000 чел. В Верхнем Перу в районе оз. Титикака расположился генерал Оланьета с войском в 4 тыс. чел. Таким образом, общая численность войск роялистов достигала 16 тыс.

чел. Однако все они были разбросаны по довольно обширной территории, не приспособленной для быстрого передвижения (высокие плоскогорья; большой перепад температур; болотистые низины и т.д.). Кроме того, офицерский корпус роялистской армии состоял в основном из испанцев-пиренейцев, в то время как солдаты на 3/4 были перуанцами. Пополнения из Испании после 1818 г. роялисты не получали. Оружие было в основном испанского и местного производства, далеко не новых моделей. Это винтовки, карабины, сабли, пики (а порой луки и стрелы). Кавалерия (легкая) формировалась из местных жителей, среди которых умелых наездников было немного'.

Главную роль в испанской армии в 1824 г. играли тралаи генерала: Ла Серна, Вальдес и Кантерак. Именно им пришлось руководить силами роялистов в битвах при Хунине и Аякучо.

3 августа 1824 г. освободительная армия выступила из Серро-де-Паско и двинулась на юг двумя колоннами: пехота шла по горам, Боливар с кавалерией двигался по равнине. Армия направлялась к лагуне Рейес, обходя ее с запада. На марше Боливар узнал от своей разведки, что навстречу ему по восточному берегу лагуны движется испанская армия во главе с генералом Кантераком. Последний двигался в сторону Серро-де-Паско с юга из Уанкайо, где находилась штаб-квартира его армии. 2 августа 1824 г. он расположился лагерем в Тарме. Он не знал, где находится Боливар, поэтому решил оставить часть пехоты (примерно 7000 чел.) и 8 артиллерийских орудий в Тарме, а сам с кавалерией (примерно 1300 всадников) и другой частью пехоты (примерно 700 чел.) направился на разведку. 5 августа Кантерак с удивлением обнаружил (армии находились в пределах видимости), что противник продвигается ему навстречу по противоположному берегу. Испанский генерал понял, что его кавалерию и пехоту могут отрезать от основных войск в Тарме. Поэтому он решил исправить ошибку и, мгновенно развернув своих всадников, вернулся к базовому лагерю. Это движение противника с гор наблюдал Боливар, уже решивший вступить в бой. Он приказал своей кавалерии выдвинуться и, обогнав Кантерака, принудить его к сражению. У испанского генерала была возможность уйти от сражения, так как он опережал противника. Но Кантерак был настолько уверен в своей кавалерии, что решил принять вызов Боливару. Более того, он отказался от услуг своей пехоты, предложив ей продолжать двигаться к базовому лаге-

рю. Кантерак развернул свою кавалерию и первым вырвался на равнину Хунина. Здесь днем 6 августа 1824 г. состоялось первое крупное сражение перуанской кампании Боливара, которое явилось прологом битвы при Аякучо.

Армия Боливара начала сражение в неблагоприятных условиях и вопреки сложившимся к тому времени правилам военного искусства. Дело в том, что кавалеристы патриотов были вынуждены вступать в бой поэскадронно, так как попадали на равнину через узкий проход между горами и топиями, в то время как кавалерия Кантерака уже развернулась в боевой порядок и пошла в атаку. Впрочем, у роялистов тоже были трудности: гусары и драгуны Кантерака (6 эскадронов драгун и 2 эскадрона гусар) начинали атаковать противника с расстояния почти в 2 км. К моменту боевого соприкосновения с противником лошади теряли силу, а всадники - возможность для маневра. Тем не менее «колумбийские гренадеры» и «гренадеры Анд», первыми подвергшиеся атаке роялистов, используя только холодное оружие (копья, пики, сабли) под командованием Брауна, Некоча и Миллера, проявляя чудеса храбрости и мужества, умели выстоять. Некоча, получив семь ран, попал в плен. Дрогнули и побежали лишь новички - 2-й и 3-й перуанские эскадроны, неудачно введенные в бой. Боливар приказал им фланкировать испанцев слева, но этот маневр был невозможен из-за скорости, с которой атаковала испанская кавалерия.

Испанцы уже считали сражение выигранным, когда в бой совершенно неожиданно (и по некоторым источникам по собственной инициативе) вступили находившиеся в резерве еще два перуанских эскадрона под командованием аргентинца Суареса. Они атаковали арьергард противника с флангов. Эта внезапная атака и решила исход полутора часового сражения, поскольку привела роялистов в замешательство и дала возможность патриотам перестроиться. Испанцы дрогнули и в беспорядке стали покидать поле боя.

Боясь окончательно потерять свою кавалерию, Кантерак приказал своим войскам отступить. Впрочем, его отступление было больше похоже на бегство. Под покровом ночи его кавалерия добралась до базового лагеря (160 км от поля боя) и оттуда вся армия форсированным маршем направилась в сторону Куско, остановившись на краткий отдых лишь 17 августа 1824 г. При переходе роялисты потеряли 1/3 личного состава, часть оружия и провианта. Позднее Кантерак признался, что

после Хунина его охватила паника и он совершенно потерял голову. В сражении при Хунине, длившемся 1,5-2 часа, не прозвучало ни одного выстрела. Использовалось только холодное оружие.

Роялистская конница насчитывала (на начало сражения) 1300 чел. Их потери (убитыми и ранеными) - 19 офицеров и 235 солдат. Кроме того, в плен попало 80 чел. По мнению некоторых историков (в частности, Р. Угарте), «непобедимая» роялистская кавалерия, в которую так верил Кантерак и которой давал высокую оценку сам Боливар, была фактически обескровлена при Хунине.

Акт о полной и безоговорочной (*amplia u generosa*) капитуляции армии роялистов был подписан 11 декабря 1824 г. недалеко от Аякучо. Он предполагал прекращение военных действий испанской армией на всей территории Перу (в том числе и в Верхнем Перу). Испанцам разрешалось свободно покинуть территорию Америки. Все пленные бы были освобождены и им позволено уехать на Родину или вступить в армию патриотов. Оружие и боеприпасы сдавались армии Боливара. Кальяо и другие военные гарнизоны также должны были капитулировать.

Таким образом, в ходе сражения при Аякучо была разгромлена последняя крупная группировка испанских войск на Американском континенте. И хотя далеко не все роялисты признали акт о капитуляции (сопротивлялся испанский гарнизон в Арекипе; генерал Оланьета в Верхнем Перу еще не сложил оружие; держал осаду гарнизон в Кальяо; еще предстоял поход Сукре в Верхнее Перу), однако перспектив у роялистов в Америке уже не было. После Аякучо исход войны за независимость в Испанской Америке был решен окончательно в пользу испаноамериканцев. Таково было стратегическое значение битвы при Аякучо, которую сам Боливар считал «своего рода Ватерлоо войны за независимость».

М.В. Федоров
КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ОСНОВ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.)
(Извлечение)

Разрабатывая первые политико-правовые документы конституционного характера, особенно декларации и конституции периода борьбы за независимость, латиноамериканские законодатели неизбежно сталкивались с необходимостью определить свое отношение к религии и церкви. В этой связи возникала сложная проблема конституционного оформления взаимоотношений новых государств и католической церкви, решение которой во многом сказалось на дальнейшем развитии латиноамериканского конституционализма.

В период освободительной борьбы католическая церковь выступила в качестве одного из самых ярких противников патриотического движения. Она была против отделения колоний от Испании, против провозглашения независимости и установления республиканского строя, против проведения прогрессивных мероприятий. Особенно отрицательно влияние церкви сказалось на первом этапе войны за независимость, когда реакционные церковники не только снабжали испанские колониальные власти значительными денежными средствами, но принимали даже непосредственное участие в военных действиях. Огромную дезорганизующую роль сыграло отлучение патриотов от церкви, что вызвало дезертирство индейцев и метисов. Предательство объявлялось «богоугодным делом» и поощрялось церковью. Трудящиеся массы под влиянием религиозной пропаганды, во многих случаях не поддерживали креольских помещиков и интеллигенцию, из среды которых вышло большинство руководителей освободительной войны. Церковь искусно использовала то недоверие, которое питали крестьяне, льянеро, рабы, свободные негры и индейцы к креолам, видя в их лице своих непосредственных эксплуататоров. Церковь делала ставку также на традиционную веру простого народа в «добророго» короля, который якобы может защитить интересы бедных и слабых.

В процессе утверждения независимости разрушалось единство светской и церковной власти, которое олицетворялось испанским ко-

ролем, обладавшим правом патроната. Появляются многочисленные острые противоречия между государством, которое стремится подчинить церковь и поставить ее себе на службу, и церковью, которая, надеясь сохранить свои позиции и привилегии в независимых государствах, всячески отстаивала свою самостоятельность.

Первым мероприятием, направленным на ограничение влияния церкви, которое повсеместно предприняли патриоты после прихода к власти, была ликвидация трибуналов инквизиции, что можно считать первым практическим шагом и подготовкой наступления на церковное и монастырское землевладение, развернувшееся на втором этапе войны за независимость. Так, уже 12 ноября 1811 г. декретом Патриотической хунты был упразднен трибунал Картахены. В 1812 г. Венесуэльский конгресс постановил «навсегда и во всех провинциях Венесуэлы прекратить деятельность трибуналов инквизиции». Инквизиторы и другой персонал трибуналов, как правило, высылались в Испанию, а имущество, принадлежащее инквизиции, конфисковалось в пользу государства. Только в Мексике, например, в период ликвидации инквизиции (1813 г.) у нее было изъято более 1,7 млн. песо, а в Перу - около 2,5 млн. песо. Испанские власти понимали значение инквизиции для сохранения существовавших порядков, поэтому после поражения патриотов на первом этапе войны за независимость в покоренных провинциях трибуналы инквизиции сразу восстанавливались (в Новой Гранаде и Венесуэле в 1814 г.). Окончательная ликвидация инквизиции в латиноамериканских государствах была осуществлена уже после завоевания независимости. Особенно активно церковники противились включению в первые конституции независимых государств положений, затрагивавших церковные привилегии.

По Конституции Венесуэлы 1811 г. (ст. 180) был отменен церковный налог и личные фуэро церковников, это вызывало бурные протесты клерикалов. Депутаты-священники М.В. Косориа, С. Дельгадо и другие при подписании конституции сделали оговорки, зафиксировав свое несогласие со ст. 180 конституции, так как на предыдущих заседаниях Конгресса была достигнута договоренность о сохранении привилегий для священников. Однако большинство депутатов высказывалось за их отмену, поскольку сохранение церковных фуэро, по их мнению, нарушало принцип равноправия. Не сумев отстоять свои позиции в конституции 1811 г., высшее клеркство Каракаса во

главе с архиепископом направило 10 марта 1812 г. пространное Представление в конгресс, требуя отмены ст. 180, которая уничтожала

церковные фуэро . Этот документ, своеобразный Манифест клерикалов, наиболее полно и ясно отразил позицию церкви по отношению к государству и конституции: «С момента революции 19 апреля отмечалось в представлении, церковь не вмешивалась в дела государства, уважала и подчинялась установленной власти, которая была представлена вначале Верховной хунтой, наподобие испанской хунты; затем органом охраны прав короля; наконец, под названием республиканского Конгресса. Церковь признала власть во всех этих формах». Далее подчеркивалось, что все сменявшие друг друга правительства не нарушали религиозные принципы и интересы церкви, ибо эти вопросы полномочна разрешать только церковная власть, а, наоборот, «начальным пунктом всех правительств было сохранение католической религии в провинциях Венесуэлы, как единственной и исключительной, пока верховная духовная власть или, как минимум, торжественное соглашение между двумя верховными властями не отменяет это положение, в силу установления нового порядка, в котором народы могли бы находиться». Это положение об «охране и защите» католической религии, по мнению церковников, было нарушено ст. 180 конституции 1811 г., которая якобы несправедливо лишила их «естественного фуэро», а поэтому они требовали отмены этой статьи в части, касавшейся церковных привилегий, или принятия поправки у конституции в соответствии с «нравами и обычаями венесуэльской церкви». В противном случае церковники угрожали новому правительству «ужасными несчастьями».

Завоевание независимости отмена королевского патроната вызвали кризис в церковной иерархии, так как ни одно назначение на высшие посты не могло быть произведено римским папой, который считал, что право назначения высших церковников перешло к нему от испанского монарха, до тех пор, пока он не признает новые государства. Это мнение поддерживало и высшее клерство Латинской Америки. Так, в Мексике 4 марта 1822 г. епископы в обращении к регентскому совету мексиканской империи заявляли, что, поскольку независимость лишила возможности «использовать патронат, принадлежавший испанскому королю, то для того, чтобы Верховное прави-

тельство располагало аналогичной властью, следует подождать передачи таких полномочий из Рима».

Однако в исследуемый период официальные отношения между Ватиканом и странами Латинской Америки установлены не были. Первой страной, официально признанной Ватиканом, стала Колумбия, но это произошло только в 1835 г., то есть уже после окончания войны за независимость.

После провозглашения независимости церковь энергично настаивала на закреплении католической религии в качестве государственной. Она выступила против принятия конституционных норм о веротерпимости, а тем более, о свободе совести.

В результате буржуазных революций в Европе и США, как известно, наряду с другими правами и свободами формально была провозглашена свобода совести или свобода вероисповедания. Ликвидация до конца всех остатков средневековья, в том числе и государственных преимуществ той или иной религии, входила в задачу буржуазно-демократической революции. Однако ни в одном буржуазном государстве эта задача не была решена до конца.

В Латинской Америке католическая церковь в союзе с креольской аристократией выступила как непримиримый враг всех других религиозных культов. Она требовала закрепления в первых конституциях католической религии в качестве государственной. Как подчеркивает Х.М. Йепес, «постоянной линией, проявившейся во всех колониях с первых моментов освободительной революции, явилось стремление окружить наиболее возможными гарантиями и всем необходимым уважением римскую, апостольскую, католическую религию, без влияния которой, как считали герои войны за независимость, новые государства не смогут нормально функционировать».

М.В. Федоров
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ
В ПЕРИОД ВОИНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1810 – 1826 гг.)
(Извлечение)

С началом войны за независимость центральной стала идея национального освобождения от колониального порабощения как основная предпосылка свободы человеческой личности вообще, что отрицают консервативные латиноамериканские авторы. Так, аргентинские историки Х. М. Роса, Э. Паласьо и др. пытаются доказать, что разрыв с Испанией имел временный характер и был обусловлен наполеоновским вторжением и оккупацией метрополии, о независимости же речи не шло. Другие авторы утверждают, что «Америка боролась за то, чтобы не быть французской, чтобы не быть под господством Наполеона» Однако еще до начала вооруженной борьбы против Испании в Латинской Америке и за ее пределами разрабатывались планы освобождения колоний и их дальнейшего независимого развития. Впервые это прямо и недвусмысленно формулирует венесуэлец Ф. Миранда, посвятивший достижению указанной цели всю свою жизнь, за что его по праву называют «предтечей» латиноамериканской независимости.

С началом вооруженной борьбы идея зависимости получает более отчетливое выражение. Видный деятель мексиканского освободительного движения М. Идальго рассматривал независимость как неизбежное и полезное благо, как высший знак национального достоинства, подчеркивал «прямую необходимость борьбы» с оружием в руках. Он предлагает созвать национальный конгресс для разработки основ «свободы и независимости», «национальной конституции» «для мексиканской родины». «Мы желаем быть независимыми и сами управлять собой», заявлял Идальго, определяя цели восставших. Идеолог майской революции в Буэнос-Айресе 1810 г. М. Морено отстаивал право Латинской Америки за независимость и принятие своей конституции исходя из договорной теории Руссо, Он доказывал, что короли Испании не имеют законного основания для управления Новым Светом (подразумевая недействительность известной буллы папы Александра VI Борджа, которая якобы наделяла испанских королей «правом» на владение колониями), поскольку Америка не связана

с испанскими монархами общественным договором. Если народ Испании сохраняет верность своему королю, который в тот период находился в плену у Наполеона, то Америка, настаивал Морено, не обязана следовать этому примеру. Конгресс, таким образом, может принять конституцию новой нации и провозгласить независимость континента.

Выдающийся руководитель войны за независимость испано-американских колоний Боливар рассматривал освобождение от Испании только как первый шаг на пути к «независимости в самом широком значении этого слова»? В отличие от большинства деятелей освободительного движения Боливар довольно четко разграничивал понятия «освобождение» и «независимость».

По его мнению, эмансипация – основная предпосылка независимости, исключительно политический акт. Собственно независимость имеет более широкое значение, являясь как бы итогом процесса отделения от испанской империи и создания новой Америки. Во-первых, это политическое освобождение от Испании; во-вторых, правовое оформление свободного континента; в-третьих, абсолютный экономический суверенитет, развитие образования, Независимость, считал Боливар, - сложный процесс, который не может быть завершен в короткий срок. Как видно, концепция независимости у передовых лидеров, особенно у Боливара, была достаточно четкой и несомненно прогрессивной.

Важное место в политических программах латиноамериканцев занимал вопрос о государственном устройстве. Миранда, Сан - Мартин, Боливар отстаивали создание крупных централизованных государств как необходимого условия для завоевания и защиты независимости, проведения экономических и социальных преобразований, дальнейшего прогресса свободных наций. Боливар считал, что только незнание некоторых привело к установлению федерации в первой Венесуэльской республике в 1811 г. явившись одной из причин ее поражения. Государственная форма должна соответствовать «характеру и опыту народа», «его обычаям» и «историческим» традициям.

И. Фраскет
ОБРЕТЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ИБЕРОАМЕРИКАНСКИМИ
СТРАНАМИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ
(Извлечение)

В случае с ибероамериканскими странами получение независимости воспринималось как революция исключительно в политической перспективе (как освобождение от монархий Пиренейского полуострова) и с точки зрения формирования мифа о зарождении нации. Однако подобный подход не рассматривал и даже обнулял значение произошедших социальных изменений. Такого рода повествование об обретении независимости еще больше усиливало мысль о решающей роли борьбы с внешним врагом («Испанией» и «Португалией»), что само собой должно было стереть любые социальные или этнические различия внутри новорожденных республик. Всё население без разбора стало изображаться как крепольское и белое; социально-экономические различия отбрасывались, главной стала общность в лоне единой нации.

То, что происходило в Латинской Америке и на Пиренейском полуострове, представляло собой революционную трансформацию юридических структур Старого порядка в соответствии с принципами политического и экономического либерализма; подобная трансформация происходила с разной скоростью и обладала разными характеристиками.

Образование новых республик в Латинской Америке (большинство из них возникло в 1820-е годы) должно рассматриваться как в контексте европейской Реставрации, так и в контексте постоянно меняющегося на протяжении всего XIX в. соотношения между революцией и реакцией, между либерализмом и антилиберализмом. Угроза вторжения на американский континент Священного союза могла быть использована как катализатор получения независимости и как аргумент в пользу юридического и политического отделения от испанской и португальской монархий.

Новые государства, появившиеся в Латинской Америке, были сходными по своему устройству: их политическая и конституци-

онная культуры основывались на либеральном понимании государства и на предоставлении гражданских и связанных с ними политических прав. Большинство государств ввели у себя парламентское представительство (парламенты – Конгресс или Ассамблея, – как правило, были двухпалатными), приняли политическую конституцию, где провозглашались естественные права, национальный суверенитет и свобода прессы. В выборных процедурах, как правило, присутствовал тот или иной ценз, что ограничивало право на голосование, но, с другой стороны, право участвовать в выборах получили те значительные слои населения, которые ранее им не обладали (в особенности при выборах на местном уровне). С этой точки зрения политическое гражданство расширилось; нация стала пониматься как новый политический субъект, обладающий суверенитетом.

В период между 1815 и 1828 гг. практически все американские колонии Испании и Португалии превратились в независимые республики с либеральными конституционными правительствами (за исключением Бразилии, которая с получением независимости осталась монархией. – Перевод.). Это предполагало не только изменение статуса дипломатических отношений европейских держав и новых государств Латинской Америки, но и политическое и экономическое воздействие как на Европу, так и на Америку.

Новые республиканские режимы не просто пассивно воспринимали веяния из Европы или США и не ограничивались одним лишь ожиданием признания. Революционная диалектика в Латинской Америке первой четверти XIX в. не может быть понята без учета политической и конституционной практики: обретшие независимость бывшие колонии начали воплощать на практике принципы Кадисской конституции 1812 г. в те моменты, когда сама испанская монархия представляла собой либеральный и конституционный режим (1812–1814; 1820–1823). Получение независимости предполагало триумф революции (как в политическом, так и в экономическом аспектах), невзирая на все сложности, и это обстоятельство оказывало значительное давление на те иностранные державы, у которых были интересы в данном регионе – на США и Великобританию.

Таким образом, европейская Реставрация по-прежнему заслуживает внимания исследователей. Речь идет уже не только о традицион-

ной проблематике (история дипломатии и международных отношений), но и о новой постановке вопроса о соотношении в тот период революции и реакции и о ведущей роли здесь новых латиноамериканских республик. 1820-е годы отличаются своеобразием, поскольку на это время приходится перестановки в международных альянсах и одновременно происходят революционные процессы в Латинской Америке.

Н.Н. Шмакова
ИТОГИ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1810 – 1826 гг.)
В ИСПАНСКИХ КОЛОНИЯХ
(Извлечение)

Изучение истории, особенностей экономического и политического развития стран Латинской Америки сегодня привлекает внимание историков в разных государствах мира. Обращение исследователей к данной проблеме обусловлено тем, что с окончанием войны за независимость начинают складываться предпосылки для формирования латиноамериканских наций, пробуждаются первые ростки национального самосознания, наступает начальная фаза вовлечения стран Латинской Америки в процессы мирового капиталистического развития. Именно в этот исторический период были заложены основы тех установок в политике, экономике, культуре, которые позволили странам Латинской Америки пройти уникальный путь своего развития до современного государства. В результате войны за независимость, продолжавшейся с 1810 по 1826 год, страны Латинской Америки избавились от ига Испании и стали суверенными государствами. После окончания освободительной борьбы на карте мира появилось несколько новых республик: Боливия, Колумбия, Мексиканские Соединенные Штаты, Парагвай, Перу, Федерация Центральной Америки, Чили. На территории Ла - Платы процесс образования независимых государств завершился несколько позже, так как ситуация обострялась в связи с нерешенными противоречиями между провинциями и вмешательством извне. Только в Парагвае, который обрел независимость в 1811 г., была стабильная политическая ситуация. Объединенные провинции Рио - де - ла - Платы распались в 1820 г. и перестали существовать как единое государство.

Война не только не решила проблему нехватки рабочей силы, напротив, ситуация становилась все более критической. Рабство было ликвидировано, а коренное население перестало наниматься на работу в латифундии, на предприятия и мануфактуры.

В результате войны был ликвидирован колониальный режим, появились новые, политически независимые государства. Было покончено с многочисленными монополиями на торговлю, с запретами и ограничениями дипломатических отношений с европейскими странами, отменялись регламентации, которые сковывали экономическое развитие латиноамериканских стран. Были созданы благоприятные условия для развития в этих странах капиталистических отношений и вовлечения их в мировую систему хозяйства. Была уничтожена система рабства, отменены обязательная трудовая повинность и подушная подать. В государствах, образованных на территориях бывших испанских колоний был установлен республиканский строй, приняты конституции, появились парламенты.

Таким образом, мы видим, что события в Латинской Америке существенно отличались от аналогичных событий в Европе. Движение за независимость в испанских колониях возглавили помещики - латифундисты, которые требовали свободы предпринимательства и создания условий для реализации этого принципа. Но, при этом, помещики пытались вновь закабалить местное население. В политическом плане война за независимость закончилась компромиссом между еще слабой буржуазией и новой аграрной олигархией, что крайне затруднило проведение буржуазно - демократических преобразований в латиноамериканских странах. Отдельные буржуазные реформы были проведены только во второй половине XIX века в результате длительных и кровопролитных гражданских войн. Поэтому войну за независимость в Латинской Америке можно рассматривать как незавершенную буржуазную революцию.

А.А. Щелчков
РОЯЛИСТСКОЕ ВЕРХНЕЕ ПЕРУ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
(Извлечение)

В ходе борьбы за независимость в Боливии в период с 1809 по 1825 гг. территория страны неоднократно переходила из рук в руки. Чаркас или Верхнее Перу больше других частей Южной Америки находилось под управлением роялистов. Именно здесь были приняты либеральные реформы после принятия Кадисской конституции 1812 г., которые могли стать основой примирения патриотов с метрополией. Периоды конституционного правления в Чаркас сменялись торжеством абсолютизма.

Начиная с хунт в Ла-Пасе и Чукисаке в 1809 г. политические изменения в колонии привели к разрушению старой системы абсолютистского государства с его чёткими взаимоотношениями сюзерена и подданных, вассалов, к замене идеи «пакта» народа с монархом на принципы народного суверенитета.

Начиная с этого времени основной политический дискурс неумолимо двигался в сторону признания новых принципов гражданства и республиканизма, прав и свобод личности, основанных на индивидуализме, а не на принадлежности тому или иному сословию. Эта тенденция проявилась и в изменениях роялистского режима, который порой представляется исключительно насильственной диктатурой и олицетворением «старого режима».

Конституционные периоды испанской монархии показали реальную возможность третьего пути для американских владений Испании. Борьба патриотов могла стать частью испанской антиабсолютистской революции, изменить конфигурацию сил в Америке и, возможно, в той или иной форме сохранить колонии в составе реформируемой империи. Пример проведения либеральных реформ в Чаркас свидетельствует в пользу такой возможности. Поражение испанской революции, сначала в 1814 г., затем в 1823 г. положило конец этому эксперименту в Америке и предопределило судьбу колоний, решительно вступивших на путь независимости. Чаркас (Боливия) был последней территорией в Южной Америке, где Испания могла ещё оспаривать свои права, предлагая различные формы автономии в рам-

ках единого государства. Однако, против этого варианта было не только нежелание абсолютизма уступить какие-либо свои права, но и ставшие самостоятельными и независимыми от политических изменений в Мадриде логика и динамика вооружённой борьбы патриотов, исключавших компромиссы с монархией.

Долгие годы войны, с 1809 по 1824 г., разрушили не только материальные основы жизни, экономики и общества, но и всю систему взаимоотношений между различными группами и секторами населения. Фактически вся власть в течение этого периода на местах принадлежала военным командирам и каудильо, как патриотического, так и роялистского лагеря, исключая какое-либо действие институтов и органов власти самоуправления, что привело к упадку и хаосу власти в конце этого периода, когда провозглашение независимости должно было означать только одно – восстановление жизнеобеспечения региона и создание новой системы власти. Роялистская Чаркас прошла путь от жёсткой и авторитарной системы власти периода колонии к конституционализму и либеральным реформам, осуществить которые не удалось по ряду причин, одной из которых было давление военных, что в конце концов привело к полной деградации управления и окончательному крушению самого здания «строго порядка», прочно ассоциировавшегося с роялизмом.

Тема 3. СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ XIX в.

Вопросы к практическому занятию

1. Предпосылки возникновения утопического социализма.
2. Социальные утопии в странах Западной Европы в 20-е - 30-е годы XIX века: Анри де Сен-Симон, Шарль Фурье, Роберт Оуэн.
3. Утопические теории 30-х-40-х годов XIX века во Франции: Огюст Бланки, Пьер Прудон, Луи Блан.

Источники

Луи Блан
ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА
(Извлечение)

Я мог бы здесь остановиться. Общество, подобное мною описанному, носит в себе зародыш гражданской войны. Напрасно буржуазия будет поздравлять себя с тем, что она не таит анархии внутри себя, раз анархия под ее ногами. Но, даже не говоря о том, что должно было служить ему основанием, не заключает ли буржуазное господство в себе самом элементов близкого и неизбежного разложения?

Дешевизна – вот великое слово, резюме всех благ неограниченной конкуренции, по мнению экономистов школы Смита и Сэя. Но зачем упорствовать и рассматривать дешевизну только в отношении немедленной выгоды, которую получает потребитель? Она выгодна потребителям только тогда, когда она сеет самую разрушительную анархию среди производителей. Дешевизна – это тяжесть, которую богатые производители раздавливают других, менее состоятельных производителей. Дешевизна – это западня, в которую ловкие фабриканты ловят трудолюбивых людей; это смертный приговор тому, кто не может приобрести дорогую машину, доступную его более состоятельным конкурентам; это губительница высших произведений монополии, это всасывающий насос средней промышленности, средней

торговли, средней собственности. Это, одним словом, уничтожение буржуазии в угоду горсти промышленных олигархов.

Значит ли это, что дешевизна сама по себе должна быть осуждена? Никто не осмелился бы поддерживать подобную нелепость. Но таково уже свойство дурных принципов – превращать добро в зло и извращать всякую вещь. При системе конкуренции – дешевизна является временным и лицемерным благом. Она существует до тех пор, пока борьба налицо: как только наиболее богатый выбил из строя всех своих противников, цены начинают расти. Конкуренция приводит к монополии, по тем же причинам дешевизна ведет к повышению цен. Таким образом то, что служило орудием борьбы для производителей, становится рано или поздно источником бедности для потребителей. И если к этой причине прибавить все нами ранее перечисленные, а в первую очередь – беспорядочное увеличение народонаселения, то придется признать за факт, непосредственно вытекающий из принципа конкуренции – обеднение потребителей.

Но, с другой стороны, конкуренция, стремящаяся иссушить источники потребления, толкает производство к губительной активности. Беспорядок, производимый всеобщим антагонизмом, отнимает у каждого производителя ясное представление о рынке. Он должен при сбыте своих продуктов рассчитывать на случай, производить в темную. Зачем ему стесняться, особенно если ему разрешается отнести все убытки за счет столь бесконечно эластичной заработной платы рабочего? Даже терпящие явные убытки продолжают производство, потому что не желают потерять ценность своих машин, орудий производства, сырья, фабричных построек, остатков клиентуры и еще потому, что промышленность, под властью принципа конкуренции, есть не что иное, как игра случая, вследствие чего игрок не хочет отказаться от выгоды, возможной при удаче.

Итак, нам нечего очень настаивать на этом выводе, что конкуренция заставляет производство расширяться, а потребление уменьшаться, следовательно, она как раз идет против цели экономической науки, она одновременно и угнетение и безумие.

О. Бланки
КТО ВАРИТ СУП, ТОТ ПУСТЬ ЕГО И ЕСТ
(Извлечение)

Бедный не знает источника своих несчастий. Невежество, это порождение рабства, превращает его в послушное орудие привилегированных. Подавленный тяжелым трудом, чуждый умственной жизни, что может он знать о социальных явлениях, в которых он играет роль вьючного скота? Он принимает, как благодеяние, то, что ему соизволят оставить от плодов, добытых им в поте лица, и считает руку, эксплуатирующую его, рукой, кормящей его, и всегда готов по знаку господина уничтожить смельчака, пытающегося указать ему лучшую судьбу.

Увы! Человечество движется с повязкой на глазах и лишь изредка приподнимает ее, чтобы взглянуть, по какой дороге оно идет. Каждый его шаг на пути прогресса уничтожает того, кто направляет его по этому пути. Герои человечества были всегда первыми жертвами прогресса. По призыву патрициев Гракхи были разорваны взбунтовавшейся толпой в куски... Еще и ныне наемники привилегированных каждое утро поучают французов плевать на могилу этих мучеников.

Как трудно раскрыть глаза пролетариату на его угнетателей! Если в Лионе он поднялся, как один человек, то это произошло потому, что глубокий антагонизм интересов уже больше не оставил, даже у самых упорных, иллюзий, способных ослепить его. Тогда-то обнаружилось, сколько ненависти и жестокости таилось в душах этих торговцев! Рабочим угрожала резня, со всех сторон спешно приближались пушки, конница, солдаты для их истребления. Вернуться к выполнению своих обязанностей или погибнуть от картечи – такова была альтернатива, поставленная перед восставшими. Обязанностью же лионского трудящегося, этого человека-машины, было страдать от голода и день и ночь ткать ради удовольствия богачей ткань из золота, шелка и слез.

Но такая жестокая тирания таит в себе опасность: она вызывает озлобление, восстание. Для того чтобы отвлечь опасность, пытаются примирить Каина с Авелем. Из нужды в капитале, как в орудии труда, пытаются сделать вывод об общности интересов, а следова-

тельно, о солидарности между капиталистом и трудящимся. Сколько фраз, артистически вышитых на этой канве братства! Овцу стригут только для ее здоровья. Она должна благодарить за это. Наши эскулапы умеют позолотить пилюлю.

Еще находятся дураки, слушающие эти проповеди, но их уже мало. Каждый день проливает новый свет на этот мнимый союз паразита и его жертвы. Факты красноречивы; они свидетельствуют о том, что между прибылью и заработной платой существует поединок на смерть. Кто поддастся? Это вопрос справедливости и здравого смысла. Посмотрим.

Без труда нет общества! Отсюда – нет бездельников, которые не нуждались бы в трудящихся. Но зачем нужны трудящимся бездельники? Верно ли, что в руках трудящихся капитал приносит пользу только при условии, если он принадлежит не им? Предположим, что пролетариат, покидая в массе страну, переносит свой очаг и свой труд в какой-либо далекий край. Что же, погибнет он от отсутствия своих хозяев? Разве новое общество может быть основано только при условии создания землевладельцев и капиталистов и предоставления касте бездельников владения всеми орудиями труда? Разве невозможен иной социальный строй, кроме этого строя, разделяющего людей на собственников и наемников?

Зато до чего любопытно было бы посмотреть на наших гордых сюзеренов, покинутых своими рабами! Что им делать со своими дворцами, мастерскими, опустевшими полями? Умереть с голоду среди этих богатств или же, засучив рукава, взяться за мотыгу и в свою очередь смиренно трудиться в поте лица над клочком земли. И много ли они обработают ее все вместе? Я полагаю, что этим господам просторно было бы даже в каком-нибудь одном округе.

Но народ, насчитывающий 32 миллиона душ, не удаляется на Авентинский холм. Примем противоположную гипотезу, более осуществимую. В одно прекрасное утро, бездельники, новые Биасы, покинули французскую землю, оставшуюся в трудолюбивых руках. День счастья и торжества! Какое огромное облегчение для стольких миллионов душ, освобожденных от давящей их тяжести. Полной грудью вздыхает все это множество людей. Граждане, пойте хором песнь освобождения!

Аксиома такова: нация беднеет от потери трудящегося; она обогащается от потери бездельника. Смерть богача – это благодеяние.

Да! Право собственности клонится к концу. Благородные умы предсказывают и призывают его падение. Ессейский принцип равенства в течение восемнадцати веков, медленно точит его, последовательно уничтожая рабство, составляющее основу его могущества. Оно исчезнет когда-нибудь вместе с последними привилегиями, служащими ему убежищем и приютом. Настоящее и прошлое являются гарантией такой развязки. Ибо человечество никогда не стоит на одном месте...

Одна лишь ассоциация, заменяя частную собственность и устанавливая равенство, создаст царство справедливости. Вот почему все сильнее становится стремление борцов за будущее осветить сущность ассоциации. Быть может, и мы внесем нашу долю в общее дело.

Огюст Бланки **ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ**

Республика, подобно монархии, способна укрыть под сенью своего знамени рабство.

Спарта, Рим, Венеция были прочными и угнетающими народ олигархиями. В Соединенных Штатах существует институт рабства.

Формула «Свобода! Равенство! Братство!» могла бы стать такой же ложью, какой является в Хартии истина, гласящая: «Все французы равны перед законом!»

Тирания капитала безжалостнее тирании меча и кадила. Целью февральской революции было разрушить ее. Такова цель и «Центрального республиканского общества», и каждый его член обязуется преследовать эту цель до тех пор, пока она не будет достигнута.

Этьен Кабе
ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКАРИЮ
(Извлечение)

И все же во все времена и во всех странах история являет нам только смуты и беспорядки, пороки и преступления, войны и революции, казни и резню, катастрофы и бедствия. Но если эти пороки и несчастья не являются следствием воли природы, то приходится искать их причину в другом месте. Не заключается ли эта причина в плохой организации общества? И не является ли коренным пороком этой организации неравенство, которое служит ее основой? Ни один вопрос, очевидно, не заслуживает в такой степени всеобщего интереса, ибо если бы доказано было, что страдания человечества представляют непреложное веление судьбы, пришлось бы искать против него средство только в покорности и терпении. Наоборот, если это зло представляет только результат плохого общественного строя и, в особенности, неравенства, то, не теряя ни минуты. Надо стараться искоренить это зло, уничтожая его причину путем замены неравенства равенством.

Что касается нас, то чем больше мы изучаем историю, тем более глубоко убеждаемся, что неравенство есть причина, порождающая нищету и богатство, все пороки, проистекающие из первой и второго, жадность и честолюбие, ненависть и зависть, раздоры и войны всякого рода, одним словом – все зло, которое угнетает отдельных людей и нации.

Итак, учение равенства и братства, или демократии, является ныне интеллектуальным завоеванием человечества; осуществление этого учения представляет цель всех усилий, всех боев, всех сражений на земле.

Но когда мы серьезно и страстно углубляемся в изучение вопроса, каким путем общество может быть организовано как демократия, т.е. на основах равенства и братства, мы приходим к выводу, что эта организация требует и влечет за собою общность имущества. И мы спешим прибавить, что эта общность равным образом была провозглашена Иисусом Христом, всеми его апостолами и учениками, всеми отцами церкви и всеми христианами первых веков, Реформацией и ее последователями, философами, которые представляют собою свет и честь человеческого рода.

Все, во главе с Иисусом Христом, признают и провозглашают, что общность, основанная на воспитании и общем интересе, составляющая общее и взаимное обеспечение против всех несчастий и бед, гарантирующая каждому пищу, одежду, жилище, возможность вступить в брак и воспитать семью, при одном только условии умеренного труда,— что эта общность представляет единственную систему общественного строя, которая могла бы осуществить равенство и братство, предупредить жадность и честолюбие, прекратить конкуренцию и антагонизм, уничтожить зависть и ненависть, сделать почти невозможным порок и преступление, обеспечить согласие и мир и дать, наконец, счастье возрожденному человечеству».

— Вы знаете, — сказал он, — что человек отличается по существу от всех других общественных животных своим разумом, способностью к совершенствованию и общительностью.

Глубоко убежденные опытом, что не может быть счастья без ассоциации и равенства, икарийцы составляют общество, построенное на основе самого полного равенства. Все — члены ассоциации, граждане, с равными правами и обязанностями, все в равной степени разделяют тяготы и блага ассоциации; все, таким образом, составляют одну семью, члены которой связаны в одно целое узами братства.

Мы образуем, следовательно, народ, или нацию братьев, и все наши законы должны иметь своей целью установление среди нас совершенного равенства, за исключением случаев, когда это равенство невозможно физически.

— Однако, — заметил я, — разве природа сама не установила неравенство, одарив людей физическими и духовными качествами, почти всегда неравными?

— Это правда, — ответил он, — но разве сама эта природа не дала всем людям равное желание быть счастливыми, равное право на существование и счастье, равную любовь к равенству, рассудок и разум, чтобы организовать счастье, общество и равенство?

Впрочем, милорд, не останавливайтесь на этом возражении, ибо мы решили проблему, и вы сейчас увидите самое полное общественное равенство.

Точно так же, как мы составляем одно общество, один народ, одну семью, так и наша территория, с ее подземными недрами и

надземными постройками, составляет одно земельное достояние, которое есть наше общественное земельное достояние.

Все движимое имущество членов ассоциации, со всеми продуктами земли и промышленности, составляет один общественный капитал.

Общественное земельное достояние и общественный капитал принадлежат нераздельно народу, который обрабатывает и эксплуатирует их сообща, который управляет ими сам через посредство своих уполномоченных и затем распределяет поровну все продукты.

Принципы политического строя Икарии

Так как мы – члены ассоциации, граждане, равные в правах, то все мы избираем и можем, быть избраны; все мы составляем народ и входим в состав народной гвардии.

Объединенные, мы составляем нацию, или, скорее, народ, ибо у нас народ есть совокупность всех икарийцев без всякого исключения.

Мне нет нужды говорить вам, что народ суверенен и что только ему вместе с суверенитетом принадлежит полномочие составлять или поручать кому-либо составлять свой общественный договор, конституцию и законы; мы не можем даже представить себе, чтобы какой-нибудь индивид, или семья, или класс могли иметь нелепую претензию стать нашим господином.

Так как народ суверенен, то он имеет право регулировать при помощи конституции и законов все, что касается его самого, его действий, имущества, пищи, одежды, жилища, его воспитания, труда и даже развлечений. Если бы икарийский народ мог легко и часто собираться в полном составе в одной зале или в одной долине, он осуществлял бы свой суверенитет, составляя сам свою конституцию и законы. Ввиду физической невозможности собираться таким способом, он передает власти все функции, которые он не может использовать непосредственно сам, и сохраняет за собой все остальные. Он передает Народному представительству полномочия выработать конституцию и законы, а исполнительному органу (или исполнительному корпусу) – следить за их выполнением. Но он сохраняет за собой право избирать своих представителей и всех членов исполнительного органа, одобрять и отвергать их предложения и акты, отправлять правосудие, поддерживать порядок и общественное спокойствие.

Все государственные служащие являются, таким образом, уполномоченными народа, все они являются выборными, временными, ответственными и сменяемыми. Для предупреждения с их стороны всяких честолюбивых поползновений законодательные и исполнительные функции признаются несовместимыми. Наше Народное представительство состоит из двух тысяч депутатов, обсуждающих дела сообща в одной палате. Она – перманентна, всегда или почти всегда в сборе и возобновляется ежегодно наполовину. Наиболее важные законы, принятые ею, как и конституция, подлежат одобрению народа.

Роберт Оуэн
ЗАМЕЧАНИЯ О ВЛИЯНИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ СИСТЕМЫ
(Извлечение)

До сих пор законодатели рассматривали промышленное производство только с одной точки зрения, именно – как источник национального богатства.

Другие важные последствия развития промышленности, когда оно предоставляется своему естественному ходу, не привлекали до сих пор внимания законодательных органов. Между тем важность тех политических и нравственных последствий, о которых мы сейчас говорим, вполне заслуживает внимания крупнейших и мудрейших государственных деятелей.

Широкое распространение промышленности по всей стране создает у людей новый характер; поскольку же этот характер формируется на основе принципа, в высшей степени неблагоприятного для общего благополучия и счастья отдельных людей, то это должно вызывать самые плачевные и притом бесспорно отрицательные явления, если только указанная тенденция не будет пресечена при помощи законодательного вмешательства и руководства.

Промышленная система уже настолько распространила свое влияние во всей Британской империи, что она вызывает общее серьезное изменение в характере массы населения. Процесс этот продолжается быстро развиваться, и пройдет немного времени, прежде чем простой крестьянин, занимающийся сельским хозяйством, совершен-

но утратит свое сравнительное благополучие. Уже теперь его трудно обнаружить где-либо в чистом виде без примеси тех навыков, какие появляются под воздействием ремесел, промышленности и торговли.

Приобретение богатства и создаваемое им естественное стремление к увеличению этого богатства породили любовь к вредной в сущности роскоши среди обширной группы людей, никогда ранее о ней не думавшей, и вместе с тем создали склонность приносить в жертву этой страсти к накоплению лучшие чувства человеческой природы. Для достижения успеха на этом пути низшие слои населения, труд которых создает эти богатства, доведены новыми конкурентами с их борьбой против тех, кто давно занимал свои позиции, до состояния подлинного угнетения; по мере того как дух конкуренции усиливался, а приобретение богатства становилось труднее, эти низшие слои населения, благодаря последовательному ухудшению их положения, оказывались в состоянии более униженном, чем могут себе представить люди, не наблюдавшие внимательно этих перемен по мере их выявления. В итоге они находятся в настоящее время в состоянии, неизмеримо более унижительном и плачевном, чем это было до возникновения указанной промышленности, от успеха которой зависит теперь самое их существование.

Влияние ничем не ограниченного принципа наживы сказывается еще более плачевно на грудящихся классах, на тех, кто занят в промышленном производстве, потому что большинство его отраслей более или менее неблагоприятно влияет на здоровье и нравственность взрослых людей. Между тем родители, не колеблясь, жертвуют благополучием своих детей, направляя их на те виды работ, которые вызывают заметное ухудшение их умственной и физической конституции в сравнении с тем, чем она могла и должна была бы быть при системе предусмотрительной и гуманной.

Не больше 30 лет тому назад самые нуждающиеся родители разрешали своим детям лишь с 14-летнего возраста приступать к регулярной работе, и были в этом правы; к этому периоду своей жизни дети приобретают при помощи игр и физических упражнений на открытом воздухе нормальную, здоровую конституцию. Если даже не все дети были тогда посвящены в книжную науку, то они получали гораздо более полезные знания в домашнем хозяйстве, с которым не могли не быть хорошо знакомы в 14-летнем возрасте; когда они вы-

растали и становились сами отцами семейств, эти знания оказывались для них более полезными (поскольку они помогали им экономно расходовать свой заработок), чем половина их заработной платы при современных условиях.

Надо помнить также, что 12 часов в сутки, включая время на отдых и еду, считались тогда достаточными для максимального использования силы самых крепких взрослых людей; надо еще заметить, что местные праздники гораздо чаще отмечались раньше в большинстве районов королевства, чем в настоящее время.

В то же время люди обычно воспитывались под воздействием землевладельца в навыках, создававших взаимную связь интересов между сторонами, благодаря чему даже самый приниженный крестьянин рассматривался обыкновенно как принадлежащий к почтенной семье и являющийся членом ее. При таких условиях низшие слои населения пользовались не только значительным благополучием, но имели даже нередко возможность заниматься здоровым, разумным спортом и пользоваться развлечениями; в результате они были сильно привязаны к тем, от кого зависели; свою работу они делали охотно, а взаимные добрые услуги связывали обе стороны крепкими узами, которым способствует сама природа человека, склонного рассматривать других как друзей, находящихся в несколько иных условиях, чем он сам; слуга часто пользовался более прочным благополучием и большими удобствами, чем его хозяин.

Сравним это положение вещей с положением низших слоев населения в настоящее время, когда натура человека складывается в тех условиях, какие имеют место теперь, при новой промышленной системе.

В промышленных районах родители обычно посылают своих детей обоего пола в семи- или восьмилетнем возрасте, зимой, как и летом, в 6 часов утра, иногда даже в темноте, в мороз и при снеге, на фабрики, в которых температура нередко очень высока и атмосфера весьма неблагоприятна для человеческого организма. Работа продолжается там до 12 часов дня, когда рабочим предоставляется один час на обед, после чего они возвращаются к работе и в большинстве случаев продолжают ее до 8 часов вечера.

Дети оказываются теперь вынужденными работать систематически для поддержания своего существования: они не привыкают к не-

винным, здоровым и разумным развлечениям; они не имеют необходимого на то времени, если бы даже ранее к ним привыкли. Они не знают, что значит досуг, кроме перерывов в работе. Они окружены другими детьми, находящимися в таких же условиях; таким образом, переходя из детства к юношескому возрасту, они постепенно приучаются, – в особенности юноши, но часто и девушки, – к соблазнительному удовольствию, доставляемому кабаком и опьянением; к этому их подготавливает их ежедневный тяжелый труд, отсутствие добрых навыков и общая праздность ума.

Такая система воспитания может дать лишь население слабое по своим физическим и духовным способностям, обладающее привычками, разрушительными для собственного благополучия отдельных людей и для счастья всех окружающих и как бы предназначенными для подавления всех социальных чувств.

Непосредственной задачей сделанных замечаний является улучшение положения и устранение грозящей опасности. Единственный способ, при помощи которого эти задачи могут быть решены, заключается в принятии специального парламентского акта с целью:

- 1) ограничения нормальных рабочих часов на фабриках с механизмами до 12 часов в день, включая $\frac{1}{2}$ часа на еду;
- 2) запрещения детского труда на фабриках с механизмами для детей до 10-летнего возраста и сокращения рабочего дня до 6 часов прежде достижения детьми 12-летнего возраста;
- 3) запрещения детям обоюго пола допуска на фабрики – после специально указанного времени – до того, как они научатся писать и читать, усвоят первые четыре правила арифметики, а девочки научатся шить себе одежду.

Эти мероприятия окажутся благотворными для ребенка, его родителей, предпринимателя и всей страны, если при разработке их будут устранены пристрастные соображения или узкое ошибочное стремление к непосредственной эгоистической выгоде и если они будут разработаны только с точки зрения общенародных интересов. Между тем при нашей современной системе воспитания люди часто не умеют отделить общий вопрос от частных соображений или рассматривают его только через призму непосредственной денежной выгоды. Отсюда можно сделать вывод, что люди разных склонностей не

одобряют некоторые или даже все эти мероприятия. Я постараюсь по этому заранее отвести их возражения и ответить им.

Ребенок не может выдвинуть какие-либо возражения против предложенного проекта; он легко убедится, что этот проект благотворен для его детства, юношества, зрелого возраста и старости, как это и докажет опыт.

Роберт Оуэн
РЕЧЬ В УЧРЕЖДЕНИИ НА УЛИЦЕ ШАРЛОТТЫ (1833)
(Извлечение)

В настоящее время люди разумные и благонамеренные обнаружили, что старая общественная система не соответствует их интересам, что с людьми производительного труда не считаются и ими пренебрегают те, кто не производит ничего реально ценного. В конце концов производительные и полезные классы пришли к заключению, что такое положение вещей дольше не может продолжаться, что правда и справедливость должны, наконец, заступить место ошибок и несправедливости и что общество должно быть организовано заново на основе такого порядка, который, охватив всех, даст каждому человеку возможность пользоваться благами, создаваемыми человеческим трудом.

Я только что вернулся из поездки по некоторым самым густо населенным частям нашей страны; там господствует величайшее возбуждение в связи с теперешним критическим положением дел, но это не возбуждение, наблюдавшееся в старом мире, это не возбуждение, преисполненное злобы и недоброжелательства; это высоко моральное возбуждение трезвых, трудолюбивых и разумных людей, негодующих на несправедливость теперешнего устройства общества и решивших утвердить справедливые и естественные права тех, кому общество обязано всеми своими жизненными удобствами и радостями.

Я покинул вас с намерением посетить некоторые собрания, которые должны были состояться в Бирмингеме, Манчестере, Престоне и т. д. и которые считались подготовительными к другим более важным собраниям. В Манчестере было собрание делегатов от строите-

лей со всех частей страны. На этом собрании прения продолжались в течение недели; еще большее число людей съехало в связи с отправленной разным локам информацией о том, что наши новые проекты общественного устройства будут им сообщены для рассмотрения. Многие из них были совершенными новичками в вопросах, связанных с новой доктриной.

Можно сказать, что участники собрания делились на три группы:

- 1) лица, совершенно незнакомые с новой доктриной;
- 2) лица, частично ознакомленные с ее принципами,
- 3) лица, сравнительно хорошо информированные; величайшее удовлетворение доставляло то обстоятельство, что самые разумные и хорошо информированные оказывали большое влияние на прения в Совете.

Влияние, оказываемое истинными общественными принципами, убеждение, что современное общественное устройство губительно, и решимость применить все имеющиеся силы для достижения своего освобождения весьма велики, и мы в праве надеяться, что в течение шести месяцев трудящиеся классы нашего королевства отчетливо поймут свои реальные интересы и последуют за своими разумными и здраво настроенными собратьями, к которым сейчас переходит руководство и которые указывают путь к полному освобождению

Теперь я кратко опишу вам великие перемены, которые сейчас проектируются и которые осуществляются столь же внезапно, как появление тая в ночи; ведь даже и один человек из сотни не имеет ни малейшего представления о том, что сейчас надвигается. Эта перемена произойдет без насилия, кровопролития и вообще какой-либо несправедливости. Даже с высшими классами, преобладание которых является причиной теперешней деградации народа, обойдутся с мягкостью, так как мы знаем, что они сами являются продуктом обстоятельств, и это знание поможет нам обращаться с ними мягко и милосердно; в отношении их будет проявлено как можно меньше несправедливости. Предполагается, что будут приняты меры в общенациональном масштабе для охвата новой великой организацией всех трудящихся и что каждая часть ее будет осведомлена о происходящем в других частях; всякое индивидуальное соперничество прекратится,

все виды производства будут осуществляться национальными объединениями.

Мы давно уже установили, что до тех пор, пока один хозяин соперничает с другим, невозможно улучшение как условий, в которых заинтересованы рабочие, так и тех, в которых заинтересованы хозяева; поэтому не существует никакой другой альтернативы, кроме организации национальных объединений для каждой отрасли труда.

Такое национальное объединение осуществится путем упрощения и сочетания промыслов; мы сохраним все преимущества, даваемые разделением труда и его объединением. Все профессии создадут прежде всего ассоциации лож, которые должны состоять из числа лиц, достаточного для ведения дела. Эти ложи будут называться приходскими ложами; все представители данного ремесла должны стать их членами, и это относится ко всем людям, производящим ценности или содействующим распространению знания и счастья.

Приходские ложи должны собираться еженедельно; они будут выбирать делегатов в ложи графства, которые будут собираться ежемесячно; последние в свою очередь будут выбирать делегатов в провинциальные ложи, которых, может быть, будет десять для всей Великобритании. Они должны наблюдать за производством в провинции и будут посылать делегатов в великий национальный конгресс, который соберется, вероятно, в Лондоне.

Теперь я сообщу, как предполагается организовать отдельных лиц: они будут соединены в компании или группы с тем, чтобы все отрасли, связанные, например, с производством одежды, как портные, сапожники, шляпницы, модистки, салопницы, образовали одну компанию; все разнообразные отрасли производства будут организованы подобным же образом. Будут поддерживаться сношения между этими различными отраслями и великим национальным учреждением в Лондоне. Ничто не будет храниться в тайне от общественного мнения; все сведения относительно себестоимости и дохода будут свободно оглашаться, вероятно, при посредстве газеты, издаваемой под названием «Газета Великого национального союза производительных классов», получаемой каждым членом.

Роберт Оуэн
ОБРАЩЕНИЯ К КОНГРЕССУ КООПЕРАТИВНЫХ ОБЩЕСТВ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ
ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ
(Извлечение)

Мы обращаемся к вам в духе миролюбия, справедливости и доброжелательства, но в то же время как люди, претендующие на право оказать величайшую услугу человечеству.

Мы знаем и чувствуем, что невежество и заблуждения сделали людей неразумными и несчастными; зло сейчас ясно представляется нашему сознанию; мы верим, что, исходя из прошлого опыта, мы способны сделать людей добродетельными, разумными и счастливыми, причем все их потребности будут полностью удовлетворены; нам также известны те практические меры, которые позволят это осуществить. Это – величественная задача, и в настоящее время предстоит ее разрешение; мы призываем вас, с горячим сочувствием к вашему собственному благополучию и счастью, объединиться друг с другом и с нами для того, чтобы приступить к этому великому и благому делу без отсрочки: пусть живущим сейчас людям дана будет возможность хотя бы предвкусить то непрерывное улучшение жизни и те радости, которые современное поколение в результате возникновения новых условий предназначено подготовить для следующих поколений.

Мы стремимся к изменению общественных принципов и практических приемов при содействии существующих правительств и предпочитаем это какому бы то ни было чисто персональному изменению в их составе. Мы желаем не беспорядка или замешательства, но замены дурного хорошим, без причинения этим вреда хотя бы единому существу, принадлежащему к человеческому роду.

Прежняя система управления и руководства человечеством устарела, а невозможность при ней устранить причины пороков и несчастий ясна теперь каждому, кто умеет рассуждать; в то же время ее способность создавать эти пороки и несчастия также очевидна для всех.

Ныне требуется новая система, основанная на знании фактов и на опыте; эта система устранит причины всех бед, которые так долго обременяли человечество. Мы готовы сейчас обосновать такую си-

стему и представить ее на ваше рассмотрение. Мы предлагаем её, будучи убеждены, что при добросовестном изучении вы признаете ее истинной и пригодной для немедленного применения с величайшими выгодами во всех странах, т. е. не только в Европе и Америке, но и во всех прочих частях света.

При разработке этой системы мы отбрасываем все соображения о религиозных сектах и политических партиях; нам известна лишь одна религия, которая основана на Истине, вытекающей из прочно установленных фактов, и лишь одна партия, которая состоит из людей, горячо желающих эту достигнутую указанным путем во всех вопросах Истину превратить в действительность во имя благополучия человеческого рода.

При помощи той власти, которой вы сейчас обладаете, и с согласия народов, счастью которых вы будете содействовать, можно в короткий срок принять такие меры, которые позволят в любой части света так легко и радостно производить богатства, что человечество навсегда освободится от бедности и ее причин и в результате совершенно прекратится борьба за собственность.

Вследствие полученного вами воспитания вы первоначально сочтете, может быть, это заявление диким и фантастическим, но оно не таково; правда, мы совершенно никому не известные люди, но мы глубоко изучили этот вопрос как теоретически, так и практически. Исходя из фактов, нам известных, мы не испытываем никаких сомнений в полной достижимости указанных результатов.

Мы, таким образом, заверяем вас в нашем истинном убеждении относительно возможности освободить в течение короткого срока Европу и Америку от страшных последствий того ложного и в высшей степени вредного состояния общества, которое ошибочно называется цивилизованным. Мы горячо желаем объединить лучшие силы человечества для достижения в кратчайший срок этого славного изменения, чтобы прекратить человеческие страдания, ставшие в настоящее время для некоторых классов невыносимыми, и чтобы подготовить всех людей так быстро, как это допустят требующиеся практические мероприятия, к здоровому и благому существованию, которое может быть обеспечено и навсегда сохранено лишь при должном знании человеческой природы и общества.

Пьер Прудон
ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ?
(Извлечение)

Декларация прав поместила собственность в числе естественных и неотчуждаемых прав человека, каковых всего-навсего четыре: свобода, равенство, собственность и безопасность. Какого метода придерживались законодатели 1793 года, указывая именно эти права? Никакого. Они устанавливали принципы, так же как спорили о суверенности и законах, с общей точки зрения и согласно своим собственным взглядам; они все делали ощупью или по вдохновению. Если верить Тулье, то «абсолютные права могут быть сведены к трем: безопасности, свободе, собственности». Реннский профессор исключил равенство, почему? Потому ли, что оно заключается уже в свободе, или потому, что собственность его не переносит? Автор "Droit civil expliqué" молчит; он даже и не подозревал, что здесь можно что-либо оспаривать.

Между тем если сравнивать между собой эти три или четыре права, то окажется, что собственность совсем не похожа на остальные; что для большинства граждан она существует только в возможности и как способность потенциальная и неиспользуемая, что для тех, которые обладают ею, она подвержена различным превращениям и видоизменениям, противоречащим понятию естественного права, что на практике правительства, судебные учреждения и сами законы не уважают ее, что, наконец, все, добровольно и единогласно, считают ее химеричной.

Свобода ненарушима. Я не могу ни продать, ни отчуждить мою свободу. Никакой договор, никакое условие, имеющее предметом отчуждение или упразднение свободы, не имеет силы. Раб, ступивший на свободную землю, тем самым делается свободным. Когда общество схватывает преступника и лишает его свободы, оно совершает акт законной самозащиты: кто разрушает общественный договор преступлением, тот объявляет себя врагом общества. Нарушая свободу других, он заставляет их отнять у него его свободу. Свобода есть первое условие человеческого состояния, отказаться от свободы значит отказаться от человеческого достоинства, возможны были бы после этого человеческие поступки?

Равенство перед законом также не терпит никаких ограничений или исключений. Всем французам одинаково доступны должности, вот почему, ввиду этого равенства, вопрос о предпочтении во многих случаях решается жребием или по старшинству. Беднейший гражданин может привлечь к суду самое высокопоставленное лицо; пусть миллионер Ахав построит дворец на винограднике Навуфея, и суд сможет, смотря по обстоятельствам, предписать разрушение дворца, хотя бы он стоил миллионы, велеть привести виноградник в первоначальное состояние и, сверх того, приговорить узурпатора к уплате вознаграждения за убытки. Закон требует, чтобы всякая приобретенная законным путем собственность уважалась без различия ценности ее и невзирая на то, кому она принадлежит.

Хартия, правда, требует для осуществления некоторых политических прав известной степени благосостояния и известных способностей, но все публицисты знают, что законодатель намерен был создать не привилегию, а гарантию. Раз условия, поставленные законом, выполнены, всякий гражданин может быть избирателем и всякий избиратель избираемым; раз приобретенное право остается одинаковым для всех, закон не различает личностей. Я не задаюсь здесь вопросом, можно ли считать эту систему наилучшей, для меня достаточно установить, что по духу хартии и по мнению всех вообще людей равенство перед законом безусловно и, подобно свободе, не может подлежать передаче.

Так же обстоит дело и с правом безопасности; общество не обещает своим членам половинчатых помощи и защиты; оно берет на себя обязательство целиком, так же как и они по отношению к нему. Оно не говорит им: я вас обеспечу, если мне это ничего не будет стоить, я вас защищу, если не буду при этом рисковать ничем. Оно говорит: я вас защищу от всех и против всех, я вас спасу и отомщу за вас или погибну. Государство предоставляет каждому гражданину все свои силы; обязательство, соединяющее их, абсолютно. Совсем в ином положении находится собственность: обожаемая всеми, она не признается никем. Законы, нравы, обычаи, общественная и личная совесть все стремятся к ее гибели и уничтожению.

Для того чтобы покрыть расходы правительства, которое должно содержать армию, выполнять различные работы, оплачивать чиновников, необходимы налоги. Пусть все принимают участие в этих

расходах; лучшего и желать нельзя. Но почему богатый должен платить больше бедного? Это, говорят, справедливо, потому что он имеет больше. Я, признаюсь, не понимаю этой справедливости. Зачем платятся налоги? Затем, чтобы обеспечить каждому пользование его естественными правами: свободой, равенством, безопасностью и собственностью, затем, чтобы поддерживать в государстве порядок, и, наконец, затем, чтобы создать учреждения, служащие для общественной пользы или развлечений.

Так неужели же защита жизни и свободы богатого стоит больше, нежели бедного? Кто при вторжениях неприятеля, при голодовках и эпидемиях причиняет больше хлопот? Крупный собственник, спасающийся от опасности, не ожидая помощи от государства, или крестьянин, остающийся в своей хижине на добычу всем бедствиям? Разве порядочный буржуа более угрожает порядку, чем ремесленник или фабричный? Нет, несколько сотен безработных доставляют полиции больше хлопот, чем двести тысяч избирателей. Разве, наконец, крупный рантье, больше, чем бедняк, пользуется национальными празднествами, чистотою улиц, красотою монументов?.. Он предпочтет свое поместье всем публичным увеселениям, а если вздумает развлечься, то не станет дожидаться устройства шестов для лазания на призы.

Возможно лишь одно из двух: либо пропорциональный налог обеспечивает и санкционирует привилегию, которою пользуются богатые плательщики, либо он сам является несправедливостью, ибо если собственность, как говорится в декларации прав 1793 года, является естественным правом, то все принадлежащее мне на основании этого права так же священно, как и моя личность. Это моя кровь, моя жизнь, мое я. Кто его коснется, тот посягнет на зеницу ока. Мои сто тысяч франков дохода так же неприкосновенны, как и поденная плата гризетки, получающей 75 сантимов; мои апартаменты так же неприкосновенны, как и ее мансарда. Налоги устанавливаются не сообразно силе, росту, таланту, нельзя их сообразовать также и с собственностью.

Если, следовательно, государство берет у меня больше, пусть же оно больше и дает или пусть перестанет говорить о равенстве прав, ибо в противном случае общество не будет учреждением, защищающим собственность, но организующим ее уничтожение. Вводя про-

порционный налог, государство становится, так сказать, главою разбойничьей шайки; оно дает пример правильно организованного грабежа, его следует посадить на скамью подсудимых во главе этих ужасных разбойников, этой отвратительной сволочи, которую оно приказывает убивать из профессиональной зависти.

Говорят, однако, что суды и солдаты нужны именно для того, чтобы обуздывать эту сволочь. Правительство есть общество не то что страховое, ибо оно не боится, но общество мести и репрессий. Взнос, который это общество заставляет платить, или налог, пропорционален собственности, т. е. он пропорционален хлопотам, какие каждая собственность доставляет мстителем и угнетателям, оплачиваемым правительством.

**

Замечательно, что на собраниях Государственного Совета, обсуждавших кодекс, не возникло никаких разговоров о происхождении и принципе собственности. Все параграфы второй главы, второй книги, касающиеся собственности и права приобретения, были приняты без возражения и без добавлений. Бонапарт, который относительно других вопросов доставил столько хлопот своим законоведам, ничего не нашел сказать о собственности. Удивляться этому нечего. В глазах Бонапарта, человека, отличавшегося крайним индивидуализмом и сильно развитою волею, собственность должна была быть важнейшим из прав, подобно тому как подчинение власти было священнейшею из обязанностей. Право захвата (оккупации) или первого захватившего (оккупанта) есть право, проистекающее из действительного, физического, реального обладания вещью. Я занимаю известный участок земли, я считаюсь его собственником постольку, поскольку не доказано противное. Понятно, что первоначально оно было законно лишь постольку, поскольку один оккупант признавал права другого, с этим соглашаются все законоведы.

....Этот отрывок представляет собою наиболее философский взгляд на происхождение собственности, какой оставила нам древность. Театр, говорит Цицерон, принадлежит всем, а между тем место, которое каждый в нем занимает, называется его местом; это значит, очевидно, что место находится в его владении, но не в его собственности. Это сравнение уничтожает собственность; более того, оно заключает в себе равенство. Могу я в театре занимать одновременно

одно место в партере, второе в ложе, третье на галерке? Нет, если только я не обладаю тремя телами, как Герион, или способностью существовать одновременно в различных местах, какою обладал будто бы волшебник Аполлоний. Согласно Цицерону, никто не имеет права на большее, чем сколько ему нужно; таково правильное толкование его знаменитой аксиомы: *Suum quidque, cuiusque sit* каждому то, что ему принадлежит, аксиомы, которой подчас придавали такой странный смысл. Принадлежащее каждому есть не то, чем каждый может обладать, но то, чем каждый имеет право владеть. Чем же мы имеем право владеть? Тем, что необходимо для нашего труда и что достаточно для нашего потребления. Что Цицерон понимал это именно так, доказывается тем, что он сравнивал землю с театром. Согласно этому пусть каждый устраивается на своем месте как ему угодно, пусть украшает и улучшает его, это позволено, но пусть его деятельность никогда не переходит за пределы, отделяющие его от другого. Учение Цицерона приводит непосредственно к равенству; так как оккупация есть результат терпимости, и если терпимость взаимная, а иному она не может быть, то права владения равны.

Гроциус, говоря о происхождении собственности, пускается в исторические исследования. Что это, однако, за прием искать происхождение естественного права, данного якобы от природы, вне этой природы? Это напоминает прием древних: факт существует, стало быть, он необходим, стало быть, он справедлив, стало быть, его предшественники также справедливы. Впрочем, послушаем все-таки, что говорит Гроциус. «Вначале все вещи были общими и нераздельными. Они являлись достоянием всех». Остановимся на этом. Гроциус рассказывает нам, как этот примитивный коммунизм погиб от честолюбия и жадности, как за золотым веком последовал век железный и т. д. Выходит так, будто собственность имела своим источником сначала войны и победы, затем договоры и контракты. Либо эти договоры и контракты устанавливали равные доли сообразно первобытному коммунизму, единственному правилу распределения, которое могли знать первые люди, единственной понятной им форме справедливости. Тогда вопрос о возникновении собственности воскресает вновь, снова становится неясным, почему равенство исчезло. Либо же эти договоры и трактаты возникали благодаря силе одних и слабости других, и в таком случае они не имеют силы; молчаливое

согласие потомства несколько не укрепляет их, и мы живем в постоянном состоянии неравновесия и обмана.

Никогда нельзя будет попятить, почему равенство условий, существовавшее вначале в самой природе, могло превратиться впоследствии в состояние неестественное, каким образом могло произойти подобное падение? Инстинкты животных так же неизменны, как и родовые различия. Допускать в человеческом обществе существование первобытного естественного равенства это значит в то же время признавать, что теперешнее неравенство есть оскорбление, нанесенное природе этого общества, что необъяснимо для защитников собственности.

Я со своей стороны делаю отсюда вывод, что Провидение поставило первых людей в одинаковые условия, желая дать им указание, пример, который они должны были осуществить в иных формах, подобно тому как они развили и обнаружили под всевозможными формами религиозные чувства, которые оно вложило в их души. Человек имеет природу, вечную и неизменную. Он следует ей по инстинкту, отступает от нее благодаря размышлению и возвращается к ней благодаря разуму. Кто может сказать, что мы не находимся на пути к возврату? Согласно Гроциусу, человек начал равенством. Поэтому, он кончит им. Как он его покинул и как вернется к нему, это мы рассмотрим впоследствии. Рид говорит: «Право собственности вовсе не естественное, но приобретенное право. Оно вытекает вовсе не из организации человека, а из его поступков». Правоведы объяснили его происхождение вполне удовлетворительным для всех здравомыслящих людей образом. Земля есть общее благо, которое благодать небесная дала людям для удовлетворения потребностей жизни. Но распределение этого блага и его продуктов есть дело людей. Каждый из них получил от неба силу и разум, необходимые для того, чтобы присвоить себе известную часть земли, не причиняя никому ущерба.

Моралисты древности справедливо сравнивали общее право всякого человека на продукты земли, прежде чем она была занята и сделалась собственностью другого, с правом, которым пользуются посетители театра. «Всякий, приходя, может занять пустое место и иметь право сохранять его в продолжение всего спектакля, но никто не имеет права лишать места зрителя уже устроившегося. Земля есть громадный театр, который Всемогущий с бесконечной премудростью

и добротой приспособил для труда и наслаждений всего человечества. Каждый имеет право расположиться на ней в качестве зрителя и выполнять роль актера, но только не стесняя других».

Рассмотрим теперь выводы из учения Рида.

1. Для того чтобы часть, которую каждый может себе присвоить, не присваивалась в ущерб другим, необходимо, чтобы она равнялась сумме подлежащих распределению благ, деленной на число участников распределения.

2. Так как число мест всегда должно быть равно числу зрителей, то недопустимо, чтобы один зритель занимал два места, чтобы один актер играл две роли.

3. По мере того как зрители приходят и уходят, места увеличиваются или уменьшаются в одинаковой для всех без различия степени; ибо, говорит Рид, право собственности вовсе не естественное, но приобретенное право, следовательно, в нем нет ничего абсолютного и, следовательно, факт захвата, на котором основывается это право, будучи фактом случайным, не может сообщить этому праву неизменности, какую он не обладает и сам. Это, по-видимому, было понято эдинбургским профессором, ибо он добавляет: "Право жить заключает в себе право приобретать средства к жизни, и то же самое правило справедливости, которое требует, чтобы жизнь невинного человека была неприкосновенна, требует также, чтобы его не лишали средств для ее сохранения. И то и другое одинаково священны... Препятствовать работе другого значит причинять ему такую же несправедливость, какую причиняешь ему, надевая на него оковы или заключая его в тюрьму. Результат получается тот же и вызывает те же самые чувства".

Таким образом, глава шотландской школы, не принимая во внимание никаких различий в способностях и усердии, а *prìogì* устанавливает равенство средств труда, предоставляя затем каждому работнику заботу о его индивидуальном благосостоянии согласно вечной аксиоме: кто хорошо будет работать, получит хороший результат.

Потье, по-видимому, думает, что собственность, так же как и королевская власть, есть божественное право. Происхождение его он ведет от от самого Бога: *ab Jove principium*. Вот как он начинает: «Бог

обладает суверенным господством над вселенной и всеми заключающимися в ней вещами: *Domini est terra et plenitudo ejus orbis terrarum et universi qui habitant in eo*. Для человеческого рода создал он землю и все обитающие на ней существа, и человеческому роду он предоставил господство, подчиненное его господству: Ты утвердил его на делах рук твоих, ты положил у ног его природу, говорит псалмопевец. Бог сделал этот дар человечеству со следующими словами, с которыми он обратился к нашим предкам после сотворения мира: Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю и т. д.».

Кто после такого великолепного вступления не уверует, что человечество представляет собой как бы большую семью, живущую в братском единении под опекой почтенного отца? Но сколько на самом деле встречается враждующих братьев, сколько жестоких отцов и неблагодарных детей! Бог даровал землю роду человеческому. Почему же я ничего не получил? Он положил к моим ногам землю; а между тем мне некуда приклонить голову. Размножайтесь, говорит он устами своего толкователя Потье. О, премудрый Потье! Это так же легко сделать, как и сказать. Но дайте же птице мху, для того чтобы она могла свить свое гнездо! «Когда человеческий род размножился, люди разделили между собою землю и большинство вещей, находившихся на ее поверхности, и то, что пришлось на долю каждого из них, стало принадлежать ему отдельно от всех других: таково происхождение права собственности».

Скажите лучше, права владения. Люди жили при коммунизме, носил ли он положительный или отрицательный характер, безразлично. У них совсем не было собственности, так как не было даже частного владения. Так как увеличение владения мало-помалу принуждало к труду, для того чтобы увеличить средства к жизни, то формально или безмолвно это не меняет дела пришли к соглашению, что работник сам будет единственным собственником продукта своего труда. Иными словами: был заключен договор чисто явочного характера, подтверждающий тот факт, что отныне никто не мог жить без труда. Для того, чтобы получить равенство в средствах к жизни, по необходимости нужно было достигнуть равенства труда, а для того, чтобы труд был равен, нужны были одинаковые средства труда. Кто не трудясь, силою или хитростью завладевал средствами к жизни другого, тот нарушал равенство и становился выше и вне закона. Кто завладе-

вал средствами производства в количестве большем, по сравнению с другими, под предлогом большей своей производительности, тот также нарушал равенство. Так как равенство выражало тогда право, то всякий посягнувший на равенство был несправедлив.

Таким образом, вместе с трудом родилось частное владение, право в вещи *jus in re*, но в какой вещи? Очевидно, в продукте, но не в земле. В таком именно смысле его всегда понимали арабы, а также, судя по словам Цезаря и Тацита, германцы. «Арабы, говорит г. де-Сисмонди, признающие право человека на стада, которые он воспитал, не оспаривают также права на урожай у того, кто засеял поле; но они не понимают, почему другой такой же человек не имеет права в свою очередь посеять что-нибудь. Неравенство, вытекающее из пресловутого права первого оккупанта, по их мнению, вовсе не основывается на принципе справедливости, и, когда вся площадь их земли оказывается разделенной между известным числом жителей, тогда получается монополия последних в ущерб всему остальному народу, которому они не хотят подчиниться»..

В других местах землю разделили. Я допускаю, что благодаря этому возникла более крепкая организация между работниками и что этот раздел, определенный и постоянный, представляет больше удобств. Каким, однако, образом этот раздел мог создать для каждого изменяющееся право собственности на вещь, на которую все имели неприкосновенное и неизменное право владения? С точки зрения юриспруденции такое превращение владельца в собственника законным путем невозможно. Оно предполагает в примитивной юрисдикции смешение посессорного и петиторного и, при уступке, которая, как предполагается, была взаимной между участниками раздела, соглашение на основе естественного права. Первые земледельцы, которые явились также первыми законодателями, не были такими учеными, как наши законоведы; с этим я согласен, но если бы даже они и были таковыми, то хуже поступить они не могли бы: они не предвидели последствий превращения права частного владения в абсолютную собственность. Но почему же те, которые впоследствии установили различие между *jus in re* и *jus ad rem*, не применили его к самому принципу собственности?

Я напоминаю юристам их собственное утверждение.

Право собственности если вообще может иметь причину, то только одну: *dominium non potest nisi ex una causa contingere*. Я могу владеть на том или ином основании, но быть собственником я могу только на одном основании: *non, ut ex pluribus causis idem nobis deberi potest ita ex pluribus causis idem potest nostrum esse*. Поле, которое я распахал, которое я обрабатываю, на котором построил мой дом, которое питает меня, мою семью и мой скот, я могу владеть: 1) по праву первого оккупанта, 2) по праву работника и 3) на основании общественного договора, который уступает мне его как долю при дележе. Но ни одно из этих оснований не дает мне власти собственника, ибо если бы я сослался на право захвата, то общество могло бы мне ответить: я захватило раньше тебя; если я поставлю на вид свой труд, оно скажет: ты и владеешь только на этом условии; если я сошлюсь на договор, оно возразит: этот договор устанавливает именно понятие лица, обладающего правом пользования. Этим, однако, исчерпываются все доводы, выдвигаемые собственниками. В самом деле: всякое право, как учит нас Поте, предполагает причину, вызывающую его в человеке, который пользуется им. Но в человеке, который живет и умирает, в этом сыне земли, который проходит по ней как тень, по отношению к предметам внешнего мира существует только право владения, но не право собственности. Как же общество могло бы признать право против себя там, где нет вызывающей его причины? Каким образом общество, допуская владение, могло допустить собственность? Как мог закон санкционировать это злоупотребление властью? На это немец Ансильон отвечает: «Некоторые философы утверждают, что человек, прилагая свои силы к какому-нибудь предмету внешней природы, к полю, к дереву, приобретает права только на внесенные им изменения, на форму, которую он придает предмету, но не на самый предмет. Такое деление совершенно бессодержательно. Если бы форму можно было отделить от вещи, то, пожалуй, еще можно было бы спорить, но так как это почти никогда невозможно, то приложение человеческих сил к различным предметам видимого мира является первой основой права собственности, первой причиной возникновения имущества».

Это пустой предлог. Если форма не может быть отделена от предмета, собственность от владения, то необходимо разделить владение. Во всяком случае, общество сохраняет за собою право уста-

навливать условия собственности. Я предполагаю, что приобретенное имущество дает десять тысяч франков валового дохода и что это имущество, что случается чрезвычайно редко, не может быть разделено. Я предполагаю затем, согласно хозяйственному расчету, что в среднем ежегодный расход каждой семьи составляет три тысячи франков. Владелец этого имущества должен использовать его как хороший хозяин и ежегодно уплачивать обществу вознаграждение в десять тысяч франков, за вычетом всех издержек производства и трех тысяч франков, необходимых для содержания его семьи. Эти десять тысяч франков вовсе не будут арендной платой, а только вознаграждением. Разве справедливостью продиктованы положения, вроде следующего: «Если, благодаря труду, вещь изменила свою форму, так что форму уже нельзя отделить от материи, не уничтожив самой вещи, необходимо либо лишить общество его прав, либо рабочего продуктов его труда».

«Если вообще право собственности на материал получит перевес над правом собственности на то, что присоединяется к нему путем приращения за вычетом вознаграждения или, как в данном случае, собственность на второстепенное берет перевес над собственностью на главное. В таком случае присвоение при помощи труда не будет применяться по отношению к частным лицам, но лишь по отношению к обществу». Такова постоянная манера юристов рассуждать о собственности. Закон установлен для того, чтобы определить взаимные права людей, т. е. права каждого отдельного лица по отношению к другому отдельному лицу и права каждого по отношению ко всем. И хотя пропорция не может существовать без четырех членов, господа юристы никогда не принимают в расчет последнего члена. Пока человек противопоставляется человеку, собственность противопоставляется собственности и эти две силы уравниваются, но как только человек оказывается изолированным, иначе говоря, противопоставлен обществу, которое он сам собою представляет, юриспруденция впадает в ошибку, Фемида теряет одну из чашек своих весов. Послушайте реннского профессора ученого Тулье: «Каким образом это преимущество, приобретенное путем захвата, могло превратиться в постоянную непрерывную собственность, которая продолжала существовать и которую можно было требовать после того, как первый оккупант перестал владеть? Земледелие было естественным следствием увеличения

народонаселения, и земледелие, в свою очередь, благоприятствовало росту народонаселения и сделало необходимым установление постоянной собственности, ибо кто же захотел бы трудиться, обрабатывать и засеивать поле, не будучи уверен в том, что сам соберет жатву?»

Для того чтобы успокоить земледельца, достаточно было бы обеспечить ему обладание урожаем. Допустим даже, что санкционировали бы его территориальный захват постольку, поскольку он сам обрабатывал захваченную землю. Это все, чего он вправе был ждать, все, чего требовал прогресс цивилизации.

Одного земледелия было мало для того, чтобы установить постоянную собственность; нужны были положительные законы и учреждения, наблюдающие за их выполнением; одним словом, нужно было гражданское государство. Рост человеческого рода сделал необходимым земледелие. Необходимость обеспечить земледельцу плоды его труда вызвала потребность в постоянной собственности и законах, обеспечивающих последнюю. Таким образом, мы обязаны установлением гражданского государства собственности.

Да, мы обязаны ей гражданским государством в том виде, какой придали ему вы, государством, которое сначала было деспотией, затем монархией, затем олигархией, а теперь стало демократией, но которое всегда было и есть тирания. «Не будь уз собственности, никогда не удалось бы подчинить людей спасительному игу законов; не будь постоянных законов, земля была бы до сих пор громадным лесом. Мы можем поэтому вместе с самыми добросовестными авторами сказать, что если временная собственность или право преимущества, которое дает захват, предшествует установлению гражданского общества, то постоянная собственность в том виде, в каком мы знаем ее теперь, есть создание гражданского права. Гражданское право установило то положение, что раз приобретенная собственность не утрачивается без согласия на то собственника и что она сохраняется даже после того, как собственник лишился обладания вещью и последняя находится в руках третьего лица. Таким образом, собственность и владение, которые в первобытном государстве смешивались, благодаря гражданскому праву сделались вещами различными и независимыми друг от друга; вещами, которые, говоря языком законов, не имеют более между собою ничего общего. Отсюда явствует, какая

глубокая перемена произошла в собственности и как сильно гражданские законы вменили ее сущность».

Анри Сен-Симон
ПИСЬМА ЖЕНЕВСКОГО ЖИТЕЛЯ К СВОИМ
СОВРЕМЕННОКАМ (1802)

Письмо первое
(Извлечение)

У гениального человека личный интерес чрезвычайно силен, но любовь к человечеству также способна заставить его совершать чудеса. Какое прекрасное занятие – труд на благо человечества! Какая величественная цель! Разве человек имеет лучшее средство приблизиться к божеству? И в этом направлении он в себе самом находит наилучшее вознаграждение за перенесенные труды. Когда я сравниваю тот возвышенный пост, на который человечество возведет гениального человека, с креслом академика, то я вижу, что избранный к человечеству а будет находиться в гораздо более выгодном положении, чем академик; он будет пользоваться полнейшей независимостью и получит возможность развить всю присущую ему энергию, не отвлекаясь какими-либо посторонними соображениями; никакая ложная осторожность не замедлит развития его гения, не нанесет ущерба его работе и счастью.

Чтобы не потерять приобретенного положения, он воодушевится, беспокойным взором окинет труды своих предшественников, захочет превзойти их, покинуть избитые пути, чтобы прокладывать новые: воодушевление его будет постоянно возрастать, и он достигнет истинной цели, будет способствовать прогрессу человеческого духа. Таков будет путь гения, поставленного в независимое положение, тогда как ум академика по-прежнему будет следовать противоположным путем; он будет навсегда держать принятых им мнений, считая себя хранителем истины; он сам восстал бы против своей мнимой непогрешимости, если бы переменял свои взгляды.

Письмо второе

(Извлечение)

Ученые, художники, а также все вы, употребляющие часть своих сил и средств на развитие просвещения, вы – часть человечества, обладающая наибольшей мозговой энергией и наиболее способная к восприятию новых идей, вы непосредственно заинтересованы в успехе подписки – вы-то и должны преодолеть силу косности. Математики! Ведь вы находитесь во главе, начинайте! Ученые, художники, взгляните глазами гения на современное! положение человеческого духа; вы увидите, что скипетр общественного мнения в ваших руках, держите же его крепче! Вы можете создать ваше счастье и счастье ваших современников; вы можете предохранить потомство от тех болезней, которыми мы страдали раньше и которые -мы терпим до сих пор: подписывайтесь все!

Ученый, друзья мои, это человек, который предвидит. Наука полезна именно тем, что она дает возможность предсказывать, и потому-то ученые стоят выше всех других людей. Все известные нам явления разделяются на различные категории. Вот принятый способ их деления: явления астрономические, физические, химические, физиологические. Всякий человек, отдающийся наукам, занимается одной из них больше, чем другими. Вы знаете некоторые предсказания астрономов, вы знаете, что они предсказывают затмения, но они делают и много других предсказаний, которыми вы не интересуетесь и о которых я не буду пытаться говорить с вами; я ограничусь лишь тем, что скажу несколько слов об их применении, польза их вам хорошо известна. Относительное положение различных точек Земли удалось точно определить при помощи предсказаний астрономов; их же предсказания дают возможность плавать по самым обширным морям. Вы близко знакомы с некоторыми предсказаниями, химиков. Химик говорит вам, что из такого-то камня вы можете получить известь, а из такого-то не можете, что таким-то количеством золы такого-то дерева вы выбелите ваше белье так же хорошо, как гораздо большим количеством золы какого-либо иного дерева, что такое-то вещество, если смешать его с другим, даст продукт, который будет иметь такой-то вид и такие-то свойства. Физиолог занимается явлениями, происходящими в организованных телах; в случае, например, вашей болезни,

он говорит вам: сегодня вы испытываете то-то, ну, значит, завтра вы будете в таком-то состоянии. Не подумайте, что я хочу убедить вас в том, что ученые могут предвидеть все; конечно, нет! всего они предвидеть не могут; я даже думаю, что они могут предсказывать очень немного, но, как и я, вы убеждены в том, что ученые, каждый в своей области, могут предвидеть больше других; это вполне правильно, ибо репутацию ученых они приобретают благодаря тому, что их предсказания оправдываются.

Анри Сен-Симон
ПАРАБОЛА
(Извлечение)

Представим себе, что Франция потеряла вдруг пятьдесят своих лучших физиков, пятьдесят лучших химиков, пятьдесят лучших физиологов, пятьдесят лучших математиков, пятьдесят лучших поэтов, пятьдесят лучших живописцев, пятьдесят лучших скульпторов, лучших артиллеристов, пятьдесят своих лучших писателей; пятьдесят своих лучших механиков, пятьдесят своих лучших военных и гражданских инженеров, пятьдесят своих лучших артиллеристов, пятьдесят своих лучших архитекторов, пятьдесят своих лучших врачей, пятьдесят своих лучших хирургов, пятьдесят своих лучших аптекарей, пятьдесят свежих лучших моряков, пятьдесят своих лучших часовщиков; пятьдесят своих лучших банкиров, двести лучших купцов, шестьсот лучших земледельцев, пятьдесят лучших мастеров железоделательного производства, пятьдесят лучших оружейных заводчиков, пятьдесят лучших кожевников, пятьдесят лучших красильщиков, пятьдесят лучших шахтовладельцев, по пятидесяти лучших фабрикантов сукна, бумажных тканей, шелка, полотна, скобяных товаров, фаянса и фарфора, стекла и хрусталя, пятьдесят лучших судовладельцев, пятьдесят лучших владельцев транспортных контор, пятьдесят лучших типографов, пятьдесят лучших граверов, пятьдесят своих лучших ювелиров и других рабочих по металлу; по пятидесяти лучших каменщиков, плотников, столяров, кузнецов, слесарей, ножевщиков, литейщиков и сто лиц различных других не указанных здесь

профессий, наиболее способных в науках, изящных искусствах и ремеслах,— всего три тысячи ученых, художников и ремесленников Франции. Эти люди составляют настоящий цвет французского общества, так как они — самые производительные французы, доставляющие самые важные продукты, управляющие самыми полезными для нации работами, делающие ее плодотворной в науках, изящных искусствах и ремеслах: из всех французов они самые полезные для своей страны, они доставляют ей больше всего славы, способствуют больше всего ее цивилизации и ее преуспеванию. Потеряв их, нация тотчас стала бы телом без души; она опустилась бы ниже тех наций, соперницей которых она теперь является; она продолжала бы оставаться в подчинении у них до тех пор, пока не восстановила бы этой потери, пока у нее не отросла бы голова. Для Франции потребовалось бы по крайней мере целое поколение, чтобы поправить это несчастье, ибо люди, выделяющиеся в полезных трудах, составляют поистине исключение, а природа небогата исключениями, особенно подобного рода. Представим себе другой случай. Допустим, что Франция сохраняет всех своих гениальных людей в области наук, изящных искусств и ремесел, но в то же время имеет несчастье потерять брата короля, его высочество герцога Ангулемского, его высочество герцога Беррийского, его высочество герцога Орлеанского, его высочество герцога Бурбэнского, герцогиню Ангулемскую, герцогиню Беррийскую, герцогиню Орлеанскую, герцэгиню Бурбонекую и мадемуазель де Конде; что она теряет в то же время всех крупных сановников, всех государственных министров (с портфелем или без портфеля), всех государственных советников, всех докладчиков, всех маршалов, кардиналов, архиепископов, епископов, крупных викариев и каноников, префектов и субпрефектов, всех служащих в министерствах, всех судей и сверх того десять тысяч самых богатых собственников, ведущих образ жизни, свойственный дворянской знати.

Такой случай, конечно, огорчил бы французов, потому что они добросердечны и не могли бы отнестись равнодушно к внезапному исчезновению столь большого количества своих соотечественников. Но эта гибель тридцати тысяч человек, считающихся наиболее значительными в государстве, причинила бы боль лишь их чувствительности, так как для государства из нее не проистекло бы никакого политического несчастья. Это прежде всего потому, что было бы очень

легко заполнить все вакантные места: существует большое количество французов, столь же способных исполнять обязанности брата короля, как он сам; многие в состоянии занимать места принцев столь же прилично, как его высочество герцог Ангулемский, или герцог Орлеанский, или герцог Бурбонский; многие французенки были бы такими же хорошими принцессами, как герцогиня Ангулемская, герцогиня Беррийская, герцогиня Орлеанская, Бурбонская или де Конде. Передние дворцов полны придворных, готовых занять места крупных сановников; армия обладает большим количеством военных, таких же хороших полководцев, как и теперешние маршалы. Сколько служащих стоят наших государственных министров! Сколько есть администраторов, более способных вести дела департаментов, чем наши теперешние префекты и супрефекты! Сколько адвокатов, так же хорошо знающих законы, как наши судьи! Сколько священников, столь же способных, как наши кардиналы, архиепископы, епископы, крупные викарии и каноники! Что касается десяти тысяч по-дворянски живущих землевладельцев, то их наследникам не понадобилось бы никакой подготовки, чтобы так же хорошо поддерживать честь своих салонов, как они сами.

Благоденствие Франции может быть только следствием прогресса наук, изящных искусств и ремесел. Но принцы, крупные сановники, епископы, маршалы, префекты и праздные собственники не содействуют непосредственно своим трудом прогрессу наук, изящных искусств и ремесел; мало того, что они ему не содействуют, они могут ему только вредить, так как они стремятся сохранить и впредь существующее до сих пор преобладание гадательных теорий над положительными науками. Они по необходимости вредят благосостоянию нации, лишая ученых, артистов и ремесленников принадлежащего им по праву высшего уважения; они ему вредят, употребляя свои денежные средства таким способом, который не приносит прямой пользы наукам, изящным искусствам и ремеслам; они ему вредят, присваивая ежегодно из сумм, уплачиваемых нацией в виде налогов, триста-четырееста миллионов франков в форме жалований, пенсий, вознаграждений, возмещений убытков и т. д. в уплату за свои бесполезные труды.

Эти предположения выявляют с очевидностью наиболее важный факт современной политики; они дают такую точку зрения, с ко-

торой этот факт открывается во всем своем объеме с одного взгляда. Они ясно доказывают, хотя и косвенным образом, что социальная организация мало совершенна, что люди позволяют управлять собой насилию и хитрости, что человеческий род в политическом отношении еще находится в безнравственном состоянии, ибо ученые, художники и ремесленники, единственные люди, труды которых приносят обществу положительную пользу и которые почти ничего ему не стоят, находятся под властью принцев и других правителей, являющихся лишь более или менее неспособными рутинерами; ибо люди, пользующиеся уважением и разными национальными наградами, обязаны своими привилегиями главным образом лишь случайности рождения, лести, интриге и другим мало почтенным действиям; ибо те, которым поручено управлять общественными делами, делят между собой ежегодно половину налогов, а из той части, которая не идет в их личную пользу, они не расходуют даже и третьей части полезным для управляемых образом.

Анри Сен-Симон
КАТЕХИЗИС ПРОМЫШЛЕННИКОВ
(Извлечение)

Вопрос . Что такое промышленник?

Ответ . Промышленник – это человек, который трудится для производства или для доставки разным членам общества одного или нескольких материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; значит, земледелец, сеющий зерно или разводящий домашних птиц и животных, является промышленником; каретник, кузнец, слесарь, столяр – промышленники; фабрикант обуви, шляп, полотна, сукна, кашемировой материи – также промышленник; купец, извозчик, матрос торгового судна – промышленники. Все промышленники вместе трудятся для производства или для доставки всем членам общества всех материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; они составляют три крупных класса, которые называются земледельцами, фабрикантами и торговцами.

Вопрос . Какое положение в обществе должны занять промышленники?

Ответ . Промышленный класс должен занять первенствующее положение, потому что он важнее всех, потому что он может обходиться без всех других классов, но никакой другой класс не может обходиться без него, потому что он существует своими собственными силами и своим личным трудом. Другие классы должны трудиться для него, потому что они являются его созданиями, и он поддерживает их существование; одним словом, так как все делается благодаря промышленности, то все должно делаться для нее.

Вопрос . Какое положение в обществе занимают промышленники?

Ответ . Промышленный класс современной общественной организацией поставлен на последнее место. Социальный строй все еще предоставляет больше уважения и влияния второстепенным трудам и даже праздности, чем самым важным трудам, трудам, приносящим прямую пользу.

Шарль Фурье
О ВОСПИТАНИИ ПРИ СТРОЕ ГАРМОНИИ
(Извлечение)

Переходя от принципов к их приложению, я должен напомнить, что кажущаяся трудность теории ассоциации заключается в правильном распределении по трем производительным способностям: капиталу, труду и таланту. Строй цивилизации умеет справедливо распределять лишь сообразно капиталу, в соответствии с капиталовложением. Это – задача арифметическая, не проблема для гения; гордиев узел нового общественного механизма – это удовлетворить каждого по труду и таланту. Именно это препятствие пугало людей во все века и мешало научным изысканиям.

Чтобы всеми правдами и неправдами добиться разрешения этой двойной проблемы распределения, секта Оуэна пускает в ход общность имущества, отдавая все массе, весь доход, кроме дохода от ак-

ций. Это значит, что она не осмеливается даже подойти вплотную к проблеме ассоциации.

Достигнуть равновесия в распределении можно лишь путем распространения гармонии страстей на три пола. Дети, которым мы не отводим никакой роли в социальной механике, являются главной пружиной в общественной гармонии и промышленном притяжении. Значит, надо сначала исследовать импульсы, которые притяжение порождает у малолетних, которые, будучи лишены двух страстей — половой любви и отцовской, не обладают для образования страстных серий столькими ресурсами, как зрелый возраст. Изучив метод на детях, будет тем легче применить его к сложившимся полам, которые обладают большими средствами, большим числом страстей. Значит, начинать надо с воспитания детей, тем более, что эту отрасль механизма следует организовать в первую очередь, потому что дети, будучи мало извращены предрассудком и недоверчивостью, будут более послушны притяжению, чем отцы. Они отдадутся притяжению полностью с первой же недели и очень скоро покажут превосходство режима страстных серий.

Новое общественное воспитание имеет целью полное развитие материальных и интеллектуальных способностей, применение всех их, даже удовольствий, к производительной промышленности.

Воспитание в строе цивилизации следует противоположным путем, оно подавляет и извращает способности ребенка; тот небольшой простор, который воспитание предоставляет, лишь удаляет детей от производительного труда, делает его для них ненавистным, побуждает их к разрушению. Таким образом, это воспитание дает молодому поколению направление, противное природе, потому что первая цель природы или притяжения это — роскошь. Ее же может порождать только промышленность, всюду ненавистная ребенку, несмотря на то, что продукты промышленности — игрушки, султаны из перьев, лакомства — сильно его влекут. Следовательно, ребенок получает ложное развитие, он находится в состоянии войны с самим собой. Наши мнимые исследователи не замечают этих противоречий механизма. Проанализируем их, деля роскошь на внутреннюю и внешнюю.

Роскошь внутренняя – это физическая сила и утонченность чувств. Воспитание цивилизованных вредит здоровью, оно ослабляет ребенка прямо пропорционально издержкам на воспитание. Сотня детей десятилетнего возраста, взятых наугад в богатом классе, где им дают гувернеров и врачей и хорошую пищу, окажутся менее крепкими, чем сотня деревенских детей, полуголодных, выносящих непогоду, питающихся черным хлебом и не знающих врача. Таким образом, воспитание у цивилизованных удаляет человека от здоровья, или внутренней роскоши, вопреки прилагаемым усилиям. Оно удаляет его также от утонченности чувств, которые от природы грубы у деревенского ребенка и искусственно огрубевает у ребенка богатого. Отцы и наставники противодействуют его склонности к драгоценным украшениям и в особенности к гастрономической утонченности – главной пружине естественного, или гармонического, воспитания.

С другой стороны, цивилизованные даже в деревне менее сильны, чем дикари, чуждые какой бы то ни было философской системы воспитания. (Я говорю о странах, где соседство цивилизованных, несущее им гнет, крепкие напитки, болезни и т.д., не привело еще дикарей к вырождению.)

Между тем у цивилизованных нередки примеры долголетия; оно свидетельствует о том, что человек сможет жить очень долго, когда на помощь ему придут естественное воспитание и притягательная промышленность. Он обычно будет жить больше 100 лет, подобно семейству Ровен в Венгрии: менее сильные из его членов жили 142 года, а некоторые доживали и до 170 лет, причем как мужчины, так и женщины.

Недавно во Франции хирург Тиман из Водемона в Лотарингии умер (октябрь 1825 г.) в возрасте 140 лет, при состоянии здоровья, которое позволило бы ему прожить еще 40 лет. «Накануне смерти, говорится в докладе, он с большим искусством и твердой рукой произвел операцию рака у старой женщины. Он никогда не пускал себе кровь, не принимал слабительного, ни каких-либо других лекарств, так как никогда не был болен, хотя не проходило дня без того, чтобы он не выпивал за ужином, этого он никогда не пропускал». Его преж-

двухвременная смерть была, видно, следствием тяжелого впечатления, произведенного на него сделанной им накануне операцией. Такое здоровье будет нормальным явлением в ассоциации.

Наше воспитание, удаляющее нас от здоровья, или внутренней роскоши, вредит также внешней роскоши, или богатству. Выше я уже отмечал манию разрушения у детей и их отвращение к полезному труду. Но из всех доказательств наиболее ошеломительное дано во введении: о глушении призваний. Я приводил пример возчика, ставшего искусным литейщиком в силу случайности, в силу неожиданного приобщения к этой работе. Этот факт выносит приговор всем системам воспитания в строе цивилизации; они не дают возможности распознать и развить с раннего возраста промышленные призвания, которых может быть у ребенка 20–30, а не одно единственное. Более того, эта система воспитания извращает любой характер. Сенека и Буррус воспитали Нерона, у которого в строе гармонии был бы очень хороший характер. Кондильяк, со своими метафизическими тонкостями, сумел создать только глупца. Жан-Жак Руссо не осмелился воспитывать своих детей. Дидро и многие другие тоже не блистали в этой области. Впрочем, цивилизация прекрасно чувствует, что ее воспитание совершенно противоестественно; это чуть ли не единственный пункт, в котором она достаточно скромна, чтобы признать, что положение заставляет желать много лучшего.

Я опускаю несколько чрезвычайно важных подробностей, указывающих на то, что воспитание цивилизованных находится в резком противоречии с природой. Остается исследовать противоречие этого воспитания здравому смыслу вследствие путаницы методов и двойственности действия. Независимо от вариантов системы народного образования, в домашнем быту и в свете применяют еще дюжину разнородных методов, сообщающих ребенку столько же противоречивых импульсов, которые к зрелому возрасту поглощаются новым воспитанием, так называемым светским духом. Эту главу я тоже опускаю для краткости. Четыре таких метода я описал в моем труде. Но их гораздо больше; я насчитываю до 16 методов, применяемых отцами,

наставниками, соседями, родственниками, товарищами, лакеями и т. п. Я ограничусь здесь описанием одного из них.

Светский, или поглощающий, метод наводит лоск на все остальные: он исключает или преобразовывает все то, что ему не подходит. Когда юноша 16 лет вступает в свет, его научают смеяться над догматами, которыми его устрасали и сдерживали с раннего возраста, его научают сообразоваться с нравами изысканного общества, глумиться, подобно ему, над моральными теориями, враждебными наслаждению, а затем и над принципами честности, когда от легких любовных интриг он перейдет к делам честолюбия. Какая нелепость со стороны наших наук воспитывать детей по системе взглядов и правил, пренебрегаемых и даже предаваемых поруганию с момента достижения ими зрелого возраста! Ведь ни один двадцатилетний молодой человек, если представится возможность адюльтера, не захочет, подобно целомудренному Иосифу, сопротивляться прекрасной Залихе, повинувшись морали и священным доктринам. Такой молодой человек, если бы он нашелся, стал бы притчей во языцех для публики и для самих моралистов. Пожилые люди еще более смеялись бы над финансистом, который, невзирая на гарантию безнаказанности, не присвоил бы себе плохо лежащих денег. Все в один голос назвали бы его глупцом, мечтателем, который не знает, «что, когда пища во рту, ее нужно проглотить». В какое ложное положение ставят себя наши науки этими учениями о совершенствуемой цивилизации: они достигли совершенства лишь в смысле практической неприменимости или глупости. Такова в шестнадцати противоречивых системах воспитания - наследственность, стремление отцов передать детям свои недостатки. Адвокат, торговец ставят детям в пример хитреца; отец еврей восхваляет низкопоклонника; пьяница восхищается человеком, который пьет с раннего детства; игрок приучает детей любить игру. И после всего этого мораль рассказывает нам сказки, будто отец дан нам природой в наставники.

Научные публикации

Н.О. Воскресенская РЕФОРМАТОРСКИЕ ПРОГРАММЫ И ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТОВ-УТОПИСТОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ (Извлечение)

Социалисты-утописты, будучи уверенными в правильности своих методологических предпосылок и реальности предложенных проектов, предпринимали целенаправленные усилия воплотить их в жизнь.

Роберт Оуэн (1771–1858), английский мыслитель, великий социальный реформатор и преуспевающий промышленник, размышлял над актуальной во все времена и поныне проблемой: если труд порождает богатство, то почему большинство трудящихся бедны? Современный ему мир – мир бесконечной борьбы, соперничества, вражды и обмана – выглядел в его глазах безнравственным, несправедливым и экономически неэффективным. Установленные в государстве законы, рассуждал он, фактически легализовали азартные игры и пьянство; промышленные центры организованы так, что неизбежным образом приводят к обнищанию и разращению народа. Результатом стали всеобщее невежество и нищета рабочих, впавших в умственное отупение и пополняющих ряды преступников; именно эти личные качества людей и препятствуют улучшению дел в стране.

Правильность воспитания означает, что главное внимание в нем будет уделено вопросам нравственности. Так как истинная причина всех человеческих действий, объяснял Оуэн, заключается в стремлении к личному счастью, то каждый ребенок должен твердо усвоить, что его счастье может быть достигнуто только при условии его активного содействия счастью всего общества. Этот принцип – соответствия счастья личного и общественного – следует положить в основу воспитательной системы, а воспитание молодых поколений рассматривать как самую высокую деятельность из всех, доступных человеку. Реформы образования и воспитания при участии и под руководством правительства и высших классов должны стать общенациональным делом. Государство должно быть напрямую в этом заинтере-

ресовано, ибо государство, обладающее лучшей национальной системой воспитания, будет и управляться лучше остальных.

Р. Оуэн, располагая значительными материальными и организационными ресурсами, пытался воплотить свои футурологические воззрения на практике. Идеи равенства, коллективизма, общности имущества и совместного воспитания детей, всеобщего кооперативного труда и вознаграждения за труд продуктами, принципы отсутствия соревнования и конкуренции – все это было положено в основание созданных им коммун. На принципах экономической справедливости и эквивалентности, когда за единицу обмена принимался рабочий час, а труд должен был непосредственно обмениваться на труд, базировался созданный Оуэном Банк обмена труда: принимая от работника его продукцию, Банк должен был оплатить ее стоимость не в деньгах, а в рабочих часах, указав время, затраченное на производство изделия; на сумму своего труда работник мог приобретать все необходимые для жизни товары.

Многое из его проектов давно вошло в жизнь человечества по всему миру: фабричное законодательство; кооперативные товарищества; ясли-сады-школы при фабриках; организация властными структурами общественных работ с целью занять нуждающееся в зарплате население; справочные бюро, распространяющие информацию о заработной плате, спросе на труд и положении рабочего населения; система взаимного страхования рабочих на старости.

Француз Клод Анри де Сен-Симон (1760–1825), блестяще образованный потомственный аристократ, публицист и мыслитель, занимающий соответствующее положение в обществе, тем не менее современный ему социум оценивал резко критически: в нем, несправедливо и неэффективно организованном, отсутствовали абсолютно необходимые с его точки зрения взаимосвязи частных и общих интересов, в результате чего люди трудолюбивые, профессионально подготовленные и ответственные вынуждены были подчиняться правящей элите, часто невежественной и жаждущей сомнительных удовольствий.

Однако история развивается поступательно, и человечество сможет обрести «золотой век» – в будущем. В новом обществе – Сен-Симон определял его как промышленный строй, или строй ассоциаций – главная общественная заповедь будет звучать так: «все люди –

братья», все будут трудиться, каждый на своем поприще и в соответствии со своими возможностями, а власть перейдет к наиболее образованным, способным и талантливым людям. Основой народного хозяйства будущего станет крупная промышленность, развивающаяся на научной и плановой основе; общество будет состоять из собственников.

Шарль Фурье (1772–1837), главная фигура фурьеризма – ведущего социалистического течения во Франции в 30–40-х годах XIX века – создал одну из самых ярких футуристических картин нового общественно-экономического строя, в основе которой – его понимание Бога, человека и природы.

Труд, рассуждал он, являясь фундаментом всей народнохозяйственной жизни, определяет уровень благосостояния людей и основные общественно-экономические параметры общества. Главные характеристики самого труда – его организация и производительность, к ним и должно быть привлечено самое пристальное внимание. Анализируя их, Фурье заключил, что сам труд организован неправильно; следовательно, невозможным становится и эффективное и справедливое развитие всего социума⁷.

Проблема в том, объяснял Фурье, что основная (около 70 %) масса населения – отношению к ней он использовал термин «общественные паразиты» – вообще не работает и недостаток рабочих рук не способствует росту благосостояния общества. Кроме того, труд во всех сферах народного хозяйства тяжел, непривлекателен и почти никому не приносит никакой прибыли. Исключением является труд по управлению, но, будучи наиболее легким и хорошо оплачиваемым, он всегда зарезервирован за самыми богатыми и властными членами общества.

Неэффективный труд усугубляется другой проблемой, с которой так и не смогло справиться человечество, – всеобщими низкими лживыми нравами, что сказывается и на общественной, и на частной жизни. Так, 99 % супружеских пар, полагал Фурье, тайным образом нарушают свои супружеские обязанности; разрушение брачных связей и недозволенная любовь, процветающая в современном обществе, вытекают из действующего законодательства. Таким образом, заключает мыслитель, значительная часть человечества живет в условиях «нищеты и разврата», и это есть очевидное искажение того естествен-

ного порядка вещей, который был предначертан Творцом для человечества.

Важной методологической особенностью всех рассматриваемых реформаторско-футурологических проектов является их не узко академическая, а обще гуманитарная направленность: их главная цель – дать ответ на «вечный» и действительно фундаментальный философский вопрос – как сделать всех людей счастливыми. Именно этой высокой цели и подчинено создание образа нового общества, свободного от страданий. Человечество, полагали авторы, в состоянии решить эту сложнейшую задачу: вырабатывая предложения по будущему реформированию общественного строя все они признавали прогрессивную направленность вектора эволюции. Мировую историю они видели как закономерное движение людей от порядка несправедливого и горестного к справедливому и благополучному и исходили из идеи, что будущее непременно будет лучше настоящего и прошлого.

Все мыслители, беря за идеал общественную гармонию, стремились разработать такую систему, в которой бы частные интересы – будь то сфера производства или сфера потребления – соответствовали общественным: индивидуализм, рассматриваемый как элемент общей системы, должен быть органически вписан в систему коллективных принципов. Важнейшим условием прогресса, полагали они, является обязательный для всех труд на благо коллектива.

В.И. Ионе
КОНЦЕПЦИЯ «ПОЗИТИВНОЙ ПОЛИТИКИ»
В УТОПИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ СЕН-СИМОНА
(Извлечение)

Возникновение позитивизма, сциентизма и технократизма, как доктрин, обосновывающих исключительную роль науки и ученых в области истины, социальной инженерии и политики, относится к XIX веку – периоду триумфа естественных наук в познании вселенной, формирования «электромагнитной картины мира», бурного развития промышленности и появления ряда технических изобретений. Идеи, которые легли в основу указанных доктрин, восходят к учению французского философа-утописта Клода-Анри де Сен-Симона (1760–

1825), на примере которого легко прослеживается связь между позитивизмом как отвлеченной теорией и технократизмом как социополитической практикой, обнажающей определенные претензии на власть. Целью настоящей статьи является демонстрация такой связи посредством логико-содержательного анализа текстов Сен-Симона.

Политическую систему общества, наряду с системами религии, права морали и образования, французский философ Клод-Анри де Сен-Симон считал одним из важнейших механизмов «материализации» общей системы идей. Идея составляет внутреннюю сущность любого политического акта и придает определенную форму всей совокупности отношений в сфере политики. Поэтому политическая инженерия, т.е. практика реорганизации политической системы, согласно Сен-Симону, должна начинаться с изменения господствующих представлений, составляющих ядро «общественного сознания».

Ключевая роль религии в сенсимонистском проекте реорганизации общества объясняется прежде всего ее способностью эмоционально воздействовать на массы людей, мобилизуя их для социального строительства. По этой причине Сен-Симон отстаивал необходимость введения пышного культа, разработка и поддержание которого – главная задача «позитивных искусств» (искусство, существующее вне сферы общественных интересов, живущее и развивающееся в соответствии со своей собственной логикой, а тем более отказывающееся быть «инженерией человеческих душ», французский философ считал бесполезным). Кроме того, религия наделяет статусом непререкаемого авторитета тех, кто получил право говорить от имени бога. Власть ученых тем самым возводится в абсолют.

Сен-Симон не призывает к упразднению монархии, тем более, что воля короля есть выражение божественного закона. Монархия лишь должна сменить союзников, т.е. отказаться от поддержки паразитических классов и вступить во взаимовыгодные отношения с учеными и промышленниками. Последние, согласно Сен-Симону, стремятся к тому же не только по причине очевидных выгод, сулимых покровительством королевской семьи, но также из-за страха перед революцией и последствиями разрушительной «диктатуры пролетариата». «Одним словом, ученые и вожди промышленности по необходимости желают перемены в современном строе, но они хотят, чтобы эта перемена произошла как вывод из великого принципа божественной

морали; они хотят, чтобы она была произведена закономерно, т.е. волей короля»

Таким образом, Сен-Симон был убежден, что сформулированные им принципы позитивной политики при реализации их на практике позволят создать общество близкое к идеалу. Реорганизация социума должна начаться с обновления системы знаний, их расширения и углубления на основе достижений позитивных наук, среди которых наибольший удельный вес будет иметь естествознание во главе с физикой. Возникнут и новые общественные науки (например, политика как наука о производстве), свободные от метафизических спекуляций и ориентированные на конкретный общественно полезный результат. Наряду с частными науками необходимо пересмотреть и приспособить к актуальной социальной ситуации также общую науку (мораль), являющуюся основой для всех других. Вся новая система знаний затем должна будет подвергнуться сакрализации и в форме наиболее общих законов физики и морали войти в догматику нового христианства – гражданской религии, исповедание которой будет долгом и обязанностью каждого члена общества, наряду с полезным трудом в меру своих способностей.

В.А. Павлов, Т.В. Растимешина
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА В ТРУДАХ
К.А. СЕН-СИМОНА, Ш. ФУРЬЕ И Р. ОУЭНА
(Извлечение)

Идея поступательного хода развития человечества от низших форм общества к высшим, выдвинутая Сен-Симоном, Фурье и Оуэном, была весьма плодотворной, не имевшей аналогов в истории. Эта идея общественно-исторического прогресса, тесно связанная с разработанной ими же теорией социальной науки и по сути представляющая собой неотъемлемую часть этой теории, приобретает между тем относительно самостоятельный характер, поскольку освобождает социальное учение от двойного заблуждения, утвердившегося в нем как итог выводов просветительской философии. Непосредственно вытекающая из признания необходимости исторического подхода к анализу общества, она, с одной стороны, отвергает устоявшееся мнение, будто

золотой век человечества, заключающийся в его естественном состоянии, остался в прошлом, а с другой, провозглашая, что он «находится впереди нас», неизбежно приводит к пониманию истинного места буржуазной цивилизации в историческом развитии: последняя предстает уже не как его вершина, а как этап на пути к более совершенному (социалистическому) обществу.

Оценивая усилия каждого из социалистов-утопистов первой половины XIX в. в разработке этой идеи, следует, вероятно, согласиться с бытующей точкой зрения, что свое наиболее развернутое воплощение она получила прежде всего в учениях Сен-Симона и Фурье.

В соответствии с таким пониманием общественного прогресса и принятым на вооружение принципом историзма, Сен-Симон предложил схему исторического развития человечества, в которой выделил три главные стадии умственного развития, являющиеся вместе с тем стадиями роста производительной способности человека: религиозные системы мышления, метафизические системы и, наконец, научные системы положительного знания – позитивная индустриальная стадия.

Представления о внешнем течении общественно-исторического прогресса дополняются у Сен-Симона рассуждениями о его внутренних пружинах. Дело в том, что, по мысли Сен-Симона, процесс общественного развития складывается из постоянной смены двух его составляющих – периодов устойчивого («организационного», «органического») состояния общества (созидательная эпоха) и неустойчивого («критического») его состояния (разрушительная эпоха). Наступление первого связано с установлением соответствия экономического и политического развития умственному и моральному уровню. Когда же это соответствие нарушается и степень экономической и политической зрелости общества перестает отвечать его умственным и моральным достижениям, происходит смена одного общества другим.

Анализируя положение в современной ему Франции, Сен-Симон считал, что период непримиримых противоречий между разумом и экономикой, моралью и политикой не только не кончился, но, наоборот, вступил в новую фазу всеобщей анархии, экономической нужды и политического произвола: «XIX век все еще находится под властью критического характера XVIII века, он все еще не принял свойственного ему организационного характера» [1, с. 6]. Это про-

изошло потому, что Французская революция совершила ошибку, передал власть в руки метафизиков и законников, которые были далеки от понимания ее главной созидательной задачи построения новой, научной общественной системы. В итоге вместо старого аристократического феодализма наступил новый феодализм промышленной и торговой аристократии.

Кратко резюмируя сказанное о Сен-Симоне и его учениках, отметим, что, несмотря на свой идеалистический характер, их концепция общественно-исторического прогресса является по существу диалектической, что дает возможность:

1) представить его (прогресс) как явление причинно-следственное, закономерное, объективное;

2) выделить ряд противоречий в качестве движущих сил общественно-исторического прогресса, включая сюда и собственно социальные;

3) утверждать неизбежность замены существующей общественной системы (капитализма) более совершенной (социализмом);

4) при характеристике таковой обращаться к данным исторического процесса.

человеческой цивилизации относятся, в частности, следующие ее положения:

– об объективном характере развития общества от низших и менее совершенных ступеней и форм к высшим и более совершенным, что само по себе неизбежно приводило к выводу о научной некорректности идеи «увечковечения» какого бы то ни было общественного строя, тем более строя капиталистического – этого, по выражению Фурье, «мира навыворот»;

– об определяющей роли производства и производственных отношений в этом процессе, каждому этапу развития которых (от периодов «бездятельности» и мелкого производства до периодов крупного производства и сложной производственной ассоциации) соответствует определенный этап общественного развития (от дикости и патриархата до цивилизации и гармонизма);

– о диалектической сущности общественного развития, понимаемого не как однолинейный, а как многомерный процесс поступательного движения общества, включающий в себя, с одной стороны, фазы не только его роста, но и упадка, не только «скачки» в будущее,

но и отступления вспять для «разбега», не только «восходящие», но и «нисходящие колебания», а с другой – не только развитие производства, науки и искусства, но также социальное и нравственное развитие;

– о переходных состояниях общества, долженствующих сочетать в себе черты как прежних, так и будущих укладов;

– наконец, о возможности при определенных условиях (материальных и идеальных) ускоренного общественно-исторического развития.

И сколько бы мы ни говорили о теософско-идеалистической границе, обрамляющей его концепцию, следует признать, что ее прочности не хватило, чтобы удержать Фурье в своих пределах, помешать ему вырваться за них и прийти к действительно научным выводам.

**Тема 4. ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА 1832 ГОДА
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ДВИЖЕНИЕ ЗА «НАРОДНУЮ
ХАРТИЮ»: 1830-е – НАЧАЛО 1850-х гг.**

Вопросы к практическому занятию

1. Общественно-политическое развитие Великобритании в 30-40-е гг. XIX века.
2. Основные течения в чартистском движении. Роберт Оуэн, О'Коннор.
3. Чартистская хартия: характеристика источника.
4. Создание чартистской партии, ее структура.
5. Проблема характера чартистского движения в отечественной историографии.

Источники

ХЛЕБНЫЙ ЗАКОН (1815 г.)

(Извлечение)

III. И постановляется далее, что такое иностранное зерно или мука будут разрешены к ввозу в названное Соединенное королевство для потребления в нем при условии соблюдения определенных правил без уплаты какой-либо пошлины, если средний уровень цен различных сортов британского зерна будет на уровне или выше цен здесь названных, а именно: чтобы пшеница была на уровне и выше 80 шилл. за 1 квартал, рожь, горох и бобы – на уровне и выше 53 шилл. за 1 квартал, ячмень, пивной ячмень и четырехрядный ячмень – на уровне и выше 40 шилл. за 1 квартал, овес – на уровне и выше 27 шилл. за 1 квартал.

IV. И постановляется далее, что если уровень цен британского зерна будет соответственно ниже вышеназванных цен, то никакое иностранное зерно не будет дозволено к ввозу в Соединенное королевство в целях внутреннего потребления и должно быть изъято из товарных складов.

V. И далее постановляется, что средний уровень цен на британский хлеб, по которому регулируется ввоз в Соединенное королевство, должен быть определен и опубликован... в течение шести недель, считая с 15 февраля, 15 мая, 15 августа и 15 ноября ежегодно, чтобы в случае понижения цен ни какое иностранное зерно или мука в соответствии с этим статутом не были ввозимы для внутреннего потребления в эту страну из какого бы то ни было пункта между реками Эйдер и Бидассоа до тех пор, пока новый уровень цен на британский хлеб не будет опубликован в «Лондонской газете» для урегулирования ввоза зерна в Соединенное королевство на следующий квартал.

**АКТ 1832 г. ОБ ИЗМЕНЕНИИ НАРОДНОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ**
(Извлечение)

Поскольку было признано целесообразным принять действительные меры для устранения различных злоупотреблений, долгое время имевших место при выборах представителей в палату общин; лишить многие незначительные местечки права посылки депутатов, дать это право большим, имеющим многочисленное население, и богатым городам; увеличить количество представителей графств в парламенте; распространить право избирательного голоса на многих из подданных его величества, до сих пор лишенных этого права, и уменьшить связанные с выборами расходы, – настоящим постановляется:

...1. Каждый из 56 избирающих пунктов, перечисленных в прилагаемом к этому закону добавочном листе, обозначенном буквой «А», считая от и по истечении срока настоящего парламента, перестает избирать представителей в парламент.

2. Каждый из 30 пунктов, перечисленных в прилагаемом добавочном листе, обозначенном буквой «В», будет впредь избирать одного представителя вместо двух.

3. Каждое из мест, перечисленных в прилагаемом добавочном списке, обозначенном буквой «С», в силу означенного акта будет считаться пунктом, и каждое из них будет посылать двух представителей в парламент.

4. Каждое из мест, перечисленных в прилагаемом к этому закону добавочном листе, обозначенном буквой «Д», в силу настоящего акта будет считаться пунктом и посылать одного представителя в парламент...

18. Правом избирать рыцаря или рыцарей графства в будущие парламенты пользуются лишь те фригольдеры, владеющие землей сроком на одну, две или несколько жизней, владения которых приносят в год доход не менее 10 фунтов за вычетом всех причитающихся рент и платежей или годовую 40-шиллинговую ренту.

19. Всякий мужчина, достигший установленного законом возраста и не пораженный в правах, владеющий копигольдом или обычным держанием сроком на одну, две или несколько жизней 7 с доходом не менее 10 фунтов в год за вычетом всех причитающихся рент и платежей, также имеет право выбирать рыцаря или рыцарей графства.

20. Всякий мужчина, достигший установленного законом возраста и не пораженный в правах, имеющий какую-либо аренду или держание – будь то фригольд, копигольд или обычное держание сроком не менее чем на 60 лет, с чистым доходом не менее 10 фунтов... или владеющий землей или держанием в качестве арендатора по соглашению с уплатой годовой ренты не менее 50 фунтов... также имеет право выбирать в будущие парламенты одного или нескольких рыцарей графства...

27. В городах или пунктах, посылающих одного или нескольких депутатов парламента, правом избрания пользуется всякий мужчина, достигший установленного законом возраста, не пораженный в правах и являющийся собственником или съемщиком дома, приносящего доход не менее 10 фунтов...

ЦЕЛИ ЛОНДОНСКОЙ АССОЦИАЦИИ РАБОЧИХ (1836 г.) *(Извлечение)*

Результатом наших обсуждений было образование Лондонской ассоциации рабочих... Цели ассоциации следующие:

Объединить в один общий союз наиболее интеллигентную и влиятельную часть рабочего класса в городе и деревне.

Стремиться всеми легальными средствами добиться для всех классов общества равных политических и социальных прав.

Обдумать все средства и использовать каждую возможность, чтобы отменить те жестокие законы, которые мешают свободному распространению мысли через дешевую и честную прессу.

Содействовать всевозможными средствами воспитанию подрастающего поколения и искоренению тех систем, которые стремятся увековечить рабство.

Уточнять информацию, касающуюся интересов рабочего класса в частности и всего общества в целом, особенно если речь идет о статистике труда, о быте и положении рабочих и о всех тех условиях, которые наиболее характерны для настоящего времени.

Встречаться и сообщать друг другу сведения для того, чтобы иметь необходимую информацию, наметить такие планы, которые способствовали бы повышению благосостояния рабочего класса.

Выражать свои взгляды и чувства в такой форме и таким образом, чтобы этим создавалось моральное, рассудительное и энергичное общественное мнение, чтобы таким путем вести рабочий класс к постепенному усовершенствованию без какого-либо насилия или смуты.

Образовать справочную библиотеку, где рабочие могли бы собираться для своего умственного совершенствования, получать полезную информацию; библиотека явилась бы местом встреч пролетариев всей страны, объединенных одной великой идеей – быть полезными рабочему классу в политическом, социальном и моральном отношении.

ШЕСТЬ ПУНКТОВ НАРОДНОЙ ХАРТИИ

1837 – 39 гг.

(Извлечение)

Равное представительство. Соединенное королевство должно быть разделено на 200 избирательных округов с возможно равным числом жителей в каждом; каждый округ посылает в парламент одного представителя.

Всеобщее избирательное право. Каждое лицо, представившее клерку прихода, в котором он прожил 6 месяцев, доказательство того, что ему 21 год от роду или больше, имеет право на занесение его имени в списки избирателей. Временем для регистрации должны быть месяцы с 1 января до 1 марта.

Годовые парламенты. 24 июня каждого года должны происходить общие выборы, а если бы место в палате общин оказалось вакантным среди года, то оно должно быть замещено не позже двух недель после того, как оно освободилось. Часами голосования должно быть время от 6 часов утра до 6 часов вечера.

Отмена имущественного ценза. Для кандидатов в палату общин не должно быть никаких имущественных цензов; по представлении 200 избирателями клерку прихода, в котором они живут, письменного заявления в пользу какого-нибудь кандидата последний официально признается в этом качестве. Список всех признанных кандидатов округа вывешивается на дверях церкви каждого прихода, дабы избиратели имели возможность составить себе суждение о пригодности кандидатов.

Подача голосов путем закрытой баллотировки. Каждый избиратель должен подавать голос в том приходе, где он имеет постоянную оседлость... Затем в день выборов, когда каждый избиратель приходит с соблюдением порядка к месту баллотировки, присутствующее должностное лицо должно дать ему баллотировочный шар, который он опускает в ящик желательного ему кандидата. По окончании дня голоса должны быть подсчитаны надлежащими должностными лицами и цифры вывешены на дверях церкви. На следующий день клерк и два контролера собирают голоса всех приходов округа и делают распоряжение, чтобы имя выбранного кандидата было вывешено в каждом приходе округа.

Сессии и вознаграждение депутатов. Депутаты занимают свои места в первый понедельник октября, ближайшего после их избрания, и продолжают заседать ежедневно (за исключением воскресенья), пока все дела сессии не будут закончены, но во всяком случае не позже 1 сентября следующего года. Для рассмотрения дел они должны собираться ежедневно (во время сессии) в 10 часов утра и прекращать заседания в 4 часа дня. Каждому члену палаты общин должно выпла-

чиваться из государственной казны (по четвертям года) вознаграждение в 400 ф. ст. в год.

Все заведующие выборами должностные лица выбираются путем всеобщего голосования.

Джемс Дронтер О'Брайен
О ЦЕЛЯХ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
7 ЯНВАРЯ 1837 г.
(Извлечение)

... Цель, которую я имею в виду, – это социальное равенство для всех и каждого. Чтобы добиться этого, мы должны прежде иметь политическое равенство для всех и каждого.

Для того чтобы добиться политического равенства, нам нужна более широкая и эффективная организация рабочего класса и той части буржуазии, которая непосредственно зависит от своих потребителей, так как существующая до сих пор организация оказалась еще менее совершенной, чем до сих пор предполагали.

Поэтому моей задачей будет – поощрять образование такой широкой и действенной организации, и как средство для достижения этой цели я всегда буду поддерживать и поощрять среди этих классов знание и единение, полное и точное знание их нужд и их прав и устойчивое единение, для того чтобы исправить первые и добиться возможности постоянно пользоваться вторыми.

НАРОДНАЯ ХАРТИЯ В ФОРМЕ БИЛЛЯ
(8 МАЯ 1838)
(Извлечение)

Билль для установления справедливого представительства; народа Великобритании и Ирландии в палате общин.

Дабы в пределах, допускаемых человеческим предвидением и мудростью, обеспечить справедливое народное правительство, необходимо подчинить людей, имеющих власть издавать законы, спасительной и строгой ответственности перед теми, которым вменяется в обязанность повиноваться этим законам, когда они изданы.

Добиться такой ответственности можно с наибольшим успехом при посредстве корпорации, имеющей своим источником весь народ, и непосредственно ему подчиненной и вполне представляющей его чувства и интересы.

Так как в настоящее время властью издавать законы от имени народа и в его предполагаемых интересах пользуется палата общин, то, чтобы быть в состоянии мудро и честно выполнять возложенные на нее великие обязанности, она должна стать верным и точным представительством народных желаний, чувств и интересов.

ПЕРВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕТИЦИЯ

1838 г.

(Извлечение)

Достопочтенным общинам Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, собранным в парламент, петиция нижеподписавшихся их страждущих соотечественников.

Мы, ваши просители, живем в стране, торговцы которой отличаются предприимчивостью, фабриканты которой весьма искусны, а трудолюбие рабочих вошло в пословицу. Сама по себе страна прекрасна, почва ее плодородна, климат здоров; она в изобилии снабжена материалами для торговли и промышленности; в ней есть много удобных гаваней; по легкости внутреннего сообщения она превосходит все другие страны.

В течение 23 лет мы наслаждаемся глубоким миром.

Все же, несмотря на все эти благоприятные для народного благополучия условия, несмотря на все стремление и умение выгодно использовать их, мы обременены страданиями, и в общественной и в частной жизни.

Мы изнемогаем под бременем налогов, которых все же оказывается далеко недостаточны для нужд наших правителей; наши промышленники трепещут на краю банкротства; наши рабочие умирают с голоду, капитал не дает прибыли, а труд не вознаграждается; дом ремесленника опустошен, зато кладовая ростовщика полна; рабочий дом переполнен, а фабрика обезлюдена.

Мы смотрели во все стороны, мы старательно искали причин нужды, столь тяжкой и столь продолжительной.

Мы не можем найти ни одной из них ни в природе, ни в провидении. Небо было милостиво к народу, но безумие наших правителей обратило в ничто благость Божию.

Энергия, могущественного королевства тратилась на создание власти эгоистичных и невежественных людей, и его богатства расточались для их обогащения.

Благу одной партии было принесено в жертву благо всей нации; немногие правила в интересах немногих, между тем как интересы большинства оставались в пренебрежении или нагло и тиранически попирались.

Народ лелеял надежду, что средство от значительной части – если не от всех – своих обид и страданий он найдет в акте о реформе 1832 г.

Его учили смотреть на этот акт как на мудрое средство для достижения достойной цели, как на механизм улучшенного законодательства, когда воля масс наконец будет иметь силу.

Но народ был горько и низко обманут. Плод, казавшийся столь привлекательным для взора, превратился в пыль и прах, когда он был сорван. Акт о реформе передал власть от одной господствующей партии другой, оставив народ столь же беспомощным, как и прежде. Ваше рабство сменилось на ученичество в свободе, что еще более усилило мучительное чувство нашего социального унижения, прибавив к нему, горесть от вновь несбывшейся надежды.

Мы явились в вашу достопочтенную палату с тем, чтобы сказать вам со всей почтительностью, что нельзя позволить, чтобы такое положение вещей продолжалось; что оно не может продолжаться дольше, не подвергая серьезной опасности прочность трона и мир всего королевства, и что если, с божьей помощью и при применении всех законных и конституционных средств, можно положить ему, конец, то твердо решили, чтобы этот конец пришел быстро.

Мы говорим вашей достопочтенной палате, что капитал хозяина не должен быть больше лишаем причитающейся ему прибыли; законы, удорожающие хлеб, равно как и те, которые, превращая деньги в редкость, делают труд дешевым, должны быть отменены, что налоги должны падать на собственность, а не на труд; что благо большинства

населения, как единственно законная цель, должно быть единственным предметом забот правительства.

Как существенную предварительную меру для этих и для других необходимых перемен, как единственное средство, с помощью которого интересы народа могут быть ограждены и обеспечены, мы требуем, чтобы охрана этих интересов была вверена самому народу.

Когда государство призывает защитников, когда оно требует денег, то никто не имеет права ни отказываться, ни просить об отсрочке, ссылаясь на бедность или незнание.

Раз от всех нас требуют поддержки и повиновения законам, природа, и разум дают нам право требовать в свою очередь, чтобы при издании законов был выслушан голос всех.

Мы исполняем обязанности свободных людей, мы должны также иметь права свободных людей.

Мы требуем всеобщего голосования.

Чтобы быть обеспеченным от подкупа со стороны богатых и от насилия со стороны власть имущих, голосование должно быть тайным.

Признание нашего права необходимо подразумевает свободу бесконтрольного пользования им.

Мы требуем тайного голосования.

Связь между, представителями и народом, чтобы быть благотворной должна, быть тесной.

Законодательная власть и избиратели должны быть приводимы в частое соприкосновение и общение друг с другом, чтобы можно было наблюдать за действиями властей и воздействовать на них.

Ошибки, сравнительно легкие, когда народ быстро их может исправить, могут повести к самым губительным последствиям, если дать им укорениться благодаря долгим годам насильственного промедления.

Для общественной безопасности, как и для общественного доверия существенно необходимы частые выборы.

Мы требуем ежегодных выборов в парламент.

Одновременно с властью выбирать и свободой при выборе мы требуем, чтобы пределы нашего выбора ничем не были ограничены.

Существующие законы вынуждают нас выбирать своими представителями людей, не способных оценить наше затруднительное по-

ложение или мало сочувствующих ему: купцов, удалившихся от дел и больше не чувствующих на себе их тягостей; землевладельцев» не знающих ни нужд земли, ни средств их удовлетворения; адвокатов, ищущих чести заседать в парламенте лишь как средство приобрести известность в судах.

Труды представителя, ревностного в исполнении своих обязанностей, многочисленны и обременительны.

Несправедливо, неразумно и небезопасно допускать, чтобы представители продолжали их нести безвозмездно.

Мы требуем, чтобы при будущих выборах в члены вашей достопочтенной палаты согласие избирателей было единственным цензом; чтобы каждому представителю, избранному таким образом, было назначено из общественных налогов приличное и соответствующее вознаграждение на все время, которое он призван посвятить общественной службе.

Наконец, мы самым серьезным образом хотели бы уверить вашу достопочтенную палату, что настоящая петиция продиктована не пустой любовью к переменам, что она проистекает не из легкомысленного пристрастия к фантастическим теориям, но что она является результатом многих и долгих обсуждений и убеждений, укрепляемых все более и более событиями каждого последующего года.

Управление этим могущественным королевством до сих пор служило поводом для соперничающих партий производить над ним свои эгоистические эксперименты.

Последствия этого мы испытали на собственном горьком опыте, когда короткие проблески ненадежного благоденствия тонули бесследно в длинных и мрачных годинах страданий.

Если самоуправление народа не может устранить его бедствий, оно устранил по крайней мере его недовольство.

Всеобщее избирательное право одно лишь принесет и может принести истинный и продолжительный мир нации; мы твердо верим, что оно принесет также благоденствие.

Да благоволит же ваша достопочтенная палата самым серьезным образом рассмотреть эту петицию и приложить крайние старания при помощи всех конституционных средств, чтобы провести закон, который бы предоставил каждому мужчине, достигшему гражданского совершеннолетия, находящемуся в здравом уме и не осужденному

за преступление, право выбирать членов парламента, чтобы все будущие выборы членов парламента производились при помощи тайной баллотировки; чтобы продолжительность парламента, избранного таким образом, ни в каком случае не превышала одного года; чтобы был уничтожен всякий имущественный ценз для его членов и чтобы за ними обеспечивалось должное вознаграждение на все время отправления ими Парламентских обязанностей.

И ваши просители будут вечно благодарить бога.

**ПРОТЕСТ ДЖУЛИАНА ГАРНИ ПРОТИВ МИРНОЙ ТАКТИКИ
ЛОНДОНСКОЙ АССОЦИАЦИИ РАБОЧИХ
12 МАРТА 1838 г.
(Извлечение)**

Будьте уверены, товарищи демократы, что наши враги не сделают силе морального убеждения тех уступок, которых они не хотят сделать справедливости. Нет, мы не должны рассчитывать на их сочувствие. Мы не можем согласиться с мыслью, чтобы при нынешних обстоятельствах была возможна рациональная система образования, главным принципом которой было бы учить народ его правам, а не его обязанностям (как это делается в настоящее время)...

...Те, кто заинтересован в продолжении теперешнего разбоя в качестве социальной системы, одним словом – враги прав, свободы счастья миллионов трудящихся, сделают вид, что согласны воспитывать народ и сделать его более нравственным; но до тех пор, пока они будут отказывать народу в политических правах, всякая система образования одобренная врагом, всегда будет иметь целью увековечение рабства трудящихся...

...Лондонская ассоциация рабочих проповедует тайно, но энергично учение о пассивном послушании и непротивлении. Поэтому мы заявляем, что методы Лондонской ассоциации рабочих не пригодны для выполнения той цели, которую она претендует, что имеет в виду. Мы повторяем, товарищи рабочие, что не этими средствами, а как раз обратными она сможет добиться этой цели. Только лишь призывая на помощь не софизмы тех кто лицемерно симулирует патриотизм, а со-

чувствие и поддержку народа, которого грабят и эксплуатируют его тяжелый труд, можно стереть проклятое пятно рабства, парализовать действия наглого и тиранического угнетателя и водрузить знамя политического и социального равенства.

РЕЧЬ ФЕРГЮСА О'КОННОРА НА МИТИНГЕ В ЛОНДОНЕ
17 СЕНТЯБРЯ 1838 г.
(Извлечение)

Бедных людей называют карманными ворами. Но я спрошу вас: какая разница между богатым и бедным карманником? Разница вот в чем: бедный человек обкрадывает карман богатого, чтобы наполнить свое брюхо, а богач обкрадывает брюхо бедного, чтобы наполнить свой карман. Народ слишком долго и слишком покорно выносил притеснения; я никогда не советовал народу, прибегать к физической силе, потому что это может исходить только от безумцев, но в то же время надо сказать, что те, которые кричат против насилия, поддерживают свою власть исключительно физической силой...

Народ должен только показать палате общин, что он готов действовать, – и парламентская реформа будет дана...

Говорят, что рабочие состоят из грязных оборвышей и что среди них, нельзя найти шестисот пятидесяти восьми человек, достойных заседать в палате общин. В самом деле? Но по-моему не трудно помочь этой беде. Мне достаточно набрать это число из присутствующих на митинге и отправиться с ними сначала на мыловаренную фабрику Хоу, потом пойти с ними к портному, оттуда к парикмахеру и парфюмеру, где их окропят модною вонью, и после всех этих приготовлений отвести их в палату общин, и наверное они будут лучшими из шестисот пятидесяти восьми, когда-либо заседавших в ее стенах. Я не советую вам прибегать ни к восстанию, ни к гражданской войне, но я все же скажу, – и пусть слышит это палата общин, – что если народ будут угнетать, если конституция будет нарушаться, если народ будет жить в постоянной нужде, тогда – если никто другой не отважится на это – я сам поведу народ к смерти или к славе...

Рабочие на севере уже испробовали, что значит физическая сила.

Недавно некоторые из представителей лондонской полиции были посланы в Дьюсбери, но ребята этого благородного города отослали полицейских обратно. Я буду пользоваться моральным воздействием до тех пор, пока это возможно, до последних пределов, но я также хочу, чтобы вы навсегда запомнили, что лучше умереть свободными, чем жить рабами. Каждая почетная победа достигалась физической силой, но вы не нуждаетесь в этом, потому, что, если все руки объединятся с единой целью добиться всеобщего избирательного права, вы быстро заставите пасть эту твердыню подкупа; я надеюсь, и даже уверен, что народ будет действовать на основании здравого смысла, которым всегда был так исключительно богат рабочий класс; пусть возникает союз – и из этого союза вырастет моральная сила, достаточная для того, чтобы завоевать права беднякам, но если это не удастся, то пусть каждый человек поднимает свою руку на защиту того, в чем его здравый смысл видит справедливость...

РЕЧЬ СТИВЕНСА НА МИТИНГЕ В НЬЮКАСТЛЕ НА-ТАЙНЕ ИЮНЬ 1838 г.

(Извлечение)

Комиссары закона о бедных создают настоящую торговлю рабами, перевозя бедняков-земледельцев южных графств Англии в мануфактурные города Йоркшира и Ланкашира; их цель – понизить таксу заработной платы для всех рабочих во всей Англии до положения, которое признано задачей закона о бедных.

Сравнить заработную плату во всем королевстве и понизить ее всюду, согласно их гнусной доктрине, до уровня такого вознаграждения за труд, которое позволило бы пропитаться одному человеку с наименьшим количеством самой грубой пищи, – такова их задача.

Но ведь в священном писании бог объявил, что он даровал людям – всем людям, а не только одним богатым – землю, чтобы человеческий род заселял ее, жил на ней и установил свое владычество над птицами, животными и рыбами. Это дар бога всему человечеству. Воля божья не на стороне роскоши, этого блестящего гостя, увенчанного виноградной лозой и упоенного всеми наслаждениями жизни. Не она заставляет их братьев умирать от голода или, что еще хуже, -

умирать медленной смертью в бастилиях бедняков в разлуке с их женами, детьми, отцами и матерями, братьями и сестрами. Так не должно быть. Прежде чем вы будете окончательно ограблены, возьмитесь за оружие. Каждый человек должен – это его первый долг – добыть себе хорошее ружье. У меня есть ружье или пистолет, несмотря на то, что я священник. Если у вас нет денег, чтобы купить ружье, то заложите что-нибудь, чтобы приобрести необходимое. Если ваша бедность не позволяет вам обратиться к этому крайнему средству, вооружитесь хорошей пикой. (Гром аплодисментов.)

Солдаты все за народ и против этого проклятого закона... Я – человек, стоящий за мир, но я предпочитаю миру слово божие. Бог объявил, что муж и жена не должны быть разделены, и он также объявил, что земля есть достояние человечества, – следовательно имеют право найти в ней средства для существования. И если этот отвратительный закон о бедных, попирающий все божественные законы, будет применяться, если все мирные средства уничтожить его будут тщетны, тогда (указывая на знамя, развевающееся по ветру) во имя наших детей и жен мы объявим войну на ножах. Если все те, которые производят все богатство, не имеют права, согласно слову божью, собирать сладкие плоды с земли, которую, по велению божью, они обрабатывают в поте своего лица, тогда пусть вступят они в бой на ножах с врагами, которые являются врагами бога. Если ружье и пистолет, если шпага и пика не будут достаточны», то пусть жены возьмутся за свои ножницы, а дети – за булавки и иголки. Если все будет исчерпано, тогда берите горящую головню (гром аплодисментов)... горящую головню, – да, я повторяю, горящую головню, – и подожгите дворцы...

ОБРАЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНВЕНТА

1839 г.

(Извлечение)

Мы почтительнейше предлагали вашему серьезному обсуждению следующие положения.

На всех публичных митингах, которые будут созваны одновременно для того, чтобы просить королеву призвать себе в советники

честных людей, и на всех последующих митингах ваших союзов или ассоциаций вплоть до 1 июля вы должны предъявить собравшемуся народу следующие вопросы:

1. Готов ли он по призыву конвента потребовать все деньги, которые он индивидуально или коллективно когда-либо поместил в сберегательных кассах, частных банках или же у лиц, враждебно настроенных по отношению к его законным правам?

2. Готов ли он будет по тому же призыву немедленно потребовать обмена бумажных денег на золото?

3. Если конвент решит, что священный месяц необходим для того, чтобы подготовить миллионы людей добиться хартии их политического избавления, решит ли он твердо уклоняться от работы в течение данного периода и воздерживаться от всех опьяняющих напитков?

4. Готов ли он, согласно своему старому конституционному праву, – праву, которое новые законодатели так хотели бы уничтожить, – с оружием в руках как свободные граждане защищать законы и конституционные привилегии, завещанные ему его предками?

5. Может ли он наметить чартистских кандидатов, чтобы быть готовым выставить их в качестве своих представителей на ближайших общих выборах, и согласен ли он, чтобы эти кандидаты, если они будут избраны поднятием рук, признавались истинными представителями народа, которые соберутся в Лондоне к сроку, какой будет назначен?

6. Может ли он решиться вести торговые дела исключительно с чартистами и при всяком преследовании стоять друг за друга и защищать всех тех, кто пострадает за правое дело?

7. Будет ли он всеми способами, имеющимися в его распоряжении, добиваться великой цели Народной хартии и решил ли он, что никакая контрагитация за какую-либо меньшую меру справедливости не отвратит его от его великой цели?

8. Будет ли готов народ повиноваться всем правильным и согласным с конституцией требованиям большинства конвента?

После этих одновременных публичных митингов конвент снова возобновит свои заседания, и тогда посредством дискуссии, посылкой эмиссаров или каким-либо другим образом конвент постарается установить мнение народа по всем этим важным вопросам.

Установив таким образом волю и решение страны, немедленно после 1 июля конвент приступит к приведению в исполнение воли народа.

Помните, братья, что наш лозунг – «союз, благоразумие, энергия». Таким путем мы выиграем Народную хартию на зло врагам. Надеемся, что вы будете твердо и тщательно соблюдать этот лозунг.

Остаемся ваши верные представители – члены конвента.

Подписали по их поручению

Хью Крег – председатель,
В. Ловетт – секретарь.

**ПЛАН ОРГАНИЗАЦИИ ЧАРТИСТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ,
ВЫРАБОТАННЫЙ И ПРИНЯТЫЙ НА СОБРАНИИ
ДЕЛЕГАТОВ В МАНЧЕСТЕРЕ
20 ИЮЛЯ 1840 г.
(Извлечение)**

1. Чартисты Великобритании объединяются в одном обществе, которое будет называться «Национальная чартистская ассоциация Великобритании».

2. Цель этой ассоциации – добиться «радикальной реформы» палаты общин, другими словами – достижение правильного и полного представительства всего народа Великобританец и Ирландии.

3. Руководящие принципы, которым должно удовлетворять это представительство, состоят в следующем: каждый взрослый мужчина в возрасте 21 года и старше, находящийся в здравом уме, получает право, голосовать за парламентского кандидата; ежегодные выборы; подача голосов тайная; от парламентских кандидатов не требуется никакого имущественного ценза; члены парламента получают жалованье; все королевство делится на равные избирательные округа, пропорционально числу, избирателей.

4. Для проведения этой реформы должны быть применяемы только мирные и конституционные средства, например публичные митинги, устраиваемые с целью обсуждать несправедливости, происходящие из существующей системы, указывать средства против этих

зол и принимать соответствующие петиции для подачи их в парламент.

5. Членом Национальной чартистской ассоциации может быть каждый, если он (или она) согласен с целями, принципами и конституцией ассоциации и подпишет заявление в этом смысле; после этого член получает членскую карточку, возобновляемую каждые 3 месяца по уплате двух пенсов.

6. Исполнительный комитет должен вести особую книгу, в которую будут записаны имена, занятие и местожительство членов ассоциации по всему королевству.

7. При малейшей возможности члены должны группироваться в группы (classes) по 10 человек в каждой. Группы устраивают раз в неделю или в другие установленные сроки заседания; один из членов предлагается в руководители и утверждается исполнительным комитетом, чтобы собирать недельные членские взносы в 1 пенни с человека.

8. Каждый город делится на кварталы и округа, совпадающие с делением, которое установлено новым актом о муниципальной реформе. Члены городского квартала должны ежемесячно устраивать собрания, на которых должны читаться доклады и решаться текущие дела общества; на этих месячных собраниях присутствуют руководители групп и представляют отчеты о положении, причем они должны стараться облекать их в умеренную и законную форму.

9. В первом же собрании каждого городского квартала или округа предлагается сборщик, утверждаемый исполнительным комитетом; ему сдают членские взносы руководители групп. В свою очередь окружные сборщики сдают взносы казначею города или местечка.

10. Каждый более крупный город вместе с окрестными городами выбирает местный совет из 9 лиц, включая в это число помощника казначея и секретаря.

.....

13. Городской совет устраивает еженедельно заседания и может расходовать на местные цели общества половину поступающих сумм;

он должен также следить за тем, чтобы предложения исполнительного комитета проводились в жизнь; в этих целях он может принимать все меры, какие он найдет нужными, лишь бы они не расходились с основными правилами ассоциации и не противоречили решениям исполнительного комитета.

14. В каждом графстве или округе должны быть особые (графские или окружные) комитеты с числом членов применительно к местным условиям и числу населения графства или округа, с секретарем и помощником казначея.

15. Во главе ассоциации стоит исполнительный комитет из семи лиц, включая в это число (главного) казначея и секретаря партии.

16–18. Члены комитетов выбираются всеобщим голосованием партии и получают за свои труды вознаграждение; кроме работы в самом комитете они одновременно работают в качестве агитаторов (missionaries). Главный казначей публикует ежемесячно в партийной печати о доходах и расходах.

ВТОРАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕТИЦИЯ

1842 г.

(Извлечение)

Достопочтенным общинам Великобритании и Ирландии, собранным в парламент.

Государственная власть, исходящая от всего народа, должна охранять свободу народа и стремиться к его счастью. Правительство ответственно перед всем народом.

Единственным основанием, по которому какая-либо корпорация людей может издавать законы и управлять обществом, является полномочие, полученное от народа.

...Ваша достопочтенная палата в ее настоящем составе не избрана народом и от народа не зависима. Она представляет только некоторые части нации и служит интересам немногих, оставляя без внимания нужды, бедствия и петиции многих. Палата издает законы, ко-

торые противоречат ясно выраженным желаниям народа; она вынуждает исполнять их с помощью неконституционных мер, создавая тем самым невыносимый деспотизм, с одной стороны, и унижительное рабство – с другой. Если ваша достопочтенная палата держится того мнения, что народ Великобритании и Ирландии не должен пользоваться правом полного представительства, ваши просители просят совершенно недвусмысленно сказать такое ваше мнение по этому вопросу для того, чтобы народ мог точно знать, что он может и чего он не может ожидать вашей достоуважаемой палаты. Ваши просители находят, что там, где отрицается право представительства, надо отказывать и в уплате налогов... В доказательство своего утверждения, что ваша достопочтенная палата не избрана народом, ваши просители указывают, что население Великобритании и Ирландии достигает в настоящее время 26.млн., а на недавних выборах представителей в палату было допущено к голосованию немного более 900 тыс.

... Сюда надо прибавить подкупы, застрачивания, коррупцию, клятвонарушения и насилия, происходящие во время парламентских выборов размерах, известных членам нашей достопочтенной палаты лучше, чем кому-либо.

Ваши просители жалуются на то, что они обременены чудовищными налогами для уплаты процентов по так называемому национальному долгу – долгу, который в настоящее время достигает 800 млн. ф. ст. и является только частью громадной суммы, растроченной в жестоких и расточительных войнах, направленных на подавление свободы. Суммы эти растрочены людьми, которых народ не уполномочивал и которые поэтому не имели ни малейшего права заставлять потомство тяжким бременем налогов расплачиваться за насилия, совершенные ими по отношению к человечеству.

Ваши просители громко жалуются на увеличение этого долга после двадцати шести лет почти непрерывного мира, в то время как нищета и недовольство свирепствуют во всей стране...

В Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе тысячи людей умирают от острой нужды. И ваши просители, сознавая, что нищета есть самая главная причина всех преступлений, с чувством удивления,

смешанного с тревогой, следят за тем, как мало делается для бедных, немощных и престарелых.

С глубоким негодованием смотрят они на решение вашей достопочтенной палаты сохранить в силе закон о бедных, несмотря на весь печальный опыт, свидетельствующий о неконституционности его принципа, о нехристианском его характере, несмотря на все его жестокое и убийственное влияние на заработную плату рабочих и на жизнь подданных всего королевства...

Ваши просители хотели бы обратить внимание палаты на поражающее неравенство, существующее между заработной платой миллионов производительного населения и жалованием лиц, которые вряд ли приносят какую-либо пользу, когда среди правителей господствуют богатство и роскошь, а среди управляемых – бедность и голод.

Ваши просители считают нужным с должным почтением и лояльностью сравнить дневной доход ее величества с дневным заработком тысяч рабочих этой страны; и в то время как ваши просители узнали, что ее величество ежедневно получает для своих частных нужд сумму в 164 ф. 17 шилл. 60 пенсов, они также убедились, что многие тысячи рабочих семейств имеют дневной заработок в 3 3/4 пенса в день на человека.

Ваши просители узнали также, что его королевское высочество принц Альберт получает каждый день сумму в 104 ф. 20 шилл., в то время как тысячи должны существовать на 3 пенса в день.

Ваши просители также с удивлением услышали, что король Ганноверский получает ежедневно 57 ф. 10 шилл., в то время как тысячи налогоплательщиков этого государства существуют на 2 3/4 пенса в день.

Ваши просители с болью и скорбью узнали, что архиепископ Кентерберийский получает ежедневно 52 ф. 10 шилл. в то время как тысячи бедняков должны содержать свои семейства на доход, не превышающий 2 пенсов в день на человека.

Но, несмотря на ужасающее и беспримерное положение народа, ваша достопочтенная палата не выказала ни малейшего расположения

сократить государственные расходы, уменьшить налоги и поднять общее благосостояние...

Ваши просители сожалеют, что рабочие часы, особенно фабричных рабочих, превосходят все границы человеческой выносливости, а заработная плата за труд, совершаемый в душной нездоровой обстановке мастерских, недостаточна для поддержания телесных сил и доставления того удобства рабочему, которое так необходимо после усиленного расходования физической энергии. Ваши просители обращают внимание достопочтенной палаты на голодную заработную плату земледельческого рабочего и испытывают чувство негодования и ужаса при виде ничтожного заработка тех, труд которых дает главный предмет питания для всей нации. Ваши просители глубоко сожалеют о существовании монополий всякого рода в этой стране, и, категорически осуждая налоги на предметы необходимости, потребляемые главным образом рабочим классом, они думают в то же время, что уничтожение одной монополии не подымет труд из его нищенского положения, пока народ не приобретет власть, при которой все монополии и формы притеснения должны прекратиться; ваши просители имеют в виду существующие монополии избирательного права, бумажных денег, владения машинами, землей, монополии прессы, религиозных привилегий, средств сообщения и множество других, слишком многочисленных, чтобы их можно было перечислить; все эти монополии создаются классовым законодательством, и достопочтенная палата всегда стремилась систематически умножать их, вместо того чтобы сокращать...

Ваши просители уверяют достопочтенную палату, что в пределах петиции невозможно перечислить даже одну десятую часть всех тягот, на которые они могут справедливо жаловаться; но если бы достопочтенная палата согласилась выслушать их устно, то они сумели бы рассказать такую повесть о невыносимых несправедливостях и страданиях, которые заставят всех доброжелательные и добрых людей изумиться, каким образом народ Великобритании и Ирландии так долго и спокойно переносил свое жалкое положение, возникшее в результате его политического бесправия и развращающего действия классового законодательства,. Осуществляя свое конституционное право, ваши просители требуют, чтобы достопочтенная палата взя-

лась за устранение многочисленных, грубых и очевидных зол, на которые они жалуются, и безотлагательно возвела в закон документ, называемый «Народной хартией».

РЕЗОЛЮЦИЯ ДЕЛЕГАТОВ ТРЕД-ЮНИОНОВ, ПРИНЯТАЯ В МАНЧЕСТЕРЕ, О ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКЕ

12 АВГУСТА 1842 г.

(Извлечение)

Мы, делегаты, представляющие различные треды Манчестера и его окрестностей, вместе с делегатами из различных частей Ланкашира и Йоркшира решительно заявляем, что нашим твердым и сознательным убеждением является, что все бедствия производительных классов возникают исключительно из классового законодательства и что единственным средством устранения нынешних бедствий и широко распространенной нужды является немедленное принятие без урезываний и изменений и возведение в закон документа, известного под названием «Народной хартии».

Собрание рекомендует рабочим всех специальностей немедленно прекратить работу до тех пор, пока вышеупомянутый документ не станет законом страны.

ВОЗЗВАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА О ПОДДЕРЖКЕ ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКИ

17 АВГУСТА 1842 г.

(Извлечение)

Англичане! Кровь ваших братьев пролилась на улицах Престона и Блекберна, но убийцы еще не утолили своей жажды. Будьте тверды! Будьте мужественны! Будьте мужчинами! До сих пор среди нас царили мир, закон и порядок; пусть же они продолжают царить до тех пор, пока наши братья в Шотландии, Уэльсе и Ирландии не узнают о вашей резолюции! А когда одержит верх всеобщая забастовка, — что должно случиться через неделю, — тогда что смогут сделать штыки

против общественного мнения? Как устоят тираны пред этим могучим потоком мысли, и энергии, который стремительно несется вперед, управляемый человеческим разумом, посредством которого создатель хочет вывести свой народ за пределы нужды, избавить его от мщения деспотизма и от страдания рабства? Рабочие союзы – эти благородные, патриотические союзы – положили начало, высказавшись за хартию. Последуйте их примеру! Не оставляйте в руках правителей кнута, которым он мог бы хлестать вас! Нам известно, как широко распространилась стачка, и теперь на расстоянии 50 миль вокруг Манчестера не двигается ни одна машина, и все молчит; слышен только благодетельный стук мельничных колес да ласковый лязг косы в полях.

Граждане и братья! Столетия пройдут, как они уже прошли, прежде чем опять начнется такое всемирное дело. Мы поставили все на ставку за свободу, И теперь, как настоящие мужчины, мы должны быть готовы ко всем случайностям игры. Не теряйте мужества; будьте спокойны, бодрствуйте и, подобно девам в евангельской притче, поддерживайте огонь в ваших светильниках. Пусть ваша неослабная решимость служит руководящим маяком тем, кто спешит теперь последовать вашему блестящему примеру. Братья! Мы полагаемся на; вашу твердость. Трусость, предательство, женская робость могут отбросить наше дело на полстолетия назад. Пусть никто не нарушит торжественной клятвы – ни мужчина, ни женщина, ни ребенок. Если же кто нарушит ее, то да падут на его голову проклятия голодных и бедных! Тот, кто безумно подчиняется рабству, заслуживает его. У нас все готово, и через три дня к нашему делу примкнут все сознательные люди, которых мы позовем на помощь. Поэтому будьте спокойны, будьте мужественны. Пока у вас царит порядок, старайтесь, чтобы он царил и у других. И, подчиняясь закону, помните, что у вас нет голоса в законодательстве, и поэтому вы рабы желаний, законов и цен ваших хозяев. Мы призываем всех уполномоченных ассоциации помогать мирному распространению движения, поддерживать его и отдавать все собранные деньги в распоряжение делегатов, на нужды рабочих. Помогите нам в этом кризисе! Поддержите ваших вождей! Объединитесь вокруг святого дела и уповайте на бога справедливости и войны.

ОТНОШЕНИЕ ЧАРТИСТОВ К БИЛЛЮ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

1846 г.

(Извлечение)

Наше мнение относительно результатов свободной торговли не изменилось, но в то же время мы считаем, что с нашей стороны было бы безрассудным начать агитацию против правительственного законопроекта, заранее зная, что общественное настроение таково, что наши усилия окажутся напрасными, а наши намерения могут показаться весьма сомнительными. И так как общество сможет убедиться в том, что предлагаемые министрами перемены окажутся весьма полезными не иначе как на опыте, мы скорее должны ускорить, чем задерживать их, так как мы сознаем, что все наши предсказания полностью сбудутся и что результаты политики, стремящейся к удешевлению рабочей силы как к средству сохранения торгового верховенства страны и возвышения класса, считающего, что богатство и могущество дают ему право вершить судьбы империи, – явятся разочарование и отвращение. Сопrotивление, которое мы можем оказать в данный момент, не сможет помешать мероприятию сделаться законом, а если это так – в чем же тогда выгода такой тактики?

«СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА» ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЗАКОНА О ДЕСЯТИЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ

1847 г.

(Извлечение)

Народ может быть одним благодарен сессии 1847 г. Билль о десятичасовом дне по всей вероятности станет законом, несмотря на уловки и решительную оппозицию, которые ему приходилось встречать на каждом шагу; в понедельник вечером билль под громкие аплодисменты был принят подавляющим большинством палаты общин... Превращение наконец-то билля в закон является величайшим событием не только этой сессии, но и всего столетия. Это означает признанна принципа и воплощение его в закон страны, имеющий наиважнейшие последствия для трудящихся классов. «Laisser faire» –

принцип современной политической экономии – читателями и ораторами этой школы распространяется в одинаковой степени как на людей, так и на товары; человеческий труд отнесен в ту же категорию, что и его продукты; к тем и другим прилагаются одни и те же гладкие и на вид правдоподобные формулы.

Веса известно, что из этого получилось, – громадный рост материального богатства на одной стороне и соответствующее ухудшение положения трудящихся классов, наиболее подчиненных железному правилу новой философии, – на другой. Билль о 10-часовом дне избавляет человечество от того ложного и унижительного положения, в котором оно оказалось благодаря этой пустой и односторонней философии. Теперь уже нельзя будет более классифицировать под одним и тем же ярлыком человека вместе с кипами хлопка, пучками пряжи, полосами железа, ящиками чая, бочками сала; о нем нельзя уже будет говорить как о самодействующей мюль-машине и заставлять его конкурировать в беге с нею. Машина наконец-то получила свое законное место: быть слугой человека, а не господином над ним. Вместо того чтобы принуждать работника к безжалостному и убийственному бегу, в котором кости, мускулы и жилы должны состязаться с железом, деревом и паром, – автоматические силы общества в будущем должны принять более свойственный им вид: в неясном очертании будущего мы можем видеть уже более просвещенное применение этих сил, благодаря чему они из проклятия превратятся в одно из величайших благ для человечества.

РЕЗОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНВЕНТА ПО ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ

5 АПРЕЛЯ 1848 г.

(Извлечение)

1. В случае, если национальная петиция не будет принята в палате общин, конвент prepares национальный мемориал королеве о распусчении настоящего парламента и о созыве таких министров, которые бы сделали Народную хартию главной задачей кабинета.

2. Конвент постановляет созвать Национальное собрание из делегатов, выбранных на публичных митингах, для того чтобы представить национальную записку королеве и продолжать свои заседания, до тех пор пока хартия не сделается законом страны.

3. Конвент призывает страну устроить одновременные митинги в страстную пятницу, 21 апреля, для утверждения национальной записки и выбора делегатов в Национальное собрание.

4. Национальное собрание соберется в Лондоне 24 апреля.

5. Конвент будет продолжать свои заседания до открытия Национального собрания.

ОБРАЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНВЕНТА К ЖИТЕЛЯМ ЛОНДОНА

1848 г.

(Извлечение)

Товарищи (fellow men), мы, члены Национального конвента, заседающего в настоящее время в Научном институте на Джон-стрит, Фитцрой-сквер, состоящего из делегатов со всех частей Великобритании, в ответ на выпущенную полицией прокламацию, заявляющую, что назначенная на 10 апреля демонстрация противоречит статуту, проведенному во время деспотического царствования Карла II, с своей стороны заявляем, что мы считаем такую прокламацию нарушением права подачи петиций и созыва публичных митингов и настоящим подтверждаем наше твердое решение провести этот митинг и демонстрацию и призываем жителей Лондона помочь нам своим присутствием отстаивать наши взаимные права. Мы с негодованием прочли в «Times» и других газетах утверждение, будто мы организуем насильственное выступление с целью объявить войну жизни и собственности. Мы с негодованием отбрасываем это обвинение, сделанное злобными недоброжелателями, и самым положительным образом заверяем, что мы не имеем намерения нарушать закон; наша процессия будет невооруженной, моральной демонстрацией, мы уважаем жизнь и

собственность, но мы равным образом требуем уважения и к нашей жизни и собственности и обращаемся к вам и ко всей стране в целом с просьбой защитить нас в случае несправедливого нападения на нас.

ПИСЬМО ЛОРДА ПАЛЬМЕРСТОНА ЛОРДУ НОРМАНБИ О СОБЫТИЯХ 10 АПРЕЛЯ 1848 г.

(Извлечение)

Министерство иностранных дел, 11 апреля 1848 г .

Дорогой Норманби!

Славный день был вчера – Ватерлоо мира и порядка. Говорят, были поставлены на ноги сто тысяч добровольцев-констеблей, некоторые считают число их в двести пятьдесят тысяч. Улицы были наводнены ими, и люди всех классов и рангов сплотились в защиту закона и собственности. Чартисты имели довольно жалкий вид и собрали не более пятнадцати тысяч человек. Фергюс О'Коннор был напуган до потери чувств и был счастливейшим человеком в Англии, когда ему было заявлено, что демонстрации не позволят перейти мост. И чартисты убедились, что громадная масса населения Лондона не с ними, и они вероятно сейчас на некоторое время притихнут, ожидая более благоприятного момента.

В то же самое время результат вчерашних событий будет иметь хорошее, успокаивающее действие и на нашу сестрицу Ирландию. Иностранцы на этот счет не выразили своих чувств, но констебли, регулярные и добровольные, поклялись примерно расправиться со всяким усатым и бородатым бунтовщиком, который им попадется в руки, и я уверен, что они превратят его в кашу...

Искренно преданный Пальмерстон.

Научные публикации

Е.В. Архипцева

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЫ 1832 ГОДА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

(Извлечение)

По уровню промышленного производства и торгового оборота Англия занимала лидирующие позиции. Развитие промышленной революции привело к образованию индустриальных районов. Лондон стал крупным торгово-финансовым центром, Манчестер – центром текстильной промышленности.

Однако рост городов сопровождался ростом нищеты и бедствий. Налоговая политика партии тори приводила к росту налогов. Экономический кризис 1816 года был неизбежен. Это отсылка к принятию «хлебных законов» 1815 года. Высокие продовольственные цены, которые установились во время континентальной блокады и войны, были выгодны для английских землевладельцев. Они опасались, что ввоз хлеба из других стран снизит цены, а соответственно их доходы. Это могло привести к падению земельной ренты. Первый хлебный закон полностью запрещал ввоз хлеба до тех пор, пока цена на хлеб в Англии оставалась ниже 80 шиллингов за кварталер.

В попытке сохранить крупные доходы, правительство издало закон о запрете ввоза хлеба в Англию.

В 1825 году в Англии вновь наступил экономический кризис - первый в истории капитализма циклический промышленный кризис. Если первые кризисы повлияли на покупательскую способность, то новый кризис охватывал все отрасли экономики. Более того, он стал циклическим и продолжительным, повторяясь каждые 10 лет. В эти годы политическая обстановка вновь обострилась. Встал вопрос о парламентской реформе.

Политические организации, появившиеся в то время, выступали за избирательную реформу. Бирмингемский политический союз стал центральной организацией, основанной Т. Аттвудом. Члены союза готовились к подходу на Лондон. Промышленная буржуазия поддержала народные массы, чтобы использовать их как средство давления на

парламент с целью проведения избирательной реформы. И действительно, в 1832 году под давлением народных масс парламент принял закон о парламентской реформе.

Возможность проведения реформы появилась уже в 1830 году. В то время более состоятельные и процветающие средние классы уже были готовы к политическому воздействию. Возможно, что реформа была необходима из-за роста промышленных и торговых городов, у которых не было собственных представительств в парламенте. Конечно же, революция 1830 года в Париже пробудила либеральный энтузиазм к реформам в Англии.

Таким образом, проведение реформаторской политики способствовало предотвращению возможных революционных волнений. Реформа расширила состав правящего буржуазного блока и усилила влияние нижней палаты.

В.Н. Барышников, В.Н. Борисенко, Ю.И. Кузнецова
ТАМВОРТСКИЕ МАНИФЕСТЫ РОБЕРТА ПИЛЯ И ПРОЦЕСС
КОНСОЛИДАЦИИ КОНСЕРВАТОРОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1830-х ГОДОВ
(Извлечение)

Роберт Пиль – премьер-министр Великобритании в 1834–1835 гг. и в 1841–1846 гг. Впервые он стал членом парламента в 1809 г. в возрасте 21 года от города Кашел (графство Южный Типперэри), карманного местечка, в котором числилось всего 24 избирателя. Позднее, в 1812 г. он представлял Чиппенхэм (Уилтшир), в 1817–1829 гг. Оксфордский университет, с 1830 г. он представлял в парламенте Тамвортс (Стаффордшир). Несмотря на это, только в 1834 г. он впервые обратился к избирателям данного местечка. Роберт Пиль выступал в местечке Тамвортс шесть раз. Наиболее значимыми и известными выступлениями являются речи 1834 и 1841 гг.

После проведения первой парламентской реформы в 1832 г. кабинет возглавляли виги. Но смерть Графа Спенсера в ноябре 1834 г. привела к тому, что его сын, лидер Палаты общин, лорд Элтроп должен был по праву наследования пэрства перейти в Палату лордов.

Лорд Мельбурн усугубил ситуацию, предложив в качестве нового лидера Палаты общин лорда Джона Рассела. 14 ноября 1834 г. Вильям IV отправил правительство в отставку и задумался о том, кто может создать новый кабинет. На тот момент в рядах тори было всего две достойных кандидатуры, способных возглавить правительство: герцог Веллингтон и Роберт Пиля. Первым предложение сформировать правительство получил герцог Веллингтон, который уже был премьер-министром в 1828–1830 гг. Решив, что новый премьер должен быть из Палаты общин, герцог Веллингтон рекомендовал королю Роберта Пиля.

Следует отметить, что Парламентская реформа 1832 г. и на современном этапе играет важную роль в системе аргументов британских политиков. Именно Тамвортский манифест дал основание британским историкам называть Роберта Пиля основателем консервативной партии.

С.И. Бугашев
РЕФОРМА 1832 г. – ПЕРВАЯ ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(Извлечение)

В начале XIX в. переход к новым буржуазным отношениям разрушал традиционный уклад английского общества, сменяя вертикальную иерархию горизонтальными связями. В 30-е годы XIX в. общественное мнение становится реальностью политической жизни. Свобода прессы, собраний, митингов, право обращения к королю и парламенту с петициями, уже закрепленные в английском праве, стали активно использоваться экономически развитыми, но не имевшими доступа к политической власти слоями общества, в первую очередь торгово-промышленной буржуазией.

Первый билль о реформе был внесен в палату общин лордом Расселом 1 марта 1831 г. Билль прошел во втором чтении большинством всего в один голос, но в третьем чтении его отвергли. За этим последовал роспуск палаты. Новые выборы в июне 1831 года проходили под знаком борьбы за реформу. В большинстве графств против-

ники реформы потерпели поражение. В сентябре 1831 года билль был одобрен палатой общин и перешел на утверждение в палату лордов. Однако верхняя палата проголосовала против законопроекта, даже не потрудившись его обсудить. Это было открытым вызовом британцам. В массах росло возбуждение. В Бристоле и Глазго толпа разгромила дома ненавистных противников билля. Выступления народа напугали вигов. Правительство прибегло к свирепым репрессиям. 5 декабря 1831 г. кабинет в третий раз внес в палату билль о реформе, и в марте 1832 года новый билль, пройдя палату общин, поступил в палату лордов. Однако и на этот раз лорды изуродовали и фактически отвергли законопроект. Это вызвало гневную реакцию в стране. Политические союзы буржуазии призвали жителей не платить налоги до тех пор, пока билль не станет законом. Чтобы заставить лордов утвердить билль, было выдвинуто предложение устроить «набег на банки», то есть в один день истребовать все вклады.

Кабинет Грея ушел в отставку. Противники билля в лице партии тори не могли создать новый кабинет, не имея большинства в нижней палате. Монарх был вынужден снова обратиться к вигам. Грей согласился вернуться при условии, что король, если понадобится, введет в состав палаты лордов новых членов – сторонников реформы. Перед этой угрозой непримиримые лорды сдались, и билль прошел. Подписанный королем 7 июня 1832 г. билль о реформе парламента стал законом. В конечном итоге реформа 1832 г. явилась победой общественного мнения, давления «извне», которое поддерживало правительство лорда Грея и заставляло его действовать более энергично.

Билль о реформе внес изменение и в избирательную систему внутри округов. Отныне все избирательные округа делились на две группы: городские и сельские. Право голоса в городских округах получали лица, занимающие квартиру, которая приносила (или стоила) в год не менее 10 ф. ст. Это означало лишение права голоса почти всех рабочих, мелких ремесленников и прочего трудящегося люда. В сельских округах правом голоса наделялись все собственники земли, получающие доход не менее 40 шилл. в год; арендаторы – долгосрочные съемщики земли, то есть более зажиточные фермеры, получали право голоса, если платили арендную плату в сумме 10 ф. ст. в год,

арендаторы – краткосрочные съемщики земли, если платили арендную плату в сумме 50 ф. ст. в год.

Реформа 1832 г. была первой в ряду реформ избирательного права Великобритании в XIX веке. Она нарушила средневековый принцип равного представительства от корпоративных единиц и ознаменовала начало перехода к представительству от количества населения. Вместе с тем реформа показала, что правящая элита, под серьезным давлением, пришла к пониманию необходимости уступок общественному мнению. Увеличение электората в два раза было существенным, но не столь значительным в соотношении с количеством всего населения страны.

Ю.В. Бунькова, М.С. Тамазов, Л.З. Атгоева
ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА 1832 ГОДА
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: НАЧАЛО ПОЛНОМАСШТАБНОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ
(Извлечение)

Реформа 1832 года не смогла устранить многие недостатки существовавшей до реформы избирательной системы. Не реформированными оставались избирательные округа. Так, в сельской местности по-прежнему продолжали сохраняться так называемые «гнилые местечки». В городах и графствах сохранялся различный имущественный ценз. Не была устранена множественная подача голосов для представителей зажиточных слоев и сохранялась сложная система регистрации избирателей.

Следствием реформы 1832 г. явилось изменение форм и методов ведения кандидатами предвыборной кампании. У представителей парламентских группировок возникла необходимость бороться за голоса избирателей. Это привело к созданию политических клубов, которые осуществляли руководство избирательной кампанией. Получили распространение предвыборные поездки депутатов и предвыборные митинги.

Несмотря на всю свою ограниченность, реформа 1832 года оказала громадное воздействие на внутриполитическое и конституцион-

ное развитие Великобритании. Реформа сместила акценты в государственном механизме страны. Теперь палата общин, опираясь на более широкий электорат, расширив за счет представителей буржуазии свой социальный состав, претендовала на роль выразительницы интересов всей нации.

Реформа 1832 года создала прецедент, благодаря которому британское общество убедилось, что политические институты и отношения, казавшиеся незыблемыми, могут быть успешно реформированы в соответствии с меняющимися социально-экономическими реалиями и дала толчок последующим преобразованиям британского парламентаризма в XIX – начале XX века.

М.В. Жолудов
РЕФОРМА 1832 ГОДА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(Извлечение)

Избирательная реформа 1832 г. была событием огромного значения для изменения парламентской системы Великобритании в направлении развития демократии и конституционализма. Напряженная борьба за ее принятие в 1831–1832 гг. сопровождалась совершенствованием института парламентских процедур, и, в первую очередь, такого его элемента, как порядок взаимоотношения палат между собой и взаимоотношения палат с другими органами государственной власти.

Цель реформы сводилась к передаче политической власти в стране от аристократии к средним буржуазным классам мирным конституционным образом, путем перераспределения депутатских мест в пользу крупных промышленных городов и графств. Этого предполагалось достичь с помощью сокращения так называемых «гнилых местечек», т.е. обезлюдивших избирательных округов, находившихся под полным контролем землевладельческой аристократии. Почти половина депутатов палаты общин избиралась от таких местечек, которые давно уже потеряли свое былое значение, но продолжали обладать правом посылать в парламент одного или даже двух депутатов.

Это позволяло аристократии контролировать палату общин, а значит и весь политический процесс в стране.

Реформа была принята сравнительно быстро благодаря разумной позиции противостоящих партий, в основе которой лежали взаимные уступки и компромисс. Сколько бы ни были остры дискуссии, они не вышли за рамки парламентской процедуры и традиций. При этом, безусловно, учитывалась и такая влиятельная сила, как общественное мнение средних слоев британского общества, составлявших значительную часть избирателей.

А.А. Минькова, И.И. Явнова
ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
1832 ГОДА
(Извлечение)

Борьба за парламентскую реформу, длившаяся с 1829 по 1832 гг., внесла значительное изменение в политическую жизнь британского общества. Следует выделить ряд положительных факторов: быстрая политизация общества, вовлечение в движение за свои права городского и сельского населения; и отрицательных: политическое размежевание аристократии и общества по вопросу о содержании и путях реформирования устаревшего законодательства. Вместе с тем упрочились методы внутри- и внепарламентской борьбы, благодаря чему в обыденной жизни и в сознании граждан закреплялось функционирование институтов гражданского общества.

Суть реформы, на первый взгляд, свелась к перераспределению мест в палате общин и увеличению электората. До реформы палата общин состояла из 658 мест. Они распределялись следующим образом: 188 – от 114 графств, 465 – от 262 местечек, 5 – от университетов, с 1821 года два – от Йоркшира, остальные места занимали депутаты от Ирландии, Шотландии и Уэльса. Реформа 1832 года существенно отличалась от первого проекта билля. Она сохранила общее число депутатов, но ликвидировала 56 "гнилых" местечек, которые посылали по два депутата. 32 города с населением до 4 тысяч человек вместо двух теперь избирали одного депутата; освободившиеся 144

места в парламенте перераспределили между графствами и городами. В результате 42 города получили право посылать депутатов – и среди них такие крупные торгово– промышленные центры, как Манчестер, Бирмингем, Лидс, Шеффилд и другие.

Произошло увеличение электората почти в два раза. Между тем закон сохранил диспропорцию избирательных округов. Аграрный юг по–прежнему продолжал преобладать в парламенте. Десять южных графств с четвертью населения Англии имели треть мест. Вместе с тем осталась неизменной диспропорция представительства графств.

Реформа явилась победой общественного мнения, давления "извне", которое поддерживало правительство лорда Грея в борьбе с оппозицией и заставляло его действовать более энергично.

М.И. Романова
ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА 1832 ГОДА В АНГЛИИ
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
(Извлечение)

Реформа 1832 г. была первой реформой избирательного права в Англии. Она положила начало переходу от средневекового избирательного принципа равного представительства от корпоративных единиц к новому демократическому принципу представительства от количества населения.

В проведении реформы были существенные минусы. Во-первых, сохранение высокого имущественного ценза не давало возможности представителям средней и мелкой буржуазии, а также рабочим быть избранными в парламент и получить политическую власть. Во-вторых, городки и поселки по-прежнему оставались "представленными" в новой избирательной системе. Имелось 5 местечек с электоратом менее 200 человек, а 115 депутатов представляли округа с населением менее 500 человек [5]. В-третьих, все еще сохранялась диспропорция между городскими и сельскими округами. Парламент 1833 г. состоял из 399 депутатов от городских избирателей, и 253 депутата были избраны от сельских округов (в предыдущем парламенте эти показатели были еще хуже и составляли соответственно 465 и

188). Это несмотря на тот факт, что по данным переписи 1831 г. 56% населения Англии проживало в городах.

Однако, несмотря на это, политическое значение реформы было огромным. Она показала возможность политических перемен под влиянием общественного мнения и подтвердила правоту либералов, отстаивавших реальность поэтапного осуществления демократической избирательной реформы. Ее следствием также стало изменение соотношения сил между палатами и короной в пользу палаты общин, кабинет министров теперь стал формироваться из представителей парламентского большинства. Нужно отметить, что именно поляризация мнений в парламенте по вопросу о парламентской реформе 1832 г. положила начало новому партийному размежеванию: делению на либералов (реформистов) и консерваторов - и созданию викторианской двухпартийной системы.

Г.И. Самойлова
ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА 1832 ГОДА В АНГЛИИ
(Извлечение)

Начиная с последней трети XVIII века и до 1830 г. Великобритания находилась в процессе преобразования, изменившем весь облик страны и создавшем новых людей. Из разбросанных деревень образовались обширные промышленные округа, из промышленных местечек - многолюдные центры. Начало борьбы за парламентскую реформу положило создание в 1829 г. в Бирмингеме первого Политического союза, который выдвинул программу экономических и политических преобразований, в том числе: тайное голосование, предоставление права голоса домовладельцам, трехгодичный срок полномочий парламента, выплата жалованья членам парламента и отмена для них имущественного ценза.

В обсуждение вопроса о парламентской реформе были вовлечены практически все слои городского и сельского населения. Благодаря публикациям в газетах, подробно освещавших заседания парламента, общество было осведомлено не только о ходе дебатов, но и о позиции отдельных депутатов.

Реформа 1832 г. явилась завершением одного и началом нового периода в истории страны, продолжавшегося вплоть до середины века. Общество встретило её с большим воодушевлением. Буржуазия, ремесленники, рабочие и фермеры ожидали проведения дальнейших преобразований. С ними связывались надежды на улучшение экономического положения, смягчение налогового бремени и ликвидацию злоупотреблений. В обществе царил ожидание перемен. Однако избирательная реформа 1832 г. не привела к существенным изменениям как в процедуре избрания, так и в составе избранных. Поэтому всплеск активности в период избирательных кампаний 1831 и 1832 гг. быстро иссяк. Принятие закона 1832 г. ознаменовало победу мощного общественного движения, выдвинувшего на первый план идеи гуманизма, прав и свобод личности. Продолжилось движение к принципу «один человек - один голос».

Тема 5. «ВЕСНА НАРОДОВ»: БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 – 1851 гг.

Революции 1848 - 1849 гг. во Франции, Германии, Австрии и Италии имели много общих черт (характер, движущие силы, позиции классов). Тем не менее, цели и задачи революций, ход их в различных странах отличались большим своеобразием. Поэтому студент должен четко представить расстановку классовых сил накануне революции и ее изменения в ходе революции, особое внимание нужно обратить на позиции буржуазии и рабочего класса. Это поможет понять причины нисходящей линии развития революции 1848 г., в отличие от буржуазных революций в Англии середины XVII в. и во Франции конца XVIII в.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 – 1851 гг. ВО ФРАНЦИИ

Вопросы к практическому занятию

1. Причины революции.
2. Расстановка политических сил в первый период революции.
3. Период Учредительного собрания. Июньское восстание 1848 г.
4. Период Законодательного собрания. Причины государственного переворота 2 декабря 1851 года.
5. Линия развития революции, её итоги.

Источники

ПРОКЛАМАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ 1848 г.

(Извлечение)

Ретроградное и олигархическое правительство ниспровергнуто героизмом народа Парижа. Это правительство бежало, оставив за собой кровавый след, который не позволит ему никогда вернуться.

Кровь народа текла, как в июле. Но на сей раз великодушный народ не будет обманут. Он завоевал национальное и народное правительство, соответствующее правам, успехам и желанию великого и благородного народа. Временное правительство, созданное только что и получившее одобрение народа и депутатов департаментов, на заседании 24 февраля уполномочено обеспечить и организовать в данный момент народную победу.

Оно состоит из граждан: Дюпона (из Эр), Ламартина, Кремье, Араго (члена Института), Ледрю-Роллена, Гарнье-Пажеса, Мари.

Правительство имеет секретарями: Армана Марра, Луи Блана, Фердинанда Флокона и Альберта, рабочего...

Французы! Покажите всему миру пример, данный Парижем Франции. Приготовьтесь, опираясь на порядок и веру в себя, к принятию великих учреждений, создать которые вы призваны.

Временное правительство хочет республики но утвержденной народом, который немедленно будет опрошен об окончательной форме национального правительства, подлежащей установлению верховной властью народа.

Единство нации, состоящей отныне из всех классов граждан, в нее входящих; само управление нации; свобода, равенство и братство в качестве принципов; народ в качестве девиза и лозунга - вот то демократическое правительство, которое Франция обязана себе обеспечить и которое наши усилия сумеют за ней утвердить!

(подписи)

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ 24 ФЕВРАЛЯ 1848 г.

Французская республика!

Временное правительство республики предлагает гражданам Парижа не верить слухам, которые распространяют злонамеренные люди. Республика провозглашена.

Члены временного правительства: Дюпон, Пажес, мэр Парижа, Луи Блан, секретарь.

24 февраля 1848 г.

**ДЕКРЕТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
О НАЦИОНАЛЬНОМ ЗНАМЕНИ ФРАНЦИИ
24 ФЕВРАЛЯ 1848 г.**

Временное правительство объявляет, что национальным знаменем является трехцветное знамя, цвета которого будут восстановлены в порядке, принятом французской республикой. На этом знамени начертаны слова: «Французская республика, свобода, равенство и братство» – три слова, которые выражают глубочайший смысл демократических учений, символом которых является это знамя, цвета которого в то же время выражают непрерывность республиканских традиций.

В качестве эмблемы объединения и в знак признательной памяти о последнем акте революции члены временного правительства и другие представители власти будут носить красную розетку, которая также будет прикреплена к древку знамени.

Члены временного правительства: Дюпон, Ламартин, Араго, Гарнье-Пажес, Мари, Ледрю-Роллен, Кремье, Луи Блан, Марра, Флоккон, Альбер (рабочий).

24 февраля 1848 г.

**ДЕКРЕТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О СОЗДАНИИ
МОБИЛЬНОЙ ГВАРДИИ
25 ФЕВРАЛЯ 1848 г.**

Временное правительство постановляет:

Немедленно наембовать в Париже 24 батальона подвижной национальной гвардии.

Вербовка начинается сегодня, с полудня, в двенадцати районных мэриях, где и будет находиться местопребывание батальонов.

Эти национальные гвардейцы получают жалованье в 1 фр. 50 сант. в день, будут обмундированы и вооружены за счет отечества.

Военному министру поручается согласовать вопрос с главным командованием национальной гвардии департамента Сены об организации, быстром обучении и вооружении указанных батальонов. Ламартин. Ратуша, 25 февраля, 7 часов утра.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЮКСЕМБУРГСКОЙ КОМИССИИ 28 ФЕВРАЛЯ 1848 г.

Французская республика. Свобода, равенство, братство!

Принимая во внимание –

что революция, сделанная народом, должна быть совершена в его интересах;

что пора положить конец длительным и незаслуженным страданиям трудящихся;

что рабочий класс является вопросом чрезвычайной важности и что у республиканского правительства нет более высокой и достойной задачи;

что Франции в особенности следует горячо взяться за изучение и разрешение проблемы, стоящей в настоящее время перед всеми индустриальными нациями Европы;

что нужно без малейшего промедления обеспечить народу пользование законными плодами его труда, –

временное правительство постановляет:

Назначить постоянную комиссию под названием «Правительственная комиссия по труду» с возложением на нее точной и специальной миссии заботиться о положении трудящихся.

В доказательство значения, придаваемого разрешению этой задачи со стороны временного правительства республики, последнее назначает одного из своих членов г. Луи Блана председателем Правительственной комиссии по труду, а другого члена – г. Альбера (рабочего) вице-председателем.

Рабочие будут призваны в комиссии.

Заседания комиссии будут происходить в Люксембургском дворце.

Луи Блан, Арман Марра, Гарьне-Пажес.

28 февраля 1848 г.

ЗАКОНОПРОЕКТ ЛЮКСЕМБУРГСКОЙ КОМИССИИ

1848 г.

(Извлечение)

Пункт 1. Необходимо учредить министерство труда, специальная задача которого заключалась бы в подготовке социальной революции и постепенной, мирной, безболезненной ликвидации капиталистического строя.

Пункт 2. Министерству труда следует поручить: 1) посредством выпуска государственной ренты скупить железные дороги и рудники, 2) французский банк превратить в государственный банк, 3) учредить государственное страхование, 4) организовать большие товарные склады, состоящие под наблюдением ответственных чиновников, куда фабриканты и производители могли бы помещать свои товары; полученные взамен документы должны иметь силу бумажных денег; эти документы будут, безусловно, обеспечены товаром, оцененным компетентными лицами; наконец, 5) открыть базары, которые для мелкой торговли должны играть ту же роль, какую товарные склады для крупной.

Пункт 3. Из чистой прибыли, – которую в настоящее время дают частным предпринимателям железные дороги, рудники, страхование и банки и которая при новой системе перейдет к государству, – и из государственных сборов с товарных складов министерство труда должно составить свой особый рабочий бюджет.

Пункт 4. Из него должны покрываться расходы на уплату процентов и на погашение долговых обязательств, вытекающих из взятых правительством в свои руки предприятий. Остаток должен идти: 1) на субсидирование рабочих товариществ и 2) на сельскохозяйственные колонии.

Пункт 5. Рабочие товарищества, получающие субсидию от государства и основывающиеся на принципе братской солидарности, должны иметь возможность накапливать неотчуждаемый и беспрестанно растущий коллективный капитал. Только при этом условии уничтожится крупное и мелкое ростовщичество, капитал перестанет быть средством эксплуатации, орудия производства не будут собственностью привилегированных лиц, кредит не будет предметом торговли и праздность и богатство – исключительным правом избранных.

Пункт 6. Рабочее товарищество, пользующееся государственной субсидией, должно положить в основу своего существования следующие принципы, за вычетом вознаграждения за труд, процентов на капиталы и всех затрат на производство и материал, чистый доход распределяется так: одна четверть идет на погашение капитала, принадлежащего собственникам отчужденного государством владения, из второй четверти составляется фонд для вспомоществования престарелым рабочим, третья – распределяется между рабочими в виде дополнительного вознаграждения, последняя четверть идет на составление резервного фонда. Так организуются товарищества отдельных профессий. Для создания между ними солидарности следует организовать товарищество различных отраслей производства.

ДЕКРЕТ О СОКРАЩЕНИИ РАБОЧЕГО ДНЯ 2 МАРТА 1848 г.

Французская республика. Временное правительство.

Свобода, равенство, братство!

По докладу правительственной комиссии по труду.

Принимая во внимание –

что чрезмерно продолжительный физический труд не только разрушает здоровье рабочего, но, кроме того, мешая ему развивать умственные способности, унижает его человеческое достоинство;

что эксплуатация рабочих со стороны так называемых подрядчиков, взявших работы сдельно с торгов, является по существу несправедливой, изнурительной и противоречащей принципу братства, – временное правительство республики постановляет:

1. Уменьшить существующий рабочий день на один час. Таким образом, в Париже, где рабочий день равняется одиннадцати часам, он сводится к десяти, а в провинции, где рабочий день равняется двенадцати часам, он сводится к одиннадцати.

2. Уничтожить эксплуатацию рабочих со стороны подрядчиков. Разумеется, рабочие ассоциации, целью которых отнюдь не является эксплуатация одних рабочих другими, не могут рассматриваться как подрядчики.

Члены временного правительства (подписи).

Париж, 2 марта 1848 г.

ПРИКАЗ О ЧАСТИЧНОЙ ЛИКВИДАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МАСТЕРСКИХ

1848 г.

(Извлечение)

1. Холостые рабочие в возрасте от 18 до 25 лет приглашаются встать под знамена республики для пополнения различных полков армии. Те, кто откажется добровольно направиться в армию, будут немедленно исключены из списков национальных мастерских.

2. Немедленно будет приступлено к переписи рабочих Парижа. Рабочие, которые не смогут документально доказать, что они пробыли в Париже до 24 мая в течение шести месяцев, будут сняты с работы и перестанут получать заработную плату и вспомоществование.

Списки рабочих... будут выставлены в специальных бюро, расположенных по возможности ближе к центру Парижа, где с ними при посредстве администрации смогут ознакомиться хозяева предприятий... Рабочие, отказывающиеся встать на работу, будут тотчас же вычеркнуты из общих списков национальных мастерских.

Рабочие, которые не будут исключены из списка согласно предыдущим параграфам... будут получать сдельную, а не поденную плату. В возможно более короткий срок будут организованы бригады рабочих, которые будут направлены в департаменты для выполнения под руководством инженеров путей сообщения крупных общественных работ.

ВОЗЗВАНИЕ, РАСКЛЕЕННОЕ НА УЛИЦАХ СЕНТ-АНТУАНСКОГО ПРЕДМЕСТЬЯ

1848 г.

К оружию!

Мы хотим демократической и социальной республики.

Мы хотим верховной власти народа.

Все граждане республики не должны и не могут желать ничего другого!

Чтобы защитить эту республику, необходимо содействие всех. Многочисленные демократы, которые поняли эту необходимость, уже два дня как вышли на улицу.

Это святое дело насчитывает уже много жертв; мы все решились отомстить за этих благородных мучеников или умереть.

Будьте наготове, граждане! Пусть ни один из нас не уклонится от этого призыва.

Защищая республику, мы защищаем собственность.

Если слепое упорство оставит вас равнодушными ко всей этой пролитой крови, мы все умрем под пылающими развалинами предместья Сент-Антуан.

Подумайте о ваших женах, о ваших детях, и вы придете к нам.

ПРОКЛАМАЦИЯ ПОВСТАНЦЕВ VIII ОКРУГА ПАРИЖА ИЮНЬ 1848 г.

Именем суверенного народа

Граждане!

На февральских баррикадах люди, которым вы дали титул членов Временного правительства, обещали нам социальную и демократическую республику.

Они обещали, а вы, поверив им на слово, оставили наши баррикады.

За четыре месяца что они сделали?

Они изменили своему слову и не выполнили своего обещания.

Мы, граждане, охраняющие мэрию VIII округа, требуем: социальной и демократической республики, свободной ассоциации труда при содействии государства, суда над народными представителями и министрами и немедленного ареста исполнительной комиссии, мы требуем отвода войск из Парижа.

Граждане!

Помните, что вы суверенны.

Помните наш лозунг:

Свобода, равенство и братство.

КОНСТИТУЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

4 НОЯБРЯ 1848 г.

(Извлечение)

От имени Французского народа Национальное собрание приняло, а председатель Национального собрания объявляет согласно декрету от 28 октября 1848 г. конституцию следующего содержания.

Вступление

В присутствии Бога и именем французского народа Национальное собрание объявляет:

1) Франция конституируется в республику. Принимая эту окончательную форму правления, она ставит себе целью более свободное шествование по пути прогресса и цивилизации, введения более справедливого распределения общественных повинностей и выгод, увеличение благосостояния каждого путем постепенного ограничения государственных расходов и налогов.

Она стремится без новых потрясений, лишь последовательным и постоянным действием законов и учреждений, поднять граждан на высшую ступень нравственности, просвещения и благосостояния.

2) Французская республика демократична, едина и нераздельна.

3) Она признает права и обязанности, которые предшествуют и стоят выше положительных законов.

4) Свобода, равенство и братство – ее принципы.

Семья, труд, собственность, общественный порядок – ее основы.

5) Она уважает иностранные национальности так же, как те уважают ее национальность; не предпринимает никаких войн, с завоевательными целями и никогда не направляет своих сил против свободы другого народа.

6) Граждане имеют обязанности по отношению к республике, республика – обязанности по отношению к гражданам.

7) Граждане должны любить отечество, служить республике, защищать ее ценой своей жизни, участвовать в государственных повинностях пропорционально своему состоянию; они должны трудом снискать себе средства к существованию и предусмотрительно обеспечить источник существования в будущем; они все должны стремиться к общему благосостоянию, братски помогая друг другу, и к

общему порядку, соблюдая моральные правила и писанные законы, которые управляют обществом, семьей и личностью.

8) Республика должна охранять личность гражданина, его семью, религию, собственность, труд и сделать доступным всякому образованию, необходимое для каждого человека. Она должна путем братской помощи обеспечить существование нуждающимся гражданам, подыскивая работу, соответствующую их способностям, или же поддерживая тех, которые не имеют родных и не в состоянии работать. Чтобы привести в исполнение все эти обязанности и гарантировать все эти права, Национальное собрание, верное заветам земских собраний, провозгласивших французскую революцию, объявляет следующую конституцию Республики.

КОНСТИТУЦИЯ

Глава 1

О верховной власти

1. Верховная власть принадлежит совокупности французских граждан. Она неотчуждаема и неотъемлема. Ни одно лицо, ни одна часть народа не могут присваивать себе ее осуществление.

Глава 2

Права граждан, гарантированные конституцией

2. Никто не может быть арестован или задержан иначе, как в силу предписаний закона.

3. В пределах французской территории жилище всякого лица неприкосновенно; проникнуть в жилище можно лишь согласно форме и в случаях, предусмотренных законом.

4. Никто не может быть судим не тем судом, которому он подлежит. Не может быть образовано ни особых комиссий, ни чрезвычайных судов, какими бы названиями или основаниями они ни прикрывались.

5. Уничтожается смертная казнь за политические преступления.

6. Рабство не может быть допущено на французской территории, где бы то ни было.

7. Каждый может свободно исповедовать свою религию, и государство оказывает равное покровительство отправлению всяких религиозных культов. Служители церкви, признанной теперь законом или такой, которая будет признана законом, имеют право на получение содержания от государства.

8. Граждане вправе образовывать сообщества и собираться мирно без оружия, подавать петиции и предавать гласности свои мысли печатным или каким-либо иным путем. Пользование этими правами не может иметь других границ, кроме прав и свободы другого и общественной безопасности. Печать ни в коем случае не может быть поставлена в зависимость от цензуры.

9. Обучение свободно. Свобода обучения проводится в жизнь согласно определенным моральным и юридическим условиям, обозначенным в законе, и под надзором государства. Этот надзор простирается на все без исключения воспитательные и образовательные учреждения.

10. Все граждане одинаково допустимы ко всем общественным должностям, причем преимущественными мотивами для их назначения могут служить лишь их заслуги, и назначение происходит согласно условиям, обозначенным в законе. Навсегда уничтожаются все дворянские титулы, все прирожденные отличия и различия классовые и кастовые.

11. Всякая собственность неприкосновенна. Государство, однако, может требовать отчуждения собственности в случае общественной на то надобности, законным образом констатированной при условии справедливого и предварительного ее возмещения.

12. Никогда не может быть снова применена конфискация имущества.

13. Конституция гарантирует гражданам свободу труда и промышленности. Общество покровительствует и поощряет развитие труда, предоставляя безвозмездное первоначальное обучение, средства к профессиональному образованию и устанавливая равенство в отношениях хозяина и рабочего, учреждая попечительства и кредитные общества, сельскохозяйственные институты и свободные ассоциации. Общество с этой же целью организует через посредство государства, департаментов или коммун общественные работы, предназначенные доставлять безработным занятие; общество оказывает помощь покинутым детям, калекам и старцам, не имеющим ни средств к существованию, ни родни, которая могла бы их содержать.

14. Государственный долг гарантирован. Всякого рода обязательства государства по отношению к его кредиторам ненарушимыми.

15. Все налоги установлены в видах всеобщего блага. Каждый облагается пропорционально своему состоянию и своим платежным средствам.

16. Ни один налог не может быть вводим и взимается иначе, как в силу закона.

17. Прямой налог разрешается только на год. Косвенные налоги могут быть разрешаемы на несколько лет.

Глава 3

О государственных властях

18. Всякая власть в государстве, в чем бы она ни выражалась, исходит от народа. Она не может поручаться кому-либо с правом передавать ее по наследству.

19. Разделение власти -- это первое условие свободного правительства.

Глава 4

О законодательной власти

20. Французский народ поручает законодательную власть единому собранию.

21. Общее число представителей народа будет равно 750, включая сюда представителей от Алжира и французских колоний.

22. Число представителей достигнет 900 в собраниях, созванных для пересмотра конституции.

23. В основу избирательного права кладется лишь один принцип -- народонаселение.

24. Избирательное право - прямое и всеобщее. Подача голосов происходит тайно.

25. Избирателями могут быть, независимо от своего ценза, все французы в возрасте 21 года, пользующиеся гражданскими и политическими правами.

26. Могут быть избираемы независимо от своего местожительства все избиратели в возрасте от 25 лет.

27. Избирательный закон определит те обстоятельства, в силу которых французский гражданин лишается права избирать и быть избираемым. Закон определит, в каких случаях граждане, отправляющие или отправлявшие раньше какие-либо функции в департаменте или в другом территориальном подразделении, не могут быть избираемы.

28. Отправление какой-либо общественной оплачиваемой должности несовместимо с полномочиями представителя народа. Ни один член Национального собрания не может быть произведен или назначен на какую-либо общественную платную должность, замещение которой зависит от усмотрения исполнительной власти. Исключения из предписаний, изложенных в двух предыдущих параграфах, будут определены органическим избирательным законом.

29. Предписания, изложенные в предыдущем параграфе, не действительны в применении к избирательным собраниям для пересмотра конституции.

30. Избрание представителей будет происходить по департаментам, причем баллотироваться будет весь список сразу. Избиратели будут подавать голоса в главном месте кантона; однако, в силу местных условий, кантон может быть подразделен на несколько участков, согласно правилам и условиям, которые будут определены избирательным законом.

31. Национальное собрание избирается на 3 года и обновляется лишь в полном своем составе. Самое позднее за сорок пять дней до конца легислатуры * закон определяет время новых выборов. Если к сроку, обозначенному в предыдущем параграфе, не появится соответственного закона, избиратели сами соберутся за 30 дней до конца легислатуры. Новое собрание созывается в силу самого закона на следующий же день после окончания полномочий предшествовавшего собрания.

32. Оно постоянно. Оно вправе, однако, откладывать свои заседания на определённый срок. В продолжение перерыва в занятиях собрания, комиссия, состоящая из членов бюро и двадцати пяти представителей, назначенных собранием тайной подачей и абсолютным большинством голосов, облечена правом созывать собрания в случае необходимости. Президент республики также вправе собрать собрание. Национальное собрание определяет место своих заседаний. Оно определяет состав военных сил, предназначенных для его охраны, и оно ими располагает.

33. Представители могут быть всегда переизбраны.

34. Члены Национального собрания являются представителями не только избравшего их департамента, но и всей Франции.

35. Они не могут быть связаны повелительным мандатом.

36. Представители народа неприкосновенны. Они никогда не могут быть преследуемы, обвиняемы и судимы за мнения, высказанные ими в среде Национального собрания.

37. Они не могут быть арестованы по уголовному делу, за исключением тех случаев, когда они захвачены на месте преступления, и не могут быть подвергнуты уголовному преследованию до тех пор, пока на это не последует разрешение со стороны Национального собрания. В случае задержания на месте преступления об этом немедленно уведомляется собрание, которое может разрешить или воспрепятствовать дальнейшее преследование. Это же предписание относится и к тому случаю, если арестованный гражданин избран в представители.

38. Каждый представитель народа получает вознаграждение, от которого он не может отказаться.

39. Заседания собрания происходят публично. Однако собрание может образовать из себя тайный комитет, по желанию такого количества представителей, которое определено регламентом. Каждый представитель владеет правом парламентской инициативы; он пользуется этим правом согласно формам, установленным регламентом.

40. Присутствие членов собрания в количестве одним человеком больше половины необходимо для того, чтобы голосование законов было действительным.

41. Ни один законопроект, за исключением тех случаев, когда это вызвано неотложной надобностью, не может быть окончательно вотирован без предварительного троекратного обсуждения, с промежутками между отдельными совещаниями по меньшей мере в пять дней.

42. Всякому предложению, стремящемуся объявить закон неотложным, должно быть предпослано изложение мотивов. Если собрание желает дать ход предложению о неотложности, оно препровождает его в бюро и назначает срок представления доклада о неотложности закона. Если, руководствуясь этим докладом, собрание признает факт неотложности налицо, оно объявляет об этом и назначает срок совещания по поводу Закона. Если собрание 'решит, что не имеется необходимости в неотложном издании закона, законопроект, о котором шла речь, нисходит на степень обыкновенного предложения.

Глава 5

Об исполнительной власти

43. Французский народ поручает исполнительную власть одному гражданину, которому присваивается титул президента республики.

44. Президент должен быть прирожденным французом не моложе 30 лет, никогда не терявшим своего достоинства француза.

45. Президент республики избирается на четыре года и может быть переизбран лишь по прошествии промежутка времени, равного четырем годам. Вслед за окончанием полномочий президента в течение такого же промежутка времени не могут быть избраны на его место ни вице-президент, ни кто-либо из его родственников и свояков до шестого колена включительно.

46. Избрание в силу самого закона происходит во второе воскресенье месяца мая. Если, вследствие кончины или смещения президента или какой-либо другой причины, новый президент избирается в другое время, его полномочия кончаются во второе воскресенье месяца марта на четвертый год его деятельности.

Президент избирается путем тайной подачи и абсолютным большинством голосов, причем вотируют непосредственно избиратели всех департаментов Франции и Алжира.

47. Протоколы избирательных действий препровождаются непосредственно в Национальное собрание, которое немедленно устанавливает результаты их и провозглашает президента республики. Если ни один кандидат не получил больше половины всех поданных голосов, и по меньшей мере, двух миллионов голосов или, если при выборах не соблюдены условия, указанные в 44 параграфе, президента республики избирает Национальное собрание путем тайной подачи и абсолютным большинством голосов из числа пяти кандидатов, допустимых к избранию, получивших наибольшее число голосов.

48. Перед вступлением в исполнение своих обязанностей, президент республики произносит перед лицом Национального собрания следующую присягу: «В присутствии Бога и перед лицом французского народа, представленного Национальным собранием я обязуюсь клятвой охранять верность демократической республике, единой и нераздельной, и исполнять все обязанности, которые возлагает на меня конституция».

49. Президент вправе представлять через министров законопроекты в Национальное собрание. Он следит и обеспечивает выполнение законов.

50. Он располагает военной силой, но не в праве лично ею командовать.

51. Он не может уступить какой-либо части территории, ни распустить и отложить на время Национальное собрание, ни ограничить влияние конституции и законов.

52.. Он представляет ежегодно Национальному собранию письменное донесение об общем положении дел республики.

53. Он заключает и утверждает трактаты. Ни один договор не может быть окончательно заключен, пока он не подтвержден Национальным собранием.

54. Он следит за внешней безопасностью государства, но не вправе предпринимать войны без согласия на то Национального собрания.

55. Он обладает правом помилования, но не может пользоваться этим правом, не учитывая мнения Государственного совета. Амнистии могут быть дарованы лишь в силу соответственного закона. Президент республики, министры и все другие лица, приговоренные верховным судом, могут быть помилованы лишь Национальным собранием.

56. Президент республики опубликовывает законы именем французского народа.

57. Неотложные законы опубликовываются в течение трех дней, а другие законы в течение месяца с момента их принятия Национальным собранием.

58. В продолжение срока, определенного для обнародования закона, президент может мотивированным посланием просить нового совещания по поводу этого закона. Национальное собрание совещается еще раз, и теперь его решение становится окончательным; оно передается президенту республики. Обнародование закона в этом случае совершается в срок, определенный для неотложных законов.

59. Если к назначенному сроку президент республики не обнародует закона, об этом должен позаботиться президент Национального собрания.

60. Посланники и послы иностранных держав состоят при президенте республики.

61. Он председательствует на национальных торжествах.

62. Президент получает помещение и содержание в размере 60 000 франков в год.

63. Его резиденция находится в той же местности, где заседает Национальное собрание, и он не может покинуть пределов, континентальной территории республики, не получив на то особым декретом разрешения.

64. Президент республики назначает и смещает министров.

Он, сообразуясь с указаниями министров, назначает и смещает дипломатических агентов, главнокомандующих флота и армии, префектов, высших начальников национальной гвардии Сенского департамента, правителей Алжира и колоний, главных прокуроров и других должностных лиц высшего порядка. Он назначает по предложению компетентного министра, оставаясь в пределах правил, установленных по этому поводу законом, второстепенных правительственных агентов. ”

65. Он может на определенный срок, который не должен превышать собой трех месяцев, отрешать от должности членов исполнительной власти, избранных пародом. Он не может смещать их иначе, как с согласия Государственного совета. Закон определит те случаи, когда смещенные должностные лица объявляются недопустимыми к повторному занятию своей должности. Это постановление о недопустимости к избранию может быть вынесено только судом.

66. Число министров и министерских ведомств определяется законодательной властью.

67. Акты, издаваемые президентом республики, действительны без подписи министра только в том случае, если они заключают в себе назначение или смещение министров.

68. Президент республики, министры, агенты и блюстители государственной власти ответственны каждый в своей области за все деяния правительства и администрации. Всякая мера, принятая президентом республики, чтобы распустить Национальное собрание, временно отложить его заседания или воспрепятствовать ему пользоваться своими полномочиями, — есть преступление, государственная измена. В силу такого действия президент утрачивает свои полномо-

чия, граждане обязаны не оказывать ему повиновения, исполнительная власть переходит в руки Национального собрания. Судьи верховного суда немедленно собираются; они созывают присяжных в определенное место, чтобы те приняли участие в суде над президентом и его сообщниками; они сами назначают магистратов, которые должны выполнять обязанности публичного обвинителя. Закон определит другие случаи привлечения президента к ответственности и способы и условия преследования его.

69. Министры имеют право входа в Национальное собрание.

Их выслушивают всякий раз, как они того просят; они могут являться в сопровождении комиссаров, назначенных декретом президента республики.

70. Вице-президент республики назначается Национальным собранием из числа трех кандидатов, представленных ему президентом в первый же месяц, следующий за его избранием. Вице-президент приносит ту же присягу, что и президент. Вице-президент не может быть выбран из числа родственников и свояков президента до шестого колена включительно. В тех случаях, когда президент почему-либо не в состоянии исполнять своих обязанностей, его замещает вице-президент. Если пост президента остается вакантным вследствие кончины или смещения президента, или в каком-либо ином случае, в течение месяца происходят выборы нового президента.

Глава 6

О государственном совете

71. Учреждается Государственный совет, председателем которого состоит вице-президент республики.

72. Члены совета назначаются на шесть лет Национальным собранием. Состав его наполовину обновляется в первые два месяца каждой легислатуры путем тайной подачи и абсолютным большинством голосов. Они могут быть переизбираемы неограниченное число раз.

73. Те из членов совета, которые будут взяты из числа членов Национального собрания, должны быть немедленно замещены новыми представителями народа.

74. Члены совета могут быть отрешаемы от должности лишь Национальным собранием по представлению президента республики.

75. Совет обладает совещательным правом по отношению к законопроектам правительства. которые, согласно закону, представляются предварительно на его рассмотрение так же, как и проекты, предложенные по инициативе парламента и пересланные ему собранием. Он устанавливает правила для администрации; он по специальному поручению Национального собрания разрабатывает некоторые регламенты. В его полномочие входят контролирование и наблюдение за администрацией, в пределах, установленных законом. Остальные его обязанности определит закон.

Глава 7

О внутренней администрации

76. Сохраняется деление государства на департаменты, округа, кантоны и коммуны. Эти подразделения могут быть уничтожены лишь законодательным порядком.

77. Устанавливается в каждом департаменте управление, состоящее из префекта, генерального совета, совета префектуры.

В каждом округе – под-префект. В каждом кантоне – кантональный совет; однако в одном городе, разделенном на несколько кантонов, будет лишь один кантональный совет. В каждой коммуне – управление, состоящее из мэра, его помощников и муниципального совета.

78. Закон определит состав и обязанности генеральных советов, советов кантональных и муниципальных и способов назначения мэров и их помощников.

79. Генеральные и муниципальные советы избираются путем прямой подачи голосов всех граждан, жительствоющих в данном

департаменте или коммуне. Каждый кантон избирает одного члена в генеральный совет. Специальный закон определит способ

избрания в Сенском департаменте, в городе Париже и в городах населением, превышающим двадцать тысяч человек.

80. Генеральные советы, кантональные советы и муниципальные советы могут быть распущены президентом республики с согласия Государственного совета. Закон определит срок времени, по прошествии которого допустимо переизбрание.

Глава 8.

О судебной власти

81. Правосудие отправляется безвозмездно от имени французского народа. Заседания происходят публично, если только публичность заседаний не представляет опасности для спокойствия или нравственности общества; в подобном случае суд особым постановлением объявляет об этом

82. В делах уголовных по-прежнему будет применяться суд присяжных.

83. Все дела о преступлениях политических и преступлениях печати подлежат исключительно суду присяжных. Органические

законы определяют их компетенцию в делах о клевете и диффамации, направленных против частных лиц.

84. Присяжные сами решают дела о потерях и убытках, причиненных действиями или преступлениями печати.

85. Мировые судьи и их заместители, судьи первой и второй инстанции, члены кассационного суда и государственного контроля назначаются президентом республики, сообразно порядку их кандидатуры или в силу условий, определенных органическими законами.

86. Должностные лица прокуратуры назначаются президентом республики.

87. Судьи первой и второй инстанции, члены кассационного суда и государственного контроля назначаются пожизненно. Они не могут быть смещены или отставлены на время иначе, как в силу имеющегося на то приговора суда, и не могут быть уволены в отставку иначе, как по причинам и согласно правилам, изложенным в законе.

88. Военные суды, советы, ревизующие армию и флот, морские суды, коммерческие суды, учреждения, ведающие надзором за фабриками, и другие специальные судебные учреждения сохраняют свое настоящее устройство до тех пор, пока не будут изменены законом.

89. Пререкания о подведомственности между административными и судебными властями разбираются специальным судом, образованным членами кассационного суда, членами государственного совета, назначаемыми каждые три года в равном количестве от обоих учреждений. Председателем этого суда является министр юстиции.

90. Жалобы на постановления государственного контроля касательно не компетентности и превышения власти разрешаются судебной коллегией, ведающей пререканиями о подведомственности.

91. Обвинения, возбужденные Национальным собранием против президента республики или министров, передаются на рассмотрение верховного суда, решения которого не подлежат обжалованию ни в кассационном, ни в апелляционном порядке. Этот же суд рассматривает и все дела, возбужденные Национальным собранием по поводу преступлений отдельных лиц или заговоров, направленных против внутренней или внешней безопасности государства. За исключением случая, предусмотренного в 68 параграфе, верховный суд не может собраться иначе, как в силу декрета Национального собрания, которым определяется и место, где должен заседать этот суд.

92. Верховный суд состоит из пяти судей и тридцати шести присяжных. Ежегодно, в течение первых двух недель месяца ноября, кассационный суд избирает из числа своих членов путем тайной подачи и абсолютным большинством голосов судей верховного суда в количестве пяти и двух заместителей к ним. Пять избранных судей избегают в свою очередь своего представителя.

Должностные лица, отправляющие функции прокуроров, назначаются президентом республики, а в случае рассмотрения обвинения против президента или министров, Национальным собранием. Присяжные в количестве тридцати шести и четырех присяжных заместителей берутся из числа членов генеральных советов департаментов. Представители народа не могут исполнять этой обязанности.

93. Когда декретом Национального собрания предписан созыв верховного суда или в случае, указанном в 68 параграфе, председатель апелляционного суда, по предложению председателя или одного из судей верховного суда, а в случае отсутствия апелляционного суда, председатель суда первой инстанции в главном городе каждого департамента, в публичном заседании бросает

жребий, чтобы определить имя члена генерального совета, который должен войти в состав коллегии присяжных.

94. В день, назначенный для слушания дела, число присяжных, если оно меньше шестидесяти, пополняется присяжными заместителями, избранными председателем верховного суда по жребию из чис-

ла членов генерального совета того департамента, где заседает верховный суд.

95. Присяжные, не представившие удовлетворительных оправданий своему отсутствию, присуждаются к штрафу в размере от тысячи до десяти тысяч франков и к лишению политических прав на срок, не превышающий пяти лет.

96. Обвиняемый и прокурор, как и при обыкновенном судопроизводстве, имеют право отвода.

97. Решение присяжных, заключающее в себе обвинительный приговор, не может быть принято иначе, как двумя третями голосов.

98. Во всех случаях ответственности министров Национальное собрание может, сообразуясь с обстоятельствами дела, предать обвиняемого министра верховному суду или обыкновенному суду для взыскания с него убытков.

99. Национальное собрание и президент республики могут всегда поручать Государственному совету ревизию действий всякого должностного лица, за исключением действий президента республики. Отчеты ревизии опубликовываются.

100. Президент республики подсуден только верховному суду. За исключением случая, указанного в 68 параграфе, он может быть подвергнут преследованию лишь в том случае, если обвинение против него возбуждено Национальным собранием, и лишь за преступления и проступки, определенные законом.

Глава 9

О вооруженной силе

101. Вооруженная сила существует в государстве для того, чтобы защищать его от внешних врагов, охранять порядок и обеспечивать исполнение законов. В ее состав входит национальная гвардия и военные силы на суше и на море.

102. Все французы отбывают воинскую повинность и состоят в национальной гвардии. Исключения обозначены в законе. Закон о наборе определит, в силу каких обстоятельств каждый гражданин может освободиться от воинской повинности.

103. Формы организации национальной гвардии и устройство армии будут определены законом.

104. Вооруженная сила должна беспрекословно повиноваться. Никто в войске не вправе обсуждать приказаний.

105. Вооруженная сила, предназначенная для поддержания порядка внутри государства, может приступить к действию лишь в силу распоряжения о том со стороны установленных властей и согласно правилам, определенным законодательной властью.

106. Закон определит, в каких случаях может быть объявлено осадное положение, и установит способы и правила, которыми при этом следует руководствоваться.

107. Ни одно иностранное войско не может быть введено на французскую территорию без предварительного на то разрешения Национального собрания.

Глава 10

Предписания частного характера.

108. Орден Почетного Легиона сохраняется; его статуты будут пересмотрены и приведены в согласие с конституцией.

109. Территории Алжира и колоний объявляются французскими территориями и управляются особыми законами, пока специальным законом они не будут подчинены действию настоящей конституции.

110. Национальное собрание поручает охрану настоящей конституции и прав, ею освященных, преданности и патриотизму всех французов.

Глава 11

О пересмотре конституции

111. Если в последний год легислатуры Национальное собрание выразит желание, чтобы конституция была изменена в ее целом или в какой-нибудь ее части, пересмотр производится следующим образом: желание Национального собрания получает свое окончательное выражение в соответственной резолюции лишь после трех совещаний, следовавших друг за другом с промежутками в один месяц. Резолюция действительна, если она принимается тремя четвертями всех поданных голосов. Число вотирующих должно равняться по меньшей мере пятистам. Ревизионное собрание избирается только на три месяца. Оно не вправе заниматься ничем, кроме пересмотра конституции, для которого оно и созвано. Однако, в случае надобности, оно может позаботиться и о необходимых законодательных актах. .

Глава 12

Временные предписания

112. Предписание кодекса законов, законы и правила, до сих пор действовавшие и не противоречащие настоящей конституции, остаются в силе до тех пор, пока они законным порядком не будут отменены.

113. Все ныне существующие в силу закона власти будут продолжать свои функции до обнародования соответственных органических законов.

114. Закон об организации судопроизводства определит особый способ для избрания первого состава новых судебных учреждений.

115. После того, как будет закончено голосование по поводу принятия конституции, Национальное учредительное собрание приступит к редактированию органических законов, которые будут перечислены в специальном законе.

116. Будет приступлено к первому избранию президента республики согласно специальному закону, изданному Национальным собранием 28 октября 1848 г.

**ИЗБРАНИЕ ЛУИ БОНАПАРТА
ПРЕЗИДЕНТОМ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ДЕКАБРЬ 1848 г.
(Извлечение)**

Национальное собрание. Протокол заседания от 20 декабря 1848 г. Председательствует гр. Арман Марра.

Гр-н Вальдек-Руссо, докладчик комиссии по проверке правильности выборов президента республики. ... Граждане народные представители, комиссией установлено, что голоса, поданные на территории республики, распределяются между различными кандидатами следующим образом: Общее количество голосов 7327345.

Из них получили:

Гражданин Шарль-Луи-Наполеон Бонапарт.....	5434226
Кавеньяк.....	1 448 107
Ледрю-Роллен.....	370119
Распайль.....	36920
Ламартин.....	17910
Шангарнье.....	4790
Остальные.....	12 600

ОТМЕНА ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ

31 МАЯ 1850 г.

(Извлечение)

Именем французского народа!

Национальное собрание в срочном порядке приняло следующий закон:

Ст. 1. В ближайшие 30 дней со дня опубликования настоящего закона каждым мэром коммуны, совместно с двумя делегатами, постоянно проживающими в кантоне и указанными мировым судьей, будет составлен список избирателей...

Ст. 2. Список этот будет включать в алфавитном порядке... всех французов старше 21 года, имеющих право пользоваться своими гражданскими и политическими правами, в настоящее время имеющих жительство в кантоне и проживающих в коммуне или кантоне не менее трех лет...

Ст. 3. Срок проживания избирателя будет установлен на основании:

1) списка личного обложения или списка лиц, вносящих натуральный подорожный сбор...

Ст. 8. Не будут внесены в избирательные списки и не могут быть избранными... лица, осужденные за нанесение ущерба общественной и религиозной морали и добрым нравам, а также осужденные за подрыв принципа собственности и прав семьи.

Ст. 9. Не могут быть внесены в избирательные списки в течение пяти лет с момента отбытия ими наказания лица, приговоренные к месячному тюремному заключению и выше за бунтовщичество, нанесение оскорблений или насилие по отношению к представителям власти и общественной силы... осужденные за преступления, предусмотренные законом о сборищах и законом о клубах...

Дан в публичном заседании в Париже 31 мая 1850 г. Председатель и секретари (подписи)

Настоящий закон будет обнародован и к нему будет приложена государственная печать.

Президент Республики Луи-Наполеон Бонапарт.

Хранитель печати, министр юстиции Е. Руэр.

ВОЗЗВАНИЕ ЛУИ БОНАПАРТА К НАРОДУ

2 ДЕКАБРЯ 1851 г.

(Извлечение)

...Итак, я делаю честное воззвание ко всему народу и говорю вам: если вы хотите сохранить это беспокойное состояние, унижающее наше достоинство, компрометирующее наше будущее, то выберите другого на мое место, потому что я не хочу власти, бессильной делать добро, – власти, которая налагает на меня ответственность за действия, предотвратить которые я не в силах, и которая не позволяет мне распоряжаться рулем в то время, когда я вижу, что корабль стремится к гибели...

Я повергаю на ваше голосование следующие главные основания конституции, которые следующие собрания разовьют впоследствии:

1. Ответственный глава избирается на 10 лет.
2. Министры, зависящие единственно от исполнительной власти.
3. Государственный совет, составленный из наиболее отличившихся людей, составляющих законы и поддерживающих их во время прений в Законодательном корпусе.
4. Законодательный корпус, избирающий и вотирующий законы, избранный всеобщей подачей голосов, без открытой подачи голоса, которая извращает выборы.
5. Второе собрание, составленное из знаменитостей страны, – власть уравновешивающая как охрана основного договора и политических вольностей. Эта система, созданная в начале нынешнего века первым консулом, дала уже раз Франции спокойствие и благосостояние, она утвердит их и на этот раз...

**ПРИКАЗ ЛУИ БОНАПАРТА
О РОСПУСКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
2 ДЕКАБРЯ 1851 г.
(Извлечение)**

Именем французского народа!

Президент республики постановляет:

Ст. 1. Национальное собрание распускается.

Ст. 2. Всеобщее избирательное право восстанавливается. Закон 31 мая 1850 г. отменяется.

Ст. 3. Французский народ призывается между 14 и 21 декабря на первичные избирательные собрания.

Ст. 4. Весь округ первой армейской дивизии объявляется на осадном положении.

Ст. 5. Государственный совет распускается.

Ст. 6. Министру внутренних дел поручается привести это постановление в исполнение. Дан в Елисейском дворце

**А.И. Герцен
ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ**

**Письмо девятое
(Извлечение)**

«Пятнадцатого мая сняло с моих глаз повязку, даже места сомнению не осталось – революция побеждена, вслед за нею будет побеждена и республика. Трех полных месяцев не прошло после 24 февраля, «башмаков еще не успели износить»^[167], в которых строили баррикады, а уж Франция напрашивается на рабство, свобода ей тягостна. Она опять совершила шаг для себя, для Европы и опять испугалась, увидевши на деле то, что звала на словах, за что готова была проливать кровь.

Я был пятнадцатого мая с утра до ночи на улице, я видел первую колонну народа, пришедшую к Камере, я видел, как ликующая толпа отправилась из Собрания в ратушу, я видел Барбеса в окно Hôtel de Ville, я видел кровожадную готовность Национальной гвар-

дии начать резню и торжественное шествие победоносного Ламартина и победоносного Ледрю-Роллена из ратуши в Собрание. Спасители отечества, из которых один под рукой помогал движению, а другой кокетничал с монархистами, ехали верхами без шляп, провожаемые благословениями буржуазии. Барбес и его товарищи отправились в то же время, осыпаемые проклятиями, в тюрьму. Собрание победило, монархический принцип победил, часов в девять вечера я пришел домой. Горько мне было. Дома я застал одного горячего республиканца, он тогда заведовал мэрией XII округа.»

«Пятого мая мы приехали в Париж. Он много изменился с октября месяца. Меньше пышности, меньше щегольской чистоты, богатых экипажей – больше народного движения на улицах; в воздухе носилось что-то резкое и возбужденное, со всех сторон веяло девянностыми годами, чувствовалось, что революция вчера пронеслась по этим улицам. Толпы работников окружали своих ораторов под тенью каштанов в тюльерийском саду, деревья свободы на всех перекрестках, часовые в блузах и пальто, косидьеровские монтаньяры с большими красными отворотами и с сильно республиканскими, театрально воинственными лицами[171], расхаживали по улицам, стены были облеплены политическими афишами, из окон Тюльери выглядывали раненые герои баррикад, в больничных шинелях и с трубкой в зубах, на бульварах и больших улицах толпы мальчиков и девочек продавали с криком и с разными шалостями журналы, прокламации; знаменитый крик: «Demandez la grrr-ande colère du Père Duchêne, – un sou! Il est bigrrr-ement en colère, le père Duchêne, – un sou cinq centimes!» («Требуйте стрррашный гнев дядюшки Дюшена, – одно су! Дядюшка Дюшен черрртовски зол, – одно су, пять сантимов!») – раздавался между сотнею новых. Мелкая торговля, отталкиваемая в дальние кварталы и переулки чопорной полицией Дюшателя, рассыпалась по бульварам и Елисейским Полям, придавая им цыганскую пестроту и удвоенную жизнь. При всем этом не было слышно ни о каких беспорядках и середь ночи можно было ходить по всему Парижу с величайшей безопасностью.»

«Национальное собрание, следуя благородной поговорке «charité bien ordonnée», тотчас вотировало своему президенту право призывать Национальную гвардию не только парижскую, но и из департаментов на защиту Собрания. Оно боялось. Трусость – одна из

самых выдающихся сторон его; Собрание чувствовало ложность своего положения, оно видело, что не представляет ни народ, ни революцию, ни даже реакцию, что действительной почвы у него нет; что Париж, народ и роялисты не за него; что за него часть мещан, пресные реакционеры, помешанные на идее внешнего порядка, – и больше никого; что в нем уважают не его, а первый результат всеобщей подачи голосов...

Ламартин явился перед Собранием Временного правительства с отчетом, он вел под руку честного, но выжившего из ума Дюпон-де-Лёра, показывая, что он только подстав преклонного и уважаемого старца. Ламартин говорил своим известным напыщенным слогом; его речи похожи на взбитые сливки: кажется, берешь полную ложку в рот, а выйдет несколько капель молока с сахаром; для меня он несносен на трибуне, французы удивляются ему – стало, он оправдан вполне. Ламартин смирялся перед Собранием, льстил ему, называл его владыкой и самодержцем. Собрание было довольное и предложило вотировать, что Временное правительство заслуживает благодарность отечества; оно терпеть не могло Временного правительства, особенно трех членов его – Ледрю-Роллена, Луи Блана и Альбера, но хотело заплатить за учтивость учтивостью и на почине сказать спасибо правительству за его смиренный вид. Казалось, это пройдет без спора, – вышло не так.

Барбес потребовал речи. Его появление на трибуне сделало сильное впечатление, все ждали с нетерпением, что он скажет; такие люди даром не говорят; Барбес, которого остроумная «Северная пчела» не иначе называет, как «каторжник и убийца», пользуется огромным преимуществом людей, которых твердость и чистота выше всякого подозрения; его убеждения были ненавистны Собранию, его личность, его прошедшее, его известность, его долгие страдания, так героически вынесенные, внушали неловкое, досадное, но непреодолимое уважение. Барбес считал нужным, прежде нежели Собрание покроет своей благодарностью все действия правительства, потребовать у него отчета во многом.

– Я протестую, – говорил он, – против ряда действий, вследствие которых оно лишилось народности. Вы помните руанские – убийства?..

При слове убийства неистовый крик «à l'ordre!»[173] перебил оратора, дальше мещане не могли слушать, кровь убитых ими или их товарищами подымалась им в голову не как угрызение совести, а как ободрение продолжать если не делом, то симпатией, то оправданием. Оратор выждал окончание бури и продолжал, спокойно и гордо глядя на парламентскую чернь:

– Я говорю об убийствах, сделанных Национальной гвардией в Руане.

Снова шум.

– Я напомню вам колонны поляков, белгов, немцев, преданных на истребление. Когда эти вопросы уяснятся, будем благодарить правительство, но не прежде; до тех пор я протестую против этой благодарности во имя народа.

В последних словах лежало много смысла для тех, кто знали авторитет Барбеса на клубы и на весь революционный Париж; но увлеченное Собрание хотело однако наказать смелого республиканца, оно вотировало тотчас и почти единогласно благодарность децемвирам.»

«Пятнадцатое мая было великим протестом Парижа против устарелого притязания законодательных собраний на самодержавие, за которым всегда и везде пряталась монархия, реакция и весь дряхлый общественный порядок. Чего не осмелился сделать Робеспьер 8 термидора, перед чем он, передовой человек революции 93 года, остановился и лучше хотел снести голову на плаху, и снес ее, нежели решился спастись противно своим началам, в силу которых самодержавие принадлежало одному Конвенту, – то сделал парижский народ 15 мая.

Вот отчего консерваторы и либералы на старый лад опрокинулись с такой яростью на Барбеса, Бланки, Собрие, Распаля; вот отчего в этот день Собрание и исполнительная комиссия, ненавидевшие друг друга, бросились друг другу в объятия. Роялисты схватились за оружие для того, чтоб спасти Республику и Национальное собрание. Спасая Собрание, они спасали монархическое начало, спасали безответную власть, спасали конституционный порядок дел, злоупотребление капитала, а наконец и претендентов. По ту сторону виднелась не ламартиновская республика, а республика Бланки, т. е. республика не на словах, а на самом деле; по ту сторону представлялась революционная диктатура как переходное состояние от монархии к республике;

suffrage universel(всеобщее избирательное право), не нелепо и бедно приложенный к одному избранию деспотического Собрания, а ко всей администрации; освобождение человека, коммуны, департамента от подчинения сильному правительству, убеждающему пулями и цепями. Собрание, опертое на Национальную гвардию, победило, но нравственно оно было побеждено 15 мая, оно держится, как все отжившие учреждения, единственно силою штыков и не дошло даже до того, чтоб журналисты говорили об нем без явного презрения.

Для того чтоб сделать понятным пятнадцатое мая и странное положение республики, которая пятится назад с половины апреля, т. е. через семь недель после революции, необходимо бросить взгляд на предшествовавшие обстоятельства, которые потрясли всю Европу. Революция 24 февраля вовсе не была исполнением приготовленного плана; она была гениальным вдохновением парижского народа, она, как Паллада, вышла разом, вооруженная и грозная, из народного негодования; это удар грома, внезапно осуществивший давно скопившиеся, но далеко не зрелые стремления. Февраля двадцать третьего ни Людвиг-Филипп, ни Гизо, ни министры, ни «Реформа», ни «Националь», ни оппозиция, ни даже люди, построившие первые баррикады, не предвидели, чем окончится 24 февраля. Хотели реформы – сделали революцию, хотели прогнать Гизо – прогнали Людовика-Филиппа, хотели провозгласить право банкетов – провозгласили республику; утром мечтали о министерстве Тьера или Одилона Барро, вечером Одилон Барро больше отстал, нежели Гизо.»

«Другого рода протестация порядку вещей слышалась иногда как будто из-под земли... какой-то тяжелый стон раздавался по временам, не в Камере, не в «Национале», не в «Реформе», а в мастерской, у изголовья умирающих от нужды, а иногда в ассизах, – «Gazette des tribunaux» записывала его, не понимая, что делает. На лавке подсудимых часто слышались страшные признания и страшные обвинения безобразному общественному устройству от людей, которые, отправляясь на галеры, в тюрьмы, бросали мрачные слова на прощанье; но кто же их слушал?..

Таково шли дела перед революцией, так застал я их, приехавши в Париж в марте месяце 1847 года.

Не могу вам выразить тяжелого, болезненного чувства, которое овладело мною, когда я несколько присмотрелся к миру, окружавше-

му меня. Мы привыкли с словом «Париж» сопрягать воспоминания великих событий, великих масс, великих людей 1789 и 1793 года; воспоминания колоссальной борьбы за мысль, за права, за человеческое достоинство, – борьбы, продолжавшейся после площади то на поле битвы, то в парламентском прении. Имя Парижа тесно соединено со всеми лучшими упованиями современного человека, я в него въехал с трепетом сердца, с робостью, как некогда въезжали в Иерусалим, в Рим. И что же я нашел – Париж, описанный в ямбах Барбье, в романе Сю, и только. Я был удивлен, огорчен, я был испуган, потому что за тем ничего не оставалось, как сесть в Гавре на корабль и плыть в Нью-Йорк, в Техас. Невидимый Париж тайных обществ, работников, мучеников идеи и мучеников жизни – задвинутый пышными декорациями искусственного покоя и богатства – не существовал для иностранца. Видимый Париж представлял край нравственного растления, душевной усталости, пустоты, мелкости; в обществе царил совершенный безучастие ко всему выходящему из маленького круга пошлых ежедневных вопросов.

У французов среднего состояния мы встречаем, кроме исключений, какое-то образованное невежество, вид образования при совершенном отсутствии его; этот вид обманывает сначала; но вскоре начинаешь разглядывать невероятную узкость понятий, их ум так неприхотлив и так скоро удовлетворяем, что французу достаточно десятка два мыслей, сентенции Вольтера или Шатобриана, Ламартина или Тьера или того и другого вместе, чтоб довольствоваться ими и покойно учредить нравственный быт свой лет на сорок; к этому у него прибавляются практические нравоучения, взятые из подслащенной морали à la Жанлис, кой-какие предания, которые он уважает не рассуждая, и кодекс, которого он боится.

У французов нет потребности идти далее, идти вглубь, никакой смелости мысли, никакой истинной инициативы; они достигают большой ловкости навыком, они рутинисты по преимуществу; все эти *roués* из *roués* Тьеры, Маррасты ничего не понимают в социальном вопросе. Они умны и ловки в своем известном круге, за пределами его – они пошлы и глупы. Посмотрите их возражения – смешно читать; они знают, что социализм враждебная им партия, что ее надобно уничтожить, мастерски подведут *guet-apens*[177], но не поймут, в чем дело. Одна господствующая страсть поглощала все мысли и досуги

среднего состояния – стяжание, нажива, ажиотаж; эта страсть, вместе с национальной скупостью французов, вытравливает в их сердце не только любовь к ближнему, к истине, но уважение к себе. Издание журнала, выбор депутата, голос в Камере – все это было торговым оборотом, едва прикрытым условными фразами. Сила банкиров во всех общественных делах была чрезвычайная; министерство боялось больше всех зол распада с капиталистами.»

«Ропот сделался всеобщ. Министерство соглашалось было дозволить банкет, но уже Одилон Барро думал об отступлении, Тьер решился не идти на него... Видя эту слабость, полиция заперла залу, в которой готовился банкет, Делессер объявлял городу нелепым циркуляром о причинах; министерство сзывало войска и готовилось. Мера эта действительно возмутила Париж, волнение распространилось по всему городу. Правительство, не совсем уверенное в Национальной гвардии, не било сбора, одни муниципалы свирепствовали, как всегда, на улицах; войска собиравшиеся были печальны. Национальная гвардия, созванная наконец, собиралась с криком «да здравствует реформа, долой министерство!» Король решился уступить. Перемена министров успокоила было народ, но люди, видевшие далее, не хотели потерять такой случай, они поняли, что не скоро опять взволнуешь весь Париж и что не скоро найдешь такой повод к восстанию, в котором Национальная гвардия стояла бы заодно с народом. Они устроили знаменитую прогулку по бульварам, которая окончилась залпом у Hôtel des Capucines и баррикадами во всем Париже 24 февраля.

Утром 24 февраля немудрено было понять, что правительство не устоит; напрасно Тьер уступил место Одилону Барро, напрасно Одилон Барро в синих очках верхом ездил на баррикады и сам поздравлял народ с назначением такого славного министерства. Реформы было недостаточно и на баррикадах там-сям поговаривали о республике.

Король отказывался от престола в пользу внука. Бюжо просил дозволения бомбардировать Париж и, не получив его, выругался и вышел вон от короля, надев в дверях шляпу. Эмиль Жирарден шумел в кабинете Людовика-Филиппа, народ приближался к Тюльери, события неслись с страшной быстротою.

Бюро «Реформы» и «Националя» кипели охотниками царствовать. По мере того как народ побеждал, они росли в предприимчиво-

сти. У них тем больше было досуга обдумать и приготовить план, как завладеть движением, чем меньше они участвовали в том, что происходило на площади. Они, отойдя в сторону, предложили себе вопрос, на который не только никто не отвечал, но который еще не был поставлен: «Что же теперь?» «Реформа» хотела провозгласить республику, «Националь» довольствовался регентством, он во имя регентства отправил уже Гарнье-Пажеса в Ратушу, но обойденный обстоятельствами Марраст тотчас согласился на республику и составил свой лист Временного правительства. Лист этот он отправил в «Реформу» для взаимного соглашения, «Реформа» восстала против имени Одилона Барро, который не отличился храбростью в деле банкета XII округа, его вычеркнули и потом согласились в главных лицах. «Реформа» ввела трех своих: Ледрю-Роллена, Флокона и Луи Блана. Король, которому отказал от места Эмиль Жирарден, как будто бы он был фельетонистом в «Прессе», уже садился в карету, и первые колонны народа подступали к Карусельской решетке; а две спасающие отечество редакции продолжали еще толковать об именах, не согласившись решительно ни в чем, кроме в объявлении республики. Они были так заняты лицами, что даже не подумали об афишах; работников не было; Прудон, не принадлежавший ни к какому приходу и пришедший узнать, что делается, в «Реформу», набрал афишку, отпечатал ее и отдал Торэ, который бросился на баррикады отыскивать Альбера, чтоб вместе с ним раздавать афиши.»

«Мари предложил учредить временное правление, основываясь на необходимости взять сильные меры для того, чтоб остановить растущее зло и обуздать безначалие. Эту речь, диктованную страхом и желанием занять место в правительстве, вменили Мари в достоинство; кровь еще текла по улицам, а благоразумные люди принимали уж меры против победителей и составляли правительство. Одилон Барро отстаивал регентство. Ларошжаклен иронически заметил, что рассуждать о регентстве вовсе не дело Камеры, что вообще депутаты «теперь ничего не значат, совершенно ничего». Эта выходка взбесила центры, они думали, что трон может упасть, а они-таки останутся на своих местах. Созе сделал замечание оратору – это был его последний *gappel à l'ordre!*[187] Он вскоре вовсе пропал, прочитавши, впрочем, народу параграф устава, которым запрещается говорить посторонним в Камере. Новые толпы взошли и середь елейной речи Ламартина;

они были с баррикад, вооруженные и готовые на все. Кто-то прицелился из ружья в Созе, Созе спрятался за трибуну и с тех пор исчез из парламентской истории.

После энергичической речи Ледрю-Роллена, при шуме и крике прибывающей толпы, привели старика Дюпен-де-Лёра и заставили его провозглашать имена Временного правительства. Народ подтверждал криком, *par acclamation.*»

«Ламартин и люди «Националя» были испуганы успехом. Они привыкли к мелкой парламентской оппозиции, к безопасно революционным тостам на банкетах, к удали журнальных статей и к бескровному задору красноречивых ответов с бокалом в руке – а вдруг победили королевство, сели на трон. Они никогда не уважали себя настолько, чтоб считать себя достойными победы. Первая мысль, пришедшая им в голову, была против революции. Они хотели обуздать народ, они хотели скорее порядка, скорее выйти из революционного состояния – зачем они торопились? Затем, что чувствовали слабость своих плеч, затем, что в них было чисто буржуазное, оскорбительное недоверие к народу. А между тем народ вел себя эти дни удивительно. Я не стану повторять пошлые похвалы за то, что не крали в Тюльери, ни хвалить глупцов, которые расстреляли каких-то бедняков за то, что они взяли что-то из королевских вещей – регуловские черты буржуазной добродетели меня не трогают, – но нельзя не упомянуть о порядке во всем городе, о безопасности для людей, известных народу, банкиров, судей, полицейских... Вместо спасибо этому народу люди, втеснившие себя в правительство, расточая ему лесть, убаюкивая его, как льва, втайне ковали ему оковы, заменяя на них королевский штемпель словом «республика» с ее громовым девизом. Действительные участники движения были в Ратуше. Они, не успев перевести духа после битвы, собирались в этом Эскуриале революций с той же целью – избрать правительство, как вдруг разнесся слух, что правительство выбрано в Камере и идет к ним, сопровождаемое толпами народа. Никто не спросил – кем выбрано, когда, по какому праву?.. Все торопились узнать имена новых господ. Из этого ясно, что демократическая партия была незрела, что у ней не было ничего готового, что народ вообще до такой степени привык быть управляем другими, что сейчас удовольствовался правителями, взятыми в рядах парламентской и журнальной оппозиции, не сообразив, что край бур-

жуазного радикализма против Гизо становился ретроградным в отношении к социализму и пролетариату.»

«Передовые люди баррикад, члены общества des droits de l'homme(прав человека) были недовольны; баррикады еще стояли 25 февраля, и к ним подвезли пушки; на баррикадах, на общественных зданиях развевалось красное знамя. Мрачные толпы народа были с раннего утра на площади Hôtel de Ville, они как будто спохватились, что вчера упустили из рук победу. Но за ночь Временное правительство окрепло, и Ламартин – как вы знаете, – подвергая свою жизнь опасности, отстоял трехцветное знамя. Знамя народа, знамя, водруженное под пулями, знамя демократии, республики грядущей, было отринуто; знамя прошедшей республики, перешедшей в империю, знамя Наполеона, обидное для всей Европы, обгащенное кровью всех народов, знамя, семнадцать лет осенявшее лавочку Людовика-Филиппа, знамя, из-под которого стреляли муниципалы в народ, знамя буржуазии – было принято хоругвией новой республики. Новая республика объявляла себя мещанскою, она не разрывалась с прошедшим и, следовательно, необходимо должна была встретиться с республикой ожидаемой, и встретиться злее, нежели монархия, потому что между монархией и социализмом именно стояла еще политическая, формальная республика. Как только буржуазия узнала о трехцветном знамени, лавки открылись, у нее отлегло на сердце. За эту уступку и она с своей стороны делала не меньшую – она соглашалась признать республику!»

А.И. Герцен
ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ

Письмо десятое
(Извлечение)

Париж, 1 сентября 1848 г.

«Усталый народ примет всякого с рукоплесканием, ему хочется сколько-нибудь покоя, он все на жертву принес в июньские дни и все утратил, он хочет залечить раны, оплакать жертвы и заработать кусок

хлеба. Бедный героический народ, в какие предательские руки ни попались бы судьбы его – из моей груди он не услышит упрека.

Если б вы видели, какой он стал грустный, печальный после июньских дней. По улицам ходить страшно; там, где кипела жизнь, где громкая «Марсельеза» раздавалась среди других песен с утра до ночи, там теперь тишина – разносчик газет не смеет кричать, бледный блузник сидит перед дверью пригорюнившись, женщина в слезах возле него, они разговаривают вполслуха, осматриваясь. К ночи все исчезает, улица пуста, и мрачный патруль подозрительно обходит свой квартал с заряженными ружьями; блуза почти исчезла на бульварах, Национальная гвардия пыталась ее не пускать в тюльерийский сад, так, как это было при Людовике-Филиппе. Народ терпит – он побежден и знает своего победителя; он знает, что мещанин ни перед чем не остановится, что казаки и кроаты в сравнении с буржуазией – агнцы кротости, когда она победоносна, когда она защищает права капитала, неприкосновенность собственности. Народ терпит, но в душе его собирается мрачная злоба, тоска; невыносимость положения до того велика, что толпы работников просят в Алжир; а вы знаете, что нет народа, который бы имел больше нелюбви к переселению, как французы.

Никогда террор 93 года не доходил до того, до чего дошел террор теперь. Не говоря уже о том, что характер, обстановка, причины – все разное, я держусь за материальный факт насилия и меру его. Много голов пало на гильотине, много невинных, в этом нет сомнения, мы знаем их поименно.»

«Какой страшный урок это трехмесячное осадное положение! Вот вам Франция, так любящая свободу, страна пропаганды, революции... она всего лишена, жизнь остановлена в самом сердце; у Парижа завязан рот, связаны руки, он лишен права собираться в клубах, коварный закон, позволяя, убил его, он лишен свободы книгопечатания, его дети отправляются сотнями на понтоны – и все это для спасения общества, pour le salut public(для общественного блага)... Если б это было так, то пропадай государство, которое надобно спасать такими средствами, пусть оно гибнет, туда ему и дорога. Народ не погибнет с государством, хуже ему не может сделаться; погибнут нелепые учреждения; погибнут те, которые из республиканских форм

умели сделать казарменный деспотизм и покорились ему, лишь бы погубить работника – чего же их жалеть!»

«Жалкие, дрянные люди! Передо мною теперь лежит страшная книга, «донесение» следственной комиссии о 15 мае и об июньских днях. В этом болоте грязи, ябеды и доносов потонули децемвиры республики 48 года. Посмотрите на этих гордых республиканцев, так смело вышедших из рядов граждан, чтоб сделаться правителями, посмотрите, как они теперь жалко торопятся делать доносы в свою очистку, как они боятся того, чем хвастались несколько месяцев. Частные разговоры, дружеские излияния – все предано, даже жесты не забыты. Ирония, ирония! Ретроградное Собрание хотело отомстить республиканцам и с злою насмешкой назначило председателем следственной комиссии Одилона Барро, и этот тупорожденный либерал времен Реставрации, обойденный, выброшенный революцией 24 февраля, важно развалясь на президентских креслах, позвал к ответу Ламартина и его товарищей, и Ламартин, как ученик, пойманный гувернером и желающий оправдаться, боясь, что поставят на горох, начал битой фразой из хрестоматии и кончил доносом, что у них во Временном правительстве не было ладу... И никто из этих господ не смел сказать, что они отводят такого следователя, открытого врага республики, министра Людовика-Филиппа, и никто не пожалел революции 24 февраля. Вместо того чтоб ужаснуться посягательству судить ее, они ее притащили перед инквизицией Одилона Барро, они позволили рту Бошара прочесть ей обвинительный вердикт, это ужасно!»

«Революция 24 февраля сделалась слишком нечаянно, это был *coup d'Etat*, 18 брюмер со стороны республиканцев. Во Франции такие перемены бывали часто и удавались, но не надобно забывать, что 18 брюмеры гораздо легче делать в пользу власти, нежели в пользу свободы. Власти надобно только признание, формы, орудия, а свобода ничего не значит, пока не проникла в убеждение, пока не сделалась верой, мыслию, мнением. Республика была сюрпризом для всех, для тех, которые пламенно желали ее, для тех, которые еще пламеннее ее отталкивали. «N'est-ce pas un rêve?»[190] – спросил тронутый Кремьё, после речи, сказанной им адвокатам в первые дни республики. Да, гражданин министр, это был сон, в том-то вся и беда; теперь мы не спим, и уже вы не спросите, сон ли это или нет, – мы сладко спали, но проснулись, как после опиума, – грудь разбита, голова болит, глубо-

кое отвращение к жизни и к людям наполняет душу. Мне все кажется, что король уехал на время, правление без него ослабилось; но вот перед его возвращением слуги говорят громче и начинают процесс февральскому возмущению, точно так, как начинали все остальные политические процессы в Камере пэров. Загулявшая дворня перепугалась, она защищается тем, что она все ждала его, и в самом деле она благоговейно оставила запертыми его дворцы, его сады, его отдельные парки – для кого? – так, по тому чувству, по которому слуга, отпущенный на волю, все-таки считает бывшего барина своим господином.»

«Сверх этого, легальность не может быть обязательна для целого народа; когда он восстает, он носит в себе живой источник справедливости и законности данной минуты, он идет не по параграфу кодекса, а творит новый закон. Народ протестует баррикадами, как 24 февраля; врывается в Собрание, чтоб заявить свое презрение к представительству, выбранному законно по форме, но не имеющему доверия, как 15 мая. В такие минуты народ сознает себя самодержавным и поступает в силу этого сознания. Нелепые преследования за политические движения, особенно во время выборов, после революции, доказывают одно – что республика ложь, пустое слово. К беспорядкам и нарушениям тишины надобно в республиках привыкать, делать нечего; оно же, в сущности, и не беспорядок и не так страшно, как кажется. В монархиях, казармах и тюрьмах несравненно спокойнее, там всякий шум, всякое нарушение дисциплины считается изменой, оскорблением величества, но в этой тишине одно нехорошо – что человек не может быть уверен в том, что с ним будет через час.»

«Свобода мысли, слова у французов скорее благородный каприз, а не истинная потребность, и я так же мало отвечаю за свободу книгопечатания, если овладеют властью демократы, как теперь. Их спасает от продолжительного рабства их подвижная натура. Утратив девять десятых приобретенного кровью, они лет через пятнадцать снова строят баррикады, усеивают трупами улицы, удивляют мир героизмом для того, чтоб опять потерять завоеванное. Этот отроческий, легкомысленный характер, эта политическая *gaminerie* французов, полная отваги и благородства, долго нравилась Европе и увлекала ее, нравилась особенно, пока она сама не смела открыть рта, а исподтишка перемигивалась с Парижем; теперь народы повыросли, в Берлине,

в Вене были баррикады; народы, поднявшие голову после революции 1830 года, уже громко негодовали на французскую реакцию; они отпрянули с досадой от Франции после 24 февраля, которое так много обещало и так ничего не сделало. Еще подобный взрыв и такое падение, и вы увидите – европейские народы отвернутся от Франции и позволят ей бесплодно резаться сколько угодно, не удостоивая ее ни симпатией, ни участием. Это старая басня волка и мальчика, делавшего напрасную тревогу; возмужалое человечество не позволит себя беспрерывно надувать и станет равнодушно смотреть на страну, которая, как русские крестьяне до Годунова, имеет один день свободы в году и триста шестьдесят четыре дня рабства!»

А.И. Герцен
ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ

Письмо тринадцатое
(Извлечение)

Ницца, 1 июня 1851 г.

«Но с июньских дней народ расстается с революционерами именно потому, что остается верен революции. Призрачный мир политики и внешних перестроек тюрьмы вдруг исчез для него и утратил весь интерес свой. Людовик-Наполеон мог десять раз провозгласить себя императором, легитимисты могли выписать своего Шамбора, орлеанисты – короновать графа Парижского, народ не сказал бы ни слова. Трусость династов помешала им успеть. А давно ли этот самый парижский народ бежал за ружьем, оскорбленный приказами Полиньяка, запрещавшими печатать книги, которых он никогда бы не прочел, приказами Дюшателя, запрещавшими банкет, на который его никто не звал, и армии бледнели перед ним и короли бежали? А теперь он сидит и не двигаясь смотрит на гнусности, которыми явно подкапывают все приобретенные им права. Он дал свои три месяца голода, его обманули, он не верит больше в тех, которые оставили его в день его восстания.

Но революция не остановилась. Вместо неосторожных попыток и заговоров работник думает крепкую думу и ищет связи не с цехо-

выми революционерами, не с редакторами журналов, – а с крестьянами. С тех пор как грубая рука полиции заперла клубы и электоральные собрания, трибуна работников перенеслась в деревни. Эта пропаганда неумолима и глубже захватывает, нежели клубная болтовня.

В груди крестьянина собирается тяжелая буря. Он ничего не знает ни о тексте конституции, ни о разделении властей, но он мрачно поглядывает на богатого собственника, на нотариуса, на ростовщика; но он видит, что, сколько ни работай, барыш идет в другие руки, – и слушает работника. Когда он его дослушает и хорошенько поймет, с своей упорной твердостью хлебопашца, с своей основательной прочностью во всяком деле, тогда он сочтет свои силы – а потом сметет с лица земли старое общественное устройство. И это будет настоящая революция народных масс.»

«Как это ни ясно, но горе тому, кто в печальном стану побежденных поднимает такую речь. Маститые революционеры и их ставленники увидят обиду, личность, измену в ней и проглядят трагический характер скорбных признаний, которыми человек отдирает свое сердце от среды, в которой жил, которую любил, но в несвоевременности которой убежден. Они не оценят лиризм иронии и злобы, вырывающийся из груди человека, увидевшего, что он часть жизни шел по ложной дороге и не знает, успеет ли еще своротить на ту, которая его приведет к цели. Они называют «дилетантами» мятежные личности, не разделяющие их воззрения, неучтивыми гостями, которые не хотят делить тяжелой приуготовительной работы, а спокойно пересуживают сделанное.»

«Как ни восставай, как ни досадуй, но мы сами принадлежим по жизни, по привычкам, по языку к той же литературно-ученой и политической среде, от которой мы отрекаемся. Теоретический разрыв наш с нею сделать практическим не в нашей воле, мы слишком далеко зашли в этой жизни, чтоб остановить ее. Мы сняли нашу рясу, как Гафис, посевши в ней, и оттого нам, как Гафису, беспрерывно хочется говорить об этом. Оно и не удивительно. Наше деяние – это именно этот разрыв, и мы остановились на нем, он нам стоил много труда и усилий.»

«Смерть отжившего мира захватит и нас, спастись нельзя, наши испорченные легкие не могут дышать другим воздухом, кроме зараженного. Мы влечемся с ним в неминуемую гибель; она законна,

необходима, мы чувствуем, что нас скоро будет не нужно; но исчезая с ним, но чувствуя роковую необходимость, связавшую нас, мы нанесем ему еще самые злые удары и, погибая в разгроме и хаосе, радостно будем приветствовать новый мир – мир не наш – нашим «Умиряющие приветствуют тебя, Кесарь!»

А.И. Герцен
ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ

Письмо четырнадцатое
(Извлечение)

«Рухнулся наконец этот мир, призрачный, дряхлый, переживший самого себя, мир распадающийся, двуначальный, неоткровенный, дошедший до лжи и смешения всех понятий, как все выживающее из ума, остановившийся на невозможных сочетаниях, на несовместных перемириях, на слабодушных уступках. Все, что он лепил, придумывал, выстроил из прошедшего и выбелил новой краской, все произведения его старческого ребячества – все рассыпалось, как карточный дом; противные сумерки пропали. Нет больше двусмысленных недоговорок, поддерживавших пустые надежды с обеих сторон. Темная ночь, которую ждали, настала, – мы шагом ближе к утру.

Все кончено – представительная республика и конституционная монархия, свобода книгопечатания и неотъемлемые права человека, публичный суд и избранный парламент. Дыхание становится легче, воздух чище; все стало страшно просто, резко...»

«Республиканское издание хартии, сделанное в 1848 году, отличалось от прежних тем, что в него никто не верил, а все употребляли как маску или как щит. Прудон не хотел его вотировать, социалисты презирали его, роялисты ненавидели, республиканцы находили недостаточным и нелепым. Один Людовик-Наполеон присягал ему и был обязан верностью; он-то ему и изменил, но он не изменил своему избранию.

Его избрание, совершенно свободное в 1848, было плебисцитом, которым Франция отрекалась от свободы.

Он исполнил волю народную. Интригант по семейному преданию, он исполнил ее исподтишка, в то время как мог то же сделать открыто. Человека этого ничто не связывало. Иностранец, выросший вне Франции, он не делил ни хороших, ни дурных качеств французов, он их подсматривал и хладнокровно помечал. Постоянно изучая жизнь своего дяди, он в ней не мог найти ничего, кроме беспредельного презрения к французам и к людям вообще. Терять этому человеку было нечего, ожидать всего. Три года присматривался он и рискнул наверное.»

«...Вооруженный коммунизм приподнял слегка, полушутя свою голову в южных департаментах, он едва взял несколько аккордов, но характер своей музыки заявил. Пролетарий будет мерить в ту же меру, в которую ему мерили. Коммунизм пронесется бурно, страшно, кроваво, несправедливо, быстро. Середь грома и молний, при зареве горящих дворцов, на развалинах фабрик и присутственных мест – явятся новые заповеди, крупно набросанные черты нового символа веры.

Они сочетаются на тысячу ладов с историческим бытом; но как бы ни сочетались они, основной тон будет принадлежать социализму; современный государственный быт с своей цивилизацией погибнут – будут, как учтиво выражается Прудон, ликвидированы.

Вам жаль цивилизации?

Жаль ее и мне.

Но ее не жаль массам, которым она ничего не дала, кроме слез, нужды, невежества и унижения.

Смирение перед неотвратимыми судьбами! И твердым шагом взойдем в новый год!»

К. Маркс

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ В 1848 – 1850 гг.

(Извлечение)

«Так как финансовая аристократия издавала законы, управляла государством, распоряжалась всей организованной общественной властью, самим фактом своего господства и посредством печати подчиняла себе общественное мнение, то во всех сферах, начиная от ко-

ролевского двора и кончая café borgne (притонами низшего разряда), царили та же проституция, тот же бесстыдный обман, та же страсть к обогащению не путём производства, а путём ловкого прикармливания уже имеющегося чужого богатства. Именно в верхах буржуазного общества нездоровые и порочные вожделения проявились в той необузданной – на каждом шагу приходящей в столкновение даже с буржуазными законами – форме, в которой порождённое спекуляцией богатство ищет себе удовлетворения сообразно своей природе, так что наслаждение становится распутством, а деньги, грязь и кровь сливаются в один поток. Финансовая аристократия как по способу своего обогащения, так и по характеру своих наслаждений есть не что иное, как возрождение люмпен-пролетариата на верхах буржуазного общества.»

«Наконец, взрыв всеобщего недовольства был ускорен, а ропот вырос в восстание благодаря двум экономическим событиям мирового значения.

Картофельная болезнь и неурожаи 1846 и 1846 гг. усилили всеобщее брожение в народе. В 1847 г. дороговизна вызвала во Франции, как и на всём континенте, кровавые столкновения. Рядом с бесстыдными оргиями финансовой аристократии – борьба народа за необходимые средства к жизни! В Бюзансе казнят участников голодных бунтов 21, а в Париже королевская семья вырывает из рук суда пресыщенных мошенников!

Вторым крупным экономическим событием, ускорившим взрыв революции, был всеобщий торговый и промышленный кризис в Англии. Он был возведён уже осенью 1845 г. массовым банкротством спекулянтов железнодорожными акциями, в 1846 г. его задержал ряд случайных обстоятельств, как, например, предстоявшая отмена хлебных пошлин, осенью 1847 г. он, наконец, разразился в виде банкротств крупных лондонских торговцев колониальными товарами, за которыми немедленно последовали крахи земельных банков и закрытие фабрик в промышленных округах Англии. Ещё не успели на континенте сказаться до конца все последствия этого кризиса, как вспыхнула февральская революция.

Экономическая эпидемия, поразившая торговлю и промышленность, сделала ещё невыносимее самодержавие финансовой аристо-

кратии. Оппозиционная буржуазия подняла во всей Франции кампанию банкетов в пользу избирательной реформы, которая должна была дать ей большинство в палатах и свергнуть министерство биржи. В Париже промышленный кризис повлёк за собой, в частности, ещё одно следствие: массу фабрикантов и оптовых торговцев, которые при сложившихся условиях не могли больше вести свои дела на заграничном рынке...»

«По своему составу временное правительство, возникшее на февральских баррикадах, неизбежно являлось отражением различных партий, которые разделили между собой плоды победы. Оно не могло быть не чем иным, как компромиссом между различными классами, которые совместными усилиями низвергли Июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны. Значительное большинство его состояло из представителей буржуазии. Ледрю-Роллен и Флокон были представителями республиканской мелкой буржуазии, республиканская буржуазия была представлена людьми из «National» 22, династическая оппозиция – Кремьё, Дюпон де л'Эром и другими. Рабочий класс имел только двух представителей: Луи Блана и Альбера.»

«Если Париж благодаря политической централизации господствует над Францией, то рабочие в моменты революционных потрясений господствуют над Парижем. Первым шагом временного правительства была попытка избавиться от этого подавляющего влияния путём апелляции от опьянённого победой Парижа к трезвой Франции. Ламартин оспаривал у бойцов баррикад право провозгласить республику. Это, говорил он, может сделать лишь большинство французской нации, надо выждать её голосования, парижский пролетариат не должен запятнать свою победу узурпацией. Буржуазия разрешает пролетариату только одну узурпацию – узурпацию борьбы.»

В полдень 25 февраля республика ещё не была провозглашена, зато все министерские портфели были уже распределены как между буржуазными элементами временного правительства, так и между генералами, банкирами и адвокатами, группировавшимися вокруг «National». Но рабочие решили не допускать на этот раз такого надувательства, как в июле 1830 года. Они готовы были возобновить борьбу и добиться республики силой оружия.»

«С провозглашением республики на основе всеобщего избирательного права исчезло и самое воспоминание о тех ограниченных целях и мотивах, которые толкнули буржуазию на февральскую революцию. Вместо немногих отдельных фракций буржуазии все классы французского общества вдруг были привлечены к участию в политической власти, принуждены были оставить ложи, партер и галерею и выйти на революционную сцену в качестве действующих лиц. Вместе с конституционной монархией исчезла и кажущаяся независимость государства, противопоставляющего себя буржуазному обществу, а с ней исчезли и все второстепенные столкновения, вызываемые этой фикцией!»

«Подобно тому как в июльские дни рабочие завоевали буржуазную монархию, так в февральские дни они завоевали буржуазную республику. Подобно тому как Июльская монархия принуждена была объявить себя монархией, обставленной республиканскими учреждениями, так февральская республика принуждена была объявить себя республикой, обставленной социальными учреждениями. Парижский пролетариат вырвал и эту уступку.»

«Рабочие сделали февральскую революцию совместно с буржуазией; теперь они старались отстоять свои интересы рядом с буржуазией, ведь посадили же они в самом временном правительстве рядом с буржуазным большинством одного рабочего.»

«Борьба против капитала в её развитой, современной форме, в её кульминационной фазе, борьба промышленного наёмного рабочего против промышленного буржуа, является во Франции не повсеместным фактом. После февральских дней она тем менее могла служить общенациональным содержанием революции, что борьба против второстепенных способов капиталистической эксплуатации – борьба крестьянина против ростовщичества и ипотеки, борьба мелкого буржуа против крупного торговца, банкира и фабриканта, одним словом, против банкротства – была ещё скрыта под оболочкой общего восстания против финансовой аристократии. Неудивительно поэтому, что парижский пролетариат старался отстаивать свои интересы наряду с буржуазными интересами вместо того, чтобы выдвигать их в качестве революционного интереса самого общества; неудивительно, что он склонил красное знамя перед трёхцветным. Французские рабочие не могли двинуться ни на шаг вперёд, не могли ни на волос затронуть

буржуазный строй, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их прикнуться к пролетариям как к своим передовым борцам.»

«Республика не встретила никакого сопротивления ни извне, ни внутри. Это её обезоружило. Её задачей было теперь уже не революционное переустройство мира, а лишь своё собственное приспособление к условиям буржуазного общества. С каким фанатизмом временное правительство принялось за выполнение этой задачи, лучше всего показывают его финансовые мероприятия.»

«Февральская революция непосредственно угрожала не только господству банка, но и самому его существованию, поэтому он с самого начала старался дискредитировать республику, сделав некредитоспособность всеобщей. Он внезапно закрыл кредит банкирам, фабрикантам и купцам. Не вызвав немедленной контрреволюции, этот манёвр неизбежно нанёс обратный удар по самому банку. Капиталисты взяли назад свои деньги, хранившиеся в подвалах банка. Владельцы банкнот бросились к кассе банка, чтобы обменять их на золото и серебро.»

«В то время как революция 1789 г. начала с того, что освободила крестьян от бремени феодальных повинностей, революция 1848 г., чтобы не повредить капиталу и обеспечить ход его государственной машины, первым делом преподнесла сельскому населению новый налог.

Только одним путём временное правительство могло устранить все эти затруднения и выбить государство из его старой колеи, а именно объявлением государственного банкротства.»

«Февральская революция выбросила армию вон из Парижа. Национальная гвардия, т. е. различные слои буржуазии, составляла единственную военную силу, но она не чувствовала себя достаточно крепкой для того, чтобы справиться с пролетариатом. К тому же она была вынуждена, хотя и после упорнейшего сопротивления, после сотни всяческих помех, мало-помалу, частично, открыть доступ в свои ряды вооружённым пролетариям. Таким образом, оставался только один исход: противопоставить одну часть пролетариев другой.

С этой целью временное правительство образовало 24 батальона мобильной гвардии из молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет, по

тысяче человек в каждом батальоне. Они принадлежали большей частью к люмпен-пролетариату, который имеется во всех больших городах и резко отличается от промышленного пролетариата.»

«Таким образом, в предстоявшей схватке между буржуазией и пролетариатом все преимущества, все решающие позиции, все средние слои общества были в руках буржуазии. А в это самое время волны февральской революции высоко вздымались над континентом, каждая очередная почта приносила всё новые революционные вести, то из Италии, то из Германии, то с крайнего юго-востока Европы и поддерживала всеобщее упоение народа, непрерывно принося ему новые доказательства победы, плоды которой уже ускользали из его рук.

17 марта и 16 апреля были первыми стычками в великой классовой борьбе, которая скрывалась под покровом буржуазной республики.»

«В Учредительном национальном собрании, открывшемся 4 мая, преобладали буржуазные республиканцы, республиканцы «National». Даже легитимисты и орлеанисты сначала осмеливались выступать лишь под маской буржуазного республиканизма. Только во имя республики можно было начать борьбу против пролетариата.

С 4 мая, а не с 25 февраля надо считать начало республики, т. е. республики, признанной французским народом; это не та республика, которую парижский пролетариат навязал временному правительству, не республика с социальными учреждениями, не та мечта, которая носилась перед бойцами баррикад. Провозглашённая Национальным собранием единственно законная республика была не революционным оружием против буржуазного строя, а, напротив, его политической реконструкцией, заново политически укреплявшей буржуазное общество,— одним словом, буржуазной республикой. Это утверждение раздалось с трибуны Национального собрания и нашло себе отклик во всей республиканской и антиреспубликанской буржуазной прессе. И мы видели, что февральская республика действительно не была и не могла быть ничем иным, как буржуазной республикой, но что под непосредственным давлением пролетариата временное правительство принуждено было объявить её республикой с социальными учреждениями; что парижский пролетариат не был ещё в состоянии выйти из рамок буржуазной республики иначе, как в своих представ-

лениях, в воображении, и что он повсюду действовал в её пользу, когда дело доходило до действий; что данные ему обещания сделались невыносимой опасностью для новой республики и что всё существование временного правительства свелось к беспрестанной борьбе против требований пролетариата.»

«У рабочих не было выбора: они должны были или умереть с голоду или начать борьбу. Они ответили 22 июня грандиозным восстанием – первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение буржуазного строя. Покрывало, окутывавшее республику, было разорвано.

Известно, с каким беспримерным мужеством и искусством рабочие, не имея вождей, не имея общего плана действий, не имея средств, большей частью нуждаясь в оружии, целых пять дней держали в напряжении армию, мобилей, парижскую национальную гвардию и прибывших из провинции национальных гвардейцев. Известно, что буржуазия отомстила за пережитый ею смертельный страх неслыханными жестокостями и перебила свыше 3 000 пленных.»

«Февральская революция была красивой революцией, революцией всеобщих симпатий, ибо противоречия, резко выступившие в тот момент против королевской власти, ещё дремали мирно, рядышком, находясь в неразвитом виде, ибо социальная борьба, составлявшая их подоплёку, достигла пока лишь призрачного существования, существования фразы, слова. Июньская революция, напротив, – революция отвратительная, отталкивающая, потому что на место фразы выступило дело, потому что республика обнажила голову самого чудовища, сбив с него защищавшую и скрывавшую его корону.»

«Буржуазия принудила парижский пролетариат к июньскому восстанию. Уже одно это обстоятельство осудило его на неудачу. Не непосредственная, осознанная потребность толкнула пролетариат на эту попытку насильственного низвержения буржуазии; да он ещё и не был в силах справиться с этой задачей. «Moniteur» должен был официально заявить ему, что прошло время, когда республика находила нужным считаться с его иллюзиями, и только поражение его открыло ему ту истину, что малейшее улучшение его положения в рамках буржуазной республики остаётся утопией и что эта утопия становится преступлением при первой попытке осуществить её.»

«Наконец, победы Священного союза привели к таким изменениям в Европе, которые дают основание предполагать, что всякое новое пролетарское восстание во Франции неминуемо повлечёт за собой мировую войну. Новая французская революция принуждена будет сейчас же выйти за национальные рамки и завоевать себе европейскую арену, на которой только и может быть осуществлена социальная революция XIX века.

Итак, только июньское поражение создало все те условия, при которых Франция может взять на себя инициативу европейской революции. Только окунувшись в кровь июньских инсургентов, трёхцветное знамя превратилось в знамя европейской революции – в красное знамя!

И мы восклицаем: Революция умерла, да здравствует революция!»

«25 февраля 1848 г. дало Франции республику, 25 июня навязало ей революцию. А после июня революция означала: ниспровержение буржуазного общества, тогда как до февраля она означала: ниспровержение государственной формы.

Июньской борьбой руководила республиканская фракция буржуазии, победа естественно отдала власть в её руки. Осадное положение повергло к её стопам связанный по рукам и ногам, не способный к сопротивлению Париж, а в провинциях царил дух осадного положения, грозная и грубая заносчивость торжествующей победу буржуазии и разнузданный собственнический фанатизм крестьян.»

«Таким образом, после того как республиканские представители буржуазии в Национальном собрании давно уже оттолкнули от себя демократических представителей мелкой буржуазии, этот парламентский разрыв получил буржуазный, реально-экономический смысл: мелкие буржуа-должники отданы были на произвол буржуа-кредиторов. Большая часть этих должников совершенно разорилась, остальным дозволено было продолжать свои дела при условиях, которые означали их полное закабаление капиталом. 22 августа 1848 г. Национальное собрание отвергло *concordats à l'amiable*, а 19 сентября 1848 г., в самый разгар осадного положения, принц Луи Бонапарт и венсенский узник, коммунист Распайль, были выбраны представителями Парижа. Буржуазия же выбрала еврея-банкира и орлеаниста Фульда. Итак, со всех сторон сразу была объявлена открытая война

Учредительному национальному собранию, буржуазному республиканизму и Кавеньяку.

Само собой понятно, что массовые банкротства парижских мелких буржуа должны были затронуть гораздо более широкий круг лиц, чем непосредственно потерпевшие, и снова потрясти буржуазный товарооборот, между тем как издержки, вызванные июньским восстанием, ещё более увеличили государственный дефицит, а государственные доходы всё падали вследствие застоя в производстве, сокращения потребления и ввоза. Кавеньяк и Национальное собрание могли искать выход только в новом займе, который ещё туже стягивал над ними ярмо финансовой аристократии.»

«Учредительное собрание, которое фактически поставило революционный пролетариат *hors la loi*, вне закона, должно было принципиально выкинуть его формулу из конституции, из этого закона законов, и предать анафеме «право на труд». Но на этом оно не остановилось. Как Платон из своей республики изгнал поэтов, так оно на вечные времена изгнало из своей республики прогрессивный подоходный налог. А между тем этот налог не только является вполне буржуазной мерой, осуществимой в большем или меньшем масштабе в рамках существующих производственных отношений, – он был единственным средством привязать средние слои буржуазного общества к «добропорядочной» республике, уменьшить государственный долг и дать отпор антиреспубликанскому большинству буржуазии.»

«10 декабря 1848 г. было днём крестьянского восстания. Лишь с этого дня начался февраль для французских крестьян. Символ, выразивший их вступление в революционное движение, неуклюже-лукавый, плутовато-наивный, несуразно-возвышенный, расчётливое суеверие, патетический фарс, гениально-нелепый анахронизм, озорная шутка всемирной истории, непонятный иероглиф для цивилизованного ума, – этот символ явно носил печать того класса, который является представителем варварства внутри цивилизации. Республика заявила ему о своём существовании фигурой сборщика налогов, он заявил ей о своём существовании фигурой императора. Наполеон был единственным человеком, в котором нашли себе исчерпывающее выражение интересы и фантазия новообразованного в 1789 г. крестьянского класса.»

«Вспомним, что для крестьян Луи Бонапарт означал: долой налоги! Шесть дней сидел он на президентском кресле, а на седьмой, 27 декабря, его министерство предложило сохранить налог на соль, отменённый декретом временного правительства. Налог на соль делит с налогом на вино привилегию быть козлом отпущения старой финансовой системы Франции, в особенности в глазах сельского населения. Крестьянскому избраннику министерство Барро не могло подсказать более едкой эпиграммы на его избирателей, чем слова: восстановление налога на соль. С налогом на соль Бонапарт потерял свою революционную соль, – Наполеон крестьянского восстания растаял, как туманный призрак, осталась только загадочная фигура в роялистской интриге буржуазии. И не без умысла министерство Барро сделало этот бестактный акт грубого разрушения иллюзий первым правительственным актом президента.

Со своей стороны, Конституанта с радостью ухватилась за возможность одновременно свергнуть министерство и выступить против крестьянского избранника в роли защитницы крестьянских интересов.»

«Таким образом, 29 января пришли в столкновение не президент и Национальное собрание одной и той же республики, а, с одной стороны, Национальное собрание устанавливающейся республики, с другой – президент уже установленной республики, две власти, воплощавшие два совершенно различных периода в жизненном процессе республики. В одном лагере стояла небольшая фракция республиканской буржуазии, которая одна могла провозгласить республику, путём уличной борьбы и террора вырвать её из рук революционного пролетариата и наметить в конституции идеальные черты этой республики; в другом – вся роялистская масса буржуазии, которая одна могла господствовать в этой уже учреждённой буржуазной республике, могла сорвать с конституции её идеологический наряд и с помощью своего законодательства и своей администрации осуществить в действительности необходимые условия для порабощения пролетариата.

Гроза, разразившаяся 29 января, подготовлялась в продолжение всего месяца. Конституанта хотела своим вотумом недоверия принудить министерство Барро уйти в отставку. Но в ответ на это министерство Барро, со своей стороны, предложило Конституанте выра-

зять себе самой окончательное недоверие, приговорить себя к самоубийству, декретировать свой собственный роспуск. По наущению министерства, Рато, один из самых незначительных депутатов, внёс 6 января это предложение в Конституанту, ту самую Конституанту, которая уже в августе постановила не распускать себя, пока не издаст целого ряда органических, дополняющих конституцию законов. Сторонник министерства, Фульд, заявил ей без обиняков, что её роспуск необходим «для восстановления расшатанного кредита».

«21 марта в порядке дня Национального собрания стоял законопроект Фоше, направленный против права союзов: насильственное закрытие клубов. Статья 8 конституции гарантирует всем французам право союзов. Запрещение клубов было, следовательно, явным нарушением конституции, и самой Конституанте предстояло санкционировать осквернение своей святыни. Но ведь клубы были сборными пунктами революционного пролетариата, ареной его конспиративной деятельности. Само Национальное собрание воспретило коалиции рабочих против своих буржуа.»

«В первых числах марта началась избирательная кампания для выборов в Законодательное национальное собрание. Две основные группы выступали друг против друга: партия порядка и демократически-социалистическая, или красная, партия; между ними стояли «друзья конституции», – под этим именем трёхцветные республиканцы «National» пытались представить особую партию. Партия порядка образовалась сейчас же после июньских дней, но только после того, как 10 декабря позволило ей оттолкнуть от себя клику «National», клику буржуазных республиканцев, раскрылась тайна её существования – коалиция орлеанистов и легитимистов в одну партию. Буржуазный класс распадался на две большие фракции, которые попеременно обладали монополией власти: крупные землевладельцы – в период Реставрации, финансовая аристократия и промышленная буржуазия – в период Июльской монархии. Бурбон – таково было королевское имя для преобладающего влияния интересов одной фракции; Орлеан – королевское имя для преобладающего влияния интересов другой фракции; только в безымянном царстве республики обе фракции могли отстаивать свои общие классовые интересы, стоя на равных началах у власти, не прекращая в то же время своего соперничества.»

«Значительная часть крестьян, а также и ряд провинций были революционизированы. Они не только разочаровались в Наполеоне, – партия красных сулила им вместо имени содержание, вместо иллюзорной свободы от налогов – возвращение уплаченного легитимистам миллиарда, урегулирование ипотек и уничтожение ростовщичества.

Даже армия была заражена революционной лихорадкой. Голосуя за Бонапарта, она голосовала за победу, а он принёс ей поражение. Она голосовала в его лице за маленького капрала, за которым скрывается великий полководец революции, а он вернул ей важных генералов, за которыми скрывается заурядный капрал.»

«20 декабря существовала лишь одна половина учреждённой буржуазной республики – президент, 28 мая она была дополнена другой половиной – Законодательным собранием.

В июне 1848 г. учреждающаяся буржуазная республика была отмечена в метрической книге истории беспримерной битвой против пролетариата; в июне 1849 г. учреждённая буржуазная республика была отмечена в этой книге невыразимой комедией, разыгранной ею с мелкой буржуазией. Июнь 1849 г. был Немезидой, мстившей за июнь 1848 года. В июне 1849 г. не рабочие были побеждены, а сокрушены были мелкие буржуа, стоявшие между рабочими и революцией. Июнь 1849 г. был не кровавой трагедией, разыгранной между наёмным трудом и капиталом, а жалкой, чреватой тюремным заключением пьесой, разыгранной должником и кредитором. Партия порядка победила, она стала всемогуща, – она должна была показать теперь свою сущность.»

«Законодательное национальное собрание означало завершение создания конституционной республики, т. е. республиканской формы государства, в которой конституировано господство буржуазного класса, стало быть, совместное господство обеих больших роялистских фракций, представляющих в совокупности французскую буржуазию, объединённых легитимистов и орлеанистов, господство партии порядка. В то время как Французская республика сделалась, таким образом, собственностью коалиции роялистских партий, европейская коалиция контрреволюционных держав предприняла всеобщий крестовый поход против последних убежищ мартовских резолюций.»

«После вотума Национального собрания от 11 июня произошло свидание нескольких членов Горы с делегатами тайных рабочих об-

ществ. Последние настаивали на том, чтобы начать восстание в тот же вечер. Гора решительно отвергла этот план. Она ни за что не хотела выпустить из своих рук руководство движением; к своим союзникам она относилась с таким же подозрением, как и к своим врагам, и она была права. Воспоминание об июне 1848 г. никогда ещё так живо не волновало ряды парижского пролетариата. Тем не менее он был связан союзом с Горой. Она представляла в парламенте большинство департаментов, она преувеличивала своё влияние в армии, она располагала демократической частью национальной гвардии, наконец, она имела моральную поддержку лавочников. Начать восстание в этот момент вопреки воле Горы – это значило для пролетариата, ряды которого к тому же поредели от холеры и от безработицы, разогнавшей значительную массу его из Парижа, бесполезно повторить июньские дни 1848 г. при отсутствии той ситуации, которая толкала его тогда на отчаянную борьбу. Рабочие делегаты сделали то, что единственно было разумно. Они обязали Гору скомпрометировать себя, т. е. выйти из границ парламентской борьбы, в случае если её обвинительный акт будет отвергнут. В продолжение всего 13 июня пролетариат занимал ту же скептически-наблюдательную позицию и выжидал серьёзной, бесповоротной схватки между демократической национальной гвардией и армией, чтобы броситься тогда в борьбу и толкнуть революцию дальше навязанной ей мелкобуржуазной цели. На случай победы уже была организована пролетарская коммуна, которая должна была действовать рядом с официальным правительством. Парижских рабочих научила кровавая июньская школа 1848 года»

«Конституционной прокламации Горы соответствовала так называемая мирная демонстрация, устроенная 13 июня мелкими буржуа. Это была уличная процессия от Шато-д'О по бульварам; 30 000 человек, большей частью национальные гвардейцы, без оружия, смешавшись с членами тайных рабочих секций, шли по бульварам с криками: «Да здравствует конституция!». Сами демонстранты выкрикивали этот лозунг механически, холодно, не от чистого сердца, и вместо того, чтобы усиливаться до громовых раскатов, эти возгласы находили иронический отклик у народа, толпившегося на тротуарах... Известно, что процессия, дойдя до угла улицы де ла Пе и бульваров, встретила вовсе не парламентский приём со стороны драгунов и стрелков Шангарнье и что участники в один миг рассыпались во все

стороны и лишь на бегу издавали слабые крики «к оружию!» во исполнение парламентского призыва 11 июня к восстанию.»

«Если 23 июня 1848 г. было днём восстания революционного пролетариата, то 13 июня 1849 г. было днём восстания демократических мелких буржуа; каждое из этих двух восстаний было классически чистым выражением того класса, который его поднял.

Только в Лионе дело дошло до упорного, кровавого столкновения. Здесь промышленная буржуазия и промышленный пролетариат стоят непосредственно лицом к лицу, рабочее движение не включено, как в Париже, в рамки всеобщего движения и им не определяется; поэтому 13 июня потеряло здесь в своём отражении свой первоначальный характер. В остальных местах провинции, где 13 июня нашло отклик, оно ничего не зажгло, – это была холодная молния.

13 июня закончился первый период жизни конституционной республики, которая начала своё нормальное существование 28 мая 1849 г., с открытием Законодательного собрания. Весь этот пролог заполнен шумной борьбой между партией порядка и Горой, между буржуазией и мелкой буржуазией; мелкая буржуазия тщетно сопротивлялась установлению буржуазной республики, в пользу которой сама же беспрерывно конспирировала во временном правительстве и в Исполнительной комиссии, за которую сама же с ожесточением билась против пролетариата в июньские дни. День 13 июня сломил её сопротивление и сделал законодательную диктатуру объединённых роялистов свершившимся фактом. С этого момента Национальное собрание становится лишь комитетом общественного спасения партии порядка.»

«Одновременно с её парламентской силой у демократической мелкой буржуазии отнята была также её вооружённая сила; были распущены парижская артиллерия и 8-й, 9-й и 12-й легионы национальной гвардии. Напротив, легион финансовой аристократии, 13 июня напавший на типографии Буле и Ру, разбивший типографские станки, разгромивший редакции республиканских газет и незаконно арестовавший их редакторов, наборщиков, печатников, экспедиторов, рассыльных, получил поощрение с трибуны Национального собрания. По всей Франции повторился этот роспуск заподозренных в республиканизме национальных гвардейцев.

Новый закон о печати, новый закон о союзах, новый закон об осадном положении, переполнение парижских тюрем, изгнание политических эмигрантов, приостановка выпуска всех газет, идущих дальше «National», подчинение Лиона и пяти соседних департаментов грубому деспотизму солдатчины, вездесущий прокурорский надзор, новая чистка столько раз уже чищенной армии чиновников – вот неизбежные, постоянно повторяющиеся трафаретные приёмы победоносной реакции, достойные упоминания после июньской бойни и июньских ссылок только потому, что на этот раз они были направлены не только против Парижа, но и против департаментов, не только против пролетариата, но прежде всего против средних классов.»

«По мере того как становились невозможными открытые клубы, получали большее распространение и усиливались тайные общества. Производительные товарищества рабочих, с которыми мирились как с чисто коммерческими обществами и которые не имели никакого экономического значения, в политическом отношении сыграли для пролетариата роль связующих звеньев. 13 июня снесло официальную верхушку различных полуреволюционных партий, зато у уцелевших масс выросла своя голова на плечах. Рыцари порядка сеяли страх, предсказывая ужасы красной республики, но подлые зверства и гиперборейские ужасы победоносной контрреволюции в Венгрии, в Бадене, в Риме добела омыли «красную республику». И недовольные промежуточные классы французского общества начали предпочитать посулы красной республики с её проблематическими ужасами ужасам красной монархии с её фактической безнадёжностью.»

«Наполеон Бонапарт был достаточно непочтителен, чтобы соединить в одно предложение возвращение изгнанных королевских фамилий и амнистию июньским инсургентам. Негодование большинства тотчас же заставило его взять назад это кощунственное сочетание святого и нечестивого, королевской породы и пролетарского исчадия, неподвижных звёзд общества и его блуждающих болотных огоньков, и отвести должное место каждому из двух предложений. Большинство энергично отвергло проект призвания в страну королевских фамилий, и Берье, Демосфен легитимистов, не оставил никаких сомнений насчёт значения этого вотума.»

«С 1 ноября 1849 г. начинается третий период в жизни конституционной республики, заканчивающийся 10 марта 1850 года.

Начинается обычная игра конституционных учреждений, которой так восхищается Гизо, т. е. раздоры между исполнительной и законодательной властью. Но это не всё. Против реставраторских вождельных объединённых орлеанистов и легитимистов Бонапарт защищает юридическое основание своей фактической власти – республику; против реставраторских вождельных Бонапарта партия порядка защищает юридическое основание своего совместного господства – республику; легитимисты против орлеанистов, орлеанисты против легитимистов защищают *status quo* * – республику. Все эти фракции партии порядка, из которых каждая имеет *in petto* ** своего собственного короля и свою собственную реставрацию, противопоставляют каждая узурпаторским и мятежническим вождельным своим соперников общее господство буржуазии, форму, в которой все их отдельные притязания взаимно нейтрализуются и сохраняются, – республику.»

«Словом, без коренного переворота во французском государстве немислим переворот в государственных финансах Франции. А с этими государственными финансами необходимо связала задолженность государства, с задолженностью государства – господство спекуляции на государственных долгах, господство государственных кредиторов, банкиров, торговцев деньгами, биржевых волков. Только одна фракция партии порядка была прямо заинтересована в падении финансовой аристократии, это – фабриканты. Мы говорим не о средних, не о мелких промышленниках, но о промышленных магнатах, составлявших при Луи-Филиппе широкий базис династической оппозиции. Их интересы, несомненно, требовали уменьшения издержек производства, стало быть – уменьшения налогов, которые входят в издержки производства, стало быть, уменьшения государственных долгов, проценты с которых входят в эти налоги, - другими словами, их интересы требовали падения финансовой аристократии.»

«14 ноября 1849 г. Фульд взошёл на трибуну Национального собрания и изложил свою финансовую систему: апология старой налоговой системы! сохранение налога на вино! отказ от подоходного налога Пасси!»

«Когда французский крестьянин хочет представить себе чёрта, он представляет его в виде сборщика налогов. С того момента, как Монталамбер объявил налог богом, крестьянин стал безбожником,

атеистом, и бросился в объятия к чёрту – социализму. По легкомыслию религия порядка его потеряла, иезуиты его потеряли, Бонапарт его потерял. 20 декабря 1849 г. навсегда скомпрометировало 20 декабря 1848 года.»

«Наконец, Конституанта, которая ничего не обещала, распорядилась, как мы уже сказали, в своём завещании, чтобы налог на вино был отменён с 1 января 1850 года. Но как раз за десять дней до 1 января 1850 г. Законодательное собрание снова его ввело. Таким образом, французский народ тщетно пытался изгнать этот налог: когда он выбрасывал его за дверь, тот снова влетал в окно.»

«Таким образом, французский крестьянин в виде процентов на тяготеющие на земле ипотеки и в виде процентов на неипотечные ссуды у ростовщика отдаёт капиталистам не только земельную ренту, не только промышленную прибыль, одним словом, – не только весь чистый доход, но даже часть своей заработной платы; он опустился таким образом до уровня ирландского арендатора, и всё это под видом частного собственника.

Этот процесс был ускорен во Франции всё растущим бременем налогов и судебными издержками, вызванными частью непосредственно самими формальностями, которыми французское законодательство обставляет земельную собственность, частью бесчисленными конфликтами между владельцами всюду соприкасающихся и перекрещивающихся парцелл, частью же страстью к тяжбам, свойственной крестьянам, для которых всё наслаждение собственностью сводится к фанатичной защите воображаемой собственности, права собственности»

«Мы шаг за шагом проследили, как крестьяне, мелкие буржуа, вообще средние слои общества становились на сторону пролетариата, приходили к открытому антагонизму по отношению к официальной республике, которая обращалась с ними, как с врагами. Возмущение против диктатуры буржуазии, потребность в преобразовании общества, сохранение демократическо-республиканских учреждений как орудий этого преобразования, сплочение вокруг пролетариата как решающей революционной силы – вот общие черты, характеризующие так называемую партию социальной демократии, партию красной республики. Эта «партия анархии», как окрестили её противники, не в меньшей мере, чем партия порядка, является коалицией различ-

ных интересов. От ничтожнейшей реформы старого общественного беспорядка до ниспровержения старого общественного порядка, от буржуазного либерализма до революционного терроризма – так далеко отстоят одна от другой крайности, составляющие исходный и конечный пункт «партии анархии».»

«Пролетариат не дал спровоцировать себя на мятеж, он намеревался произвести революцию.

Провокации правительства, лишь усилив всеобщее недовольство существующим порядком, не помешали избирательному комитету, находившемуся всецело под влиянием рабочих, выставить следующих трёх кандидатов для Парижа: Дефлотта, Видаля и Карно. Дефлотт был сослан в июне и амнистирован в результате одной из бывших на популярность бонапартовских выходов; он был другом Бланки и принимал участие в выступлении 15 мая. Видадь известен как коммунистический писатель, как автор книги «О распределении богатств» 64; он был секретарём Луи Блана в Люксембургской комиссии. Карно, сын организовавшего победу члена Конвента, наименее скомпрометированный член партии «National», министр просвещения во временном правительстве и Исполнительной комиссии, был благодаря своему демократическому законопроекту о народном образовании живым протестом против закона иезуитов об образовании. Эти три кандидата представляли три заключивших между собой союз класса: во главе – июньский инсургент, представитель революционного пролетариата; рядом с ним – доктринёр-социалист, представитель социалистической мелкой буржуазии; наконец, третий кандидат – представитель партии буржуазных республиканцев, демократические формулы которой в столкновениях с партией порядка приобрели социалистический смысл и давно утратили своё собственное значение. Это была всеобщая коалиция против буржуазии и правительства, как и в феврале. Но на этот раз пролетариат стоял во главе революционной лиги.»

«Выборы 10 марта 1850 года! Это была кассация июня 1848 года: те, кто ссылали и убивали июньских инсургентов, вернулись в Национальное собрание, но согбенные, в сопровождении сосланных, с их принципами на устах. Это была кассация 13 июня 1849 года: Гора, которую Национальное собрание изгнало, вернулась в Национальное собрание, но она вернулась уже не как командир революции, а как её

передовой горнист. Это была кассация 10 декабря: Наполеон провалился в лице своего министра Лаита. Парламентская история Франции знает лишь один подобный случай: провал Оссе, министра Карла X, в 1830 году. Наконец, выборы 10 марта 1850 г. были кассацией выборов 13 мая, которые дали большинство партии порядка. Выборы 10 марта явились протестом против большинства 13 мая. 10 марта было революцией. За избирательными бюллетенями скрываются булыжники мостовой.

«Голосование 10 марта – это война», – воскликнул Сегюр д'Агессо, один из наиболее крайних членов партии порядка.»

«Но, отказываясь от единственно возможной формы своей объединённой власти, от самой могучей и самой полной формы своего классового господства, от конституционной республики, и бросаясь назад, к низшей, неполной, более слабой форме, к монархии, соединённые буржуазные фракции сами произнесли себе приговор. Они напоминают того старика, который, желая вернуть себе юношескую свежесть, достал своё детское платье и попытался натянуть его на свои дряхлые члены. За их республикой была лишь та заслуга, что она была теплицей для революции.»

«Заставив произвести новые выборы 28 апреля, народ сам свёл к нулю победу, которую он одержал в союзе с мелкой буржуазией на выборах 10 марта. Видаль был избран не только в Париже, но и на Нижнем Рейне. Парижский комитет, в котором были сильно представлены Гора и мелкая буржуазия, побудил его принять нижнерейнский мандат. Победа 10 марта потеряла своё решающее значение; окончательное решение было снова отложено, напряжение народа ослабевало, он привыкал к легальным триумфам вместо революционных. Наконец, кандидатура Эжена Сю, сентиментально-мещанского социал-фантазёра, совершенно уничтожила революционный смысл 10 марта – реабилитацию июньского восстания; пролетариат в лучшем случае мог принять её как шутку в угоду гризеткам. Против этой благонамеренной кандидатуры партия порядка, ставшая смелее ввиду нерешительного поведения противников, выставила кандидата, который должен был олицетворять собой июньскую победу. Этим комическим кандидатом был спартанский отец семейства Леклер 68, героические доспехи которого пресса, однако, сорвала по кусочкам и который потерпел на выборах блестящее поражение. Новая победа на выборах 28 апреля окрылила Гору и мелкую буржуазию. Гора в душе

уже ликовала, что сможет достигнуть своей цели чисто легальным путём, не вызывая новой революции, которая опять выдвинула бы пролетариат на авансцену; она была уверена, что при новых выборах 1852 г. посадит с помощью всеобщего избирательного права г-на Ледрю-Роллена на президентское кресло и обеспечит Горе большинство в Собрании. Партия порядка, которую новые выборы, кандидатура Сю и настроение Горы и мелкой буржуазии полностью убедили в том, что последние решили при всех обстоятельствах оставаться спокойными, ответила на обе избирательные победы избирательным законом, который отменял всеобщее избирательное право.»

«Всеобщее избирательное право выполнило свою миссию. Большинство народа прошло ту образовательную школу, роль которой оно только и может играть в революционную эпоху. Оно должно было быть устранено либо революцией, либо реакцией.»

«Борьба Бонапарта с Шангарнье является продолжением его борьбы с партией порядка. Новая сессия Национального собрания поэтому открывается 11 ноября при зловещих предзнаменованиях. Но это будет буря в стакане воды. В общем повторится старая игра. Большинство партии порядка, несмотря на вопли блюстителей принципов различных её фракций, вынуждено будет продлить полномочия президента. В свою очередь, Бонапарт, смирившись уже из-за одного недостатка денег, примет, несмотря на все свои прежние протесты, это продление власти как простое полномочие из рук Национального собрания. Таким образом, решение вопроса откладывается, status quo сохраняется; каждая из фракций партии порядка компрометирует и ослабляет, делает невозможной другую; усиливаются и в конце концов исчерпывают себя репрессии против общего врага, против массы нации, пока, наконец, сами экономические отношения снова не достигнут такой ступени развития, когда от нового взрыва взлетят на воздух все эти ссорящиеся партии с их конституционной республикой.

К утешению буржуа нужно, впрочем, прибавить, что потасовка между Бонапартом и партией порядка повлекла за собой разорение на бирже множества мелких капиталистов и переход их капиталов в карманы крупных биржевых волков.»

Написано К. Марксом в январе – 1 ноября 1850

Напечатано в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» №№ 1, 2, 3 и 5–6, 1850 г.

К. Маркс
ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА
(Извлечение)

«...Революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные традиции 1793–1795 годов.»

«В 1848–1851 гг. бродил только призрак старой революции, начиная с Марраста, этого *républicain en gants jaunes* *, переодетого в костюм старого Байи, и кончая авантюристом, скрывающим своё пошло-отвратительное лицо под железной маской мёртвого Наполеона. Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил своё поступательное движение, вдруг оказывается перенесённым назад, в умершую эпоху.»

«В течение 1848–1851 гг. французское общество усвоило, – по способу сокращённого, потому что он был революционным, – уроки и опыт, которые при правильном, так сказать методическом, ходе развития должны были бы предшествовать февральской революции, будь она чем-то более серьёзным, чем простое сотрясение поверхности. Кажется, что общество очутилось теперь позади своего исходного пункта, на самом же деле ему приходится ещё только создавать себе исходный пункт для революции, создавать положение, отношения, условия, при которых современная революция только и может принять серьёзный характер.»

«Резюмируем в общих чертах фазы, через которые прошла французская революция от 24 февраля 1848 до декабря 1851 года.

Вот три несомненных главных периода: февральский период; от 4 мая 1848 до 28 мая 1849 г. 16 – период учреждения республики, или Учредительного национального собрания; от 28 мая 1849 до 2 декабря 1851 г. – период конституционной республики, или Законодательного национального собрания.

Первый период, от 24 февраля, т. е. от падения Луи-Филиппа, до 4 мая 1848 г., т. е. до открытия заседаний Учредительного собрания, – февральский период в собственном смысле слова, – можно назвать прологом революции. Характер этого периода выразился официально в том, что созданное им экспромтом правительство само объявило себя временным. Подобно правительству, всё, что было предпринято, испробовано и высказано в этот период, выдавало себя лишь за нечто

временное. Никто и ничто не дерзало признать за собой право на постоянное существование и на действительное дело. Все элементы, подготовившие или определившие собой революцию: династическая оппозиция 17, республиканская буржуазия, демократическо-республиканская мелкая буржуазия, социалистическо-демократические рабочие – все эти элементы временно получили место в февральском правительстве.

Иначе и быть не могло. Февральские дни первоначально имели целью добиться избирательной реформы, которая расширила бы круг политически привилегированных внутри самих имущих классов и свергла бы исключительное господство финансовой аристократии. Но когда дело дошло до действительного столкновения, когда народ поднялся на баррикады, когда национальная гвардия заняла позицию пассивного выжидания, армия не оказала серьёзного сопротивления и монархия была обращена в бегство, то учреждение республики стало подразумеваться как бы само собой. Каждая партия истолковывала её по-своему. Пролетариат, завоевавший республику с оружием в руках, наложил на неё свою печать и провозгласил её социальной республикой. Так намечено было общее содержание современной революции – содержание, находившееся в самом удивительном противоречии со всем тем, что возможно было осуществить сразу, непосредственно, из данного материала, на достигнутой массой ступени развития, при данных обстоятельствах и условиях. С другой стороны, притязания всех остальных элементов, содействовавших успеху февральской революции, были удовлетворены предоставлением им львиной доли в правительстве. Вот почему ни в каком другом периоде нельзя найти более пёстрой смеси напыщенных фраз и фактической неуверенности и беспомощности, более восторженного стремления к новшествам и более прочного господства старой рутины, более обманчивой видимости гармонии общества в целом и более глубокой отчуждённости его элементов. В то время как парижский пролетариат ещё был в упоении от открывшейся ему великой перспективы и всерьёз предавался дискуссиям по социальным проблемам, старые общественные силы сгруппировались, сомкнулись, опомнились и нашли неожиданную опору в массе нации – в крестьянах и мелких буржуа, устремившихся разом на политическую сцену, после того как пали преграды, существовавшие при Июльской монархии.

Второй период – от 4 мая 1848 до конца мая 1849 г. – это период учреждения, основания буржуазной республики. Непосредственно после февральских дней не только династическая оппозиция была застигнута врасплох республиканцами, а республиканцы – социалистами, но и вся Франция была застигнута врасплох Парижем. Открывшее свои заседания 4 мая 1848 г. Национальное собрание, которое было избрано нацией, представляло нацию. Это Собрание было живым протестом против притязаний февральских дней и должно было низвести результаты революции до буржуазных масштабов. Тщетно пытался парижский пролетариат, сразу разгадавший характер этого Национального собрания, через несколько дней после его открытия, 15 мая, силой прекратить его существование, разогнать его, снова разложить на составные части органическую форму, в которой ему угрожал оказывающий противодействие дух нации. День 15 мая, как известно, привёл лишь к удалению с общественной арены, на всё время рассматриваемого нами цикла, Бланки и его единомышленников, т. е. действительных вождей пролетарской партии.

За буржуазной монархией Луи-Филиппа может следовать только буржуазная республика, т. е. если, прикрываясь именем короля, господствовала небольшая часть буржуазии, то отныне будет господствовать, прикрываясь именем народа, вся буржуазия в целом. Требования парижского пролетариата, это – вздорные утопии, которым надо положить конец. На это заявление Учредительного национального собрания парижский пролетариат ответил июньским восстанием, этим грандиознейшим событием в истории европейских гражданских войн. Победительницей осталась буржуазная республика.»

«Период от 20 декабря 1848 г. до роспуска Учредительного собрания в мае 1849 г. охватывает историю гибели буржуазных республиканцев. После того как они основали республику для буржуазии, прогнали с арены революционный пролетариат и на время заткнули рот демократической мелкой буржуазии, они сами были отстранены массой буржуазии, которая с полным правом завладела этой республикой как своей собственностью. Но эта буржуазная масса была роялистской. Одна часть её – крупные земельные собственники – господствовала во время Реставрации и была поэтому легитимистской. Другая часть – финансовые тузы и крупные промышленники – господствовала при Июльской монархии и была поэтому орлеанистской.

Высшие чины армии, университета, церкви, адвокатуры, академии и прессы распределялись, хотя и в различной пропорции, между теми и другими. Обе эти части буржуазии нашли здесь в буржуазной республике, не носившей ни имени Бурбонов, ни имени Орлеанов, а имя Капитала, государственную форму, при которой они могли господствовать сообща. Уже июньское восстание объединило их в «партию порядка». Теперь наступила пора устранить клику буржуазных республиканцев, удерживавших ещё позиции в Национальном собрании.»

«Пролетарская партия выступает как придаток мелкобуржуазной демократической партии. Последняя ей изменяет и способствует её поражению 16 апреля, 15 мая и в июньские дни. Демократическая партия, в свою очередь, опирается на плечи буржуазно-республиканской партии. Не успели буржуазные республиканцы почувствовать себя твёрдо на ногах, как они сбрасывают с себя докучливых товарищей и сами опираются на плечи партии порядка. Партия порядка поводит плечами, опрокидывает буржуазных республиканцев и сама спешит усесться на плечи вооружённой силы. Она ещё продолжает думать, что сидит у неё на плечах, когда в одно прекрасное утро обнаруживает, что эти плечи превратились в штыки. Каждая партия лягает напирющую на неё сзади партию и упирается в спину той партии, которая толкает её назад. Неудивительно, что в этой смешной позе она теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделывая удивительные курбеты. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии.»

«Революция сама парализует своих собственных носителей и наделяет страстной энергией насилия лишь своих врагов.»

«Партия порядка представляется вечно занятой «реакцией», которая – точь-в-точь как в Пруссии – направлена против прессы, союзов и т. п. и – опять-таки как в Пруссии – осуществляется в виде грубого полицейского вмешательства бюрократии, жандармерии и суда. «Гора», со своей стороны, столь же непрерывно занята отражением этих атак, защитой «вечных прав человека», как это более или менее делала в течение последних полутора столетий всякая так называемая народная партия. Однако при более внимательном анализе ситуации и партий исчезает эта обманчивая видимость, скрывающая классовую борьбу и своеобразную физиономию этого периода.»

«Если каждая сторона, наперекор другой, добивалась реставрации своей собственной династии, то это лишь значило, что каждая из двух крупных фракций, на которые разделяется буржуазия – земельная собственность и финансовый капитал, – добивалась реставрации собственного главенства и подчинённого положения другого. Мы говорим о двух фракциях буржуазии, потому что крупная земельная собственность, вопреки своему кокетничанию феодализмом и своей родовой спеси, насквозь обуржуазилась под влиянием развития современного общества. Так, английские тори долго воображали, что они страстно привязаны к королевской власти, к церкви и к прелестям старинной английской конституции, пока в час опасности у них не вырвалось признание, что они страстно привязаны к одной только земельной ренте.»

«Так укоренилось убеждение, что революция не может победить без национальной гвардии, а армия не может победить, имея национальную гвардию против себя. Таково было суеверное представление армии о всемогуществе гражданского населения. Июньские дни 1848 г., когда вся национальная гвардия с линейными войсками подавила восстание, упрочили это суеверие. С президентством Бонапарта значение национальной гвардии несколько упало вследствие противоконституционного соединения командования национальной гвардией и командования первой армейской дивизией в руках Шангарнье.

Подобно тому как командование национальной гвардией стало в этом случае как бы атрибутом верховного военного командования, так и сама она приняла характер лишь придатка линейных войск. Наконец, 13 июня она была сломлена – не только потому, что, начиная с этого дня, её стали постепенно распускать по частям во всех концах Франции, пока от неё не остались одни обломки. Демонстрация 13 июня была, прежде всего, демонстрацией демократической части национальной гвардии. Правда, она противопоставила армии не своё оружие, а лишь свой мундир; но именно в этом мундире заключался талисман. Армия убедилась, что этот мундир такая же шерстяная тряпка, как и всякий другой мундир. Чары исчезли. В июньские дни 1848 г. буржуазия и мелкая буржуазия в лице национальной гвардии объединились с армией против пролетариата. 13 июня 1849 г. буржуазия разогнала мелкобуржуазную национальную гвардию при помощи армии, 2 декабря 1851 г. буржуазной национальной гвардии

также уже не существовало, и Бонапарт лишь констатировал совершившийся факт, когда подписывал впоследствии декрет об её роспуске. Так буржуазия сама сломала своё последнее оружие против армии, но она должна была его сломать с того момента, как мелкая буржуазия перестала стоять за её спиной в качестве покорного вассала, а встала против неё в качестве бунтовщика. Да и вообще буржуазия вынуждена была собственными руками разрушить все свои средства обороны против самодержавия, как только сама стала самодержавной.»

«В середине октября 1849 г. Национальное собрание возобновило свои заседания. 1 ноября Бонапарт поразил Собрание посланием об отставке министерства Барро – Фаллу и об образовании нового министерства. Лакея не прогоняют со службы более бесцеремонно, чем Бонапарт прогнал своих министров. Пинки, предназначенные Национальному собранию, достались пока Барро и компании.

Министерство Барро было составлено, как мы видели, из легитимистов и орлеанистов. Это было министерство партии порядка. Бонапарту нужно было такое министерство, чтобы распустить республиканское Учредительное собрание, осуществить экспедицию против Рима и сломить силу демократической партии»

«Министерство Барро – Фаллу было первым и последним парламентским министерством, созданным Бонапартом. Его отставка является поэтому решающим поворотным пунктом. Вместе с ним партия порядка безвозвратно потеряла необходимый оплот для сохранения парламентарного режима – руководство исполнительной властью. А в такой стране, как Франция, где исполнительная власть имеет в своём распоряжении более чем полумиллионную армию чиновников, т. е. постоянно держит в самой безусловной зависимости от себя огромную массу интересов и лиц, где государство опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни, начиная с его самых общих форм существования и кончая частными существованиями отдельных индивидов, где этот паразитический организм вследствие необычайной централизации стал вездесущим, всеведущим и приобрёл повышенную эластичность и подвижность, которые находят себе параллель лишь в беспомощной несамостоятельности, рыхлости и бесформен-

ности действительного общественного организма, – в такой стране само собой ясно, что Национальное собрание вместе с правом раздачи министерских портфелей теряет всякое действительное влияние, если оно в то же время не упрощает государственного управления, не уменьшает, насколько это возможно, армии чиновников, не даёт, наконец, гражданскому обществу и общественному мнению создать свои собственные, не зависимые от правительственной власти, органы. Но материальный интерес французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этой обширной и широко разветвлённой государственной машины.»

«Каждый раз, когда Бонапарт за спиной министров выбалтывал свои намерения и играл своими *«idées napoléoniennes»* 34, его собственные министры отрекались от него с трибуны Национального собрания. Казалось, что его узурпаторские вождения высказывались только для того, чтобы не смолкал злорадный смех его противников. Он разыгрывал непризнанного гения, которого весь мир выставляет простофилей. Никогда ещё не был он объектом более глубокого презрения со стороны всех классов, чем в этот период. Никогда ещё буржуазия не господствовала более безусловно; никогда ещё она не выставляла напоказ знаки своего господства с бóльшим чванством.»

«Односложной и на трибуне и в прессе; плоской, как загадка, решение которой известно наперёд. Шло ли дело о праве подавать петиции или о налоге на вино, о свободе печати или о свободе торговли, о клубах или муниципальном устройстве, об обеспечении свободы личности или об определении государственного бюджета, – один и тот же пароль раздавался неизменно, тема всегда оставалась та же самая, приговор был всегда готов и неизменно гласил: «Социализм!». Социализмом объявлялся даже буржуазный либерализм, социализмом – буржуазное просвещение, социализмом – буржуазная финансовая реформа. Социализм – строить железную дорогу там, где есть уже канал, социализм – обороняться палкой от нападающего со шпагой.

Это не было только голой фразой, модой, приёмом в партийной борьбе. Буржуазия правильно поняла, что все виды оружия, выкованные ею против феодализма, обращались своим остриём против неё самой, что все созданные ею средства просвещения восставали против её собственной цивилизации, что все сотворённые ею боги отреклись от неё. Она поняла, что все так называемые гражданские свобо-

ды и органы прогресса посягали на её классовое господство и угрожали ему как со стороны его социальной основы, так и со стороны его политической верхушки, следовательно, стали «социалистическими». В этой угрозе и в этом посягательстве она справедливо видела тайну социализма, оценивая его смысл и тенденцию вернее, чем оценивает сам себя так называемый социализм, который из-за этого не может понять, почему буржуазия упорно отворачивается от него, – всё равно, предаётся ли он сентиментальному оплакиванию страдания человечества, или христианской проповеди о тысячелетнем царстве и всеобщей братской любви, или гуманистической болтовне о духе, образовании, свободе, или же доктринёрскому измышлению системы примирения и благополучия всех классов. Не поняла буржуазия одного – что, последовательно рассуждая, её собственный парламентарный режим, её политическое господство вообще должно теперь также подвергнуться всеобщему осуждению как нечто социалистическое.»

«Национальное собрание не раз приходило в бешенство от этих несомненных попыток Бонапарта приобрести популярность за его счёт, при всё усиливающейся опасности, что этот авантюрист, подхлёстываемый долгами и отнюдь не стяжавший себе репутации, которую стоило бы беречь, отважится на какую-нибудь отчаянную проделку. Разногласия между партией порядка и президентом уже приняла было угрожающий характер, когда неожиданное событие заставило его снова покаянно броситься в её объятия. Мы говорим о дополнительных выборах 10 марта 1850 года. Эти выборы состоялись для замены депутатов, которые после 13 июня попали в тюрьму или в изгнание.»

«Мы видели, что демократические вожди в марте и в апреле сделали всё, чтобы вовлечь парижский народ в мнимую борьбу, подобно тому как они после 8 мая делали всё, чтобы удержать его от действительной борьбы. К тому же не надо забывать, что 1850 год был временем редкого промышленного и торгового процветания, так что парижский пролетариат имел работы вдоволь. Но избирательный закон 31 мая 1850 г. отстранил пролетариат от всякого участия в политической власти, отрезал ему даже доступ к полю битвы. Этот закон вернул рабочих к положению париев, которое они занимали до февральской революции. Предоставляя, в момент таких событий, руководить собой демократическим вождям, забывая о революционных

интересах своего класса из-за минутного благополучия, они отказались от чести быть завоевательной силой, покорились своей судьбе, показали, что июньское поражение 1848 г. сделало их на долгие годы небоеспособными, что исторический процесс в ближайшее время опять должен совершаться помимо них. Что же касается мелкобуржуазной демократии, кричавшей 13 июня: «Пусть только осмелятся коснуться всеобщего избирательного права, пусть только!», то теперь она утешалась тем, что удар, нанесённый ей контрреволюционерами, – вовсе не удар, а закон 31 мая – вовсе не закон. Во второе воскресенье мая 1852 г. каждый француз явится на место выборов с избирательным бюллетенем в одной руке и с мечом в другой. Этим пророчеством она сама себя утешала. Наконец, армия была наказана начальством за мартовские и апрельские выборы 1850 г. так же, как за выборы 28 мая 1849 года. Но на этот раз она решительно сказала себе: «В третий раз революция нас не проведёт!».

Закон 31 мая 1850 г. был *coup d'état* буржуазии. Все её прежние победы над революцией носили лишь временный характер. Они делались сомнительными, как только существующее в данный момент Национальное собрание уходило со сцены. Они зависели от случайностей новых общих выборов, а история выборов со времени 1848 г. неопровержимо доказала, что моральная власть буржуазии над народными массами ослабевала по мере того, как крепла её фактическая власть. Всеобщее избирательное право 10 марта прямо высказалось против господства буржуазии, – буржуазия ответила на это отменой всеобщего избирательного права. Закон 31 мая был, следовательно, одним из необходимых проявлений классовой борьбы. С другой стороны, конституция требовала, для того чтобы выборы президента республики были признаны действительными, минимума в два миллиона голосов. В случае если бы никто из кандидатов в президенту не получил этого минимума голосов, Национальному собранию предоставлялось право выбрать президентом одного из пяти кандидатов, получивших наибольшее число голосов. В то время, когда Учредительное собрание составляло этот закон, в избирательных списках числилось 10 миллионов избирателей. Следовательно, по смыслу закона, для признания президентских выборов действительными достаточно было пятой части всех пользующихся избирательным правом. Закон 31 мая вычеркнул из избирательных списков по меньшей мере

3 миллиона голосов, сократил число избирателей до 7 миллионов, но тем не менее оставил в силе законный минимум в 2 миллиона для президентских выборов. Таким образом законный минимум с одной пятой повысился почти до одной трети всех избирательных голосов. Другими словами, этот закон сделал всё, чтобы передать контрабандой президентские выборы из рук народа в руки Национального собрания. Итак, партия порядка, казалось, вдвойне укрепила свою власть избирательным законом 31 мая, передав выборы депутатов Национального собрания и выборы президента республики в руки консервативной части общества.»

«Борьба между Национальным собранием и Бонапартом вспыхнула снова, как только миновал революционный кризис и было отменено всеобщее избирательное право.»

«Когда Национальное собрание в ноябре 1850 г. снова собралось, положение было такое, что, казалось, вместо прежних мелких стычек между парламентом и президентом неизбежно должно было начаться крупное сражение, беспощадная борьба двух властей не на жизнь, а на смерть.

Как в 1849 г., так и на этот раз во время парламентских каникул партия порядка распалась на отдельные фракции, каждая из которых занималась собственными реставраторскими интригами, получившими новую пищу благодаря смерти Луи-Филиппа. Король легитимистов, Генрих V, назначил даже составленное по всей форме министерство, которое пребывало в Париже и в состав которого входили некоторые члены постоянной комиссии. Бонапарт был, следовательно, вправе, со своей стороны, совершать турне по французским департаментам и, смотря по настроению ошарашенного его посещением города, более или менее откровенно выбалтывать свои собственные реставраторские планы и вербовать голоса в свою пользу.»

«Бонапарт, который как сын богемы, как царственный люмпен-пролетарий имел перед буржуазными плутами то преимущество, что мог вести борьбу низкими средствами, увидел теперь – после того как Собрание собственными руками помогло ему благополучно миновать скользкую почву военных банкетов, смотров, Общества 10 декабря и, наконец, Code pénal, – что настала минута, когда он может перейти от мнимой обороны к наступлению. Его мало беспокоили происходившие тем временем маленькие поражения министра юстиции, военного

министра, морского министра, министра финансов, – поражения, в которых Национальное собрание выражало своё ворчливое неудовольствие. Он не только помешал министрам выйти в отставку и тем самым признать подчинённость исполнительной власти парламенту. Он теперь мог закончить то, что начал во время каникул Национального собрания, – отделение военной власти от парламента: он сместил Шангарнье.

Одна елисейская газета опубликовала изданный в мае будто бы по первой армейской дивизии приказ, – приказ, исходивший, следовательно, от Шангарнье, – в котором офицерам рекомендовалось в случае мятежа не щадить предателей в собственных рядах, немедленно их расстреливать и не посылать войск по требованию Национального собрания. 3 января 1851 г. кабинету министров был сделан запрос по поводу этого приказа. Кабинет министров требует для разбора дела сначала три месяца, затем одну неделю, наконец – только двадцать четыре часа. Собрание настаивает на немедленных объяснениях. Шангарнье поднимается и заявляет, что такого приказа никогда не было. Он добавляет, что всегда готов исполнить требование Национального собрания и что в случае конфликта оно может рассчитывать на него. Собрание встречает это заявление неистовыми аплодисментами и декретирует вотум доверия Шангарнье. Отдавая себя под частное покровительство генерала, Собрание отрекается от власти, декретирует своё собственное бессилие и всемогущество армии; но генерал ошибается, предоставляя в распоряжение парламента против Бонапарта силу, которую он получил от того же Бонапарта лишь в ленное пользование, и ожидая, в свою очередь, защиты со стороны этого парламента – со стороны своего же нуждающегося в защите подопечного. Однако Шангарнье верит в таинственную силу, которой буржуазия его наделила 29 января 1849 года. Он считает себя третьей властью наряду с двумя другими государственными властями. Он разделяет участь остальных героев или, лучше сказать, святых этой эпохи, величие которых состоит лишь в пристрастно высоком мнении, распространяемом о них их партией, и которые оказываются заурядными фигурами, лишь только обстоятельства требуют от них чудес. Вообще неверие – смертельный враг этих мнимых героев и под-

линых святых. Отсюда их благородно-моральное негодование против остряков и насмешников, которым недостаёт энтузиазма.»

«Отталкивая от себя армию, которая в лице Шангарнье отдаётся в её распоряжение, и уступая её, таким образом, безвозвратно президенту, партия порядка тем самым доказала, что буржуазия потеряла способность к господству. Парламентского министерства уже не существовало. Теперь же, когда партия порядка потеряла власть над армией и национальной гвардией, – какие ещё средства принуждения оставались у неё, чтобы одновременно отстоять узурпаторскую власть парламента над народом и конституционную власть парламента от посягательств президента? Никаких. Ей оставалось только взывать к бессильным принципам, которые она сама всегда рассматривала лишь как общие правила, предписываемые третьим лицам, чтобы тем непринуждённое действовать самой. Отставкой Шангарнье, переходом военной власти в руки Бонапарта заканчивается первый отрезок рассматриваемого нами периода, периода борьбы между партией порядка и исполнительной властью. Теперь война между обеими властями официально объявлена и ведётся открыто, но только после того, как партия порядка потеряла и оружие и солдат. Без министерства, без армии, без народа, без общественного мнения, перестав быть со времени изданного им избирательного закона 31 мая представителем суверенной нации, без глаз, без ушей, без зубов, без всего, Национальное собрание мало-помалу превратилось в старофранцузский парламент 44, предоставляющий правительству действовать, а сам довольствующийся ворчливыми ремонстрациями»

«Вотум недоверия 18 января был принят 415 против 286 голосов – стало быть, лишь благодаря коалиции крайних легитимистов и орлеанистов с чистыми республиканцами и Горой. Этим было доказано, что партия порядка потеряла не только министерство, не только армию, но потеряла – в своих конфликтах с Бонапартом – и своё самостоятельное парламентское большинство; что часть депутатов дезертировала из её лагеря из фанатической склонности к компромиссу, из страха перед борьбой, из слабости, из семейной привязанности к родным государственным окладам, из расчёта на освобождающиеся министерские портфели (Одилон Барро), из пошлого эгоизма, всегда побуждающего заурядного буржуа жертвовать общим интересом своего

класса ради того или другого личного мотива. Бонапартистские депутаты с самого начала шли заодно с партией порядка лишь в борьбе против революции. Глава католической партии, Монталамбер, уже тогда бросил своё личное влияние на чашу весов Бонапарта, так как он изверился в жизнеспособности парламентской партии. Наконец, предводители этой партии, орлеанист Тьер и легитимист Берье, были принуждены открыто объявить себя республиканцами, признать, что хотя они сердцем монархисты, но головой – республиканцы, что парламентарная республика – единственно возможная форма господства буржуазии в целом. Словом, они были принуждены заклеить на глазах у самого класса буржуазии реставраторские планы, над которыми они продолжали неумолимо работать за спиной парламента, как интригу столь же опасную, сколь и бессмысленную.

Вотум недоверия 18 января был ударом для министерства, а не для президента.»

«В ноябре 1849 г. Бонапарт довольствовался непарламентским министерством, в январе 1851 г. – внепарламентским, а 11 апреля он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы образовать антипарламентское министерство, которое гармонически соединило в себе вотумы недоверия обоих собраний – Учредительного и Законодательного, республиканского и роялистского. Эта градация министерств была тем термометром, по которому парламент мог судить о понижении собственной жизненной температуры. Эта температура в конце апреля упала так низко, что Персиньи мог в частном разговоре предложить Шангарнье перейти на сторону президента. Бонапарт, уверял он его, считает влияние Национального собрания окончательно уничтоженным, и уже имеется наготове прокламация, которая будет обнародована после твёрдо задуманного, но случайно опять отложенного *coup d'état*. Шангарнье известил главарей партии порядка об этом смертном приговоре.»

«Коалиция с Горой и с чистыми республиканцами, к которой партия порядка должна была прибегнуть, предпринимая тщетные усилия удержать за собой военную власть и завоевать утраченное верховное руководство исполнительной властью, – эта коалиция неопровержимо доказала, что партия порядка лишилась самостоятельного парламентского большинства. Простая сила календаря, часовая

стрелка подала 28 мая сигнал к её окончательному разложению. 28 мая начался последний год жизни Национального собрания. Ему приходилось теперь решать вопрос, оставить ли конституцию неизменной или подвергнуть её пересмотру. Но пересмотр конституции – это означало не только выбор между господством буржуазии и господством мелкобуржуазной демократии, между демократией и пролетарской анархией, между парламентарной республикой и Бонапартом: это означало также выбор между Орлеаном и Бурбоном! Так в среду самого парламента упало яблоко раздора, вокруг которого должна была открыто разгореться борьба интересов, разделявших партию порядка на враждебные фракции. Партия порядка была соединением разнородных общественных элементов. Вопрос о пересмотре конституции создал политическую температуру, при которой это соединение разложилось на свои первоначальные составные части.

Заинтересованность бонапартистов в пересмотре конституции объясняется просто. Они хотели, прежде всего, отменить статью 45, воспрещавшую вторичное избрание Бонапарта и продление его власти. Не менее просто объяснялась позиция республиканцев. Они безусловно отвергали всякий пересмотр, видя в нём всеобщий заговор против республики. Так как они располагали больше чем четвертью голосов Национального собрания, а по конституции необходимы были три четверти всех голосов для принятия правомерного решения о пересмотре и для созыва специального собрания по пересмотру, то им стоило только подсчитать свои голоса, чтобы быть уверенными в победе. И они были уверены в победе.»

«В то время как во Франции закрывались фабрики, в Англии разразились торговые банкротства. Если во Франции в апреле и мае дошла до апогея промышленная паника, в Англии в апреле и мае достигла апогея торговая паника. Шерстяное производство, шёлковая промышленность страдали как во Франции, так и в Англии. Хотя английские хлопчатобумажные фабрики и продолжали работать, но они получали уже не те прибыли, как в 1849 и 1850 годах. Вся разница была лишь в том, что во Франции был промышленный кризис, а в Англии – торговый, что во Франции фабрики останавливались, а в Англии расширяли своё производство, но при менее выгодных условиях, нежели в предыдущие годы, что во Франции наиболее пострадал вы-

воз, а в Англии – ввоз. Общая причина этого, которую, разумеется, не следует искать в пределах французского политического горизонта, бросалась в глаза. 1849 и 1850 годы были годами самого высокого материального процветания и перепроизводства, результаты которого обнаружались лишь в 1851 году. Перепроизводство в начале этого года особенно усилилось из-за предстоявшей промышленной выставки. К этому ещё присоединились следующие особые обстоятельства: сначала недород хлопка в 1850 и 1851 гг., а потом уверенность в лучшем урожае хлопка, чем того ожидали, сначала подъём, а потом внезапное падение цен на хлопок – словом, колебания этих цен. Сбор шёлка-сырца оказался, по крайней мере во Франции, ниже среднего. Наконец, шерстяная промышленность с 1848 г. так выросла, что производство шерсти не могло поспевать за ней, и цены на необработанную шерсть поднялись несоразмерно высоко по отношению к ценам на шерстяные изделия. Итак, мы уже видим в положении с сырьём для трёх мировых отраслей промышленности тройное основание для торгового застоя. А помимо этих особых обстоятельств кажущийся кризис 1851 г. представлял не что иное, как заминку, которая постоянно происходит с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией в течение промышленного круговорота, прежде чем с напряжением всех сил они лихорадочно не пробегут последнюю часть цикла и снова не возвратятся к своей исходной точке, всеобщему торговому кризису. В такие промежутки истории торговли в Англии происходят торговые банкротства, между тем как во Франции приостанавливается сама промышленность – отчасти потому, что она вытесняется со всех рынков конкуренцией англичан, которую она в этом случае уже не в состоянии выдержать, отчасти же потому, что она в качестве промышленности, производящей предметы роскоши, особенно чувствительна ко всякому застою в делах. Таким образом, Франция кроме всеобщих кризисов переживает ещё свои собственные, национальные торговые кризисы, которые, однако, гораздо больше определяются и обуславливаются общим состоянием мирового рынка, нежели влиянием местных французских условий. Небезынтересно будет противопоставить предрассудку французского буржуа суждение английского.»

«I. Первый период. От 24 февраля до 4 мая 1848 года. Февральский период. Пролог. Комедия всеобщего братания.

II. Второй период. Период учреждения республики и Учредительного национального собрания.

1) От 4 мая до 25 июня 1848 года. Борьба всех классов против пролетариата. Поражение пролетариата в июньские дни.

2) От 25 июня до 10 декабря 1848 года. Диктатура чистых буржуазных республиканцев. Выработка конституции. Объявление Парижа на осадном положении. Устранение буржуазной диктатуры изгнанием Бонапарта в президенты 10 декабря.

3) От 20 декабря 1848 до 28 мая 1849 года. Борьба Учредительного собрания с Бонапартом и с соединившейся с ним партией порядка. Гибель Учредительного собрания. Поражение республиканской буржуазии.

III. Третий период. Период конституционной республики и Законодательного национального собрания.

1) От 28 мая 1849 до 13 июня 1849 года. Борьба мелкой буржуазии с буржуазией и Бонапартом. Поражение мелкобуржуазной демократии.

2) От 13 июня 1849 до 31 мая 1850 года. Парламентская диктатура партии порядка. Последняя завершает своё господство отменой всеобщего избирательного права, но теряет парламентское министерство.

3) От 31 мая 1850 до 2 декабря 1851 года. Борьба между парламентской буржуазией и Бонапартом.

а) От 31 мая 1850 до 12 января 1851 года. Парламент теряет главное командование армией.

б) От 12 января до 11 апреля 1851 года. Парламент терпит поражение в своих попытках снова подчинить себе административную власть. Партия порядка теряет самостоятельное парламентское большинство. Её коалиция с республиканцами и Горой.

с) От 11 апреля до 9 октября 1851 года. Попытки пересмотра, слияния, продления полномочий. Партия порядка разлагается на свои отдельные составные части. Окончательный разрыв буржуазного парламента и буржуазной прессы с массой буржуазии.

d) От 9 октября до 2 декабря 1851 года. Открытый разрыв между парламентом и исполнительной властью. Парламент умирает, он пал, покинутый своим собственным классом, армией, всеми другими классами. Гибель парламентарного режима и господства буржуазии. Победа Бонапарта. Пародия реставрации Империи.»

«Социальная республика явилась как фраза, как пророчество на пороге февральской революции. В июньские дни 1848 г. она была задушена в крови парижского пролетариата, но в виде призрака она выступает в следующих актах драмы. На сцене появляется демократическая республика. Она исчезает 13 июня 1849 г. вместе со своими разбежавшимися мелкими буржуа, но, убегая, она разбрасывает за собой сугубо крикливые рекламы. Парламентарная республика вместе с буржуазией завладевает всей сценой, развёртывается во всю ширь, но 2 декабря 1851 г. хоронит её под крики ужаса объединённых роялистов: «Да здравствует республика!».

Французская буржуазия противилась господству трудящегося пролетариата – она доставила власть люмпен-пролетариату с шефом Общества 10 декабря во главе. Буржуазия не давала Франции прийти в себя от страха перед грядущими ужасами красной анархии – Бонапарт дисконтировал ей это грядущее, когда воодушевлённая водкой армия порядка, по его приказанию, 4 декабря расстреливала стоявших у своих окон именитых буржуа бульвара Монмартр и Итальянского бульвара. Она обоготворила саблю – сабля господствует над ней. Она уничтожила революционную печать – её собственная печать уничтожена. Она отдала народные собрания под надзор полиции – её салоны находятся под полицейским надзором. Она распустила демократическую национальную гвардию – её собственная национальная гвардия распущена. Она ввела осадное положение – осадное положение введено по отношению к ней. Она заменила суды присяжных военными комиссиями – её суды присяжных заменены военными комиссиями. Она отдала народную школу во власть попам – попы властвуют над её собственной школой. Она ссылала без суда – её ссылают без суда. Она подавляла всякое движение общества с помощью государственной власти – государственная власть подавляет всякое движение её общества. Она бунтовала против своих собственных политиков и писателей из пристрастия к своему денежному мешку – её политики и

писатели устранены, но её денежный мешок подвергается грабежу, после того как ей заткнули рот и сломали её перо.»

«В парламенте нация возводила в закон свою всеобщую волю, т. е. возводила закон господствующего класса в свою всеобщую волю. Перед лицом исполнительной власти она отрекается от всякой собственной воли и подчиняется велению чужой воли, авторитету. Исполнительная власть в противоположность законодательной выражает гетерономию нации в противоположность её автономии. Таким образом, Франция избавилась от деспотизма целого класса как будто лишь для того, чтобы подчиниться деспотизму одного индивида, и притом авторитету индивида, не имеющего никакого авторитета. Борьба, казалось, кончилась тем, что все классы одинаково бессильно и одинаково безгласно преклонились перед ружейным прикладом.

Но революция основательна. Она ещё находится в путешествии через чистилище. Она выполняет своё дело методически. До 2 декабря 1851 г. она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть её. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства исполнительную власть, сводит её к её самому чистому выражению, изолирует её, противопоставляет её себе как единственный объект, чтобы сконцентрировать против неё все свои силы разрушения.»

«Но при абсолютной монархии, во время первой революции, при Наполеоне, бюрократия была лишь средством подготовки классового господства буржуазии. Во время Реставрации, при Луи-Филиппе, при парламентарной республике, бюрократия при всём своём стремлении к самовластию была орудием господствующего класса.

Только при втором Бонапарте государство как будто стало вполне самостоятельным. Государственная машина настолько укрепила своё положение по отношению к гражданскому обществу, что она может теперь иметь во главе шефа Общества 10 декабря, какого-то явившегося с чужбины авантюриста, поднятого на щит пьяной солдатнёй, которую он купил водкой и колбасой и которую ему всё снова и снова приходится ублажать колбасой. Отсюда малодушное

отчаяние, чувство несказанного унижения, позора, которое сдавливает грудь Франции и не даёт ей свободно вздохнуть. Она чувствует себя как бы обещенной.

И тем не менее государственная власть не висит в воздухе. Бонапарт – представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель парцельного крестьянства.

Подобно тому как Бурбоны были династией крупной земельной собственности, а Орлеаны – династией денег, Бонапарты являются династией крестьян, т. е. французской народной массы. Избранником крестьян является не тот Бонапарт, который подчинился буржуазному парламенту, а тот, который разогнал буржуазный парламент. Городам удавалось в течение трёх лет извращать смысл выборов 10 декабря и обманывать крестьян в их надежде на восстановление империи. Выборы 10 декабря 1848 г. нашли своё осуществление только в перевороте 2 декабря 1851 года.

Парцельные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Это изолирование ещё усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян.»

«Трёхлетнее суровое господство парламентарной республики освободило от наполеоновской иллюзии и революционизировало – правда, пока лишь поверхностно – часть французских крестьян; но каждый раз, как только они приходили в движение, буржуазия силой отбрасывала их назад. При парламентарной республике в сознании французского крестьянина происходила борьба между новыми идеями и традицией; этот процесс протекал в форме непрерывной борьбы школьных учителей против попов – буржуазия усмирляла учителей. Крестьяне в первый раз делали усилия, чтобы занять самостоятельную позицию по отношению к правительственной деятельности; это обнаруживалось в беспрестанных столкновениях между мэрами и префектами – буржуазия смещала мэров. Наконец, в различных местностях Франции крестьяне в период парламентарной республики восставали против своего собственного детища, против армии, – буржуа-

зия наказывала их осадным положением и экзекуциями. И эта самая буржуазия вопит теперь о тупости масс, этой презренной толпы, которая якобы предала её Бонапарту. Она сама насильственно укрепляла приверженность класса крестьян к империи, она усердно сохраняла положение вещей, образующее ту почву, на которой вырастает эта крестьянская религия. Правда, буржуазия должна одинаково бояться невежества масс, пока они остаются консервативными, и сознательности масс, как только они становятся революционными.»

«Герзаемый противоречивыми требованиями своего положения, находясь при этом в роли фокусника, вынужденного всё новыми неожиданностями приковывать внимание публики к себе, как к замечителю Наполеона, другими словами – совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, Бонапарт погружает всё буржуазное хозяйство в сплошной хаос, посягает на всё, что революции 1848 г. казалось неприкосновенным, одних приучает равнодушно относиться к революции, а других возбуждает к революции, создаёт настоящую анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует её, делает её одновременно отвратительной и смешной. Он устраивает в Париже пародию на культ трирского священного хитона 58 в виде культа наполеоновской императорской мантии. Но если императорская мантия падёт, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны.»

Написано К. Марксом

в декабре 1851 – марте 1852 г.

*Напечатано в виде первого выпуска журнала «Die Revolution»,
New-York, 1852*

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 – 1849 гг. В ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Вопросы к практическому занятию

1. Национальный вопрос в германских государствах.
2. Своеобразие расстановки социальных сил накануне революции.
3. Стратегия и тактика К.Маркса и Ф.Энгельса в ходе революции 1848-1849 гг.
4. Линия развития революции, её итоги.

Источники

ЗАКОН ОТНОСИТЕЛЬНО ВЫБОРОВ В НАРОДНУЮ ПАЛАТУ 27 МАРТА 1849 г. *(Извлечение)*

(Отпечатано с имперского постановления закона № 13)

Уполномоченный от империи, во исполнение решения имперского собрания от 27 марта 1849 г., провозглашает как закон:

ИМПЕРСКИЙ ЗАКОН

относительно выборов депутатов в народную палату

Статья 1

§ 1. Избирателем считается всякий неопороченный немец, достигший 25 лет.

§ 2. Из имеющих право выбирать исключены:

1) лица, состоящие под опекой или попечительством;
2) лица, над имуществом которых судом назначен конкуре или состояние банкротства, и только на время конкурса и состояния банкротства;

3) лица, получающие от государства или из общинных средств вспомоществование на бедность или получавшие таковое в последний год, предшествовавший выборам.

§ 3. Опороченными, а следовательно, исключенными из имеющих право выбирать, должны считаться: лица, которые по вступив-

шему в законную силу приговору по законам отдельного государства, где он состоялся, непосредственно или косвенно лишены гражданских прав, поскольку они снова не восстановлены в этих правах.

§ 4. Помимо других лишений, всякий, кто при выборах покупает голоса, продает свой голос, или более одного раза подает свой голос при тех же выборах, назначенных для определенной цели, или вообще пользуется незаконными средствами для воздействия на выборы, лишается избирательного права на срок от 4 до 12 лет.

Статья 2

§ 5. Правом быть избранным в депутаты народной палаты пользуется всякий, имеющий право выбирать и достигший 25 лет немец, не менее трех лет причисляющийся к какому-нибудь немецкому государству.

Отбытые или через помилование отмененные политические преступления не лишают избирательного права в народную палату.

§ 6. Лица, состоящие на общественной службе, не нуждаются в каком-либо разрешении при вступлении в народную палату.

Статья 3

§ 7. В каждом отдельном государстве должно образовать избирательные округа по 100000 населения, считая по последней народной переписи.

§ 8. Если в каком-нибудь отдельном государстве при образовании избирательных округов получится излишек не менее, чем в 50000 населения, то для него должен быть образован отдельный избирательный округ.

Излишек меньший, чем в 50000 населения, соответственно распределяется между другими округами отдельного государства.

§ 9. Маленькие государства с населением не менее, чем в 50 000 душ, образуют отдельный избирательный округ.

К ним приравнивается город Любек.

Те государства, население которых меньше 50 000 душ, соединяются с другими государствами, сообразно имперской избирательной росписи (Приложение А), для образования избирательных округов.

§ 10. Избирательные округа в целях удобной подачи голосов подразделяются на мелкие избирательные участки.

Статья 4

§ 11. Кто желает использовать избирательное право в каком-нибудь участке, тот должен иметь в нем ко времени выборов постоянное жительство. Каждый может избирать лишь в одном месте.

Местопробывание солдат и военных лиц считается местом жительства, дающим право участия в выборах, если таковое не изменялось в течение трех месяцев. В тех государствах, где существует ополчение, для него делается то исключение, что обязанные к службе в нем, состоящие во время выборов на действительной службе, избирают в месте своего пребывания, вместо своего родного округа жительство. Эти списки должны быть, не позже чем за четыре недели до дня, определенного для общих выборов, предоставляемы каждому желающему на просмотр и открыто опубликованы.

Возражения против списков делаются в течение 8 дней после опубликования в тех учреждениях, которые его опубликовали.

Только те имеют право принимать участие в выборах, кто внесен в списки.

Статья 5

§ 13. Производство выборов публично; к нему привлекаются члены общины, не занимающие никакой государственной или общественной должности. Избирательное право осуществляется избирателями лично посредством избирательных бюллетеней без подписи.

§ 14. Выборы прямые. Избрание достигается абсолютным большинством всех подданных в избирательном участке голосов, если при выборах не достигнуто абсолютного большинства, назначаются вторичные выборы. Если и при вторичных выборах не будет достигнуто абсолютного большинства голосов, то в третий раз выбирают, лишь между двумя делегатами, получившими при вторичных выборах наибольшее количество голосов.

При равенстве голосов решает жребий.

§ 15. Заместителей депутатами не избирают.

§ 16. Выборы на всем протяжении империи производятся в один и тот же день, назначаемый имперским правительством.

Выборы, которые окажутся необходимыми позже, назначаются правительствами отдельных государств.

§ 17. Избирательные округа и избирательные участки, заведение выборами и производство выборов, поскольку это не установлено

законом имперской власти или пока еще будет установлено ее распоряжениями, определяются правительствами отдельных государств.

Приложение А

Имперская избирательная роспись

В целях выборов депутатов в палату народа соединяются:

1) Лихтенштейн с Австрией; 2) Гессен-Гамбург с Великим герцогством Гессенским; Гессен-гамбургский обер-амт Мейзенгейм на левом берегу Рейна с Рейнской Баварией; 3) Шаумбург Липпе с Гессен-Касселем; 4) Гогенцоллерн-Геккинген с Гогенцоллерн-Зигмарингеном; 5) Рейсс старшей линии с Рейссом младшей линии; 6) Ангальт-Кетен с Ангальт-Бернбургом; 7) Лауэнбург с Шлезвиг-Голштинией; 8) лежащая на левой стороне Рейна часть Великого герцогства Ольденбургского с Рейской Пруссией; 9) Пирмонт с Пруссией.

Франкфурт, 12 апреля 1849 г.

Правитель государства эрцгерцог Иоганн

Временные имперские министры:

И. Гагерн, Ф. Пэкэр, Ф. Беккерат, Дуквиц и Р. Моль

КОНСТИТУЦИОННАЯ ХАРТИЯ ПРУССИИ

31 ЯНВАРЯ 1850 г.

(Извлечение)

Мы, Фридрих Вильгельм, Божией милостью король Прусский и т. д., объявляем, что, подвергнув пересмотру обнародованную нами 5 декабря 1848 г. и признанную обеими палатами конституцию Прусского королевства, которой обуславливается пересмотр ее в законодательном порядке, мы окончательно утвердили в согласии с обеими палатами настоящую конституцию...

Титул 1. О государственной территории

1. Все области монархии, в их нынешнем размере, образуют прусскую государственную территорию.

2. Границы этой государственной территории могут быть изменены лишь законом.

Титул 2. О правах пруссаков

3. Конституция и закон определяют, при каких условиях приобретаются, осуществляются и утрачиваются качество пруссака и гражданско-политические права.

4. Все пруссаки равны перед законом. Сословные преимущества уничтожаются. Общественные должности доступны всем способным занять их, под условиями, указанными в законе

5. Личная свобода гарантируется. Закон определяет условия и формы, при которых допустимы ограничения ее, в особенности личное задержание.

6. Жилище неприкосновенно. Вторжение в него, домашние обыски, арест писем и бумаг могут производиться лишь в случаях и формах, указанных законом,

7. Никто не может быть изъят от подсудности своим законным судьям. Нельзя учреждать исключительных судов или чрезвычайных комиссий.

8. Наказания могут предписываться и налагаться лишь согласно с законом.

9. Собственность неприкосновенна. Полная или частичная экспроприация может применяться только в интересах общественного блага под условием предварительной уплаты, в экстренных же случаях по крайней мере предварительного исчисления вознаграждения.

10. Гражданская смерть и наказание конфискацией не могут применяться,

11. Свобода эмиграции может быть ограничена государством лишь в силу требований воинской повинности. Не будет взиматься особого сбора за эмиграцию.

12. Свобода религии, образования религиозных обществ (ст. 30 и 31) и домашнего или публичного отправления религиозных церемоний неприкосновенна. Пользование гражданскими и гражданско-политическими правами независимо от вероисповедания. Пользование религиозной свободой, однако, не должно стоять в противоречии с гражданскими и гражданско-политическими обязанностями.

13. Религиозные общества, так же как и духовные общества, не имеющие еще корпоративных прав, могут получить эти права лишь в силу особых законов.

14. Христианская религия служит основой для тех государственных учреждений, которые представляют религиозный характер, без ущерба, однако, свободы религии, упомянутой в ст. 12.

15 и 16. (Отменены законом 18 июня 1875 г.).

17. Относительно церковного патроната и условий, при которых он может быть отменен, будет издан особый закон.

18. (Отменена законом 18 июня 1875 г.)

19. Введение гражданского брака последует по издании особого закона, который урегулирует также и ведение реестров о состоянии.

20. Наука и преподавание ее свободны.

21. Для образования юношества будут открыты публичные школы. Родители и заменяющие их не могут оставлять своих детей или вверенных им без обучения в том объеме, который установлен для публичных народных школ.

22. Право преподавать, основывать и руководить учебными заведениями свободно для каждого, если он докажет подлежащим государственным учреждениям свою нравственную, научную и техническую способность.

23. Все публичные и частные учебные и воспитательные заведения находятся под надзором чиновников, назначенных государством. Учителя публичных заведений имеют права и обязанности государственных чиновников.

24. При учреждении публичных народных школ должны по возможности приниматься во внимание религиозные отношения.

Религиозное обучение в народных школах должно производиться соответствующими религиозными обществами. Внешнее управление народною школою принадлежит общине. Государство назначает, из числа способных к тому лиц, учителей публичных народных школ, при законом установленном участии общины.

25. Средства для учреждения, содержания и расширения публичных народных школ даются общиной, а в случае, если будет доказано, что средства общины недостаточны, то государством.

Обязательства, падающие на третьих лиц в силу особых правовых оснований, сохраняются. Государство гарантирует народным учителям определенный доход, сообразно с местными условиями. Обучение в публичных народных школах бесплатно.

26. Специальный закон урегулирует все народное образование. (такого закона не было издано)

27. Каждый пруссак имеет право свободно выражать свои мнения словом, письмом, печатью и изображениями. Цензура не может быть введена; всякого рода другое ограничение свободы прессы возможно только законодательным порядком.

28. Преступления, совершенные посредством слова, письма, печати и изображений, караются на основании общих уголовных законов.

29. Все пруссаки имеют право, без предварительного разрешения властей, мирно и без оружия собираться в закрытых помещениях. Это постановление не относится к собраниям под открытым небом, которые требуют предварительного разрешения власти на основании закона.

30. Все пруссаки имеют право образовывать общества для таких целей, которые не подлежат действию уголовных законов.

Закон регулирует, с точки зрения общественной безопасности, пользование правом, гарантированным этой статьей и ст. 29.

Политические союзы могут быть подвергнуты ограничениям и временным запрещениям в законодательном порядке.

31. Условия, при которых даются или отказываются корпоративные права, будут определены законом. (такого закона не было издано)

32. Все пруссаки пользуются правом петиций. Коллективные петиции разрешаются лишь чиновникам и корпорациям.

33. Тайна переписки неприкосновенна. Ограничения необходимы при уголовных следствиях и в случаях войны устанавливаются законом.

34. Все пруссаки подлежат воинской повинности. Объем и способ отправления этой обязанности определяются законом.

35. Войско включает все части действующей армии и запаса. В случае войны король имеет право согласно закону призывать ополчения.

36. Вооруженные силы могут быть употреблены для подавления внутренних беспорядков или для исполнения закона лишь в законном установленном порядке и формах и лишь по требованию гражданских властей. В этом последнем отношении закон определяет исключения.

37. Подсудность военным судам ограничивается лишь уголовными делами и регулируется законом. Постановления о военной дисциплине в войске остаются предметом особых распоряжений.

38. Вооруженные силы не могут собираться вне службы ни для совещаний, ни для других целей, иначе как по приказу.

Собрания и союзы запасных чинов для обсуждения военных учреждений, приказов и распоряжений запрещаются, если они не были особо созваны.

39. Ст.ст. 5, 6, 29, 30 и 32 применяются в войске лишь настолько, насколько они не противоречат военным законам и требованиям военной дисциплины.

40. Учреждение ленов запрещается. Сохранившийся еще до сих пор Ленный Союз по распоряжению закона распускается.

41. Определения ст. 40 не применяются к королевским и существующим вне государства ленам.

42. Остаются отмененными, без всякого вознаграждения, согласно изданным специальным законам:

1) Связанное с владением известных поместий право применения или передачи юрисдикции (ст. 6) и вытекающие из этого права изъятия и сборы.

2) Обязанности, вытекающие из связи сеньориальной юрисдикции с обязанностью охраны и из прежнего наследственного подданства, и из прежнего законодательства о налогах и ремеслах.

С отмененными правами уничтожаются все обязанности и повинности, лежавшие до сих пор на их носителях.

Титул 3. О короле

43. Личность короля неприкосновенна.

44. Министры короля ответственны. Все правительственные акты короля для их действительности должны быть контрассигнованы министром, который и принимает за них ответственность.

45. Исполнительная власть принадлежит одному королю. Он назначает и отзывает министров. Он предписывает обнародование законов и издает распоряжения, необходимые для их исполнения.

46. Королю принадлежит высшее командование армией.

47. Король назначает лиц на должности в армии и в других отраслях государственной службы, за исключением случаев, предусмотренных законом.

48. Король имеет право объявлять войну, заключать мир и подписывать договоры с иностранными правительствами. Торговые договоры и те трактаты, которыми возлагаются повинности для государства или частных лиц, должны, чтобы получить силу, быть одобрены палатами.

49. Королю принадлежит право помилования и смягчения наказаний. Однако он может воспользоваться этим правом по отношению к министру, осужденному за свои действия по службе, лишь с согласия палат, возбудивших против него обвинение.

Король может прекратить начатое 'уже следствие только на основании специального закона.

50. Король имеет право жаловать ордена и другие отличия, не связанные с привилегиями. Он имеет право чеканить монету, согласно с законом.

51. Король созывает палаты и закрывает их сессии. Он может распустить их обе одновременно или только одну. Но в таком случае он должен созвать избирателей в 60-дневный срок, следующий за роспуском, и палаты в 90-дневный срок.

52. Король может отсрочить полномочия палат. Без согласия последних отсрочка не может превышать 30-дневного срока и не должна быть повторяема в течение одной сессии.

53. Корона, согласно закону о Королевском Доме, наследственна в мужском потомстве Королевского Дома по праву первородства и в порядке агнатских линий.

54. Король становится совершеннолетним с исполнением 18 лет. Он приносит присягу в присутствии соединенных палат твердо и ненарушимо соблюдать Конституцию королевства и управлять в согласии с нею и с законами,

55. Без согласия палат Король не может быть государем и иностранной державы.

56. Если Король несовершеннолетен или не может в течение долгого времени сам править, то наиболее близкий совершеннолетний агнат берет на себя регентство (ст. 53). Он должен тотчас же созвать палаты, которые в соединенном собрании решат о необходимости регентства.

57. Когда нет совершеннолетнего агната и нет закона, предусматривающего этот случай, Государственное Министерство должно

созвать палаты, которые и выбирают регента в общем заседании. До учреждения регентства дела правления отправляются Государственным Министерством.

58. Регент осуществляет власть, принадлежащую Королю от его имени. По учреждении регентства, он приносит клятву перед соединенными палатами твердо и ненарушимо соблюдать Конституцию королевства и управлять в согласии с нею и с законами.

59. За коронным заповедным фондом остается рента, назначенная законом 17 января 1820 г., с удельных и местных доходов.

Титул 4. О министрах

60. Министры, равно как и назначенные для замещения их государственные чиновники, имеют доступ в обе палаты и должны быть по их требованию выслушиваемы во всякое время. Палаты могут требовать личного присутствия министров. Министры имеют право голоса лишь в том случае, если они состоят членами палат.

61. Министры могут быть обвинены по решению одной из палат в нарушении Конституции, в подкупе и измене. Верховный Суд монархии в соединенном собрании присутствий разбирает такое обвинение. Пока существуют два Верховных Суда, они для приведенной выше цели соединяются. Ближайшие постановления о случаях ответственности, о порядке производства и наказаниях будут установлены особым законом *.

Титул 5. О палатах

62. Законодательная власть осуществляется совместно королем и обеими палатами. Согласие короля и обеих палат необходимо для каждого закона. Проект финансовых законов и государственные бюджеты вначале вносятся на рассмотрение второй палаты. Бюджеты принимаются или отвергаются первой палатой целиком.

63. Только в случаях, когда того требует сохранение общественной безопасности или устранение необычайного бедствия и палаты не заседают, могут быть изданы и получить законную силу распоряжения, не противоречащие Конституции, под ответственностью всего Государственного Министерства. Однако эти распоряжения должны быть представлены на одобрение палат в их ближайшую же сессию.

64. Право законодательной инициативы принадлежит королю и каждой из двух палат. Законопроекты, отвергнутые одной из палат или королем, не могут быть вновь внесены в течение той же сессии.

65–68. (Изменены законом 7 мая 1853 г.). Первая палата образуется королевским повелением, которое может быть заменено лишь законом с согласия палат. Первая палата составляется из членов, назначенных королем или наследственно или пожизненно.

69. Вторая палата состоит из 350 членов (позднее из 433 членов). Избирательные округа определяются законом. Они могут охватывать один или несколько уездов одного или нескольких городов.

70. Всякий пруссак, которому исполнилось 25 лет и который имеет избирательное право в той общине, в которой он живет, является избирателем первой степени. Кто имеет право принять Участие в выборах во многих общинах, может пользоваться правом избирателя первой степени лишь в одной общине.

71. На 250 душ населения выбирается один выборщик. Избиратели первой степени разделяются на три разряда, по размер уплачиваемых ими прямых государственных налогов, таким образом, что каждый разряд в целом платит третью часть общей суммы налогов. Этот налог высчитывается: а) по общинам, если община одна образует целый избирательный участок; по участкам, если избирательные участки состоят из нескольких общин.

Первый разряд образуется избирателями, платящими наибольшее количество налогов и уплачивающими вместе одну треть общей суммы налогов. Второй разряд образуется избирателями, менее обложенными налогами и уплачивающими вместе вторую треть общей суммы налогов. Третий разряд образуется теми, кто платит третью часть. Каждый разряд выбирает отдельно третью часть выборщиков. Разряды могут быть разделены на несколько избирательных союзов, не обнимающих собою более 500 избирателей. Выборщики могут быть выбраны в каждом разряде между избирателями первой степени из всего избирательного участка, не обращая внимания на разряды.

72. Депутаты выбираются выборщиками. Другие постановления относительно выборов содержатся в избирательном законе, который должен урегулировать также положение городов. Где часть прямых налогов заменяется мукомольным и скотобойным налогами.

73. Законодательный период Палаты Депутатов продолжается 5 лет.

74. В депутаты второй палаты может быть избран всякий пруссак, достигший 30-летнего возраста, не потерявший по судебному приговору своих гражданских прав и принадлежавший в течение трех лет к числу поданных прусского государства (закон 27 марта 1872 г.) Президент и члены Высшей Счетной Палаты не могут быть членами ни одной из палат ландтага.

75. По истечении законодательного периода палаты избираются вновь; то же делается в случае роспуска. В обоих случаях могут быть избраны бывшие члены.

76. Обе палаты Ландтага монархии регулярно созываются королем в течение периода, заключающегося между началом ноября каждым годом и серединой января следующего и, кроме того, всякий раз как того требуют обстоятельства.

77. Открытие и закрытие сессии палаты совершается королем лично или через уполномоченного на это министра, в общем заседании палат. Сессии обеих палат созываются, открываются, отсрочиваются и закрываются одновременно. Роспуск одной из палат вызывает отсрочивание другой. 78. Каждая палата проверяет полномочия своих членов и решает вопрос о действительности выборов. Она регулирует особым регламентом порядок своих работ и свою дисциплину; она забирает президента и вице-президента, и секретарей; чиновники не нуждаются в специальном разрешении для вступления в палаты.

Если депутат вступает на государственную должность или получает на государственной службе высшую должность или более значительный размер жалованья, он теряет свое место и свой голос в палате и может сделаться ее членом лишь после новых выборов. Никто не может быть членом сразу обеих палат.

79. Заседания обеих палат публичны. Каждая палата собирается, по предложению своего президента или десяти членов, на негласное заседание, в котором прежде всего решается вопрос о таком предложении.

80. Вторая Палата не может принять действительного решения, если нег налицо половины законного числа ее членов.

Каждая палата принимает свои решения по абсолютному большинству голосов, за некоторыми исключениями, упомянутыми в регламенте палаты. Палата господ не может принимать какого-нибудь

решения, если нет налицо, по крайней мере, 60 лиц, из призываемых по указу 12 октября 1854 года 5".

81. Каждая палата имеет право отдельно представлять адреса королю. Никто лично не может подавать прошения или адреса обеим палатам или одной из них. Каждая палата может направленные к ней письменные обращения переслать министру и предложить ему дать объяснения по поводу содержащихся в них жалоб.

82. Каждая палата имеет право назначать следственные комиссии для исследования различных фактов.

83. Члены обеих палат являются представителями всего народа. Они голосуют по своему свободному убеждению и не связаны никаким повелительным мандатом.

84. Они не подлежат ответственности за поданные ими голоса никогда, за выражения ими мнения – лишь в том случае, если они высказали их в самой палате и согласно регламенту палаты.

Никакой член палаты не может, без согласия палаты, к которой он принадлежит, быть преследуем или арестован, во время сессии, за наказуемое законом действие, исключая случаи, когда он захвачен на месте преступления или в следующий затем день.

Согласие палат необходимо также и при задержании за долги.

По требованию палаты всякое иждоразумение по уголовному делу, всякое предварительное заключение или личное задержание по гражданскому делу приостанавливаются на все время сессии.

85. Члены Палаты Депутатов получают из казначейства путевые и суточные издержки по закону. Отказ от получения их воспрещается.

Титул 6. О судебной власти

86. Судебная власть осуществляется от имени короля независимыми, не подчиняющимися другой власти, кроме закона, судами. Решения объявляются и исполняются от имени короля.

87. Судьи пожизненно назначаются королем или от его имени.

Судьи могут быть смещены или временно удалены от должности, лишь на основании судебного решения и по причинам, установленным законом. Временное удаление от должности, не вытекающее из текста закона, перемещение или увольнение в отставку могут быть применены лишь по причинам и в формах, указанных в законе, и на основании судебного решения. Эти постановления не применяются к

перемещениям, вытекающим из видоизменения организации судов и их округов

87-а. При образовании общих судов для частей прусской и чужих территорий возможно отступление от постановлений ст. 86 и 87 55.

88. (Отменена законом 30 апреля 1856 г.).

89. Организация судов определяется законом.

90. Судьей может быть назначен лишь тот, кто удовлетворяет требуемым законом условиям.

91. Суды со специальной компетенцией, именно коммерческие и промысловые суды, должны быть созданы в законодательном порядке повсюду, где они необходимы. Организация и компетенция этих судов, их судопроизводство, назначение их членов, их ранг и продолжительность сроков службы определяются законом.

92. Для всей Пруссии должен быть только один Верховный Суд.

93. Судебные заседания как по гражданским, так и по уголовным делам должны быть публичны. Двери могут быть закрыты по постановлению суда в публичном заседании, если публичность угрожает общественному порядку или добрым нравам. Во всяком другом случае публичность заседания может быть ограничена лишь законом.

94. В уголовных делах вердикт о виновности обвиняемого может быть произнесен лишь судом присяжных, за исключениями, которые в законодательном порядке постановят обе палаты. Образование суда присяжных регулируется особым законом.

95. Закон, подлежащий изданию по соглашению с Палатами, может разрешить создание 'специального суда и передать ему преступления государственной измены и другие преступления против внутренней и внешней безопасности государства.

96. Компетенция судебных и административных властей определяется законом. Суд, учрежденный законом, решает дела по пререканиям о компетенции между судами и администрацией.

97. Условия, при которых гражданские и военные должностные лица могут быть привлечены к суду за превышение власти, определяются законом. Но никакого предварительного разрешения со стороны начальства обвиняемого не требуется.

Титул 7. О государственных чиновниках, не принадлежащих к судебному сословию.

98. Положение государственных чиновников, не принадлежащих к судебному сословию, считая в том числе и членов прокуратуры, регулируется законом, который, не стесняя свободы государства в свободе выбора, охраняет должностных лиц от произвольных смещений и лишений содержания.

Титул 8. О финансах.

99. Все доходы и расходы Государства должны исчисляться вперед и вноситься в государственный бюджет. – Последний утверждается ежегодно законом.

100. Взимание налогов или податей в пользу государственного казначейства может производиться, лишь поскольку они предусмотрены бюджетом или специальными законами.

101. В области налогов не может быть установлено никаких привилегий. – Ныне действующее финансовое законодательство будет пересмотрено и все существующие привилегии уничтожены.

102. Пошлины взимаются государственными чиновниками и общинами лишь на основании закона.

103. Всякий заем, заключаемый за счет государственного казначейства, должен быть разрешен законом. То же положение распространяется и на принятие государственной гарантии.

104. Последующее одобрение обеих палат необходимо для всякого расхода сверх установленных бюджетом. Отчеты по исполнению бюджета поверяются и устанавливаются Счетной Палатой. Общий отчет по годовичному бюджету, равно как и по составлению государственного долга, представляется с замечаниями Счетной Палаты обеим палатам для облегчения (Entlassung) правительства. – Специальный закон определяет состав и компетенции Счетной Палаты.

Титул 9. Об общинах, уездах, округах и провинциях.

105. (Измен. законом 24 мая 1853). – Представительство и управление общин, уездов и провинций Прусского государства будут определены особыми законами.

Титул 10. Общие положения.

106. Законы и распоряжения обязательны, если они обнародованы в предписанной законной форме. – Поверка законной силы королевских распоряжений, правильно опубликованных, принадлежит не правительственным учреждениям, а Палатам.

107. Конституция может быть изменена обыкновенным законодательным путем. В этом отношении, для каждой палаты достаточно абсолютного большинства на двух голосованиях, между которыми полагается промежуточный срок по крайней мере в 21 день.[58]

108. Члены обеих палат и все государственные чиновники приносят присягу в верности и повиновении королю, и клянутся честно соблюдать Конституцию. – Армия не присягает в соблюдении Конституции.

109. Налоги и подати, ныне существующие, взимаются и впредь. Все постановления Свода законов, частные законы и распоряжения, не противоречащие настоящей Конституции, остаются в силе до тех пор, пока они не будут законным образом видоизменены.

110. Все должностные лица, утвержденные предшествующим законом, продолжают отправлять свою должность до обнародования органических законов, относящихся к ним.

111. В случае войны или восстания, если общественному порядку угрожает неминуемая опасность, применение ст. 5–7, 27–30 и 36 настоящей Конституции может временно быть приостановлено в местностях, где это покажется необходимым. Закон регулирует подробности.

Титул 11. Переходные положения.

112. В области обучения остаются действующие ныне постановления до обнародования закона, упомянутого в ст. 26[6].

113. (Не имеет значения).

114. (Отменена).

115. До тех пор, пока избирательный закон, упомянутый в ст. 72, не будет обнародован, остается в силе распоряжение от 30 мая 1849 о выборах депутатов во вторую палату.

116–119. (Не имеют значения).

К. Маркс, Ф. Энгельс
ТРЕБОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
В ГЕРМАНИИ
(Извлечение)

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

- «1. Вся Германия объявляется единой, неделимой республикой.
 2. Каждый немец, достигший 21 года, имеет право избирать и быть избранным, если только он не подвергался уголовному наказанию.
 3. Народные представители получают вознаграждение, для того, чтобы и немецкий рабочий имел возможность заседать в парламенте немецкого народа.
 4. Всеобщее вооружение народа. В будущем армии должны быть одновременно и рабочими армиями, чтобы войско не только потребляло, как это было прежде, но и производило бы больше, чем составляют расходы на его содержание. Это является, кроме того, одним из способов организации труда.
 5. Судопроизводство является бесплатным.
 6. Все феодальные повинности, все барщины, оброки, десятины и т. д., до сих пор тяготевшие на сельском населении, отменяются без всякого выкупа.
 7. Земельные владения государей и прочие феодальные имения, все рудники, шахты и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях земледелие ведется в интересах всего общества в крупном масштабе и при помощи самых современных научных способов.
 8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются собственностью государства. Проценты по этим ипотекам уплачиваются крестьянами государству.
 9. В тех областях, где распространена аренда, земельная рента или арендная плата уплачивается государству в виде налога.
- Все эти меры, указанные в пунктах 6, 7, 8 и 9, проводятся с той целью, чтобы уменьшить общественные и прочие повинности крестьян и мелких арендаторов, не уменьшая средств, необходимых для покрытия государственных расходов, и не нанося ущерба самому производству.
- Земельный собственник как таковой, не являющийся ни крестьянином, ни арендатором, не принимает никакого участия в производстве. Поэтому его потребление – это просто злоупотребление.

10. Вместо всех частных банков учреждается государственный банк, бумаги которого имеют узаконенный курс.

Эта мера делает возможным регулирование кредитного дела в интересах всего народа и подрывает, таким образом, господство крупных финансистов. Заменяя мало-помалу золото и серебро бумажными деньгами, она удешевляет необходимое орудие буржуазного обращения, всеобщее средство обмена, и позволяет использовать золото и серебро во внешних сношениях. Эта мера, наконец, необходима для того, чтобы приковать к правительству* интересы консервативных буржуа.

11. Государство берет в свои руки все средства транспорта: железные дороги, каналы, пароходы, дороги, почтовые станции. и т. д. Они обращаются в государственную собственность и безвозмездно предоставляются в распоряжение неимущего класса.

12. В жалованье всех государственных чиновников не будет никаких иных различий, кроме того, что семейные, т. е. лица с большими потребностями, будут получать и больший оклад, чем остальные.

13. Полное отделение церкви от государства. Духовенство всех вероисповеданий будет получать плату исключительно от своих добровольных общин.

14. Ограничение права наследования.

15. Введение высоких прогрессивных налогов и отмена налогов на предметы, потребления.

16. Учреждение национальных мастерских. Государство гарантирует всем рабочим средства к существованию и берет на себя попечение о неспособных к труду.

17. Всеобщее бесплатное народное образование

В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства – со всей энергией добиваться проведения в жизнь указанных выше мероприятий. Ибо только с их осуществлением миллионы, которые до сих пор эксплуатировались в Германии наибольшим числом лиц и которых будут пытаться и впредь держать в угнетении, смогут добиться своих прав и той власти, которая подобает им как производителям всех богатств.»

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом между 21 и 29 марта 1848 г.

К. Маркс, Ф. Энгельс
БУРЖУАЗИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
(Извлечение)

«I Кёльн, 9 декабря. Мы никогда не скрывали этого. Наша почва - не почва законности, а революционная почва. Теперь правительство, со своей стороны, отказалось от лицемерия законности. Оно стало на революционную почву, ибо и контрреволюционная почва является революционной.»

«Этот Кампгаузен, который изобрел теорию соглашения, чтобы спасти почву законности, т. е. чтобы прежде всего мошенническим путем лишить революцию подобающего ей почета, одновременно изобрел и мины, которые должны были впоследствии взорвать на воздух почву законности вместе с теорией соглашения.»

«...не надо приписывать всемирно-исторической инициативы какому-то Кампгаузену, какому-то Ганземану, этим людям среднего калибра. Они были только рупорами класса. Их речи, их действия были только официальным эхом класса, выдвинувшего их на авансцену. Они представляли только крупную буржуазию - на авансцене.»

«Буржуазия должна была заявить притязание на участие в политической власти уже в силу своих материальных интересов. Только она сама была способна удовлетворять посредством законов свои торговые и промышленные потребности. Она должна была взять управление этими своими «священнейшими интересами» из рук изжившей себя, столь же невежественной, сколь и высокомерной бюрократии.»

«Для достижения своей цели она должна была получить возможность свободно обсуждать свои собственные интересы, воззрения, а также действия правительства. Это она называла «правом свободы печати». Она должна была получить возможность беспрепятственно объединяться в союзы. Это она называла «правом свободы союзов». Точно так же должна была она добиваться свободы совести и тому подобного как необходимого следствия свободной конкуренции. И прусская буржуазия накануне марта 1848 г. была на верном пути к осуществлению всех своих желаний.»

«Прусская буржуазия была брошена на вершины государственной власти, но не так, как она хотела, путем мирной сделки с короной, а благодаря революции. Не свои собственные интересы, а интересы народа должна была она защищать против короны, т. е. против себя

самой, так как народное движение расчистило ей дорогу. По корона в ее глазах представляла только божественный покров, за которым должны были скрываться ее собственные земные интересы. Неприкосновенность ее собственных интересов и соответствующих им политических форм должна была означать в переводе на конституционный язык неприкосновенность короны. Отсюда мечты немецкой и особенно прусской буржуазии о конституционной монархии. Поэтому, хотя февральская революция вместо со своими отголосками в Германии была выгодна для прусской буржуазии, так как отдала в ее руки кормило государственного корабля, вместе с тем она спутала ее расчеты, так как ее господство было связано теперь с такими условиями, которых она не хотела и не могла выполнять.

Буржуазия палец о палец не ударила. Она позволила народу сражаться за нее. Поэтому переданная ей власть представляла собой не власть полководца, победившего своего противника, а власть комитета безопасности, которому победоносный народ доверил охрану своих собственных интересов.»

«Не следует смешивать мартовскую революцию в Пруссии ни с английской революцией 1648 года, ни с французской 1789 года.»

«Далекая от того, чтобы стать европейской революцией, она представляла собой только жалкий отголосок европейской революции в отсталой стране. Вместо того чтобы опередить свой век, она отставала от него более чем на столетия. Она с самого начала была вторичным явлением, а ведь известно, что вторичные заболевания труднее поддаются лечению и вместе с тем больше разрушают организм, чем первоначальная болезнь. Дело шло не о создании нового общества, а о возрождении в Берлине общества, почившего в Париже. Прусская мартовская революция не была даже национальной, германской, она с самого начала была провинциально-прусской. Венское, кассельское, мюнхенское - всякого рода провинциальные восстания протекали рядом с ней и оспаривали у нее первенство.»

«Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она сама оказалась враждебно противостоящей пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату.»

«...не доверяющая своим собственным лозунгам, с фразами вместо идей, боящаяся мирового урагана и эксплуатирующая его в

свою пользу; лишенная всякой энергии, представляющая собой сплошной плагиат, она пошла, потому что в ней нет ничего оригинального, она оригинальна в своей пошлости, она торгуется сама с собой, без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без всемирно-исторического призвания - точно старик, над которым тяготеет проклятье, осужденный на то, чтобы извращать первые молодые порывы полного жизни народа и подчинять их своим старческим интересам - старик без глаз, без ушей, без зубов, полная развалина, - такой очутилась прусская буржуазия после мартовской революции у руля прусского государства.»

«Мартовская революция отнюдь не подчинила суверена божьей милостью суверенитету народа. Она только заставила корону, абсолютистское государство, пойти на сговор с буржуазией, вступить в соглашение со своим старым соперником.

Корона жертвует для буржуазии дворянством, буржуазия жертвует для короны народом. При этом условии монархия станет буржуазной, а буржуазия монархической.»

«Буржуазия была убеждена в том, что на пути к соглашению ее с короной, на пути к сделке буржуазии со старым, покорившимся своей участи государством стояло явно только лишь одно препятствие, одно-единственное препятствие, народ...»

«Берлинское национальное представительство, отклонив предложение о признании мартовской революции, конституировалось как представительство прусской буржуазии, как собрание соглашателей.

Это Собрание объявило совершившееся несовершившимся. Оно громогласно заявило перед лицом прусского народа, что народ не объединялся с буржуазией для того, чтобы устроить революцию против короны, а что он устраивает революцию для того, чтобы объединить против себя самого корону с буржуазией! Так было уничтожено законное основание прав революционного народа и обретена почва законности для консервативной буржуазии.»

««Почва законности» означала просто, что революция не обрела своей почвы, а старое общество не утратило своей почвы, что мартовская революция была только «происшествием», давшим «толчок» к давно уже подготовлявшемуся в недрах старого прусского государства «сговору» между троном и буржуазией, потребность в котором сама корона уже признала в своих прежних высочайших указах и только считала его до марта но «неотложным». Словом, «почва за-

конности» означала, что буржуазия хочет после марта вести переговоры с короной на тех же самых основаниях, как и до марта, как будто никакой революции не произошло, как будто Соединенный ландтаг без революции достиг своей цели. «Почва законности» означала, что законное основание прав народа, революция, отсутствует в *contrat social*, заключенном между правительством и буржуазией. Буржуазия выводила свои притязания из старопрусского законодательства, дабы народ не мог вывести никаких притязаний из новопрусской революции.»

«Прусская буржуазия использовала против народа кровавую победу парижской буржуазии над парижским пролетариатом, так же как прусская корона использовала против буржуазии кровавую победу хорватов в Вене. Скорбь прусской буржуазии об австрийском ноябре была отмщением за скорбь прусского народа о французском июне. В своей близорукой ограниченности немецкие филистеры отождествляли себя с французской буржуазией. Они не сокрушили никакого трона, они не устранили феодального общества, а тем более его пережитков; им не приходилось сохранять общество, созданное ими самими.»

«При министерстве дела «укрепились», таким образом, старопрусская полиция, прокуратура, бюрократия, армия - на содержании, а значит и на службе у буржуазии, как вообразил Ганзман. Словом, они «укрепились».»

«Таким образом, действительная, осязаемая, общеизвестная деятельность министерства дела носила чисто полицейский характер. В глазах пролетариата и городской демократии это министерство и собрание соглашателей, большинство которого было представлено в министерстве, а также прусская буржуазия, большинство которой составляло большинство в согласительном собрании, представляли не что иное, как старое, несколько подновленное полицейское и бюрократическое государство. К этому добавилось еще возмущение против буржуазии, ибо буржуазия господствовала и, в лице гражданского ополчения, превратилась в составную часть полиции.»

«Министерство, буржуазное *par excellence**, оказалось столь неудачливым, что самые радикальные его мероприятия были парализованы радикальными членами собрания соглашателей. Оно оказалось столь убогим, что весь его крестовый поход против феодализма свелся к повышению налогов, одинаково ненавистному всем классам, а незрелым плодом всей его глубокомысленной финансовой политики

явился принудительный заем. Эти две меры в конце концов предоставили только субсидии для похода контрреволюции против самой буржуазии. Но феодалы успели убедиться в «злонамеренных» планах буржуазного министерства.

Таким образом, даже в финансовой борьбе прусской буржуазии против феодализма обнаружилось, что в своей непопулярности и бессилости она сумела даже деньги собрать только против себя САМОЙ, а - в денежных делах, господа, нет места сентиментам!

Если буржуазному министерству удалось восстановить против себя в равной мере городской пролетариат, буржуазную демократию и феодалов, то оно сумело также оттолкнуть и враждебно настроить против себя даже угнетаемый феодализмом класс крестьян, в чем ему усердно помогало собрание соглашателей.»

«Французская буржуазия начала с освобождения крестьян. При помощи крестьян она завоевала Европу. Прусская буржуазия настолько погрязла в своих самых узких, ближайших интересах, что легкомысленно потеряла даже этого союзника и сделала его орудием в руках феодальной контрреволюции.»

«При министерстве Бранденбурга собрание соглашателей было с позором разогнано, подверглось насмешкам, издевательствам, унижениям и преследованиям, а народ в решающий момент остался равнодушным. Поражение собрания означало поражение прусской буржуазии, конституционалистов, т. е. победу демократической партии, как бы дорого ни пришлось последней заплатить за эту победу.»

«История прусской, как и вообще немецкой буржуазии с марта по декабрь доказывает, что в Германии невозможна чисто буржуазная революция и установление буржуазной власти в форме конституционной монархии, что возможна либо феодально-абсолютистская контрреволюция, либо социально-республиканская революция.

Но и жизнеспособная часть буржуазии должна будет опять проснуться от своей апатии - порукой этому служит прежде всего тот чудовищный счет, которым контрреволюция ошеломит ее весной, а ведь, как резонно заявляет наш Ганзман: Господа! В денежных делах нет места сентиментам!»

Написано К. Марксом 9, 11, 15 и 29 декабря 1848 г.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 – 1849 гг. В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Вопросы к практическому занятию

1. Национальный вопрос и причины революции в Австрийской империи.
2. Восстание 13 марта 1848 г. в Вене.
3. Буржуазно-либеральное и радикально-демократическое направления в чешском национальном движении. Восстание в Праге.
4. Провозглашение независимости Венгрии: Л.Кошут и Ш. Петефи.

Источники

ИМПЕРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ, ПРИНЯТАЯ ФРАНКФУРТСКИМ ПАРЛАМЕНТОМ 28 МАРТА 1849 г. (Извлечение)

Отдел I Империя

Статья 1

§1. Германская империя состоит из территории прежнего Германского Союза. Установление отношений герцогства Шлезвига откладывается на будущее время.

...§3. Если какое-нибудь немецкое государство имеет с немецким государством одного общего главу государства, то он или должен жить в своем немецком государстве или же должен учредить в нем в конституционном порядке регентство, в которое могут быть назначаемы только немцы.

...§5. Отдельные немецкие государства сохраняют свою самостоятельность, поскольку последняя не ограничивается имперской конституцией; они имеют все государственные почести и права, поскольку такие прямо не переданы имперской власти.

Отдел II Имперская власть

Статья 1

§6. Исключительно имперская власть отправляет по отношению к загранице международно-правовое представительство Германии и отдельных государств. Имперская власть назначает имперских по-

сланников и консулов. Она ведет дипломатические сношения, заключает союзы и договоры с заграницей, равно как и договоры торговые, о мореплавании и о выдаче. Она регулирует все международно-правовые мероприятия.

§7. Отдельные германские правительства не имеют права принимать и держать постоянных посланников. Они также не должны держать отдельных консулов. Консулы иностранных государств получают свое утверждение от имперской власти.

§8. Отдельные немецкие правительства имеют право заключать договоры с другими немецкими правительствами. Их право заключать договоры с немецкими правительствами ограничивается предметами частного права, местными сношениями и полицией.

§9. Все договоры не чисто частноправового содержания, заключаемые Одним немецким правительством с другим немецким или не-немецким правительством, должны быть доводимы до сведения, а поскольку при этом затронуты имперские интересы, то и для утверждения имперской власти.

Статья 2

§10. Имперской власти исключительно принадлежит право войны и мира.

Статья 3

§11. В распоряжении имперской власти находится вся вооруженная сила Германии.

§12. Имперское войско состоит из всех сил, предназначенных для целей войны, отдельных немецких государств. Многочисленность и состав имперского войска определяется законом о военном устройстве. Государства, имеющие менее 500 000 жителей, присоединяются имперской властью к более крупным военным единицам, которые потом становятся под непосредственное ведение имперской власти или же должны быть включены в пограничные с ними более крупные государства. Подробные условия такого соединения в обоих случаях устанавливаются соглашением участвующих государств, при посредстве и с согласия имперской власти.

§13. Исключительно имперской власти принадлежит издание законов и организация в военном деле; она наблюдает за их проведением в отдельных государствах посредством постоянного контроля. Отдельным государствам предоставляется разработка своего военно-

го дела на основе имперских законов и распоряжений имперской власти и относительно в границах соглашений, указанных в §12. Они располагают своей вооруженной силой, поскольку последняя не требуется для службы империи.

Статья 4

§20. Мореплавательные постройки у моря и при устьях германских рек (гавани, бакены, маяки, лоцманы, фарватеры и т.д.) остаются в ведении отдельных прибрежных государств. Эти государства содержат их на собственные средства. Имперский закон установит, как далеко нужно будет считать начало устьев отдельных рек.

§21. Имперская власть устанавливает верховный надзор над всеми этими учреждениями и приспособлениями. Она может принуждать соответствующие государства к надлежащему их содержанию, а также на имперские средства увеличивать и расширять их.

§23. Все немецкие суда и их грузы по отношению к этим пошлинам должны быть в одинаковых условиях. Более высокое обложение иностранных судов может исходить лишь от имперской власти. Добавочные пошлины с иностранных судов поступают в имперскую кассу.

Статья 5

§24. Имперская власть имеет право издавать законы и верховно надзирать над реками и озерами, протекающими или разграничивающими несколько государств, входящих в ее судоходную область, и над устьями впадающих в нее рек, равно как и над эксплуатацией судоходства и сплавом по ним... Имперская власть имеет право принуждать отдельные государства надлежаще поддерживать судоходность этих водных путей.

§27. Речные пошлины и сборы за речное судоходство иностранных судов и за их грузы может вводить лишь имперская власть.

Статья 6

§28. Имперская власть имеет право, поскольку этого требует защита империи или общие интересы, верховного надзора и право издавать законы.

§30. При проведении или разрешении железных дорог отдельными государствами имперская власть имеет право делать распоряжения для защиты империи и в интересах общего сообщения.

§31. Имперской власти принадлежит верховное наблюдение и право издавать законы относительно сухопутных дорог, поскольку того требует защита империи и интересы общего сообщения. Имперский закон установит, какие предметы сюда относятся.

§32. Имперская власть имеет право, поскольку этого требует защита империи или общие интересы сообщения, распоряжаться проводить сухопутные железные дороги и каналы, делать реки судоходными или расширять их судоходность....

Статья 8

§41. Имперской власти принадлежит право издания законов и верховного наблюдения над почтовым делом, особенно над организацией, тарифом, транзитом, франкировкой и отношениями между отдельными почтовыми управлениями. Она же заботится об однообразном исполнении закона путем обязательных постановлений и наблюдает за их применением в отдельных государствах посредством постоянного контроля Имперской власти предоставляется, в интересах общего сообщения, Установить почтовые сообщения нескольких почтовых областей.

§42. Почтовые договоры с иностранными почтовыми управлениями могут заключаться только имперской властью или с ее согласия.

§43. Имперская власть имеет право, если она найдет это нужным, присвоить империи почтовое дело на основе имперского закона, предварительно справедливо вознаградив имеющих на это право.

§44. Имперская власть имеет право проводить телеграфные линии и пользоваться уже имеющимися за вознаграждение или приобретать их в порядке отчуждения....

Статья 9

§45. Исключительно имперской власти принадлежит издание законов и верховный надзор над монетным делом. Она обязана ввести единую монетную систему для всей Германии. Она имеет право чеканить имперскую монету.

§46. Имперская власть должна ввести единую для всей Германии систему меры и веса, равно как и установить пробы золотых и серебряных товаров.

§47. Имперская власть имеет право регулировать банковое дело и выпуск бумажных денег посредством имперского законодательства.

Она наблюдает за исполнением изданных по этому поводу имперских законов. ...

Статья 11

§52. Область юрисдикции империи определяет отдел об имперском суде.

Статья 12

§53. Имперская власть обязана своим верховным надзором охранять гарантированные силой имперской конституции права всех немцев.

...§55. Могущие исходить от имперской власти меры для охранения имперского мира таковы:

- 1) указы;
- 2) отправка комиссаров;
- 3) применение вооруженной силы.

§65. Имперская власть должна определить случаи и формы, когда должна применяться вооруженная сила против нарушений общественного порядка.

§57. Имперская власть должна установить законные нормы относительно приобретения и утраты гражданских прав в империи и в отдельных государствах.

§58. Имперской власти предоставляется право издавать имперские законы о правах уроженцев и следить за их выполнением.

Статья 13

§65. Все законы и распоряжения имперской власти получают законную силу посредством опубликования их от имени империи.

§66. Имперские законы стоят выше законов отдельных государств, если за ними точно не оговорено их подчиненное значение.

Статья 14

§67. Назначение имперских чиновников исходит от империи. Условия имперской службы устанавливаются имперским законом

Отдел III Глава империи

Статья 1

§68. Сан главы империи передается одному из царствующих германских монархов.

§69. Этот сан наследственен в доме монарха, которому он был передан. Он переходит по наследству по мужской линии по праву первородства.

§70. Глава империи носит титул: император германцев....

Статья 2

§73. Личность императора неприкосновенна. Император осуществляет переданную ему власть при посредстве назначенных им ответственных министров. ...

Статья 3

§75. Император осуществляет международно-правовое представительство Германской империи и отдельных германских государств. Он назначает имперских посланников и консулов и ведет дипломатические сношения.

§76. Император объявляет войну и заключает мир.

§77. Император заключает союзы и договоры с иностранными державами, притом при содействии рейхстага, насколько оно оговорено в конституции.

§79. Император созывает и закрывает рейхстаг. Он имеет право распустить народную палату.

§81. В уголовных делах, которые входят в компетенцию имперского суда, император имеет право помиловать или смягчить наказание....

§82. На императора возлагается охранение имперского мира.

§83. В распоряжение императора предоставлена вооруженная сила.

Отдел IV Рейхстаг

Статья 1

§85. Рейхстаг состоит из двух палат: палаты государств и палаты народа.

Статья 2

§86. Палата государств образуется из представителей германских государств.

§87. Число членов распределяется в следующем отношении: Пруссия 40 членов, Австрия 38, Бавария 18, Саксония 10, Ганновер 10, Вюртемберг 10, Баден 9, Кургессен 6, Великое герцогство Гессен 6, Голштиния 6, Мекленбург-Шверин 4, Люксембург-Лимбург 3, Нассау 3, Брауншвейг 2, Ольденбург 2, Саксен-Веймар 2, Саксен-Кобург-Гота 1, Саксен-Мейнинген-Гильдбурггаузен 1, Саксен-Альтенбург 1, Мекленбург-Стрелиц 1, Ангальт-Дессау 1, Ангальт-Бернбург 1, Ангальт-Кетен 1, Шварцбург-Зондергаузен 1, Шварцбург-

Рудольфштадт 1, Гогенцоллерн-Геккинген 1, Лихтенштейн 1, Гогенцоллерн-Зигмаринген 1, Вальдек 1, Рейсе старшей линии 1, Рейсе младшей линии 1, Шаумбург-Липпе 1, Липпе-Детмольд 1, Гессен-Тамбург 1, Лауенбург 1, Любек 1, Франкфурт 1, Бремен 1, Гамбург 1, – итого 192 члена. Пока немецко-австрийские земли не примут участия в союзном государстве, следующие государства получают увеличенное число голосов в палате государств: Бавария 20, Саксония 12, Ганновер 12, Вюртемберг 12, Баден 10, Великое герцогство Гессен 8, Кургессен 7, Нассау 4, Гамбург 2

... §92. Члены палаты государств избираются на 6 лет; они каждые три года наполовину пополняются новыми....

Статья 3

§93. Палата народа состоит из депутатов германского народа.

§94. Члены палаты народа избираются в первый раз на 4 года, а потом всегда на 3 года. Выборы совершаются согласно предписаниям, заключающимся в имперском избирательном законе.

Статья 4

§95. Члены рейхстага получают из имперской кассы равномерные ежедневные диеты и вознаграждение издержек на проезд. Подробности определяет имперский закон.

§96. Члены обеих палат не могут быть связаны инструкциями.

§97. Никто не может быть одновременно членом обеих палат.

Статья 5

...8) Отчет об израсходовании имперских средств должен быть предоставлен рейхстагу, причем раньше палате народа, а потом палате государств, для проверки и утверждения.

Статья 6

§104. Рейхстаг заседает ежегодно в месте пребывания имперского правительства. ...

Статья 7

§110. Каждая палата избирает своего президента, вице-президентов и секретарей.

§111. Заседания обеих палат публичны. Устав каждой палаты определяет условия закрытых заседаний.

§112. Каждая палата проверяет полномочия своих членов, после чего решает вопрос о допуске их на заседания.

§113. Избранный депутат палаты приносит следующую присягу: «Клянусь охранять и верно соблюдать немецкую имперскую конституцию. Да поможет мне Господь».

Отдел V Имперский суд

Статья 1

§125. Высшие государственные судебные функции отправляются имперским судом.

Отдел VI Основные права германского народа

§130. Германскому народу должны быть гарантированы ниже следующие права. Они должны служить нормой для конституций отдельных государств, и никакая конституция или законодательство отдельного германского государства не могут ни отменить, ни ограничить их.

Статья 1

§131 (§1). Германский народ состоит из граждан государств, вошедших в состав Германской Империи.

§132 (§2). Каждый немец имеет права гражданства. Предоставленными ему в силу гражданства правами он пользуется в каждом немецком государстве. Государственный избирательный закон устанавливает право избирать в германский имперский сейм.

Статья 2

§137 (§7). Перед законом все сословия равны. Дворянство, как сословие, уничтожено. Все сословные привилегии уничтожены. Все немцы равны перед законом. Все титулы, поскольку они не связаны с государственной службой, уничтожаются и никогда не должны быть восстановлены. Гражданин государства не должен принимать ордеров от иностранных держав. Общественные должности одинаково доступны для всех способных. Военная повинность для всех обязательна; заместительство не допускается.

Статья 3

§138 (§8). Неприкосновенность личности. Арест лица, кроме случая задержания на месте преступления, может совершиться в силу судебного приказа с объяснением причин ареста. Этот приказ должен быть предъявлен или в момент ареста, или же через 24 часа после ареста. Полицейская власть должна на следующий же день или освободить заключенного, или передать его судебным властям. Всякий обвиняемый должен быть освобожден из заключения по предъявле-

нии залога, определяемого судом, или под поручительство, если против данного лица нет несомненных улик в совершении тяжкого уголовного преступления....

§139 (§9). Смертная казнь отменяется за теми исключениями, когда она предписывается военным судом или морским правом в случае мятежа; отменяется выставление у позорного столба, клеймение и телесные наказания.

§140 (§10). Жилище неприкосновенно. Обыск допустим: ...

Статья 4

§143 (§13). Свобода слова устного, печатного и с помощью изображении. Свобода печати ни в коем случае не должна быть ограничена, приостановлена или отменена силою предупредительных мер, как: цензура, разрешение, требование обеспечения, государственный налог, ограничение типографий или книготорговли, почтовое запрещение или другие стеснения. Проступки против печати, подлежащие преследованию, разбираются судом присяжных. Империя издает закон о печати.

Статья 5

§144 (§14). Полная свобода совести и вероисповедания. Никто не обязан открывать свои религиозные убеждения.

§145 (§15). Никто не подлежит ограничению в домашнем и общественном культе своей религии. Преступления и проступки, совершаемые при осуществлении этой свободы, наказываются законом....

Статья 6

§152 (§22). Дело обучения и воспитания находится под верховным наблюдением государства, и за исключением религиозного обучения, освобождается от надзора духовенства.

§153 (§23). Свобода науки.

§154 (§24). Каждый немец, выдержавший установленное испытание, может открыть учебные и воспитательные заведения, руководить ими и обучать в них. Домашнее обучение не подлежит никаким ограничениям.

§155 (§25). Для образования немецкого юношества должны всюду открываться общественные школы в достаточном количестве. Родители и их заместители не должны оставлять без обучения своих детей или опекаемых без установленного для низших школ обучения.

§156 (§26). Учителя общественных школ пользуются правами государственной службы. Государство назначает народных учителей при законном участии общины из числа лиц, выдержавших установленный экзамен.

§157 (§27). За обучение в народных и низших ремесленных школах плата не взимается. Несостоятельные обучаются бесплатно в общественных учебных заведениях.

§158 (§28). Свобода выбора профессии и подготовка к ней, как и где кто желает, ничем не ограничивается.

Статья 10

§174 (§41). Судебная власть принадлежит государству. Родовые суды уничтожаются.

§175 (§42). Судебная власть самостоятельно осуществляется судами.

... Статья 12

§186. Каждое немецкое государство имеет конституцию с народным представительством.

Статья 13

§188. Народности Германии, не говорящие по-немецки, имеют право на национальное самоопределение, а именно: обучение, церковные дела, внутреннее управление и судопроизводство ведется на родном языке.

Статья 14

§189. Всякий гражданин империи находится за границей под охраной империи.

Отдел VII. Гарантия конституции

Статья 1

§190. При всякой перемене в правительстве рейхстага, если он уже не собран, собирается без созыва в том составе, как он был в последний раз. Император, вступающий в правление, присягает имперской конституции в присутствии соединенных обеих палат рейхстага. Присяга гласит: «Клянусь: империю и права немецкого народа охранять, имперскую конституцию точно соблюдать и добросовестно ее исполнять. Да поможет мне Бог». Лишь после присяги император имеет право исполнять правительственные функции.

§191. Имперские чиновники, при поступлении на должность, должны присягать имперской конституции. Порядок установит имперский устав о службе. ...

МАНИФЕСТ АВСТРИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА
16 ОКТЯБРЯ 1848 г.
(Извлечение)

Когда предрезостные деяния, совершенные в Вене 6 октября, заставили меня покинуть город, превратившийся в вертеп самых диких и презренных страстей, я еще мог предаваться надежде, что преступное помешательство части венского населения не будет продолжительным. Я мог ожидать от столь здравого и правомерного вообще смысла жителей моей столицы, что они окажут посильное содействие тому, чтобы в кратчайшее время восстановить уважение к забытым законам, подвергнуть преступников заслуженной каре и водворить в городе нарушенную безопасность для жизни и собственности.

Это ожидание было обмануто. Не только потому, что зачинщикам мятежа в Вене посредством террора, которому в истории существует лишь один равный пример, удалось укрепить свою узурпированную власть над отчасти парализованным от страха, отчасти погруженным в дикий удар городом и, таким образом, предотвратить в стенах Вены возвращение к законности; нет, и за стенами города с возрастающим успехом распространялись зловредные проявления их анархических стремлений.

С соседней провинцией, находящейся в открытом восстании, были завязаны изменнические сношения; по всем частям моего государства были разосланы гонцы, дабы, под лицемерным предлогом, будто бы дело идет о защите угрожаемой свободы, даже там, где порядок до сих пор не был нарушен, воздвигнуть знамя бунта и предать ужасам анархии, гражданской войны и гибели мои неизменно мирные земли, жаждущие законного развития свободы.

Со дня моего восшествия на трон благо моих народов было задачей моей жизни. Сие некогда засвидетельствует история моего правления, история последних семи месяцев в особенности. Но было бы равносильно измене возложенному на меня провидением долгу,

если бы я долее стал терпеть крамолу, которая ведет трон и монархию к краю гибели и, на место предоставленной мною конституционной свободы, стремится создать состояние безграничного господства насилия.

Памятуя сей долг, я с сердцем, обливающимся кровью, вижу себя вынужденным выступить, как в моей столице, так и повсюду, где проявится мятеж, бесстрашно под'емлющий теперь свою главу, и бороться с ним, пока он не будет совершенно раздавлен, пока не восстановится порядок, спокойствие и законность и пока не будут преданы в карающую руку закона убийцы моих верных слуг: графов Ламберга и Латура.

Дабы достигнуть этой цели, я из различных частей монархии посылаю боевые силы против Вены, центра восстания, и возлагаю на моего фельдмаршала лейтенанта князя фон-Виндишгреца главное командование всеми войсками во всех моих государствах...

В то же время я снабжаю поименованного князя соответствующими полномочиями, дабы он, по собственному усмотрению, мог в возможно короткое время завершить дело мира в моей империи.

По подавлении вооруженного восстания и восстановлении спокойствия, задачей моего министерства будет, по соглашению с членами учредительного рейхстага, урегулировать прессу, ведущую себя до сих пор с необузданным злоупотреблением, право союзов и народное ополчение и создать таким образом состояние, которое, не посягая на свободу, должно обеспечить закону силу и уважение.

Возвещая моим народам эти постановления, принятые мною с неуклонной решительностью в сознании моих обязанностей и моих прав, я уповаю на искреннее и энергичное содействие всех, кому дороги благо императора, их отечества, их семей и истинная свобода и кто увидит в моем теперешнем решении единственный путь для того, дабы предохранить монархию от распада, а самих себя от ужасов анархии и разложения всех общественных связей.

Фердинанд.

М.Л. Бакунин
МАНИФЕСТ СЛАВЯНСКОГО СЪЕЗДА
К ЕВРОПЕЙСКИМ НАРОДАМ
1848 г.
(Извлечение)

Съезд славянский в Праге есть явление новое, как в Европе, так и между самими славянами. Первый раз, с тех пор как мы стали известны в истории, сошлись мы, разделенные члены великого народного племени в большом числе из далеких краев, чтобы, познавши друг друга, как братья, обсудить спокойно свои общественные дела. И мы поняли друг друга не только нашим прекрасным языком, которым говорят 80 миллионов, но и созвучным биением сердец наших и одинаковых душевных наших стремлений. Правда и прямота, которые вели к нашему единению, привели нас к тому, чтобы мы также перед богом и светом высказали, чего мы хотели и какими принципами руководились в этом нашем единении.

Народы романские и германские, некогда славные в Европе, как могучие завоеватели, не только обеспечили себе силой меча своего свою политическую независимость, но умели также всячески удовлетворять свои стремления к господству. Политическое умение их основывалось главным образом на праве сильного, имело в виду свободу только высших классов, правило посредством привилегий, а народу давало только одни обязанности. Теперь в новейшее время удалось силе общественного мнения, расширяющегося, как дух божий во всех землях, поколебать все оковы феодализма и возвратить личностям всюду неотъемлемые, вечные права человека и человечности. Напротив, у славян, у которых свобода искони была любима тем горячее, чем меньше у них проявлялась тяга к господству и завоеванию, между тем как стремление к независимости всегда препятствовало образованию какой-нибудь высшей средней государственной силы, с течением времени одно племя за другим попадало в зависимость от чужих.

Путем политики, которая давно уже осуждена по заслугам перед очами всего света, лишен был наконец и рыцарский народ польский, наши благородные братья, своего государственного существования. Целый великий свет славянский, казалось, очутился всюду в порабо-

щении, которого добровольные слуги не упустили отрицать у славян даже и способность к свободе. Однако ж, это нелицеприятное мнение, наконец, падает перед словом божьим, которое говорит к сердцу каждого в огромных переворотах настоящего времени: дух, наконец, дошел до победы; волшебство старой клятвы сломано; тысячелетнее здание, которое строила и защищала суровая сила, вместе с хитростью и помрачением умов, рассыпается перед глазами нашими в прах; свежий дух жизни, веющий по широким нивам, творит новые миры; слово свободное, действие свободное стали, наконец, действительностью. Теперь поднял голову и долго притесненный славянин, он сбрасывает с себя насилие и требует могучим криком своего старого наследия – свободы. Сильный числом, еще сильнейший своею волею и новоприобретенным единодушием своих племен, он, тем не менее, остается верен природным свойствам и принципам своих отцов: не желает ни господства, ни завоевания, но желает свободы как для себя, так и для каждого, желает целиком, безусловно, чтобы она была признана за наисвятейшее право человека. Поэтому мы, славяне, отрицаем и ненавидим всякое господство грубой силы, которая идет наперекор законам; отрицаем всякие привилегии и преимущества, как и всякие политические разделения государств, – желаем безусловно равенства перед законом и равной меры прав и обязанностей для каждого; где среди миллионов родится хоть один поработенный, там еще настоящей свободы не знают. Да, свобода, равенство и братство всех живущих есть наш девиз, как тысячу лет назад, так и теперь! Однако же мы поднимаем голос свой и излагаем наши требования не только в пользу отдельных личностей в государстве. Не менее, чем человек с его природным правом, свят нам и народ с суммою его душевных благ. Жизнь и история присудила некоторым народам более совершенное человеческое развитие перед другими, но при этом все-таки указывает, что стремление к развитию этих последних никогда не может быть ограничено. Природа, не зная народов благородных и неблагородных по существу, не призвала никакой народ к господству над другим и не предназначила никакой народ к тому, чтобы он служил другому средством для его собственных целей; равное право всех на благороднейшую человечность есть закон божий, которого никто не смеет преступить без наказания. Грешно поэтому, если этот закон у самых цивилизованных народов еще не признан и не соблюдается,

как следовало. То, от чего отреклись добровольно по отношению к отдельным лицам, а именно владычество и опекуновство, – то еще присваивается везде по отношению к отдельным народам; претендуют на господство во имя свободы, не умея делить ее в общее пользование. Так, свободный британец отказывается признать ирландца вполне ему равноправным, так немец грозит насилием многим племенам славянским, если те не захотят помогать сооружению величия Германии, так мадьяр не стыдится присваивать лишь себе право национальной самостоятельности в Венгрии. Мы, славяне, просто презираем все такие претензии, и отвергаем их тем решительнее, чем несправедливее они прикрываются движением свободы. Однако, верные своим природным особенностям и не допуская в себе мести за прежние неправды, мы подаем братскую руку всем соседним народам, которые готовы наравне с нами признавать, а если нужно, то и защищать полную равноправность всех народностей, без различия их политической силы и величины.

Подобным образом порицаем и презираем ту политику, которая позволяет поступать с землями и народами, как с материалом, подчиненным государственной силе, брать, менять и делить их, по произволу, без внимания к племени, языку, правам и наклонностям народов, их природной связи, их прав на самостоятельность. Суровая сила меча решала одна судьбу подавленных народов, от которых не требовалось ничего другого, кроме войска и денег к обеспечению насилия и наружной лести к насильнику.

Основываясь на убеждении, что могучее духовное движение теперешнего времени требует и нового политического устройства государств, если не в новых границах, то на новых основах, мы предложили императору австрийскому, под которого конституционной властью живет большая часть из нас, чтобы империя его превратилась в союз равноправных народов, на отдельные потребности которых столько же должно обращать внимания, как и на единство государства. Мы видим в таком союзе спасение не только нас самих, но и для свободы, просвещения и гуманности вообще и верим в сочувствие Европы к осуществлению его. В всяком случае мы решили добиться в Австрии всеми доступными нам способами признания за нашими потребностями таких же прав в государстве, какими уже пользуются народы немецкий и мадьярский, полагаясь при этом на крепкую под-

держку, которая найдется для нас в каждом действительно свободном сердце.

Ш. Петефи
12 ПУНКТОВ
1848 г.

Чего хочет венгерский народ.

Да будет мир, свобода и согласие.

1. Мы требуем свободы печати, отмены цензуры.
 2. Независимое венгерское правительство в Буде-Пеште.
 3. Ежегодное национальное собрание в Пеште.
 4. Гражданское и религиозное равенство перед законом.
 5. Национальная армия.
 6. Универсальное и равное налогообложение.
 7. Устранение урбанистических отношений.
 8. Присяжные и суды, основанные на равном юридическом представительстве.
 9. Национальный банк .
 10. Армия должна принять присягу на Конституции, отправить наших солдат домой и принимать иностранных солдат прочь.
 11. Освобождение политзаключенных.
 12. Союз.
- Равенство, свобода, братство!

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 – 1849 гг. В ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Вопросы к практическому занятию

1. Национальный вопрос. «Молодая Италия». Мадзини. Гарибальди.
2. Дворянско-либеральное и радикально-демократическое течения в борьбе за объединение Италии.
3. Народные восстания в Сицилии, Неаполе, Милане, Венеции.
4. Национально-освободительная война против Австрии.
5. Римская и Венецианская республики.
6. Итоги революции. Причины ее поражения.

Источники

МАНИФЕСТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В МИЛАНЕ «К ЕВРОПЕЙСКИМ НАРОДАМ» ОБ АВСТРИЙСКОМ ГНЕТЕ АПРЕЛЬ 1848 г.

Австрийское правительство налагало неумеренные подати на нашу собственность, на нас лично, на необходимые товары; оно извлекало из нас средства, которые одни только спасли его от банкротства; они получают их в свободное и постоянное арендное пользование, взамен умеренного взноса государству, и могут их выкупить в определенное время из аренды.

Специальные правила должны детально определить способ проведения в жизнь всех этих мероприятий.

Аналогичные меры должны быть проведены относительно городских имуществ, возникших из тех же или подобных источников с целью обеспечения лучших и более дешевых жилищ беднейшим классам.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ТРИУМВИРАТА РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(Извлечение)

ОТ 10 ФЕВРАЛЯ 1849 г.

До того как конституция Римской республики не будет принята и вступит в силу, Учредительное собрание будет управлять государством посредством Исполнительного комитета.

Исполнительный комитет будет составлен из трех итальянцев, ответственных и сменяемых по воле Собрания.

ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1849 г.

Все церковные имущества Римского государства объявляются собственностью Республики.

Римская республика должным образом вознаградит служителей культа...

ОТ 25 ФЕВРАЛЯ 1849 г.

Л Будет установлен принудительный налог с доходов богатых семей, наиболее значительных капиталистов и коммерсантов и на торговые и промышленные общества разного рода...

От 25 февраля 1849 г.

Юридическое попечение епископов над университетами и над всеми просветительными учреждениями Республики, за исключением епископских семинаров, навсегда запрещается. Просвещение государства входит в непосредственное ведение министерства просвещения.

От 4 апреля 1849 г.

1. Здание, которое некогда служило инквизиции, предназначается отныне под жилища семейств и отдельных лиц, которые будут туда помещены за умеренную арендную плату...

От 27 апреля 1849 г.

1. Каждая семья, состоящая по крайней мере из трех лиц, получает количество земли, соответствующее работе двух быков, т. е. 20 тыс. кв. м.

От 4 мая 1849 г.

Личность неприкосновенна. Одно лишь правительство имеет право и обязанность наказывать. Собственность неприкосновенна...

Никому не дано право производить аресты или домашние обыски без указаний или присутствия военного чина...

**ПРОКЛАМАЦИЯ ТРИУМВИРАТА
ОБ ОБОРОНЕ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
3 ИЮНЯ 1849 г.
(Извлечение)**

Римляне!

К позору нападения республиканских войск (войск Франции.) на дружественную республику генерал Удино прибавил низость измены. Он нарушает имеющееся в наших руках письменное обещание не начинать атаки раньше понедельника.

Восстаньте, римляне! На стены, к воротам, на баррикады! Докажем неприятелю, что даже при помощи измены нельзя победить Рим. Пусть весь город поднимается, воодушевленный одной и той же мыслью. Пусть каждый человек сражается; пусть каждый верит в победу. Пусть каждый помнит о своих отцах и станет героем. Право восторжествует, и вечный стыд пусть накроет Союзников Австрии.

Да здравствует республика!

**СТАТУТ КОРОЛЕВСТВА
4 МАРТА 1848 г.
(Извлечение)**

Карл Альберт

Божьей милостью король Сардинии, Кипра и Иерусалима и пр. и пр.

По долгу короля и милости отца решили мы исполнить ныне то, что возвестили любезным нашим подданным нашей прокламацией от 8 минувшего февраля, которую мы хотели показать среди всех необычайных событий, совершавшихся вокруг нашего отечества, как наше доверие к ним росло вместе с важностью событий и как, следуя исключительно велениям нашего сердца, мы пришли к твердому намерению устроить их судьбы согласно требованиям времени, а также интересам и достоинству нации.

Признавая широкие и прочные представительные учреждения, заключающие в настоящем основном Статуте, самым верным средством для укрепления тех уз неразрывной любви, которые связывают в Италии нашу Корону с народом, давшим нам столько доказательств верности, повиновения и любви, решили мы утвердить и провозгласить его в уверенности, что Бог благословит благия наши намерения и что нация свободная, сильная и счастливая будет выказывать себя все более достойной древней славы и сумеет заслужить славное будущее.

Посему, волею и властью Короля и вняв мнению нашего Совета, повелели мы и повелеваем в силу Статута и основных постоянных и неизменных законов монархии следующее:

Ст. 1. Католическая, апостольская и римская религия есть единственная религия государства. Остальные существующие культы терпимы согласно законам.

Ст. 2. Государство управляется представительным монархическим правительством. Престол наследуется согласно салическому закону.

Ст. 3. Законодательная власть осуществляется совместно Королем и двумя палатами: Сенатом и Палатой депутатов.

Ст. 4. Личность короля Священна и неприкосновенна.

Ст. 5. Королю одному принадлежит исполнительная власть. Он есть верховный глава государства; командует всеми сухопутными и морскими силами; объявляет войну, заключает договоры — мирные, союзные, торговые и другие, извещая о них палаты, поскольку интересы и безопасность государства это позволяют, и сопровождая нужными разъяснениями. Трактаты, обременяющие государственные финансы или изменяющие территорию государства, не имеют силы, пока не получают согласия палат

Ст. 6. Король назначает всех должностных лиц государства и издает декреты и правила, необходимые для исполнения законов, не приостанавливая их соблюдения и не освобождая от него.

Ст. 7. Один Король утверждает и обнародывает законы.

Ст. 8. Король может миловать и смягчать наказания.

Ст. 9. Король ежегодно созывает обе палаты: может отсрочивать сессии и распускать Палату депутатов; но в этом последнем случае он созывает другую на четырехмесячный срок.

Ст. 10. Инициатива законов принадлежит королю и каждой из двух палат. Но все законы, коими устанавливаются налоги или же утверждаются государственные бюджеты и финансовый отчет, должны вноситься первоначально в Палату депутатов.

Ст. 11. Король считается совершеннолетним по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Ст. 12. Во время несовершеннолетия короля регентом должен быть принц, его ближайший родственник, согласно порядку престолонаследия, если он достиг двадцати одного года.

Ст. 13. Если вследствие несовершеннолетия принца, имеющего право быть регентом, к регентству призывается более отдаленный родственник, то регент, вступивший в отправление своих обязанностей, сохраняет регентство до совершеннолетия короля.

Ст. 14. При отсутствии родственников мужского пола регентство принадлежит королеве-матери.

Ст. 15. Если же нет матери, то палаты созванные министрами в течении десяти дней, назначают регента.

Ст. 16. Предшествующие статьи, касающиеся регенства, применяются и в том случае, если совершеннолетний король окажется в физической невозможности царствовать. Но если законный наследник престола к этому времени достигнет восемнадцатилети лет, он будет в таком случае по закону регентом.

Ст. 17. Опекунство над королем принадлежит королеве-матери до достижения им семилетнего возраста, после чего опека переходит к регенту.

Ст. 18. Права, принадлежащие гражданской власти в вопросах о бенефициях или касающиеся всяких назначений, сделанных иностранною властью, осуществляются королем.

Ст. 19. Цивильный лист Короны сохраняется в течение настоящего царствования в том размере, какой получится из среднего вывода за последние десять лет. Король будет продолжать пользоваться королевскими дворцами, виллами, садами и их принадлежностями, а также и всею без различия принадлежащею Короне движимостью, которой будет сделана опись трудами ответственного министра.

На будущее время цивильный лист будет определяться на все время царствования первым законодательным собранием, созванным после восшествия короля на престол.

Ст. 20. Сверх имуществ, ныне составляющих собственность короля, в состав его частного имения войдут и те, которые он впоследствии может приобрести безвозмездными или возмездными, способами в течение своего царствования,

Король может распоряжаться своим частным имуществом и при жизни, и по завещанию, не подчиняясь постановлениям гражданских законов, ограничивающих количество, коим можно распоряжаться. В остальном собственность, короля подлежит тем же законам, как и всякая частная собственность.

Ст. 21. Законом будет определено годовое содержание наследному принцу при достижении им совершеннолетия или еще раньше в случае бракосочетания, а также все, касающееся обеспечения принцев королевской семьи и королевской крови при вышеуказанных условиях, и приданного принцесс и гражданского листа королев.

Ст. 22. Вступая на престол, король в соединенном присутствии обеих палат присягает в лояльном соблюдении настоящего Статута.

Ст. 23. Регент перед вступлением в отправление своих обязанностей присягает в верности королю и лояльном соблюдении Статута и законов государства.

О правах и обязанностях граждан

Ст. 24. Все (итальянские) подданные, каковы бы ни были их титулы и чины, равны перед законом.

Все пользуются одинаковыми гражданскими и политическими правами и могут занимать гражданские и военные должности за исключением случаев, указанных законом.

Ст. 25. Все без различия несут подати государству сообразно своему имущественному положению.

Ст. 26. Личная свобода гарантирована. Никто не может быть арестован или предан суду, иначе как в случаях, предусмотренных законом, и по форме, им указанной.

Ст. 27. Жилище каждого неприкосновенно. Никакие домашние обыски не могут иметь места, иначе как в силу законов и в форме, ими указанной.

Ст. 28. Печать будет свободна, но особый закон будет подавлять злоупотребления ею.

Но библии, катехизисы, требники и молитвенники не могут печататься без предварительного разрешения епископа.

Ст. 29. Всякая без исключения собственность неприкосновенна. Однако, когда того требует интерес государства, законно доказанный, может быть вменено в обязанность уступить ее всю или часть, за справедливое вознаграждение согласно законам.

Ст. 30. Никакие налоги не могут быть установлены или взимаемы без согласия палат и санкции короля.

Ст. 31. Государственный долг гарантирован.

Все обязательства государства по отношению к его кредиторам ненарушимы.

Ст. 32. Признается право собираться мирно и без оружия, соответственно законам, которыми будет установлен порядок пользования этим правом согласно с интересами государства.

Это право неприменимо ко всем собраниям в общественных местах или открытых для публики, которые остаются всецело подлежащими полицейским законам.

О Сенате

Ст. 33. Сенат состоит из членов, назначаемых королем пожизненно; число их неограничено, они должны иметь не менее сорока лет и выбираются из следующих категорий:

1. Архиепископы и епископы государства;
2. Президент палаты депутатов;
3. Депутаты, пробывшие в должности три срока или шесть лет;
4. Министры государства;
5. Статс-секретари;
6. Послы;
7. Чрезвычайные посланники, после трех лет службы в этих должностях;
8. Старшие председатели и председатели Кассационного Суда и Счетной Палаты;
9. Старшие председатели апелляционного суда;
10. Главный адвокат Кассационного Суда и главный прокурор, после пятилетнего пребывания в этой должности;
11. Председатели отделений апелляционного суда, пробывшие в должности три года;
12. Советники Кассационного Суда и Счетной Палаты, пробывшие в должности не менее пяти лет;

13. Главные адвокаты и главные фискалы апелляционных судов, прослужившие пять лет;

14. Генералы военной и морской службы.

Но генерал-майоры и контр-адмиралы должны иметь этот чин не менее пяти лет;

15. Члены государственного совета, пробывшие в должности не менее пяти лет;

16. Члены окружных (ныне провинциальных) советов, после третьего избрания в председатели;

17. Главные интенданты (ныне префекты), пробывшие в должности не менее семи лет;

18. Члены королевской Академии Наук, не менее как через семь лет после назначения;

19. Постоянные члены Высшего Совета народного просвещения, прослужившие семь лет;

20. Лица, выдающимся заслугами и достоинствами прославившие отечество;

21. Лица, три года платившие по три тысячи лир прямых налогов с имущества или промысла.

Ст. 34. Принцы королевского дома по закону входят в состав Сената. Они занимают в нем первое после президента место. Вступают в Сенат двадцати одного года и получают право голоса в двадцать пять.

Ст. 35. Президент и вице-президенты Сената назначаются королем. Сенат сам назначает из числа своих членов секретарей.

Ст. 36. Сенат образует Верховный Суд по декрету короля, чтобы рассматривать дела о государственной измене и о покушениях на безопасность государства, а также, чтобы судить министров, обвиняемых Палатою депутатов.

В этих случаях Сенат не является политическим учреждением. Он не может заниматься ничем, кроме судебных дел, для которых со зван, под угрозой недействительности (прочих его актов).

Ст. 37. За исключением случаев, захвата на месте преступления, никто из сенаторов не может быть арестован иначе, как по приказу Сената. Он один имеет право судить о преступлениях, в которых обвиняют его членов.

Ст. 38. Акты, законно удостоверяющие рождения, браки и смерти членов королевского дома, представляются Сенату, который повелевает хранить их в своих архивах.

О палате депутатов

Ст. 39. Выборная палата состоит из депутатов, избираемых избирательными коллегиями согласно закону.

Ст. 40. Никто из депутатов не может быть допущен в палату, если он не подданный короля, не достиг тридцати лет, и не обладает всеми гражданскими и политическими правами и не удовлетворяет всем прочим требованиям закона.

Ст. 41. Депутаты являются представителями всей нации вообще, а не той только области, которою они избраны.

Избиратели не могут давать им никаких повелительных инструкций.

Ст. 42. Депутаты избираются на пять лет; их полномочия по закону прекращаются по истечении этого срока.

Ст. 43. Президент, вице-президенты и секретари Палаты депутатов назначаются ею самою из числа ее членов в начале каждой сессии на весь срок ее.

Ст. 44. Если депутат по каким-либо причинам оставит свою должность, коллегия, его избравшая, немедленно созывается для новых выборов.

Ст. 45. Никто из депутатов не может быть арестован во время сессии, за исключением случаев захвата на месте преступления, или предан суду по уголовному делу без предварительного согласия Палаты.

Ст. 46. Также не может быть дан никакой приказ о задержании за долги депутата во время сессии, а также в течение трех недель, предшествующих сессии, и трех недель по окончании её.

Ст. 47. Палата депутатов имеет право обвинять министров короля и призывать их к ответу перед Верховным Судом.

Постановления, общие для обеих палат

Ст. 48. Сессии Сената и Палаты депутатов начинаются и кончаются одновременно.

Всякое собрание одной из палат в то время, когда другая не собирается на сессии, – незаконно, и постановления его недействительны.

Ст. 49. Сенаторы и депутаты перед вступлением в свои обязанности должны принести присягу в верности королю, в лояльном соблюдении Статута и законов государства и в том, что они будут исполнять свои обязанности, заботясь единственно о нераздельном благе короля и родины.

Ст. 50. Обязанности сенаторов и депутатов не соединены с каким-либо вознаграждением или возмещением расходов.

Ст. 51. Сенаторы и депутаты не могут быть привлекаемы к ответственности за мнения, ими высказанные, или голоса, поданные в палатах.

Ст. 52. Заседания палат публичны. Но если десять членов подадут письменное о том заявление, они могут вести дебаты и при закрытых дверях.

Ст. 53. Заседания и постановления палат незаконны и недействительны, если нет налицо абсолютного большинства членов.

Ст. 54. Решения могут быть постановлены только большинством голосов.

Ст. 55. Всякий законопроект должен предварительно рассматриваться комиссиями, которые назначаются каждою палатою для подготовительных работ. Рассмотренный и одобренный одною из палат, проект передается для обсуждения и одобрения в другую, а затем представляется на утверждение короля. Обсуждение происходит по статьям.

Ст. 56. Если какой-нибудь законопроект будет отвергнут одной из трех законодательных властей, он не может быть внесен еще раз в течение той же сессии.

Ст. 57. Всякое совершеннолетнее лицо имеет право представлять палатам петиции; последние должны передавать их для рассмотрения в комиссию и по докладу последней решать, следует ли принять данную петицию во внимание, и в случае утвердительного ответа передать ее подлежащему министру или сообщить бюро для соответственного применения.

Ст. 58. Никакие петиции не могут представляться в палату лично (просителями). Только установленные власти имеют право подавать коллективные петиции.

Ст. 59. Палаты не имеют права принимать какие бы то ни было депутатии и выслушивать кого-либо, кроме своих членов, министров и комиссаров правительства.

Ст. 60. Каждой палате принадлежит исключительное право судить о законности выборов своих членов.

Ст. 61. Сенат, точно так же, как и Палата депутатов, определяет посредством собственного внутреннего устава порядок, каким он будет осуществлять свои полномочия.

Ст. 62. Итальянский язык есть официальный язык палат. Но предоставляется пользоваться французским языком членам, происходящим из местностей, где на нем говорят, и отвечать им на том же языке.

Ст. 63. Голосование производится вставанием и сидением, разделением голосующих или закрытой баллотировкой. Последний способ должен всегда применяться при вотировании закона в его совокупности и при всяком голосовании, касающемся отдельных личностей.

Ст. 64. Никто не может быть сенатором и депутатом одновременно.

О министрах

Ст. 65. Король назначает и увольняет своих министров.

Ст. 66. Министры не могут участвовать в голосовании ни в той, ни в другой палате, если не состоят их членами.

Они всегда имеют доступ в палаты и должны быть выслушаны всякий раз, когда они того потребуют.

7. Министры ответственны. Законы и правительственные акты не имеют силы, если не снабжены подписью министра.

О судеустройстве

Ст. 68. Правосудие исходит от короля и отправляется от его имени судьями, которых он назначает.

Ст. 69. Судьи, назначенные королем, за исключением участковых, несменяемы по истечении трех лет службы.

Ст. 70. Суды и судьи, существующие в настоящее время, сохраняются. Изменение судебной организации возможно лишь путем закон.

Ст. 71. Никто не может быть лишен своих естественных судей. Поэтому не могут быть учреждены чрезвычайные трибуналы или комиссии.

Ст. 72. Заседания судов по делам гражданским и прения по делам уголовным должны быть публичны согласно законам.

Ст. 73. Толкование законов, обязательное для всех, принадлежит исключительно законодательной власти.

Общие постановления

Ст. 74. Общинные и провинциальные учреждения и границы общин и провинций определяются законом.

Ст. 75. Военская повинность определяется законом.

Ст. 76. Учреждается общинная милиция на основаниях, установленных законом.

Ст. 77. Государство сохраняет свое знамя; одна лишь голубая кокарда считается национальной.

Ст. 78. Рыцарские ордена, ныне существующие, сохраняются, а также их владения. Последним не может быть дано иное употребление, кроме указанного в уставе самого учреждения. Король может учредить другие ордена и давать им устав.

Ст. 79. Дворянские титулы сохраняются за теми, кто имеет на них право. Король может раздавать их и вновь.

Ст. 80. Никто не может получить ордена, титула или пенсии от иностранной державы без разрешения короля.

Ст. 81. Все законы, противоречащие настоящему Статуту, отменяются.

Переходные постановления

Ст. 82. Настоящий Статут войдет в силу со дня первого заседания обеих палат, которое состоится по окончании выборов. До этого момента неотложные государственные дела будут решаться высочайшими распоряжениями, в том порядке и в той форме, какие доныне приняты, кроме, впрочем, судебных засвидетельствований и регистраций, которые ныне же отменяются.

Ст. 83. Для исполнения настоящего Статута король оставляет за собой издание законов о печати, о выборах, об общинной милиции, о реорганизации Государственного Совета.

До обнародования закона о печати останутся в силе существующие правила, ее касающиеся.

Ст. 84. Министрам поручается и на их ответственность возлагается исполнение этих временных постановлений.

Дан в Турине в четвертый день марта, в год от Р. Х. тысяча восемьсот сорок восьмой, а царствования нашего восемнадцатый.

Дж. Гарибальди
МЕМУАРЫ
(Извлечение)

«Я всегда стремился к добру – для себя и для себе подобных; если же мне случалось совершить нечто дурное, то это было сделано, конечно, ненамеренно. Я ненавижу тиранию и ложь и глубоко убежден, что в них главный источник всех зол и испорченности рода человеческого.

Поэтому я являюсь приверженцем республиканского устройства, достойного честных людей, устройства естественного, отвечающего желаниям большинства и потому не нуждающегося в том, чтобы его навязывали с помощью насилия или обмана.»

Книга I

Глава 48. Возвращение в Монтевидео

«Плачевное положение! Несчастливы те народы, которые надеются, что им удастся достичь благополучия из рук чужеземцев! И всякий раз, когда нужно привести доказательство этой печальной истины, мысль с тоской обращается к нашей бедной Италии.

В те дни, полагаю, что это было в начале 1848 г., до нас дошло известие о папских реформах. Отвращение итальянской нации к чужеземному владычеству достигло своей вершины, что явствовало уже давно из всех писем, получаемых на Ла-Плате. Мысль о возвращении на родину и надежда, что мы сможем своими руками участвовать в ее освобождении, заставляла наши сердца биться сильнее. Грустно было, конечно, покидать братьев по оружию и страну, которая дала нам приют и стала для нас второй родиной. Но монтевидеоский вопрос сделался только предметом дипломатической игры. Для нас не оставалось ничего, кроме неприятностей и унижения, если не что-нибудь еще хуже, что было весьма возможно, ибо нам пришлось бы иметь

дело с французским правительством, всегда враждебным итальянской нации.

Поэтому мы решили собрать группу единомышленников, раздобыть средства для переезда и направить свой парус к Италии.»

Книга II

Глава 1. Путешествие в Италию.

Нас было шестьдесят три человека, покинувших берег Ла-Платы и отправившихся к итальянским берегам, чтобы сражаться за освобождение родины. Признаки повстанческого движения на полуострове были повсюду. В случае же неблагоприятного положения вещей мы решили попытаться счастья и самим поднять восстание. Мы думали пристать к лесистым берегам Тосканы или где-нибудь, где наше присутствие было бы особенно желательным и нужно.

Итак, мы вошли на бригантину «Сперанца». Благодаря высокому патриотизму некоторых соотечественников, отдавших свои последние сбережения, мы могли ее зафрахтовать. Среди наших соратников отличились Дж. Баттиста Капурро, Джанелло, Деллацоппа, Массера, Джузеппе Авеньо и особенно наш друг Стефано Антонини, взявший на себя большую часть фрахта корабля и доставку всех нужных в пути припасов.

...

Отъезд пришелся на 15 апреля 1848 г. В бурную погоду мы вышли утром из монтевидеоской гавани и при попутном ветре очутились вечером между мальдонадским берегом и островом Лобос. На другое утро вершины Серра-де-Лас-анимас еще вырисовывались в уплывающей дали, потом они исчезли совсем. Перед нашим взором расстился только необозримый простор океана. Прекрасная и возвышенная задача – освобождение родины – ждала нас. Нас было шестьдесят три, молодых, возмужавших на полях сражений. Двое были больны.

...

Так переплыли мы океан. Относительно судьбы Италии мы были в полном неведении. Мы знали только о реформах, обещанных Пием IX. Местом нашей предполагаемой высадки была Тоскана. Мы хотели пристать там независимо от положения политических дел, независимо от того, пришлось бы нам встретиться с друзьями или вступить в бой с противником. Но, подходя к испанскому берегу у

Санта-Пола, мы принуждены были изменить свое решение и наметить целью своего путешествия Ниццу. Болезнь Анцани усилилась, а наши скромные запасы истощились. Поэтому необходимо было выйти на берег, чтобы запастись свежими припасами. Мы пристали у Санта-Пола, и командир «Сперанцы», капитан Гаццоло, сошел на берег. Он скоро принес на борт вести, которые могли свести с ума от радости и менее пылких людей, чем мы: Палермо, Милан, Венеция и сто городов-сестер совершили чудесную революцию. Пьемонтская армия разбила и преследовала австрийскую; вся Италия, как один человек, откликнулась на призыв к оружию и послала своих гордых сынов на священную войну. Я предоставляю читателям представить себе впечатление, произведенное на нас подобным известием! Мы бегали по палубе «Сперанцы», обнимая друг друга, и проливали слезы радости. Даже Анцани забыл свои страшные мученья и встал, а Сакки во что бы то ни стало хотел, чтобы его перенесли из каюты на палубу.

«Поднять паруса! Поднять паруса!» – стоял крик. На палубе началось бы восстание, если бы это желание не было немедленно удовлетворено. Якоря были моментально подняты, и бригантина была поставлена под паруса. Даже ветер, казалось, сочувствовал нашей тоске и нетерпению. В короткое время наш путь привел нас мимо берегов Испании и Франции в обетованную землю – Италию!

И мы пришли уже не как изгнанники! Нам не нужно было отговаривать право вступить на родную землю. Мы оставили намерение высадиться в Тоскане и выбрали Ниццу, первый итальянский порт, достигнутый нами, где мы высадились 23 июня 1848 г.

...

Короткое пребывание в Ницце прошло для нас как непрерывный праздник. Но у Минчо шли бои. Было преступлением сидеть сложа руки в то время, когда наши братья сражались с чужеземцами.

Мы поехали в Геную. Ее храброе население жаждало приветствовать нас. Чтобы ускорить наш приезд, нам навстречу был послан пароход; не найдя нас в Ницце, этот пароход напрасно искал нас вдоль лигурийского побережья. Течением и неблагоприятным ветром нас отнесло к Корсике. Наконец мы прибыли в Геную, а вместе с нами – несколько молодых жителей Ниццы, пожелавших сопровождать нас.

...

Начиная с этого времени (1848 г.) сторонники Мадзини обрушились на меня с нападками, которые продолжаются и поныне, в 1872 г., приняв особенно ожесточенный характер. Причиной или предлогом для этих нападков явилось, несомненно, мое решение принять вместе с моими соратниками участие в боях, которые королевская армия вела тогда с австрийцами на Минчо и в Тироле. А ведь тогдашние вожаки, которые мучили бедного умирающего Анцани, заставляя его увещевать меня, ныне принадлежат к самым верным слугам монархии!

Глава 2. В Милане.

При отъезде из Америки мы решили служить Италии и побеждать ее врагов, независимо от цвета флага, под которым нам придется сражаться в освободительной войне.

Большинство наших соотечественников выражало ту же волю, и я должен был присоединить наш небольшой отряд к тому, кто вел священную войну. Карл Альберт был военачальником тех, кто сражался за Италию. Поэтому я направился в Ровербеллу, где находилась тогда верховная ставка, и, предав забвению прошлое, предложил свою шпагу и шпаги своих соратников тому, кто в 1834 году приговорил меня к смертной казни. Я увидел его и осознал, почему он относится ко мне с таким недоверием. Колебания и нерешительность этого человека заставили меня сожалеть о том, что судьба нашей несчастной родины оказалась в столь ненадежных руках. И все же я готов был служить Италии при этом короле с тем же рвением, с каким служил бы республике. Я намеревался увлечь на этот путь самоотречения ту молодежь, которая питала ко мне доверие. Объединить Италию и освободить ее от проклятых чужеземцев – такова была моя цель и большинства моих соотечественников в то время. Италия возблагодарила бы тех, кто освобождал ее.

Я не собираюсь тревожить сон покойного и судить его действия – предоставляю истории вынести ему приговор. Скажу только, что, будучи призван своим положением, требованием момента и единодушным желанием итальянцев возглавить войну за независимость, Карл Альберт не оправдал возлагавшихся на него надежд. Он не только не сумел повести за собой бесчисленные массы людей, готовых предоставить себя в его распоряжение, – он стал главной причиной итальянского поражения.

Под тягостным впечатлением от господствовавшей всюду вредной идеи, поданной несомненно теми, кто считал, что добровольческие отряды не нужны и даже могут иметь пагубное влияние, мои товарищи отправились из Генуи в Милан, я же поспешил в Ровербеллу, потом в Турин, а оттуда в Милан, без всякой пользы для своей страны. Один только Казати, представлявший временное правительство Ломбардии, думал воспользоваться нашей помощью и присоединить нас к ломбардской армии. С прибытием в Милан кончилось мое неопределенное положение. Временное правительство уполномочило меня собрать воедино остатки различных воинских частей, для чего были привлечены и мои американские товарищи. Дело могло бы удаться, если бы, к несчастью, не вмешался королевский министр Собrero. Чинившиеся им препятствия и козни до сих пор вызывают у меня негодование. Члены временного правительства были порядочные люди, и я ценил их несмотря на то, что наши политические взгляды расходились. Но они заняли свои места под давлением обстоятельств. Я полагаю, что им недоставало опыта, они не доросли до требований той бурной эпохи. Собrero использовал их слабость и полностью подчинил своему влиянию; оказавшись на поводу у Собrero, эти достойные, но недостаточно опытные люди, не замечая того, шли к пропасти.

...

Нам предстояло принять участие в генеральном сражении, которое должно было произойти под стенами Милана.

Итак, каковы бы ни были перспективы, появилась, наконец, возможность сражаться, и нельзя было терять время. Мы спешно выступили в поход, чтобы принять участие в решении судьбы нашей родины. Всего мы насчитывали приблизительно три тысячи человек: различные отряды пьемонтских батальонов, отряды под предводительством доблестного Габриэле Камоцци, находившиеся еще в периоде формирования (им были приданы две небольшие пушки), и, наконец, маленькая колонна, известная как Итальянский легион и предводительствуемая ветеранами Монтевидео.

В Мерате мы оставили поклажу, чтобы быстрее продвигаться вперед. Вблизи Монцы пришел приказ начать операции на правом фланге неприятеля. Я сейчас же принял меры и отправил конных разведчиков узнать о движении и диспозиции австрийцев. Однако в

Монце нас настигла весть о капитуляции и прекращении военных действий. Нам навстречу уже валили толпы беженцев.

Я видел незадолго до того пьемонтскую армию у Минчо. Мое сердце ликовало тогда в гордой уверенности при виде этих блестящих молодцов, снедаемых нетерпением ударить по врагу. Несколько дней провел я с офицерами этой армии, которые созрели в тяготах военной службы и с радостной уверенностью ожидали битвы. О, я сам с радостью встал бы в ряды доблестных бойцов, чтобы пожертвовать своей жизнью, случись тогда сражение с противником.

Теперь оказалось, что эта армия разбита без поражений, голодает, находясь в богатой Ломбардии, имея позади себя Пьемонт и Лигурию, нуждается в боеприпасах и не знает, что делать, в то время как Турин, Милан, Алессандрия и Генуя еще были полны сил и готовы к любой жертве вместе со своей нацией. И все-таки истерзанная Италия снова очутилась в рабстве, и не было руки, которая могла бы собрать ее силы и обратить их против врагов и предателей. Если бы эти силы были сплочены и имели энергичных руководителей, их оказалось бы достаточно, чтобы разгромить всех недругов Италии.

Перемирие, капитуляция, бегство – эти вести поразили нас, как гром среди ясного неба. С ними вместе в население прокрались страх и деморализация, проникшие и в наши ряды. Некоторые трусы, затесавшиеся, к сожалению, среди моих людей, тут же на площади в Монце побросали ружья и стали разбегаться. Их позорное поведение вызвало негодование остальных бойцов, которые стали целиться в них из ружей. К счастью, мое и моих офицеров вмешательство предотвратило кровопролитие и помешало возникновению беспорядков. Некоторые из трусивших подверглись наказанию других разжаловали и изгнали.

При таких обстоятельствах я решил покинуть место печальных происшествий и направиться в Комо с намерением остановиться в этой гористой местности и выждать исхода событий.

Я решил организовать партизанскую войну, если не представятся другие возможности.

По дороге из Монцы в Комо к нам присоединился Мадзини, верный своему девизу «бог и народ», и сопровождал нас до Комо. Оттуда он отправился в Швейцарию, я же готовился к походу в горы Комо. С Мадзини шло немало его действительных или предполагае-

мых сторонников, которые перешли с ним границу. Это, естественно, побудило кое-кого покинуть нас, поэтому численность нашего отряда уменьшилась.

В Милане я совершил ошибку, которую Мадзини никогда не мог мне простить. Я обратил его внимание на то, что нехорошо сдерживать порывы стольких молодых людей (под тем предлогом, что возможно удастся провозгласить республику) в то время, как армия и добровольцы сражаются с австрийцами.

В Комо было спокойнее, однако и здесь царила растерянность, вызванная печальными известиями о сдаче Милана и поражении армии.

Глава 3. В Комо, Сесто-Календе, Кастеллетто.

...

В Комо многие из наших дезертировали в соседнюю Швейцарию, и я полагаю, что многие другие не поступили так же только из чувства стыда перед этим смелым народом, который всегда горячо относился к делу родины; однако они ожидали момента, когда окажутся за пределами города, чтобы покинуть ряды храбрецов, которые были готовы защищать последнюю пядь итальянской земли.

Во время первой нашей ночевки под открытым небом многие дезертировали, и, когда рассвело, в поле стали видны груды брошенных ружей.

Из уважения к истине и ради того, чтобы мои соотечественники усвоили урок прошлого и не стали бы так легкомысленно отдавать свою прекрасную страну алчному чужеземцу, я не скрываю этого позора. Однако ради истины я должен также сказать, что мои бойцы, особенно из батальона города Виченцы, были одеты большей частью в полотняные рубашки и не имели теплой одежды, несмотря на щедрость жителей Комо, которые сделали для нас все, что могли. Королевские комиссары в Милане, полагавшие, что красная рубашка слишком заметна для неприятеля, не позаботились, однако, о том, чтобы снабдить нас хоть одной шинелью; такое же отношение ожидало моих волонтеров еще не раз. Кроме того, близость Швейцарии усиливала тягу к дезертирству, и, конечно, очень многие предпочитали расписывать свои славные подвиги в кафе и в гостиницах Лугано, чем по-прежнему подвергать себя опасностям и лишениям походов.

Несколько дней бродили мы по этим горам, собирая оружие, брошенное дезертирами, и складывая его на реквизированные телеги, которые двигались вместе с колонной. Мы направились к Варесе, а оттуда в Сесто-Календе, где перешли Тичино. Здесь нас стал уже преследовать по пятам отряд австрийцев.

...

Когда стало известно о перемирии, подписанном Саласко, все были взбешены его унижительными условиями. Оно снова обрекало на рабство несчастную Ломбардию. И мы, пришедшие ей на помощь, провозглашенные защитниками ее угнетенного народа, не смогли даже обнажить за него шпагу. Можно было умереть от стыда!

Глава 4. Возвращение в Ломбардию.

Сейчас же была выпущена прокламация о неподчинении постыдному договору. У меня была единственная мысль – вновь вступить на землю Ломбардии, чтобы всеми возможными средствами бороться против ее поработителей. Из Лугано, получив известие о перемирии, к нам прибыл Даверио, гонец от Мадзини, и обещал поддержку людьми и припасами в случае возобновления войны. Это было как нельзя кстати. На Лаго-Маджоре находились два парохода, служившие для перевозки грузов и людей между Италией и Швейцарией. Нашей первой мыслью было, естественно, завладеть ими для облегчения нашего переезда. Пароходы приходили в Арону, ближайший от нас пункт, через определенные промежутки времени. В один ночной переход мы достигли Ароны и захватили один из этих пароходов; другой пришел днем, и его постигла та же участь. Соответствующее число барок забрало наших лошадей, военное снаряжение и часть пехоты, две небольшие пушки были погружены на пароходы. Деньги и провиант выдал по нашему требованию муниципалитет Анконы. Мы направились в Луино; наши пароходы тащили за собой тяжело нагруженные барки.

...

Мы переплыли озеро и около восьмисот пехотинцев с небольшим отрядом конницы сошли на берег в Луино. Обе пушки остались на палубах пароходов, находившихся под командой Томмазо Риссо. На другой день, когда мы хотели покинуть Бекачча (наш приют в Луино) и направиться в Варезотто, пришло известие, что по большой дороге с юга на нас идет австрийский отряд. Наша колонна уже

направилась кратчайшим путем по горной тропинке в Варесе. Я немедленно вернул конец колонны и приказал одной роте арьберггарда вновь занять позиции у Бекачча и прикрыть прилегающую местность, чтобы помешать врагу захватить ее. Но было поздно. Значительные силы австрийцев уже достигли этого пункта и без труда отбросили наш маленький отряд. Наши небольшие силы, разделенные на три роты, были зажаты на узкой тропинке между двумя утесами, на которой они могли двигаться только в одном направлении, не имея возможности развернуться. Но если бы они повернули к Бекачча, где местность расширяется, то из второй и третьей рот могла быть сформирована колонна. Я считал, что эта гостиница является ключом ко всей позиции и представляет наиболее выгодный пункт на территории сражения. Им нужно было овладеть, если мы не хотели покинуть поле боя, потерпев поражение.

Итак, нужно было решительно атаковать неприятеля, и цепи третьей роты бросились на штурм. Однако он был отбит, несмотря на все старания командира роты майора Марроккетти.

Тогда было приказано атаковать второй роте берсальеров из Павии, которыми командовал майор Анджело Пегурини. В то же время рота капитана Коччелли, вскарабкавшись на стену, что была слева от нас, вышла справа во фланг неприятеля. Павийцы сражались с неустрашимостью старых солдат, несмотря на то, что это был их первый бой. И хотя некоторые из них пали, отряд павийцев бросился на австрийцев в штыки, и те, устрешенные такой отвагой и появлением на правом фланге Коччелли, обратились в беспорядочное бегство. Много австрийцев было убито, а тридцать семь взяты в плен, среди них медик.

...

Но в Луино начавшаяся было успешно кампания прекратилась. Капитуляция Милана, отступление пьемонтской армии и уход из Ломбардии многочисленных добровольческих отрядов Дурандо, Гриффини и других обескуражили население. Правда, воодушевление вспыхнуло еще раз при нашем появлении после победы при Луино. Но когда всем стало ясно, что наша группа мала и что бойцы дезертируют, подстрекаемые к этому теми в Лугано, кто обещал оказать нам помощь людьми и материалами, подавленное настроение вновь взяло верх.

Медичи сделал все, что было в его силах, и после упорного сражения с превосходящими силами неприятеля вынужден был отступить в Швейцарию. Действия других отрядов не заслуживают упоминания.

Между тем австрийцы повсюду накапливали свои силы. Они не постыдились послать огромный отряд против горсти итальянских добровольцев. Мы находились несколько дней в Варесе и его окрестностях, маневрируя, чтобы не столкнуться с противником, который всегда превосходил нас в численности и чьи силы увеличивались день ото дня.

В окрестностях Сесто-Календе к нам присоединился неаполитанский капитан из отряда Дурандо с несколькими людьми и двумя орудиями большого калибра, которые в других обстоятельствах оченьгодились бы, но тогда они оказались настоящей обузой, ибо мы не могли принять бой с превосходящими силами противника на открытой местности. Я предложил капитану двигаться с орудиями дальше к Тичино, с нами же осталось немного бойцов, но это были надежные люди. Нам приходилось все время передвигаться и почти каждую ночь переходить на новое место, чтобы обмануть врага, который, к несчастью Италии, всегда, и особенно в те дни, находил достаточно предателей и шпионов, в то время как мы редко могли получить верные известия о противнике даже за бешеные деньги. Здесь я впервые узнал на опыте, что деревенское население мало сочувствует национальному делу; возможно, это вызывалось тем, что крестьяне находятся всецело под влиянием духовенства, или же тем, что они вообще враждебно относятся к своим господам, которые при нашествии чужеземцев большей частью покидают страну, предоставляя, таким образом, крестьянам возможность поживиться за их счет.

...

Скопление большого количества австрийских войск напугало население. Ни один житель этой местности, к какому бы классу он ни принадлежал, не присоединился к нам, и мы с трудом находили проводников. Я надеялся на Швейцарию, рассчитывая, что находящаяся там в эмиграции молодежь присоединится ко мне и что нас, по возможности, снабдят средствами; но никто не явился оттуда, чтобы увеличить наш маленький отряд. Более того, оттуда стали доходить слухи о важном предприятии, готовящемся в главной квартире

Мадзини; эти слухи вызывали дезертирство из наших рядов и лишали мужества тех немногих, кто еще сохранял его.

У Тернате нас окружили вражеские отряды, и мы смогли уйти только с большим трудом. Когда наш авангард спустился в низину, и враг стал ожидать нападения, мы резко свернули влево и с поспешностью, я должен признаться, напоминающей бегство, двинулись к Мораццоне, оставив противника в нескольких милях позади. По дороге, не прекращая движения, мы реквизировали весь хлеб, который можно было найти в соседних деревнях. Носильщики несли его за нами в корзинах.

В пять часов пополудни мы пришли в Мораццоне. Мы выстроили наш отряд на главной улице вдоль домов, так как улица была очень узка. Всем выдали провизию и причитающееся жалование, причем никому не было разрешено выйти из строя или сложить оружие. Раздача кончилась, и диспозиция похода была объявлена.

Мы направились в подвал одного дома, недалеко от ворот Варесе, как вдруг снаружи раздались крики, как раз у этих ворот. Это были австрийцы, ворвавшиеся сюда и смявшие стражу, которая не то от голода, не то от усталости дала захватить себя врасплох. Я до сих пор не знаю, кто нас предал и кто несет ответственность за это нападение. Если здесь не было предательства, то вина лежит на тех, кто стоял на страже. Как бы то ни было, враги были в городе, менее чем в пятидесяти шагах от того дома, в котором находился я с несколькими пригласившими меня офицерами. К тому же наступила ночь, и я представляю воображению каждого нарисовать себе, как велико было замешательство среди нашего отряда, который сражался всего несколько дней и боевой дух которого был не очень высок. Что касается меня, то обнажить саблю и, не теряя времени, в сопровождении немногих неустрашимых офицеров броситься отражать врага было для меня делом одного мгновения. Среди офицеров были Даверио, Фабрици, Буэно, Кольоло, Джусти, молодой миланец, мой адъютант, смертельно раненный в бою и потом скончавшийся, юноша несравненной отваги; я прошу моих соотечественников сохранить о нем память. При звуке наших голосов бегущие остановились и повернулись к своим преследователям. Началась схватка грудь с грудью. Некоторое время исход сражения был неясен, склоняясь в пользу то одной, то другой

стороны. Наконец мужество итальянцев взяло верх, и противник был отброшен от Мораццоне.

В то время враг, изгнанный из Мораццоне, прибег к постыдным действиям, которые он обыкновенно практиковал, особенно в Италии, этой стране, несшей крест искупления и мученичества. Он без пощады предал огню все строения, окружавшие деревню, и стал беспорядочно обстреливать последнюю из орудий. Огонь с ужасающим треском распространялся от дома к дому, а стрельба с обеих сторон еще усиливала сумятицу. Но после того, как австрийцы были отбиты, они не возобновляли больше атаки. Мы, со своей стороны, не могли и думать напасть на врага, занимавшего выгодную позицию. Принимая во внимание обстановку, нам не оставалось ничего другого, как уйти, чего бы это ни стоило; мы были уверены, что утром нас окружают огромные силы австрийцев. Неприятельские силы, уже многочисленные, постепенно получали подкрепления. Единственным путем к спасению было отступление, которое мы начали в 11 часов вечера. Проводников не удалось найти, и мы вынуждены были принудить священника указать нам дорогу, но он делал это с явной неохотой. Да оно и понятно: эти вампиры существуют в Италии только для того, чтобы быть агентами и лакеями иноземцев! Этот священник, который шел в сопровождении приставленных к нему двух наших людей, принес нам мало пользы и вскоре сумел сбежать, несмотря на конвой.

Мы сделали продолжительную остановку, и я выслал на поиски всех адъютантов, которые находились при мне, в том числе Арольди и Кольоло, а затем сам дошел почти до Мораццоне; но собрать людей так и не удалось. Нас осталось около шестидесяти человек.

...

Да, итальянцам следует хорошо помнить о разорении и позоре, причиненных им врагами, которые так долго обременяли наш прекрасный полуостров и сейчас еще бесчестят его границы. Во время этого утомительного ночного марша по почти непроходимым тропам около половины товарищей снова от нас отстали, и до швейцарской границы к вечеру следующего дня добрались лишь тридцать человек. Остальные пришли в Швейцарию, разбившись на маленькие группы.

Глава 5. Досадное бездействие.

Лихорадка, схваченная мною в Ровербелле, не оставляла меня. Я страдал от нее весь поход и пришел обессиленный в Швейцарию. Все

же меня не покидала надежда, что на ломбардской территории удастся снова как-нибудь начать действовать.

Тогда я уехал с тремя товарищами из Швейцарии во Францию, а оттуда в Ниццу, чтобы полечиться дома от терзавшей меня лихорадки. В Ницце я пробыл несколько дней в кругу своей семьи. Но так как я страдал духовно еще больше, чем физически, то спокойное пребывание дома не шло мне на пользу. Я отправился в Геную, где возмущение по поводу унижения, испытываемого родиной, проявлялось ярче. Там я закончил свое лечение. Течение событий в Италии тогда еще не заставляло ожидать самого худшего, но вызывало опасения, имевшие достаточно оснований.

Ломбардия была снова под властью тирана. Пьемонтская армия, взявшая на себя защиту Ломбардии, исчезла. Она не была уничтожена, но ее вожди убедились в своей бессилии. Над этой армией, с ее славными традициями, с ее доблестными бойцами, тяготел какой-то кошмар, какой-то необъяснимый ужасный рок! Пьемонтская армия не проигрывала битв, но она отступала (кто скажет почему?) перед разбитым врагом – под тем предлогом, что нужно было оградить войска от агитации крайних, влияние которых в Италии тогда возрастало. Из-за равнодушия и двурушничества государей в армии, естественно, угасал энтузиазм, и это парализовало ее. Та самая армия, которая пользовалась поддержкой всей нации и могла бы творить чудеса, – находясь под командой человека, способного искоренить в ней страх и недоверие, – превратилась в ничто и, рассеянная, но не побежденная, отступала из Ломбардии. Так же обстояло дело с военным флотом, побежденным в еще меньшей степени и уходившим из Адриатического моря. Народ, с таким самопожертвованием и героизмом сбросивший с себя позорное ярмо, был отдан на милость варваро-притеснителя, – народ, которой один, без всякой помощи, в пять вечно памятных дней прогнал привычных к войне австрийских солдат, как стадо скота.

В герцогствах, которые были еще во власти нашей армии, опять расцвела реакция. То же случилось и в Тоскане, где правил диктатор, которому история вынесет свой приговор. В этих герцогствах вооружали крестьянство, которое при подстрекательстве священников, шпионов и чужеземных наемников готово в любое время обрушиться на демократические порядки. В Римском государстве к руководству

политическими делами и армией были призваны Росси и Цукки. Этими известными именами хотели прикрыть ретроградные устремления, ставшие уже преобладающими.

Обманутое население, узревшее было зарю освобождения, скрежетало зубами от ярости. В вечно памятный день 8 августа жители Болоньи встретили призванных священниками австрийцев ружейными залпами и заставили их, уstraшенных, бежать за реку По.

Неаполитанцы также вели самоотверженную борьбу со своим палачом, однако их усилия оказались менее успешными. Сицилия, являвшаяся бастионом и опорой итальянской свободы, после героической борьбы стала колебаться в выборе политических учреждений из-за слабости человека, который распоряжался ее судьбой.

Короче говоря, Италия, исполненная воодушевления и активности, способная не только защищаться, но и атаковать врага на его территории, была обречена из-за глупости и предательства своих вождей, короля, ученых и священников на бездействие и покорность.

...

Увидев, что дальнейшее пребывание во Флоренции бессмысленно и обременительно, я решил идти в Романью, где надеялся достичь большего. В крайнем случае, оттуда было легче перебраться в Венецию через Равенну. Но в Апеннинах нас ожидали новые, более тяжелые испытания. По дороге, на которой, по уверениям тосканского правительства, мы должны были достать провиант, не нашлось ничего, кроме благих пожеланий населения, настроенного, правда, сочувственно, но не имевшего никаких средств удовлетворить наши потребности. Наконец, письменный приказ правительства даже запретил бургомистру одного пограничного городка предоставить нам средства к существованию и предписывал непрошеным искателям приключений оставить страну. Вот при каких обстоятельствах дошли мы до Филигари, где узнали о запрещении правительства Папского государства переходить границу. По крайней мере священники поступали последовательно: открыто обращались с нами как с врагами.

Был ноябрь. А те правительства, которым я имел честь служить и через владения которых мы проходили, не могли предоставить моим бедным героическим товарищам даже пальто.

Между тем папские швейцарцы заняли позиции по ту сторону границы и на всякий случай приготовились воспрепятствовать нашей

попытке к переходу ее. Втайне они стыдились позорного дела, порученного им их жалким правительством. Мы не могли продержаться на наших позициях в Филигари долгое время. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как снова отступить в Тоскану. Я прочел предписание тосканского правительства бургомистру, которому было приказано спровадить нас возможно скорее.

Жители Болоньи услышали о нас и возмутились преступным к нам отношением. Когда болонцы возмущаются – это без последствий не проходит, о чем хорошо знают австрийцы. Папское правительство испугалось, и поэтому мне было разрешено войти в Болонью и вступить в переговоры с начальником папских швейцарцев, генералом Латуром. Когда генерал Латур появился на балконе своего дворца, болонцы стали кричать: «Наши братья войдут сюда, или вы полетите с этого балкона». Так вступил я в Болонью, восторженно приветствуемый ее великодушными жителями, которых я должен был успокаивать, так как они готовы были немедленно прогнать чужеземцев и предателей.

...

В то время события приняли другой оборот: удар римского кинжала, в корне изменив наше положение и намерения, обеспечил нам, опальным, права гражданства и дал нам пристанище на континенте.

Как поборник идей Беккариа, я являюсь противником смертной казни и потому отношусь отрицательно к удару кинжала Брута, к виселице, на которой, вместо министра-карлика Луи Филиппа, вполне заслуживающего такой участи, раскачивается тело какого-нибудь из сынов Парижа, стремившегося отстаивать свои права; наконец, к костру, который сам по себе служит точным доказательством того, что священник – это исчадие ада.

Итак, наше положение, уже описанное мною, было жалким, но удар римского кинжала снял с нас опалу, и мы получили возможность стать частью римской армии.

Ужас, навеянный убийством Росси, обескуражил наших преследователей, и о нашем отъезде не было больше речи. Правда, со смертью папского министра в Риме и Италии еще не создано желаемого нами положения, но, во всяком случае, улучшилось положение Рима, поскольку облегчилось дело освобождения Италии, смертельным вра-

гом которого было и всегда останется папство, лишенное своей маски реформатора.

Глава 6. В римском государстве. Прибытие в Рим.

Гибель Росси показала римскому правительству, что нельзя попира́ть безнаказанно права и желания народа. В министерство были призваны более популярные люди, и нам было разрешено длительное пребывание в Папском государстве. Тем не менее к нам относились по-прежнему с недоверием; хотя мы были присоединены к военным силам Рима, к нам относились небрежно, задерживали выплату жалования и особенно плохо заботились о снабжении нас оружием и теплым обмундированием, необходимым в суровую пору зимы, которая была уже очень близка.

Тем временем в Равенну пришли ожидавшиеся мантуанцы. Мазина во главе своей небольшой, но превосходной конницы присоединился к нам, и мы образовали отряд из 400 человек, правда недостаточно вооруженный, причем большинство людей было вовсе без обмундирования и плохо одеты.

...

Итак, мы покинули Равенну и двинулись дальше, останавливаясь по дороге в различных городах Романьи. Нас хорошо принимало население, а муниципалитеты обеспечивали необходимым. В Чезене я оставил свой отряд и отправился в Рим для переговоров с военным министром, с целью уточнить наш маршрут и выяснить наше положение. Там я узнал о бегстве папы. С министром Кампелло мы решили, что Итальянский легион (так назывался отряд, которым я командовал как в Америке, так и в Италии) составит часть римской армии, будет обеспечен всем необходимым и отправится в Рим, чтобы завершить там свое комплектование и организацию. Я тотчас же написал майору Марроккетти, на которого оставил командование отрядом, чтобы он двинулся к Риму. Сам я направился навстречу отряду.

...

Я добрался до Фолиньо, где находился Легион, но сейчас же получил приказ от правительства отправиться с Легионом в Фермо и занять этот пункт, которому никто не угрожал. Это доказывало, что и новые правители нам не доверяли и намеревались держать нас вдали от Рима. Мои замечания о том, что у людей нет шинелей, необходимых для перехода через покрытые снегом Апеннины, остались без

внимания. Поэтому нам пришлось вернуться назад, пройти через Кольфьерито и оттуда направиться к Фермо.

В Риме господствовал тот же дух, что и в Милане и во Флоренции. Италия, оказывается, нуждалась не в бойцах, а в говорунах и торгашах, о которых можно было сказать то, что Альфьери говорил об аристократах: «Либо высокомерны, либо унижены, но всегда подлы».

Итак, в третий раз нужно было переходить Апеннины. Это было в середине зимы, в декабре 1848 г., а мои бедные товарищи были лишены теплой одежды. Среди тех зол, с которыми нам пришлось столкнуться в нашей бедной стране и которые причинили нам немало страданий, не последнее место занимала клевета духовенства. Яд этой клеветы, столь же затаенный и столь же смертельный, как и яд змей, распространялся среди невежественного населения, перед которым нас расписывали самыми страшными красками.

...

В это самое время в Италии начались выборы депутатов в Учредительное собрание, и наши бойцы также должны были принять в них участие.

Потомки великого народа проявили при выборах своих представителей здравый смысл своих предков. Они выбрали мужей, могущих оказать честь человечеству любой части земного шара, мужей, стойкость которых не уступала доблести сенаторов древности, или избранников в современной Швейцарии и в стране Вашингтона. Но ненависть, зависть и страх наших ничтожных властителей и духовенства не дремали. Напуганные возрождением революции, они тотчас же объединились, чтобы отсечь ее ростки, пока она еще не могла оказать серьезного сопротивления.

Глава 7. Провозглашение республики и поход на Рим.

До конца января мы пробыли в Мачерате, потом направились в Риети с приказом занять этот город.

Я видел могучих горных жителей, нас всюду радостно встречали и с восторгом сопровождали. Горные склоны дрожали от кликов за свободу Италии. И все же, всего несколькими днями позже, это сильное и энергичное население, испорченное и обманутое священниками, восстало против Римской республики и взялось за оружие, доставленное ему черными предателями, чтобы бороться с ней.

Численность нашего отряда росла и улучшалась его организация. Однако римское правительство не нуждалось в настоящих бойцах, и подобно тому как раньше оно ограничило численность Легиона пятьюстами бойцами, так теперь оно требовало от меня, чтобы в нем было не более тысячи человек.

...

Это было 8 февраля 1849 г. Меня, страдавшего от ревматизма, внес на своих плечах в зал римского собрания мой адъютант Буэно.

Теперь я присутствовал при возрождении величайшей из республик – римской – на арене величайших событий в мире – в Риме! Сколько надежд, какие перспективы! Итак, не были пустой фантазией мои ранние мечты – этот вихрь идей и пророчеств, воспламенявших мое юношеское воображение, когда я, тогда еще восемнадцатилетний, впервые бродил среди развалин великолепных памятников Вечного города. Не были фантазией эти надежды на возрождение родины, заставлявшие меня трепетать в дебрях американских лесов, среди бурь океана и побуждавшие меня выполнить свой долг в отношении угнетенных, страдающих народов!

Единение Италии напугало автократическую и иезуитскую Европу, особенно наших западных соседей, политики которых объявили господство в Средиземном море своим законным и неоспоримым правом, не принимая в расчет многочисленных наций, имевших больше прав, чем они.

...

В конце марта пришел приказ выступить с Легионом в Ананьи. В апреле стало известно, что французы находятся в Чивита-Веккье. После занятия ими этого приморского города, который мог бы защищать себя, если бы не обман одних и глупость других, стало очевидным, что французы намереваются идти на Рим.

В это время генерал Авеццана прибыл в Рим, где занял пост военного министра. Я не был знаком с Авеццана лично, но то, что мне было известно о его качествах и его военной деятельности в Испании и Америке, заставляло меня питать к нему глубокое уважение. Его появление во главе военного министерства исполнило меня большими надеждами, которые не обманули меня. Первое, что он сделал, – это прислал мне пятьдесят новых ружей, а ведь до этого момента я не

мог получить ни одного, несмотря на частые просьбы. Вскоре пришел приказ двигаться к Риму, которому угрожали солдаты Бонапарта.

Глава 8. Оборона Рима

День 30 апреля должен был озарить славой юных и неопытных защитников Рима и стать свидетелем позорного бегства наемников, священников и реакции. План обороны, выработанный генералом Авеццана, был достоин этого ветерана свободы. С неутомимой энергией он вникал во все дела и появлялся повсюду, где могло потребоваться его присутствие. Получив поручение защищать стену между воротами Сан-Панкратио и Портезе, я занял сильные передовые позиции перед этими воротами, используя с этой целью господствующие над местностью дворцы Вилла Корсини (Куаттро Венти), Вашелло и другие пункты, пригодные для обороны.

...

В ночь на 30 апреля я выслал лазутчиков на обе дороги, ведущие к оборонявшимся нами воротам. Двум небольшим патрулям было поручено устроить у дороги засаду в таком месте, чтобы поймать хоть несколько неприятельских разведчиков.

Утром передо мной стоял на коленях солдат неприятельской кавалерии и молил о сохранении жизни. Признаюсь, как бы ни был сам по себе незначителен факт захвата пленного, он поднял у меня настроение и вселил надежду на то, что день будет удачным. Передо мной была коленопреклоненная Франция, приносившая повинную за недостойное, позорное поведение ее правителей. Захват пленного был осуществлен очень смело и хладнокровно патрулем под командованием молодого ниццардца Риккьери. Наши люди обратили в бегство отряд вражеских разведчиков, хотя он превосходил по численности наш патруль. Противник бросил часть оружия.

...

Монтальди состоял в Итальянском легионе Монтевидео с самого начала его организации. Он был тогда еще очень молод, но принимал участие в бесконечных стычках, обнаруживая неизменную храбрость. Он был одним из первых, кто заявил о своем желании покинуть Монтевидео и переплыть океан, чтобы послужить делу освобождения родины. Генуя может с гордостью начертать на своих скрижалях имя Монтальди рядом с именем своего поэта-воина – Мамели.

...

Доблестному генералу Авеццана, организатору обороны, принадлежит главная заслуга в успехе, достигнутом в этот день. Во время сражения он неизменно появлялся там, где бой был особенно жарким, и своим голосом и мужественным видом подбадривал наших молодых воинов.

Генерал Бартоломео Галлетти со своим Римским легионом сражался бок о бок с нами и внес огромный вклад в победу. Хотя отряд под командованием генерала Арчони присоединился к нам позже, он также помог нанести поражение противнику и захватил большое число пленных. Батальон университетской молодежи и части других отрядов, присоединившиеся к Легиону во время сражения, также дрались превосходно. Прусский полковник Хауг, тот самый, который в 1866 г. сражался вместе с нами в чине генерала, в течение всего боя исполнял обязанности моего адъютанта с большой смелостью и хладнокровием. Марроккетти, Раморино, Франки, Коччелли, Бруско (Минутто), Перальта и все мои товарищи по Монтевидео доказали, что их репутация храбрецов приобретена по праву.

Отважные Мазина, Даверио, Нино Боннэ и другие смельчаки, чьи имена я хотел бы вспомнить, держались блестяще.

Это первое сражение с опытными войсками высоко подняло боевой дух наших легионеров, доказавших это в последующих боях.

...

В мае произошли сражения три Палестрине и Веллетри, в которых Легион покрыл себя славой. Солдаты неаполитанского Бурбона, которые вместе с французами, австрийцами и испанцами еще раньше вторглись в пределы Римского государства, придя в Палестрину, атаковали нас и получили решительный отпор.

...

С апреля, когда создалась угроза для города, и до июня не подумали ни о каких мерах защиты, особенно в отношении важнейших опорных пунктов, являвшихся ключом к обороне Рима. Я припоминаю, что после победы 30 апреля генерал Авеццана и я на совещании, состоявшемся на высоте Куаттро Венти, решили укрепить эту передовую, а также некоторые другие менее важные боковые позиции. Но генерал Авеццана был послан в Анкону, а я был поглощен другими делами. Несколько рот были выдвинуты в качестве аванпостов перед

воротами Сан-Панкрацио и Кавалледжъери, поскольку неприятель находился с этой стороны у Кастель-Гуидо и Чивита-Веккии.

Я вернулся из Веллетри, находясь, признаюсь, в мрачном настроении из-за скверного оборота, который приняло дело моей бедной родины. Легион расположился у Сан-Сильвестро, и мы думали только о том, чтобы дать бойцам возможность отдохнуть после трудного похода. Однако Удино, объявивший о возобновлении военных действий 4 июня, счел за лучшее неожиданно начать атаку в ночь со второго на третье.

...

Это сражение 3 июня 1849 г., одно из самых славных для итальянского оружия, длилось с рассвета до ночи. Попытки отбить Казино Куаттро Венти были многочисленны и кровопролитны. С наступлением сумерек я с несколькими свежими ротами полка «Унионе» и при поддержке других отрядов предпринял попытку штурма. С поразительной отвагой они бросились в атаку на Казино, где завязалась ожесточеннейшая схватка, но численное превосходство противника было слишком велико, и эти бесстрашные воины, потеряв своего командира и многих товарищей, также принуждены были отступить. Мазина, Даверио, Перальта, Мамели, Дандоло, Раморино, Морозини, Паницци, Давиде, Мелара, Минуто – какие имена! – и многие другие герои, имен которых не припомню, пали жертвами духовенства и солдат республики, развязавшей братоубийственную войну.

...

Первый Итальянский легион, насчитывавший едва ли тысячу человек, потерял двадцать три офицера (почти все они были убиты), много офицеров потеряли отряд Манары и полк «Унионе», сражавшиеся столь же мужественно; другие части также лишились множества офицеров, имен которых я не запомнил.

3-е июня решило участь Рима. Лучшие офицеры и унтер-офицеры были убиты или ранены. Неприятель овладел ключом ко всем доминирующим позициям. Используя громадное преимущество в людской силе и артиллерии, он прочно укрепился на них так же, как и на сильных фланговых позициях, захваченных в результате внезапного нападения и предательства. Вслед за тем неприятель приступил к регулярной осаде, словно перед ним была первоклассная крепость.

Это доказывает, что он столкнулся с итальянцами, умевшими сражаться.

...

Положение со дня на день ухудшалось. Нашему самоотверженному Манаре приходилось преодолевать все больше трудностей, чтобы добиться несения службы постами и сторожевым охранением, необходимой для общей безопасности, но изъяны в ее организации облегчали, конечно, проникновение неприятеля в бреши, пробитые в стенах орудиями наемников Бонапарта. Через них проходили ночью, притом с ничтожными потерями, ибо эти бреши плохо охранялись.

Если бы Мадзини – не следует перекладывать вину на других – обладал практическими навыками в такой же степени, в какой он был красноречив, строя планы различных предприятий и восстаний; если бы он обладал на самом деле – на что всегда претендовал – способностями руководить военными операциями; если бы он, кроме того, согласился выслушать некоторых из своих сторонников, прошлое которых позволяло предполагать, что они разбираются кое в чем, – в таком случае он избежал бы многих ошибок, и в тех обстоятельствах, о которых идет речь, мог бы, если и не спасти Италию, то хотя бы отсрочить развязку римской трагедии на неопределенно долгое время. В таком случае, повторяю, перед Римом открывалась возможность покрыть себя славой благодаря тому, что он пал бы последним, т. е. после Венеции и Венгрии. За день до героической смерти Манара я послал его к Мадзини, чтобы убедить его покинуть Рим и двинуться со всеми имевшимися в нашем распоряжении силами, материалами и средствами (кстати, отнюдь не малыми) к Апеннинам и занять там прочные позиции. Не знаю, почему это не было сделано? Истории известны такие решительные акции, обеспечившие спасение. Свидетелем одной из них был я сам в республике Риу-Гранди; другая была в недалеком прошлом предпринята Соединенными Штатами Америки.

Неверно, что подобный шаг был невозможен: ведь спустя несколько дней я беспрепятственно вышел из Рима с почти четырьмя тысячами людей. Избранные народом депутаты, в большинстве своем юные, энергичные патриоты, пользующиеся любовью в своих округах, могли бы отправиться в них, пробудить патриотические чувства населения и, таким образом, попытаться изменить ход событий. Вме-

сто этого ограничились разговорами о том, что оборона становится невозможной, а депутаты оставались на своем посту.

Эта мужественная решимость делала честь отдельным индивидуумам. Если же говорить о славе и интересах родины, то она стоила немногого и не могла считаться похвальной в тот момент, когда было еще много готовых к борьбе вооруженных людей и когда Венгрия и Венеция продолжали сражаться с врагами Италии. Между тем, ожидали вступления в Рим французов, чтобы сдать им оружие, которое должно было послужить для того, чтобы увековечить печальное и позорное состояние рабства.

Глава 9. Отступление.

Я очень скоро убедился, что впереди у меня мало надежды довести до конца казалось уготованное для нас самой судьбой славное и великое предприятие. Выступив из Тиволи, я продвинулся на север, чтобы проникнуть к энергичным жителям этой области и попытаться пробудить в них любовь к родине. Однако мне не только не удалось привлечь к нам хоть одного человека, но каждую ночь, словно испытывая потребность скрыть в темноте позорное дело, дезертировал то один, то другой из последовавших за мной из Рима.

...

В нашем малозавидном положении мы все же имели повод для гордости; мы выбрались из окрестностей Рима и оторвались от французских частей, которые тщетно преследовали нас часть пути. Теперь мы находились среди австрийских, испанских и неаполитанских войск; эти последние, впрочем, также остались позади. Австрийцы всюду нас разыскивали, несомненно зная о нашем незавидном положении. Они жаждали умножить свою славу, завоеванную кое-как на севере, и завидовали славе французов. О том, что наш отряд тает с каждым днем, австрийцы были превосходно осведомлены через многочисленных шпионов, т. е. священников – этих неутомимых предателей страны, терпевшей их на свое несчастье. Священники, а также хозяева крестьян и весь деревенский люд, наиболее привычный и пригодный к совершению ночных переходов, подробно информировали врага обо всем, что касалось нас, о нашем расположении и о любви предпринятом нами передвижении. Я же, напротив, мало знал о враге. Большая часть жителей была деморализована, напугана и боя-

лась навлечь на себя опасность; поэтому даже за большие деньги я не мог достать проводников.

...

Одной из самых мучительных вещей в этом отступлении было дезертирство, особенно среди офицеров, иногда даже моих старых боевых товарищей. Дезертиры собирались группами, бродили по деревням и совершали всевозможные насилия. И это были солдаты Гарибальди!.. Трусливо и подло отказавшись от борьбы за святое дело родины, они, естественно, пали до гнусного и жестокого обращения с жителями. Эти акты произвола, унижавшие нас и причинявшие мне страдание, ухудшали наше и без того печальное положение. Как я мог бороться с этими разнузданными бандами, если мы были постоянно окружены врагами! Некоторые из них, пойманные на месте преступления, были расстреляны, но это мало помогало, и большинство ушло безнаказанными.

Когда наше положение стало отчаянным, я постарался достигнуть Сан-Марино. При приближении к столице этой прекрасной республики, оттуда явилась депутация. Узнав об этом, я вышел ей навстречу. Но пока я вел переговоры, у нас в тылу появился отряд австрийцев и вызвал в арьергарде такое замешательство, что все обратились в бегство, хотя большинство даже не видело врага.

...

Австрийцы, привыкшие запугивать итальянцев, использовали также знаменитые ракеты, их излюбленное боевое средство. Они метали их в нас в огромном количестве, но я не видел, чтобы они ранили хотя бы одного человека. Надеюсь, что мои юные сограждане отнесутся к этим хлопущкам с пренебрежением, которого они заслуживают, в тот, быть может, недалекий день, когда мы преподадим такой урок нынешним хозяевам Тироля, который убедит их, что воздух южных Альп является для них смертельным.

Достигнув Сан-Марино, я написал на ступенях церкви у входа в город примерно следующий приказ: «Солдаты, я освобождаю вас от обязанности следовать за мной дальше. Возвращайтесь по домам, но помните, что Италия не должна пребывать в рабстве и позоре!»

Правительство республики Сан-Марино получило от австрийского генерала ультиматум с неприемлемыми для нас требованиями. Это вызвало здоровую реакцию у наших бойцов, которые решили

скорее бороться до последней крайности, чем снизить до унижительных условий. Тогда мы пришли к соглашению с правительством республики, по которому оружие должно было быть сложено на этой нейтральной территории, и каждый мог беспрепятственно вернуться к себе на родину. Это соглашение было заключено с правительством Сан-Марино; с врагами же Италии мы не хотели вести никаких переговоров.

...

Я решил выйти из Сан-Марино около полуночи и найти какую-нибудь бухту на Адриатике, из которой можно было бы отплыть в Венецию.

...

К востоку от мыса Горо оказался австрийский флот. «Патриотические» правительства Сардинии и Бурбонов предоставили ему без боя господство на Адриатике. Из объяснений рыбаков я знал о существовании австрийской эскадры и о том, что она, возможно, находится за этим мысом, однако, мои сведения были неопределенны.

На нашем пути в Венецию первое австрийское судно, которое мы заметили, была бригантина, кажется «Оресте». Неприятельское судно, также заметившее нас при лунном свете, постаралось приблизиться к нам. Я приказал сопровождавшим меня баркам держаться левее, ближе к берегу, чтобы таким образом выйти, по возможности, из полосы лунного света, который облегчал неприятелю возможность увидеть наши маленькие суденышки. Но эта предосторожность оказалась напрасной. Ночь была ясной, как никогда, и враг не только держал нас в поле зрения, но и открыл издали оружейный огонь и стал пускать ракеты, чтобы привлечь к нам внимание своей эскадры и оповестить ее о нашем приближении. Я попробовал, не обращая внимания на артиллерийский обстрел, проскользнуть между неприятельскими кораблями и берегом. Но экипажи остальных барок, испуганные оружейным огнем и увеличивающимся количеством врагов, повернули обратно. Не желая покинуть их, я последовал за ними.

День наступил, а мы находились в бухте у мыса Горо, окруженные неприятельскими судами, которые продолжали нас обстреливать. К своему огорчению, я заметил, что некоторые из наших барок уже сдались. Для нас было так же невозможно проехать вперед, как и назад, так как неприятельские суда были гораздо быстрее наших. Не оставалось ничего другого, как направиться к берегу. Под

артиллерийским обстрелом, преследуемые вражескими лодками и шлюпками, мы всего на четырех лодках пристали к берегу. Все остальные уже находились в руках неприятеля.

Я предлагаю читателю представить себе мое состояние в эти ужасные часы. Моя несчастная жена умирает, враг с моря преследует нас с необычайной быстротой, которая сулит легкую победу, перед нами же перспектива высадиться на берег, где, по всей вероятности, находятся другие многочисленные вражеские отряды, не только австрийские, но и папские, которые чинили тогда дикие злодеяния.

Как бы там ни было, мы пристали к берегу.

...

Австрийцы и паписты старались сделать все, чтобы найти и схватить меня. Первые, разбив батальон на группы, стали прочесывать лес во всех направлениях. Священники же старались с кафедры и в исповедальне обратить невежественных крестьянок в шпионок – к вящей славе бога!

...

Из Равенны нас увезли в Червию, на ферму одного милого человека. Я отлично помню его исполненный благожелательности облик, но забыл его имя. Пробыв здесь пару дней, мы отправились в Форли.

Из Форли, проведя ночь в доме гостеприимно встретивших нас славных людей, мы в сопровождении проводника двинулись в Апеннины.

Укажу мимоходом, что ни один человек среди благородного населения этой местности не унизился до предательства. Принимая изгнанника, они охраняли его как нечто священное; они заботились о нем, скрывали и провожали его с несравненным доброжелательством.

...

Вскоре мы перешли границу Романьи и вступили в Тоскану. То же внимание, то же расположение встретили нас и в этой части Италии, расколотой духовенством и долгими несчастьями, но предназначенной составлять единый народ. Среди других нас принял и приютил в своей горной хижине Анастасио, а потом – пришла очередь священника! Подлинный ангел-хранитель изгнанников искал нас, нашел и привел в свой дом в Модильяне.

Тем, кто имеет терпение читать эти воспоминания, напомним здесь то, о чем я говорил уже много раз: я ненавижу вообще фальшивый, развращенный характер священника, но если отвлечься от при-

сущего ему лицемерия и видеть в нем простого человека, то к нему следует относиться, как и ко всякому иному.

Падре Джованни Верита из Модильяны был истинным последователем Христа – не того Христа, из которого духовенство сделало бога и имя которого оно использует для того, чтобы прикрыть свое лживое и непристойное существование, а добродетельного человека и законодателя, каким для меня является Христос. Когда человек, преследуемый священниками за любовь к Италии, появлялся в этих краях, падре Джованни Верита почитал своим долгом защитить его, накормить и позаботиться о том, чтобы его проводили в безопасное место, или провожал его сам. Таким образом он спас сотни романьольских изгнанников, которые укрывались на тосканской территории. Обрушившаяся на них ярость духовенства заставляла их переходить в Тоскану, правительство которой, хотя и не было достойным, все же не совершало таких злодейств, как правительство папистов.

...

Я должен был покинуть страну на неопределенное время, именно неопределенное, так как мне предложили выбрать место изгнания. Я не могу здесь умолчать о мужественном поведении депутатов Левой в пьемонтском парламенте, выступивших на мою защиту. Баралис, Борелла, Валерио, Брофферио возвысили голос в мою поддержку и, если им не удалось избавить меня от изгнания, то они, несомненно, избавили меня от чего-то худшего. Ведь тогда австро-папистская партия, испытывавшая неутолимую жажду крови, торжествовала повсюду на полуострове.

Место изгнания мне было разрешено выбрать самому. Я выбрал Тунис.

Научные публикации

Н.С. Розов, В.В. Цыганков

ЗАКОНОМЕРНОСТИ В СМУТЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ 1848 – 1849 гг. В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(Извлечение)

Революционные события вначале возникают только в обществе-доноре, «дозревшем до революции» (метафора К. Маркса), то есть с накопившимися напряжениями, слабостью режима и прочими факторами, которые составляют «революционную ситуацию». Другие общества (часто соседние, родственные по языку, культуре, религии с обществом-донором, или имеющие с ним тесные культурные, экономические и политические связи) «дозревают» до революции в существенно разной мере. В них либо возникает достаточный уровень нестабильности, который благодаря «заражению» приводит к революции, либо действуют стабильные, легитимные, сильные режимы, не уязвимые для революционного влияния. В средних случаях – возникают волнения, протесты, но революции не происходит. Очевидно, волну подхватывают общества с максимумом потенциальной нестабильности – уже имеющейся революционной ситуацией. Но эффекта нескольких революций достаточно, чтобы «революционный пожар» «воспламенил» даже общества с относительно стабильными режимами.

Для более глубокого исследования динамики революционной волны мы сосредоточились на обществах Австрийской империи с учетом факторов, показавших наибольшую значимость.

Проведено шкалирование силы факторов по трехбалльной шкале (0 – отсутствие фактора, нет свидетельств о сколь-нибудь существенном его присутствии, 1 – средняя или неопределенная выраженность, 2 – яркие свидетельства сильной выраженности фактора). В описании ступеней 0 и 2 есть несколько признаков; если они выражены слабо или есть свидетельства только о меньшей части признаков, или сочетаются признаки из 0 и 2, тогда фактору приписывается среднее значение 1.

Вена – центр Австрийской империи

1. *Делегитимация власти и существующего порядка (1)*. Все протестные акции собственно в Австрии происходят только после событий на Сицилии, во Франции, и в германских землях. Ландтаг Нижней Австрии подготовил меморандум императору, требуя расширения полномочий ландтагов, отмены крестьянских повинностей. Студенты вышли на улицы с требованием расширения гражданских прав, дальше последовали бойня, массовое возмущение и сооружение баррикад.

2. *Раскол элит (1)*. Собственно австрийцы находились в привилегированном положении, хотя их было чуть больше 20% от населения империи. При описании революционной ситуации в случае Австрии обычно приводятся самые общие обвинения: бюрократический абсолютизм стесняет коммерцию, а с 1846 г. в стране начался кризис, безработица, инфляция, банкротства, голод.

3. *Нелояльность аппарата принуждения (0)*. В марте 1848 г. комендант Вены эрцгерцог Альбрехт ввел в столицу войска и устроил «бойню на Херенгассе», а в августе в Леопольдштадте была расстреляна рабочая демонстрация. После подавления войсками октябрьского восстания в Вене началась диктатура маршала Виндишгреца. Массовые переходы солдат на сторону восставших для венских событий не известны. При слабости, разрозненности и умеренности требований протестующих их спасало только то, что основная военная сила империи была задействована в подавлении венгерского и итальянского восстаний. Нет свидетельств в пользу нелояльности силового аппарата режима в данном случае.

4. *Наличие политической альтернативы (1)*. Немедленно после начала революционных событий во Франции и германских землях депутаты ландтага Нижней Австрии выдвинули предложение отменить крепостные повинности, и расширить полномочия ландтагов. Сразу же в марте студенты создали свой знаменитый Академический легион. Это означает, что оппозиционные идеи обдумывались, а структуры рекрутирования протестных сил имели место еще до начала революции (хотя были разрозненны).

5. *Наличие «горючего материала» революции (2)*. Если сравнивать Австрию с Ломбардо-Венецианской областью, то по количеству недовольных первая явно проигрывает второй. Хотя и здесь действует

общеввропейский экономический кризис, однако тяготы простого народа и дискомфорт австрийской элиты не идут ни в какое сравнение с итальянскими, где промышленность получила архаизацию и жесткие таможенные барьеры, а элиты были показательно лишены политического суверенитета. В Вене, как и везде в крупных городах, имела место пауперизация, студенты со страхом наблюдали за ростом безработицы, а промышленное лобби в местных парламентах ожидало любого сигнала для начала наступления на благородное землевладельческое сословие и его феодальные преимущества.

6. Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (0).

7. Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости (0).

Для центра Австрийской империи пункты 6-7 не были актуальными.

8. Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом (0).

Каких-либо сведений о вооруженном подполье до начала событий обнаружить не удалось. Комитет безопасности и Академический легион были образованы уже в процессе протестных акций, как часть уступок, вырванных у правительства революционными силами.

Это означает, что перечень факторов, толкающих общество к революции, не полный, поскольку как минимум три случая (центра Австрийской империи 5, Чехии 5 и Пруссии 6) демонстрируют не достаточный для возникновения революции уровень напряженности. Эти соображения толкают на поиски дополнительных причин, которые бы восполняли недостаточную социально-политическую напряженность (при котором революция все равно происходит) – или, наоборот, тормозили и «подмораживали» бы высоко напряженную ситуацию, когда режим остается крепким.

Для прояснения этих причин требуется провести дальнейшее уточнение «порога напряженности» для революционной ситуации. Здесь не обойтись без рассмотрения других случаев, когда революционная волна «Весны народов» 1848 г. не сработала: например, в Ирландии и в самой Англии, в Российской империи в целом, и в отдельных ее провинциях (например, в Царстве Польском, Финляндии).

Гипотеза дальнейшего исследования состоит в том, что восполнение «дефицита напряженности» происходит за счет действия революционной волны (волнового эффекта).

Н.С. Розов, Ю.А. Пустовойт, С.И. Филиппов
ДИНАМИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ:
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ «ВЕСНЫ НАРОДОВ»
1848 – 1949 гг.
(Извлечение)

«Весна народов» как историческая лаборатория сравнительной политологии

«Весна народов», объединяющая социальные и национально-освободительные революции, а также связанные с ними политические кризисы, междонародные и гражданские войны в Западной и Центральной Европе середины XIX в., является не только ярким классическим примером революционной волны, но также благодаря разнообразию событий и итогов революций в каждом вовлеченном в волну обществе позволяет выявлять факторы, механизмы и закономерности революционной динамики с учетом как внутренних процессов, так и международного взаимодействия.

Целесообразно выделять в качестве участников революционной волны не государства, а общества, понимаемые как этнические, культурные, институциональные и территориальные единства. Францию и тогдашние германские государства можно считать одновременно государствами и обществами. Совсем иначе дело обстояло с Австрийской империей, где Чехия, Венгрия, балканские, а также итальянские провинции (Венеция и Ломбардия) по вышеуказанным признакам были отдельными обществами; соответственно, революции протекали в них по-разному, пусть и в связи с центральным имперским обществом и его столицей – Венной.

Гипотеза восполнения факторов революции за счет «волны»

Исходная гипотеза относительно участия / неучастия обществ в революционной волне заключается в том, что революционные события вначале возникают только в обществе-доноре, «дозревшим до революции» (метафора К. Маркса), т.е. с накопившимися напряжениями

ми, слабостью режима и прочими факторами, которые составляют «революционную ситуацию».

Другие общества (часто соседние, родственные по языку, культуре, религии с обществом-донором или имеющие с ним тесные культурные, экономические и политические связи) «дозревают» до революции в существенно разной мере. В них либо возникает достаточный уровень нестабильности, который благодаря «заражению» приводит к революции, либо действуют стабильные, легитимные, сильные режимы, неуязвимые для революционного влияния. В средних случаях – возникают волнения, протесты, но революции не происходит. Очевидно, волну подхватывают общества с максимумом потенциальной нестабильности – уже имеющейся революционной ситуацией. Но эффекта нескольких революций достаточно, чтобы «революционный пожар» «воспламенил» даже общества с относительно стабильными режимами [1].

Исследование вовлеченности в революционную волну было проведено в два этапа. Вначале был рассмотрен широкий набор 28 гипотетических бинарных факторов, почерпнутых из современных сравнительно-исторических исследований революций [1–7]. По этим факторам проведено сравнение обществ, переживших революционные потрясения (Франция, Пруссия, центральное общество и этнические провинции Австрийской империи) и избежавших их (Россия, Испания, Великобритания). На основе изучения факторов, показавших наибольшую значимость, были сформулированы критерии оценки степени их выраженности, причем в таких терминах, что их можно применять как к событиям прошлых веков, так и к сегодняшним реалиям.

...

Сицилийское восстание – начало революционной волны?

Среди авторов статьи возник спор: относить ли вообще Сицилийское восстание к революционной волне 1848–1849 гг., не относится ли оно совсем к иному типу явлений – национально-освободительным восстаниям и войнам? Поскольку аспект борьбы с иноземным правлением присутствовал так же во всех этнических провинциях Австрийской империи (Венгрия, Чехия, Венеция, Ломбардия) и зависимых от нее итальянских обществах (Пьемонт, Тоскана), то было решено национально-освободительный аспект не исклю-

чать из рассмотрения, а, напротив, считать значимым моментом, увеличивающим нестабильность и готовность к революции.

Более или менее понятно, почему обстановка на Сицилии была столь напряженной, ведь для восстания и даже убедительной его победы стало достаточно внешнего триггера (эту роль сыграли провокации австрийцев в Милане 3 января 1848 г.). Если указать на конкретные причины, то получим объяснение *ad hoc*, а это резко сужает эмпирическое поле приложения теоретической модели [8]. Поэтому к шести представленным выше факторам были добавлены еще три.

Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты, которая закрыта, резко отличается от основной массы населения этничностью, языком, культурой, возможно, вероисповеданием, причем социальное недовольство, критика, протесты выражаются через националистическую или (при разной вере) конфессиональную риторику.

Политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости, когда мечты и планы восстановления независимости доминируют в политическом дискурсе, возникают сообщества, организации, совершающие политические действия в этом направлении; есть свидетельства готовности жертвовать личным благополучием ради «освобождения».

Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом, когда имеется сеть скоординированных вооруженных отрядов с опытом насильственных акций, боевых действий, получающих поддержку и подкрепление от местного населения.

В Сицилии конца 1840-х гг. все эти три фактора были сильны, что вполне объясняет январское восстание 1848 г., вспыхнувшее благодаря внешнему (миланскому) триггеру.

Динамика революций в итальянских обществах

Революция 1848–1849 гг. была одним из эпизодов борьбы за становление итальянского государства («Рисорджименто», возрождение), процесса, развернувшегося на территории Италии с 1820 (восстание в Неаполитанском королевстве) по 1871 г. (когда Рим объявлен столицей Италии). В целом эти события подтверждают гипотезу о факторах «созревания» обществ для включения в революционную волну.

Согласно решениям Венского конгресса, на территории Италии было учреждено восемь государств, самое крупное и промышленно развитое из которых (Ломбардия-Венеция) стало частью Австрийской империи. Остальные, получив формальную самостоятельность, вынуждены были считаться основными направлениями австрийской внешней политики, для которой Италия была, по словам Меттерниха, лишь «географическим понятием».

Все выделенные причинные факторы были выражены в итальянских обществах весьма сильно: отчуждение общества от инокультурной (австрийской) правящей элиты, соответствующая делегитимация власти, неэффективность правительства (поводом для выступления в Милане в январе 1848 г. стал новый налог на табак [11. С. 37]), раскол элит на про- и антиимперские группировки, наличие политической альтернативы (освобождение и объединение Италии), недовольные массы.

...

Размежевание в итальянских обществах проходило не только по линии патриоты / коллаборационисты, но и в самом революционном движении. Одновременно существовали консервативно-монархическая, умеренно-либеральная и республиканская партии со своими социальными группами поддержки: патриархальным крестьянством, либеральной буржуазией, средней и мелкой буржуазией, пролетариатом [11. С. 27]. Одна только драматическая история политических союзов, разрывов, конфликтов талантливого полководца Гарибальди с итальянскими монархами и политиками-республиканцами свидетельствует об остроте напряжений и слабой способности к солидарным действиям в итальянских обществах тех годов. Кстати, конфликт с Мадзини в мае 1849 г. был связан как раз с предложением Гарибальди вооружить крестьян для защиты республики в Риме, начать партизанскую войну во всей Италии, чему умеренный Мадзини резко противился.

Стремления к национальному освобождению, объединению страны и последующему государственному строительству совмещались в итальянских обществах с надеждами на демократизацию и жаждой социальной справедливости. Здесь есть некое сходство с известной «дилеммой одновременности», когда несколько больших целей не помогают, а мешают друг другу.

...

Германский союз и революция в Пруссии

В отечественной и зарубежной (прежде всего немецкой) историографии сложилось двойственное восприятие революций 1848–1849 гг. в странах Германского союза.

С одной стороны, германский этап «Весны народов» воспринимается как вызывающая разочарование неудача. Г. Гейне говорил, что «революция – несчастье, но еще большее несчастье – неудавшаяся революция» [13; 15; 17. С. 280]. Действительно, не была достигнута одна из главных целей революции – образование единого демократического германского государства. Созданные в первые революционные дни демократические институты – парламенты, формируемые на основе всеобщего избирательного права, демократические свободы – были либо вовсе упразднены (Франкфуртское Национальное собрание, либеральные конституции и учреждения в Вюртемберге и Саксонии), либо существенно ограничены в своих полномочиях, яркий пример чему – прусское Национальное собрание.

...

Итак, революция в Пруссии была закономерна, в том числе и в силу ее интенсивного взаимодействия с обществами, где успешные революционные вспышки произошли ранее. Но почему прусская революция оказалась относительно успешна в аспекте продвижения общей демократизации и институциональных изменений? Ведь король был вполне в состоянии все отменить, когда оправился от первого испуга.

Судя по всему, введенная в 1850 г. трехклассная избирательная система, которая увеличивала политическое участие, прежде всего, крупной и средней буржуазии, была не уступкой революционерам, а продуманным государственным решением: будущее Пруссии было связано не столько с традиционным юнкерством, сколько с крупными предпринимателями, производителями угля, стали, пушек, сконцентрированными на Западе. Кроме того, правительство нуждалось в деньгах и внутренних займах, которые могли предоставить, опять-таки, не обедневшие юнкеры, сами живущие с государственной службы, а крупные предприниматели – взамен они допускались к управлению государством.

...

Соотношение легитимности защитников монархии и революционных республиканцев вполне закономерно проявилось в разных уровнях поддержки сторон, когда в апреле 1848 г. началась военная мобилизация и произошла малая гражданская война в Бадене (принцип б). Республиканские повстанцы во главе с Геккером были убедительно подавлены регулярными войсками. Позже большую роль сыграл эффект августовского поражения революции в высокореферентном имперском центре – Вене. Как видим, динамические связи внутри революционной волны работают не только на «разжигание», но и на «тушение» протестных настроений и восстаний.

Итак, сложная и разнообразная динамика революционной волны «Весны народов» 1848–1849 гг. дает возможность усматривать и выявлять универсальные закономерности, действие которых всегда специфично, поскольку определяется множеством разнопорядковых обстоятельств. Макросоциологические и сравнительно-политологические исследования революционных волн показывают плодотворность подхода, притом что остается обширное поле неизвестного.

Д.С. Моисеев
ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ДЖУЗЕППЕ МАДЗИНИ
(Извлечение)

Джузеппе Мадзини является одной из наиболее влиятельных интеллектуальных фигур итальянского Рисорджименто, одним из духовных отцов современной итальянской нации. Мадзини – не менее знаковая фигура периода объединения Италии, чем Джузеппе Гарибальди и Алессандро Гвацци. Наряду с Винченцо Джоберти и Антонио Розмини-Сербати, он является одним из наиболее ярких итальянских мыслителей XIX в.

...

Философ, публицист, революционер – за свою жизнь Мадзини побывал во многих ампуа. Он родился в 1805 г. в Генуе – в городе, который в 1815 г. в результате Венского конгресса отошел к Сардинскому королевству, ставшему одним из восьми самостоятельных итальянских государств, возникших после поражения Наполеона. Политическая обстановка, в которой проходила юность Мадзини, была

пронизана духом итальянского патриотизма, пробужденного в годы французского владычества (1804–1815). Будущий революционер был выходцем из среднего класса (его отец был врачом), что позволило ему получить хорошее образование – он учился праву, при этом активно интересовался литературой. С ранних лет Мадзини чувствовал тягу к идеалистической мысли – он восхищался работами Вико, Гегеля, Фихте, Гёте, Шеллинга, братьев Шлегелей, а также творчеством итальянских поэтов Данте Алигьери и Уго Фосколо. Закончив юридический факультет Генуэзского университета в 1827 г., Мадзини проявляет себя как публицист, занимаясь литературной критикой. В этот период он увлекается политической философией – изучает творчество французских мыслителей Фелисите Робера де Ламеннэ и Анри Сен-Симона. Он вступает в общество карбонариев, но вскоре порывает с ним – на тот момент Мадзини уже был убежден, что высокие патриотические цели не могут быть достигнуты методами тайного общества, дистанцировавшего себя от народных масс. Выбором его жизни, который он обосновывает в политических сочинениях, стала народная революция, призванная привести к демократическому республиканскому устройству.

В 1831 г., в период пребывания во Франции, Мадзини основывает политическую организацию «Молодая Италия» (*Giovine Italia*), которую можно считать первой итальянской политической партией. У «Молодой Италии» была своя газета, пропагандистский аппарат и, что крайне важно, возможность доносить свое послание до целевой аудитории (итальянского среднего класса) и координировать национально-освободительную деятельность в Италии. Тогда же, в 1831, Мадзини пишет свое самое знаменитое раннее произведение – «Манифест Молодой Италии». Обратимся к тексту этого короткого сочинения.

Идеалистический характер «Манифеста» выражается автором практически сразу: «Великие революции – это работа принципов, а не штыков» [Mazzini, 1861, p. 123]. Мадзини утверждает, что для конкретного, материального достижения победы ее сначала необходимо одержать в умах и сердцах людей, на уровне морали. Чтобы добиться свободы для народов, необходимо, в первую очередь, пропагандировать ее принципы. По Мадзини, это длительный процесс: поскольку человеческий интеллект не способен с ходу воспринять принципы свободы, необходимо постепенно подводить людей к этим

мыслям посредством регулярной просвещенческой работы. Это работа для многих людей, объединенных одной высокой целью.

Мадзини провозглашает три принципа, следование которым необходимо для достижения развития и процветания Италии: единство, свобода и независимость. Таким образом, он противопоставляет движение «Молодой Италии» как тем, кто готов пожертвовать независимостью страны от внешних сил ради объединения итальянских земель под единой волей тирана, так и тем, кто, боясь насилия, не готов идти к полному объединению итальянских земель, довольствуясь расширением границ одного из многочисленных итальянских государств. Мадзини выступает против каких-либо компромиссов, продиктованных страхом. Единственный авторитет, который признается им в «Манифесте», это «воля нации» [Ibid., p. 125].

...

Мадзини утверждает, что прошлое должно было научить итальянцев, что свобода никогда не приходит на штыках иноземцев. Для него подлинная революция – это столкновение принципов и убеждений, война масс. Вдохновителями революции могут быть только убежденные идеалисты, живущие пропагандируемой ими идеей. «Италия знает это, знает, что секрет силы – в вере, что подлинная благодетельность – это жертва, а правильный путь в том, чтобы доказать свою силу» [Ibid., p. 127], – пишет мыслитель. Идеи и стремления «Молодой Италии» должны быть организованы в единую систему; «Молодая Италия» должна стать новым элементом национальной жизни, который сможет в XIX в. создать единое итальянское государство. В этом процессе Мадзини отводит особую роль литературе, которая должна стать «моральным духовенством» [Ibid., p. 128], придающим форму истинным принципам.

По Мадзини, залогом успеха любой революции является концентрация сил максимального количества людей на единой цели. Революция не может быть успешной, если она не обладает символом, целью, неким образом будущего. Мадзини провозглашает этим символом республику. Итальянский народ обладает положительной исторической памятью о республике². Необходимо убедить его в истинности республиканских принципов и, придерживаясь общеевропейской траектории исторического прогресса, совершить исторический рывок посредством одного революционного восстания.

Итак, Мадзини провозглашает республику главной целью. Он полемизирует со сторонниками конституционной монархии как «формы власти переходного периода» от абсолютизма к свободе. Его аргумент состоит в том, что, признавая монарха, необходимо передать ему власть и право царствовать, принимать решения о войне и мире, назначать правительство. ...

Мадзини неоднократно возвращается к вопросу привилегий: «Когда равное распределение прав не является универсальным законом, возникают касты, привилегии, господство, рабство, зависимость» [Ibid., p. 44]. Равноправие необходимо для достижения общественного согласия, которое является условием ассоциации. По Мадзини, с моральной точки зрения все люди равны от рождения. Все люди одинаково предрасположены к следованию прогрессивным тенденциям, если ими руководят подлинные принципы. Существует лишь интеллектуальное неравенство людей (оно, по Мадзини, естественно); из него нация может извлечь преимущество, если будет правильно им пользоваться. Все иные виды неравенства являются предметом права и могут быть урегулированы обществом посредством закона.

Мыслитель приходит к следующему выводу: «Равенство, свобода и ассоциация – только эти три элемента могут создать подлинную нацию» [Ibid., p. 45]. Нацию он определяет как «множество граждан, говорящих на одном языке и объединенных, под равными социальными и политическими правами, для единой цели развития и прогрессивного совершенствования всех видов общественной деятельности и общественных сил» [Ibid.]. Нация является единственным подлинным властителем; власть, которая не исходит от нации, должна быть признана узурпированной.

...

Результатом следования теории прав, утверждающей счастье отдельно взятого человека высшим благом, является общество эгоистов, охваченных теми же страстями, что и в уходящую эпоху монархий. Таким образом, согласно Мадзини, первичной задачей становится образование народов, обучение, способное воспитать у них силу духа и готовность к самопожертвованию. Иными словами – чувство долга. Люди, будучи детьми одного Бога, должны следовать единому для всех закону. Их задачей должно быть не эгоистическое преследование собственного блага, но самосовершенствование в добродетели

и совершенствование окружающих. Мадзини оговаривается, что он ни в коем случае не призывает людей отказываться от их прав, но при этом сами права могут быть лишь результатом исполненного долга. Преследование одних лишь материальных интересов приводит к катастрофическим последствиям.

...

Далее Мадзини затрагивает вопрос о свободе. Человек, лишенный свободы, не может исполнить свой долг, не может жить подлинно моральной жизнью, поскольку он несвободен в своем выборе добра или зла. Свобода священна. Из этих постулатов Мадзини выводит, что все люди имеют право на свободу, а также право добиваться ее любыми способами. Республика является единственной логичной и легитимной формой государственного управления именно потому, что в ее функционировании принимают участие свободные граждане. У человека нельзя отнимать свободу передвижения, свободу вероисповедания, свободу иметь свое мнение и высказывать его в публичном пространстве, свободу ассоциации с другими людьми, свободу работы, свободу торговли. Все перечисленное священно для Мадзини. При этом свобода – лишь средство, а не цель. «Свобода – это не отрицание всех авторитетов; это отрицание любого авторитета, не выражающего коллективную цель Нации либо стремящегося утвердиться вопреки общественному согласию» [Ibid., p. 73], – пишет мыслитель. «Ваша свобода будет священной до тех пор, пока она руководима идеей о долге, верой в повсеместное совершенствование», – заключает Мадзини.

...

Отмечая влияние, оказанное Мадзини на фашистов, необходимо подчеркнуть, что его национализм не был агрессивным и воинственным, напротив – мыслитель Рисорджименто призывал к гуманизму, благу для всего человечества. Потому он почитался и в кругах противников фашизма, для которых в его творчестве были ценны иные аспекты – его гуманизм и, конечно, пророческий европеизм. В конечном итоге, Мадзини нельзя редуцировать до предвестника тех или иных политических настроений. История его жизни, прошедшей в борьбе за лучшее будущее для Италии, и его интеллектуальное наследие должны напоминать о главном – о необходимости самосовершенствования в целях принесения максимальной пользы не только себе, но и всем окружающим – семье, родине, человечеству.

Тема 6. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЮГА В США

Вопросы к практическому занятию

1. Социально-экономическое и политическое развитие США в середине XIX в. Причины конфликта между Севером и Югом.
2. Президентские выборы 1860 г. и начало Гражданской войны. Создание Южной конфедерации.
3. «Конституционный» период Гражданской войны.
4. Внутренняя и внешняя политика президента А. Линкольна. Закон об отмене рабства. Закон о гомстедах.
5. Законодательство 1862-1863 гг. «Революционный период» Гражданской войны.
6. «Реконструкция» Юга 1865-1877 гг. Президент У. Грант.

Источники

ЗАКОН О ВЫДАЧЕ БЕГЛЫХ РАБОВ 18 СЕНТЯБРЯ 1850 г.

(Извлечение)

...§ 6. Если лицо, обязанное служить или работать в каком-нибудь штате или территории США, убежало или убежит в другой штат или территорию США, то лицо или лица, которым беглецы обязаны нести службу или работу, могут преследовать и требовать выдачи беглеца или получения ордера. На его арест от одного из судебных учреждений, или от судьи, или от комиссара.

По ордеру можно снять с работы или службы данного беглеца, или непосредственно арестовать его, где это может быть сделано без судебного разбирательства, или схватить его и тотчас представить суду, судье или комиссару, который обязан разобрать и решить это дело в кратчайший срок.

...§ 9. И далее... будет обязанностью чиновника, произведшего арест, содержать такого беглеца под стражей и переправить его в тот штат, из которого он убежал, и там передать указанному истцу или агенту.

БИЛЛЬ КАНЗАС – НЕБРАСКА

30 МАЯ 1854 г.

(Извлечение)

...Раздел 14. И да будет далее постановлено... что конституция и все законы Соединенных Штатов, которые приемлемы для местного населения, имеют ту же силу и то же действие в пределах указанной территории Небраска, как и везде в пределах Соединенных Штатов, за исключением восьмого раздела билля о подготовке к принятию штата Миссури в Союз... который, будучи несовместим с принципом невмешательства конгресса в разрешение вопроса о рабстве в отдельных штатах и территориях [сформулированном законодательством 1850 г. и обычно именуемом «Компромиссные мероприятия»], объявляется не имеющим силы и действия.

Истинное значение этого билля заключается не в том, чтобы узаконить рабство в каком-либо из штатов или территорий или уничтожить его, а в том, чтобы предоставить гражданам этих штатов и территорий полную свободу создавать свои собственные учреждения и разрешать внутренние вопросы по своему усмотрению при условии, что они будут соответствовать конституции Соединенных Штатов...

Раздел 19. И да будет далее постановлено, что на всей части территории Соединенных Штатов, заключенной в следующих пределах... создается временная провинция под названием Территория Канзас, и, когда она получит права штата или штатов, указанная территория или любая ее часть будет принята в Союз при наличии в ней рабства или без него соответственно требованиям конституции этого штата в момент принятия в Союз.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИЧИН, ВЫЗЫВАЮЩИХ И ОПРАВДЫВАЮЩИХ ВЫХОД ЮЖНОЙ КАРОЛИНЫ

1860 г.

(Извлечение)

Народ штата Южная Каролина, собравшись на конвенте в 26 день апреля 1852 года от Р.Х., заявил, что систематическое нарушение Конституции Соединенных Штатов Федеральным Правитель-

ством и посягательства на права штатов, гарантированные Конституцией, полностью оправдывают выход этого штата из Федерального Союза. Однако, учитывая мнение и желания других рабовладельческих штатов, Южная Каролина воздержалась тогда от осуществления этого права. С тех пор эти посягательства всё учащались, так что дальнейшее терпение перестало быть добродетелью. Сейчас, когда Южная Каролина заняла свое собственное и равное место среди других наций, кажется справедливым по отношению к ней самой, к Соединенным Штатам Америки и другим странам сообщить причины, вызвавшие этот поступок.

В 1765 году часть Британской Империи, включающая Великобританию, задумала принимать законы для управления частью империи, состоящей из тринадцати американских колоний. Это привело к борьбе за самоуправление, которая завершилась 4 июля 1776 года принятием колониями Декларации о том, что «они являются и по праву должны быть СВОБОДНЫМИ И НЕЗАВИСИМЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ; и, в качестве свободных и независимых государств, имеют все полномочия объявлять войну, заключать мир, вступать в альянсы, вести торговлю и совершать все действия, на которые имеют право независимые государства».

Так были установлены два главных принципа, утвержденные колониями, а именно: право штата на самоуправление и право народа на отказ от правительства, когда оно становится разрушительным по отношению к целям, для которых было создано. Установлению этих принципов сопутствовал факт признания метрополией каждой колонии в качестве СВОБОДНОГО, СУВЕРЕННОГО И НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА.

По этой Конституции некоторые обязанности возлагались на союз штатов, а реализация некоторых полномочий была ограничена, что с необходимостью подразумевало сохранение их статуса суверенных государств. Но чтобы отвести все сомнения, была внесена поправка, гласящая, что полномочия, не делегированные Соединенным Штатам по Конституции и не запрещенные ею для отдельных штатов, сохраняются за штатами или за народом. 23 мая 1788 года Конвент Южной Каролины утвердил декрет, принимающий эту Конституцию, а затем была изменена собственная конституция в соответствии с принятыми обязательствами.

Так, по соглашению штатов, было создано правительство с определенными задачами и полномочиями, ограниченными словами Конституции. Это ограничение сохраняло весь остающийся объем власти штатам или народу, и делало ненужным специальное уточнение этих прав.

Мы считаем, что созданное таким образом правительство должно подчиняться двум принципам, провозглашенным в Декларации Независимости; мы также считаем, что способ его создания подчиняет его третьему фундаментальному принципу, а именно: закону соглашения. Мы утверждаем, что в каждом соглашении двух и более сторон обязательства являются взаимными; что невыполнение одной из сторон своей части соглашения полностью освобождает другие стороны от их обязательств; что при отсутствии арбитра каждая сторона по своему усмотрению устанавливает факт невыполнения соглашения со всеми последствиями.

В настоящем случае этот факт можно установить с уверенностью. Мы утверждаем, что 14 штатов намеренно отказывались в течение многих лет выполнять свои конституционные обязательства, и мы обращаемся к законодательству за подтверждением.

Четвертая статья Конституции Соединенных Штатов гласит: «Ни одно лицо, обязанное к службе или работе в каком-либо из штатов согласно его законам и бежавшее в другой штат, не может на основании законов или постановлений последнего освобождаться от этой службы или работы, но должно быть выдано по требованию стороны, которая имеет право на такую службу или работу».

Это положение было столь существенно для данного соглашения, что без него соглашение не было бы заключено. Большая часть сторон соглашения имела рабов, и они еще раньше показали, какое значение придают этому положению, сделав его условием в декрете о передаче правительству части территорий Виргинии, сейчас входящих в состав штатов на севере от реки Огайо.

Цели, с которыми создавалась Конституция, заявлены в ней самой: «чтобы сформировать более совершенный союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, способствовать всеобщему благосостоянию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим».

Эти цели пытались осуществить федеральное правительство, в котором признавалось равенство всех штатов, самостоятельно контролирующими свои институты. Право собственности на рабов было признано в наделении свободных людей определенными политическими правами, правом представительства, а также в обложении их прямыми налогами за три пятых части принадлежащих им рабов, в узаконивании ввоза рабов на двадцать лет вперед, в гарантии выдачи скрывающихся от работы.

Мы подтверждаем, что цели, с которыми создавалось это правительство, потерпели поражение, что правительство было превращено в инструмент их разрушения благодаря действиям нерабовладельческих штатов. Эти штаты взяли на себя право принимать решение об уместности наших внутренних институтов, и отвергли права собственности, установленные в пятнадцати штатах и признанные Конституцией; они провозгласили институт рабства греховным, они допустили в своей среде открытое создание обществ, чьей нескрываемой целью было нарушение мира и похищение собственности граждан других штатов. Они поощряли и помогали тысячам наших рабов покидать свои дома, тех же, которые оставались, побуждали к восстанию через своих лазутчиков, книги и плакаты.

Этой местнической группировке, стремившейся уничтожить Конституцию, помогали в некоторых штатах, наделяя гражданством лиц, которые, по высшему закону этой земли, не могут стать гражданами, их голоса использовались для узаконивания новой политики, враждебной по отношению к Югу, и угрожающей его убеждениям и безопасности. В четвертый день ближайшего марта эта партия получит контроль над правительством. Она заявила, что Юг будет исключен из общей территории, что судебные трибуналы будут разделены, и что необходимо вести войну против рабства, пока оно не будет уничтожено на всей территории Соединенных Штатов. Гарантии Конституции прекратят свое существование, равноправие всех штатов будет утрачено. Рабовладельческие штаты потеряют право на самоуправление, самооборону, и федеральное правительство превратится в их врага.

Местнические интересы и злоба усилят раздражение, и всякая надежда на исправление станет напрасной из-за того, что обще-

ственное мнение на Севере придало глубокому политическому заблуждению характер еще более ошибочной религиозной веры.

Поэтому мы, народ Южной Каролины в лице наших делегатов, собравшихся на конвенте, моля Высшего Судью мира о правоте наших намерений, торжественно заявляем, что Союз, до настоящего момента существовавший между нашим штатом и другими штатами Северной Америки, расторгнут, что штат Южная Каролина возвращает себе место среди других наций мира в качестве отдельного и независимого государства, обладающего всеми полномочиями на ведение войны, заключение мира, вступление в альянсы, ведение торговли и совершение всех действий, на которые имеют право независимые государства.

Принято 24 декабря 1860 года

КОНСТИТУЦИЯ КОНФЕДЕРАТИВНЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ 11 МАРТА 1861 г. (Извлечение)

Мы, народ Конфедеративных Штатов, каждый из которых действует суверенно и независимо, с целью создать постоянное федеральное правительство, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим, призывая милость и покровительство Всемогущего Бога провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Конфедеративных Штатов Америки.

СТАТЬЯ I.

Раздел 1 (1). Все законодательные полномочия, настоящим установленные, принадлежат Конгрессу Конфедеративных Штатов, который состоит из Сената и Палаты Представителей.

Раздел 2 (1). Палата Представителей формируется из делегатов, избираемых раз в два года народом нескольких штатов, выборщики в каждом штате должны быть гражданами Конфедеративных Штатов и должны соответствовать требованиям, предъявляемым к выборщикам наиболее многочисленной части Законодательного собрания данного штата; но ни один человек, родившийся за границей, не являющийся гражданином Конфедеративных Штатов, не может участвовать

в выборах должностных лиц, будь то гражданских или политических, на уровне штата или на федеральном уровне.

(2). Представителем может стать только человек, достигший возраста 25 лет и являющийся гражданином Конфедеративных Штатов, и проживающий на момент избрания на территории того Штата, от которого он избирается.

(3). Представители и прямые налоги распределяются между несколькими Штатами, которые входят в эту Конфедерацию, пропорционально численности их населения, которая будет определяться исходя из суммы общего числа свободных граждан – включая тех, кто поступил в услужение на определенный срок, исключая индейцев, не облагаемых налогами, – и $\frac{3}{5}$ всех рабов. Перепись населения должна быть проведена в течение трех лет после первой сессии Конгресса Конфедеративных Штатов, в последствии – каждые десять лет в порядке, который будет определен законом. Число Представителей не должно превышать одного на каждые 50 тысяч, при условии, что каждый штат должен иметь хотя бы одного Представителя. До того, как будет проведена перепись, штат Южная Каролина имеет право избирать 6 представителей, Джорджия – 10, Алабама – 9, Флорида – 2, Миссисипи – 7, Луизиана – 6, Техас – 6.

(4). Если место Представителя от какого-нибудь штата окажется свободно, исполнительные власти данного штата должны дать распоряжение о проведении выборов нового Представителя.

(5). Палата Представителей избирает Спикера и других должностных лиц; Палата Представителей имеет исключительное право импичмента, за исключением тех случаев, когда судебное или другой федеральное должностное лицо, проживающее и действующее только на территории определенного Штата, может быть отправлено в отставку двумя третями голосов обеих ветвей законодательной власти данного штата.

Раздел 3 (1). В Сенат Конфедеративных Штатов входит по 2 сенатора от каждого штата, избираемых на 6 лет Законодательным собранием штата на плановом заседании, непосредственно предшествующем началу срока полномочий. Каждый сенатор имеет один голос.

(2). Непосредственно после первых выборов сенаторы должныделиться на 3, по возможности равные, группы. Места сенаторов

первой группы освобождаются по истечении второго года, второй группы – по истечении четвертого года, третьей группы – по истечении шестого года так, чтобы одна треть сенаторов переизбиралась каждые два года. Если свободные места в Сенате образуются из-за ухода кого-то в отставку или по другой причине во время перерыва в работе законодательного органа одного из штатов, представитель исполнительной власти данного штата может сделать временное назначение до следующего заседания Законодательного собрания, где и будет избран новый сенатор на освободившееся место.

(3). Сенатором может стать только человек, достигший возраста 30 лет, являющийся гражданином Конфедеративных Штатов, и проживающий на момент избрания на территории штата, от которого он избирается.

(4). Вице-президент Конфедеративных Штатов является президентом Сената, но не имеет права голоса, за исключением случаев, когда голоса других сенаторов разделяются поровну.

(5). Сенат избирает других должностных лиц, а также Президента pro tempore, исполняющего обязанности Вице-президента в его отсутствие, или при исполнении последним обязанностей Президента Конфедеративных Штатов.

(6). Сенат имеет исключительное право рассмотрения всех импичментов. Во время таких заседаний сенаторы приносят присягу. При рассмотрении дела об импичменте Президента Конфедеративных Штатов на заседании председательствует Верховный Судья. Для вынесения обвинения необходимо не менее двух третей голосов присутствующих членов.

(7). Приговор в случаях импичмента ограничивается отстранением от должности и лишением права занимать и исполнять какую-либо почетную, ответственную или оплачиваемую должность на службе Конфедеративных Штатов. Однако в дальнейшем производится расследование, предъявляется обвинение, обвиняемый предается суду и несет согласно приговору наказание в соответствии с законом.

Раздел 4 (1). Время, место и порядок избрания Сенаторов и Представителей устанавливаются в каждом штате его Законодательным собранием в соответствии с настоящей Конституцией; но Конгресс может в любое время издать закон, устанавливающий или изме-

няющий подобного рода правила, за исключением правил о времени и месте выборов Сенаторов.

(2). Конгресс собирается не реже одного раза в год, а его сессии начинаются в первый понедельник декабря, если законом не будет установлен другой день.

Раздел 5 (1). Каждая Палата решает вопросы, касающиеся результатов выборов, полномочий и правомерности избрания ее членов, и большинство каждой из Палат составляет кворум, необходимый для ведения дел. Палата в меньшем составе может переносить заседания с одного дня на другой и имеет право применять к отсутствующим членам предусмотренные каждой Палатой меры воздействия с целью обеспечить посещение ими заседаний.

(2). Каждая Палата может устанавливать регламент своих заседаний, наказывать своих членов за нарушение порядка и двумя третями голосов от общего числа исключать их из своего состава.

(3). Каждая Палата ведет журнал своих заседаний и периодически публикует его, за исключением тех разделов, которые по ее мнению носят секретный характер; сведения о голосах «за» и «против», поданных членами каждой Палаты по тому или иному вопросу, по желанию одной пятой присутствующих вносятся в журнал.

(4). Во время сессии Конгресса ни одна из Палат не может без согласия другой Палаты отсрочить свои заседания более чем на три дня или назначить их не в том месте, в котором должны заседать обе Палаты.

Раздел 6 (1). Сенаторы и Представители получают за свою службу вознаграждение, устанавливаемое законом и выплачиваемое Казначейством Конфедеративных Штатов. Во всех случаях, кроме измены, тяжкого уголовного преступления и нарушения общественного порядка, они не могут быть подвергнуты аресту во время их присутствия на сессии соответствующей Палаты, а также на пути их следования в Палату и возвращения из нее. За свои речи и высказывания в Палатах они не могут привлекаться к ответственности ни в каком другом месте.

(2). Ни один Сенатор или Представитель не может быть назначен в течение времени, на которое он избран, на какую-либо гражданскую должность на службе Конфедеративных Штатов, если эта служба была создана или связанное с ней жалование было увеличено

в названный период, и ни одно лицо, занимающее какую-либо должность на службе Конфедеративных Штатов, не может быть членом той или иной Палаты, пока состоит в должности. Но Конгресс может законным способом предоставить руководящим должностным лицам каждого из исполнительных департаментов место в зале заседаний любой из Палат с правом обсуждения мер, имеющих отношение к их департаменту.

Раздел 7 (1). Все законы по сборам поступлений дохода исходят от Палаты Представителей; но Сенат может предлагать поправки к ним и участвовать в их обсуждении, как и по другим законопроектам.

(2). Каждый законопроект, принятый обоими Палатами, прежде чем стать законом, представляется Президенту Конфедеративных Штатов; если он одобряет законопроект, то подписывает его, в противном же случае возвращает проект со своими возражениями в ту Палату, которой последний был предложен, а Палата вносит возражения Президента полностью в свой журнал и пересматривает свой законопроект.

(3). Всякое постановление, резолюция или решение, для которых необходимо совместное участие обеих Палат (за исключением решений об отсрочке заседаний), представляются Президенту Конфедеративных Штатов и только после его одобрения вступают в силу; в случае же неодобрения они должны быть снова утверждены двумя третями голосов обеих Палат, в соответствии с теми правилами и условиями, которые установлены в отношении законопроектов.

Раздел 8.

Конгресс имеет право:

(1). Устанавливать и взимать налоги, пошлины, подати и акцизные сборы для получения доходов, необходимых, чтобы уплачивать долги и обеспечивать совместную оборону и содержать правительство Конфедеративных Штатов, но никакие вознаграждения не могут выплачиваться Казначейством, а также никакие пошлины или налоги на импортируемые товары не могут быть введены с целью поддержки и стимулирования какой-либо из отраслей экономики, а все пошлины, подати и акцизные сборы должны быть единообразны на всей территории Конфедеративных Штатов.

(3). Регулировать торговлю с иностранными государствами, между отдельными штатами и с индейскими племенами.

(4). Устанавливать единообразные законы о натурализации и единообразные законы о банкротстве на всей территории Конфедеративных Штатов.

(5). Чеканить монету, регулировать ее ценность и ценность иностранной монеты, устанавливать единицы мер и весов.

(6). Устанавливать наказания за подделку государственных ценных бумаг и находящейся в обращении монеты Конфедеративных Штатов.

(7). Учреждать почтовые службы и почтовые пути; но издержки Департамента Связи, начиная с 1 марта 1863 года будут оплачиваться из его собственных доходов.

(8). Поощрять развитие наук и ремесел, обеспечивая на определенный срок авторам и изобретателям исключительное право на их произведения и открытия.

(9). Учреждать подчиненные Верховному суду судебные органы.

(10). Распознавать и карать морской разбой, тяжкие преступления, совершенные в открытом море, и другие нарушения международного права.

(11). Объявлять войну, выдавать каперские свидетельства и разрешения на репрессалии и устанавливать правила относительно захватов на суше и на море.

(12). Набирать и содержать армии; однако никакие денежные ассигнования в этих целях не должны осуществляться более чем на двухлетний срок.

(13). Создавать и содержать флот.

(14). Издавать правила по управлению и организации сухопутных и морских сил.

(15). Созывать милицию для исполнения законов Конфедеративных Штатов, подавления восстаний и отражения нападений.

(16). Принимать меры по организации, вооружению и обучению милиции и по управлению той ее частью, которая используется на службе Конфедеративных Штатов, сохраняя за штатами право на назначение офицеров и обучение милиции в соответствии с уставными правилами, утвержденными Конгрессом.

(17). Пользоваться во всех случаях исключительной законодательной властью в предоставленном в одном или нескольких штатах

округе (не превышающем десяти квадратных миль), который с одобрения Конгресса станет местом пребывания правительства Конфедеративных Штатов, а также осуществлять подобную власть на всех территориях, приобретенных с согласия Законодательного собрания штата, для постройки фортов, складов, арсеналов, доков и других необходимых сооружений.

(18). Издавать все законы, которые будут необходимы для осуществления как вышеуказанных прав, так и всех других прав, которыми настоящая Конституция наделяет Правительство Конфедеративных Штатов, его департаменты или должностных лиц.

Раздел 9 (1). Настоящим запрещается ввоз африканских негров из любого иностранного государства, кроме рабовладельческих штатов или территорий Соединенных Штатов Америки; Конгрессу вменяется принять законы, эффективно препятствующие такому ввозу.

(2). Конгресс имеет право запретить также ввоз рабов из штатов или территорий, не входящих в данную Конфедерацию.

(3). Не допускается какая-либо приостановка действия *habeas corpus* (процедура рассмотрения законности ареста), если только этого не потребует общественная безопасность в случае мятежа или вторжения.

(4). Не допускается принятие никаких законов о конфискации имущества, законов, имеющих обратную силу, а также законов, запрещающих или препятствующих осуществлению права собственности на рабов-негров.

(5). Не допускается обложение подушной податью или иными прямыми налогами иначе, как согласно с переписью или упомянутым выше исчислением населения.

(6). Не могут налагаться налоги или пошлины на предметы, вывозимые из какого-либо штата, за исключением случаев, когда такие налоги или пошлины будут утверждены двумя третями голосов обеих Палат.

(7). Не должно оказываться предпочтение портам одного штата перед портами другого посредством каких-либо торговых или финансовых предписаний.

(8). Никакие денежные выдачи из Казначейства не могут производиться иначе, как согласно установленным законом назначениям, а

подробные отчеты о государственных доходах и расходах подлежат периодической публикации.

(9). Конгресс не может получать деньги из Казначейства, кроме случаев, когда это утверждено двумя третями голосов обеих Палат при поименном голосовании; или если запрос о необходимости передачи таких денег поступит от одного из глав департаментов и передан Конгрессу Президентом; или на оплату собственных издержек и непредвиденных расходов; или на выплаты по искам против Конфедеративных Штатов, справедливость которых будет юридически подтверждена судом, рассматривающим иски против правительства, каковой суд должен быть образован Конгрессом.

(10). Во всех документах о государственном ассигновании будет указана точная сумма каждой выплаты в федеральной валюте и цели, на которые она выделяется. Конгресс не производит дополнительных выплат подрядчикам, должностным лицам, посредникам и служащим после исполнения контракта или оказания услуги.

(11). Конфедеративные Штаты не жалуют никаких дворянских титулов, и ни одно лицо, занимающее какую-нибудь оплачиваемую или почетную должность на службе Конфедеративных Штатов, не может без согласия Конгресса принять тот или иной дар, вознаграждение, должность или титул от какого-либо короля, принца или иностранного государства.

(12). Конгресс не может принимать законы, касающиеся введения какой-либо религии, запрещающие ее свободное исповедание, ограничивающие свободу слова и печати, или право народа на мирные собрания и обращения к правительству с жалобами.

(13). Разрешается хранение и ношение оружия, в случаях, когда хорошо организованная милиция необходима для безопасности любого свободного штата.

(14). В мирное время ни один солдат не может быть расквартирован в частном доме без согласия владельца; в военное время порядок размещения солдат определяется законом.

(15). Право людей на безопасность их личности, жилища, документов и собственности, гарантии против безосновательных обысков и арестов не должны нарушаться. Ордеры на обыск или арест могут выписываться только при наличии достаточных оснований, под при-

сягой, причем место, подлежащее обыску, и человек, подвергающийся аресту, должны быть четко определены.

(20). Каждый закон или резолюция, имеющая силу закона, должны рассматривать не более одного предмета, который должен быть указан в их названии.

Раздел 10 (1). Ни один штат не может вступать в договоры, союзы или конфедерации; выдавать каперские свидетельства и разрешения на репрессалии; чеканить монету; допускать уплату долгов чем-либо кроме золотой и серебряной монеты; принимать законопроекты о конфискации имущества, или законы, имеющие обратную силу, законы, препятствующие выполнению обязательств по договорам; а также жаловать дворянские титулы.

(2). Ни один штат не может без согласия Конгресса облагать пошлинами или сборами импорт и экспорт товаров, за исключением случаев, когда это необходимо для осуществления законов штата о надзоре; причем чистый доход от всех сборов и пошлин, наложенных штатом на импорт и экспорт, поступает в пользу Казначейства Конфедеративных Штатов, а все такого рода законы подлежат пересмотру и контролю Конгресса.

(3). Ни один штат не может без согласия Конгресса устанавливать какие-либо тоннажные пошлины за исключением пошлин на морские суда, с целью улучшения рек и портов, используемых при навигации таких судов; но такие пошлины не должны противоречить договорам Конфедеративных Штатов с иностранными государствами; любой получаемый таким способом дополнительный доход должен после осуществления указанных улучшений быть передан в Казначейство; содержать в мирное время войска или военные корабли, входить в соглашения или заключать договоры с другим штатом или с иностранным государством, а также вступать в войну, если только он не подвергся нападению или не находится в такой непосредственной опасности, при которой не допустимо промедление. Но если через территорию двух или более штатов протекает одна река, они могут заключать договоры с целью улучшения навигации по реке.

СТАТЬЯ II

Раздел 1 (1). Исполнительная власть осуществляется Президентом Конфедеративных Штатов Америки. Он и Вице-президент состоят в своей должности в течение 6 лет; но Президент не может быть

переизбран. Выборы Президента и Вице-президента производятся следующим образом:

(2). Каждый штат назначает в установленном его Законодательным собранием порядке выборщиков в количестве, равном общему числу Сенаторов и Представителей, которых штат имеет право посылать в Конгресс; но не могут назначаться выборщиками Сенаторы, Представители и лица, занимающие ответственную или оплачиваемую должность на службе Соединенных Штатов.

(3). Выборщики собираются по своим соответствующим штатам и голосуют бюллетенями за Президента и Вице-президента, из которых хотя бы один не должен быть жителем одного с ними штата. Затем они составляют список всех кандидатов в Президенты, и отдельный список кандидатов в Вице-президенты, с указанием числа голосов, поданных за каждого из них. Список подписывается и удостоверяется выборщиками, а затем пересылается в запечатанном виде в местопребывание Правительства Конфедеративных Штатов на имя Председателя Сената. Председатель Сената в присутствии Сената и Палаты представителей вскрывает все удостоверенные списки, после чего производится подсчет голосов. Лицо, получившее наибольшее число голосов, становится Президентом, если только это число составляет большинство выборщиков. Если же ни один кандидат не получает требуемого большинства голосов, Палата Представителей сразу же голосованием избирает Президента из числа кандидатов в Президенты (не больше трех), набравших большее количество голосов. При этом при избрании президента голоса подаются по штатам, и представительство каждого штата имеет один голос; избирательный кворум для этих целей составляют представители двух третей штатов, а для избрания необходимо большинство всех штатов. Если во всех тех случаях, когда право выбора переходит Палате Представителей, она не выбирает Президента до 4 марта, Вице-президент исполняет обязанности Президента, как в случаях смерти или конституционной неспособности Президента.

(4). Лицо, получившее после наибольшее число голосов по спискам кандидатов в Вице-президенты, становится Вице-президентом, если это число составляет большинство всех назначенных выборщиков. Если никто не набирает большинство голосов, Сенат избирает Вице-президента из двух кандидатов, набравших боль-

шее количество голосов. Избирательный кворум для этих целей составляет две трети всех сенаторов, для избрания необходимо большинство голосов общего числа сенаторов.

(5). Никто из тех, кто по Конституции не может быть избран Президентом, не может быть также избран и Вице-президентом Конфедеративных Штатов.

(6). Конгресс может определить время избрания выборщиков и день, в который они подают свои голоса; этот день должен быть единым для всей территории Соединенных Штатов.

(7). Не может быть избран на должность Президента тот, кто не является гражданином Конфедеративных Штатов по рождению или не состоял в гражданстве Конфедеративных Штатов во время принятия настоящей Конституции, или гражданин Конфедеративных Штатов, родившийся в Соединенных Штатах до 20 декабря 1860 года; равным образом не может быть избран на эту должность тот, кто не достиг тридцатипятилетнего возраста и не был в течение четырнадцати лет постоянным жителем Конфедеративных Штатов по состоянию на момент выборов.

(8). Президент в установленные сроки получает за свою службу вознаграждение, которое не может увеличиваться или уменьшаться в течение срока, на который он был избран; в течение этого периода он не может получать какое-нибудь другое денежное вознаграждение от Конфедеративных Штатов или от какого-либо из штатов.

(9). Перед вступлением в должность Президент приносит следующую присягу: » Я торжественно клянусь (или обещаю), что буду честно выполнять обязанности Президента Конфедеративных Штатов и по мере своих сил охранять, защищать и поддерживать Конституцию Конфедеративных Штатов».

Раздел 2 (1). Президент является главнокомандующим армии и флота Конфедеративных Штатов и милиции отдельных штатов, когда она призывается на действительную службу Конфедеративных Штатов; он может требовать от руководителя каждого исполнительного департамента письменного мнения по любому вопросу, относящемуся к его компетенции; он имеет право отсрочки исполнения приговоров, а также помилования за преступления, совершенные против Конфедеративных Штатов, за исключением случаев вынесения импичмента.

(2). Он имеет право с совета и согласия Сената заключать международные договоры при условии их одобрения двумя третями присутствующих Сенаторов; с совета и согласия Сената назначать послов и иных полномочных представителей и консулов, судей Верховного суда, а также всех других должностных лиц Конфедеративных Штатов, о назначении которых в настоящей Конституции нет иных постановлений и должности которых установлены законом; однако Конгресс может законом предоставить право назначения низших должностных лиц, каких найдет нужным, единолично Президенту, судам или главам департаментов.

(3). Главы любого из исполнительных департаментов, и все лица, имеющие отношение к дипломатической службе, могут быть отстранены от должности по желанию Президента. Все остальные гражданские должностные лица, работающие в исполнительных департаментах, могут быть отстранены от должности Президентом или другими инстанциями, имеющими право назначения, когда иссякнет необходимость в их службе, или за мошенничество, несоответствие должности, плохую работу, должностные преступления или пренебрежение своими обязанностями; о таком отстранении от должности следует проинформировать Сенат, указав причины.

(4). Президент имеет право замещать все вакансии, возникающие в период между сессиями Сената, предоставляя должностные полномочия на срок до окончания ближайшей сессии Сената. Но ни одна кандидатура, отвергнутая Сенатом, не может быть назначена на ту же самую должность во время следующих перерывов в работе Сената.

Раздел 3 (1). Президент периодически представляет Конгрессу сведения о состоянии Конфедерации и предлагает на его усмотрение такие меры, которые сочтет необходимыми и полезными; в экстренных случаях он созывает обе Палаты или одну из них, а в случае разногласий между Палатами по поводу времени отсрочки сессий сам переносит их на такое время, какое сочтет необходимым; он принимает послов и других полномочных представителей, обеспечивает точное соблюдение законов и определяет полномочия всех должностных лиц Конфедеративных Штатов.

Раздел 4 (1). Президент, Вице-президент и все гражданские должностные лица Конфедеративных Штатов отстраняются от долж-

ности при импичменте и признании их вины в измене, взяточничестве или других тяжких преступлениях и проступках.

СТАТЬЯ III

Раздел 1 (1). Судебная власть Конфедеративных Штатов осуществляется Верховным судом и теми низшими судами, которые будут время от времени учреждаться Конгрессом. Как судьи Верховного суда, так и судьи низших судов сохраняют свои должности до тех пор, пока их поведение является безупречным; в установленные сроки они получают за свою службу вознаграждение, которое не может быть уменьшено, пока они находятся в должности.

Раздел 2 (1). Судебная власть распространяется на дела, возникающие на основе настоящей Конституции, законов Конфедеративных Штатов и заключаемых Конфедеративными Штатами международных договоров; на все дела, касающиеся послов, других полномочных представителей и консулов; на все дела адмиралтейства и другие морские дела; на все споры, в которых Конфедеративные Штаты являются стороной; на все споры между двумя или более штатами, между штатом и гражданами другого штата, когда штат выступает в качестве истца, между гражданами одного штата по искам о землях, полученных в дар от других штатов, а также между штатом и его гражданами и иностранными государствами, гражданами или подданными. Но ни один штат не может преследоваться по суду гражданином или подданным иностранного государства.

(2). Все дела, касающиеся послов, других полномочных представителей и консулов, а также дела, в которых одной из сторон является штат, подсудны Верховному суду в качестве первой инстанции. Во всех других ранее упомянутых случаях Верховный суд является инстанцией, решающей как вопрос права, так и факта с теми ограничениями и в соответствии с теми правилами, которые будут установлены Конгрессом. (3). Все дела о преступлениях, за исключением рассматриваемых в порядке импичмента, подсудны суду присяжных; судебное разбирательство происходит в том штате, где было совершено преступление, а если оно было совершено вне пределов штата, то суд происходит в том месте или местах, которые будут предусмотрены в законе, принятом Конгрессом.

Раздел 3 (1). Под изменой Конфедеративным Штатам понимается только возбуждение войны против них, присоединение к их вра-

гам, оказание им помощи и услуг. Никто не может быть признан виновным в измене, если это не будет подтверждено показаниями двух свидетелей инкриминируемого акта или собственным признанием обвиняемого на открытом судебном заседании.

(2). Конгресс имеет право определять наказание за измену, но осуждение за измену и лишение прав собственности не распространяется на потомков осужденного после его смерти.

СТАТЬЯ IV

Раздел 1 (1). В каждом штате должны пользоваться уважением и полным доверием публичные акты, официальные документы и судебные решения всякого другого штата. Конгресс может посредством общих законов предписывать способы удостоверения подлинности таких актов: документов и судебных решений, а также их силы.

Раздел 2 (1). Граждане каждого отдельного штата имеют те же права на все привилегии и право на неприкосновенность, что и граждане нескольких штатов; они имеют право перемещаться и проживать в любом штате данной Конфедерации, вместе со своими рабами и собственностью, и это не должно ущемлять их права на вышеупомянутых рабов.

(2). Лицо, обвиненное в каком-либо штате в измене, тяжком уголовном преступлении или ином преступлении против законов этого штата, скрывающееся от правосудия и обнаруженное в другом штате, подлежит по требованию исполнительной власти штата, из которого оно бежало, выдаче для препровождения в штат, юрисдикции которого подлежит это преступление.

(3). Ни один раб или другое лицо, обязанное к службе или работе в каком-либо из штатов или территорий Конфедеративных Штатов согласно его законам и бежавшее или перевезенное в другой штат, не может на основании законов или постановлений последнего освободиться от этой службы или работы и должно быть выдано по требованию стороны, которой принадлежит этот раб, или которая имеет право на такую службу или работу.

Раздел 3 (1). Конгресс может принимать в Конфедерацию новые штаты при согласии двух третей Палаты Представителей и двух третей Сената, причем Сенат должен голосовать по штатам. Но ни один штат не может быть образован или учрежден в пределах юрисдикции другого штата; равным образом не могут без согласия Законодатель-

ных собраний заинтересованных штатов и Конгресса образовываться новые штаты путем слияния двух или более штатов или их частей.

(2). Конгресс вправе распоряжаться территорией или иной собственностью, принадлежащей Конфедеративным Штатам, и издавать в связи с этим все необходимые правила и постановления.

(3). Конфедеративные Штаты могут приобретать новые территории, Конгресс имеет право устанавливать законы и назначать правительство для жителей всех территорий, входящих в Конфедеративные Штаты и лежащих за пределами действительных членом Конфедерации; Конгресс может санкционировать, в соответствии с законами, которые будут приняты, создание штатов, которые будут приняты в Конфедерацию. На всех таких территориях будет признан и охраняем Конгрессом и местным правительством институт рабства в той форме, в какой он существует в настоящий момент в Конфедеративных Штатах. Жители штатов и территорий, в настоящий момент входящих в Конфедерацию, имеют право привозить на эти новые территории всех рабов, законно принадлежащих им.

(4). Соединенные Штаты гарантируют каждому штату, являющемуся в настоящем, или ставшему в будущем членом Конфедерации республиканскую форму правления и защиту каждого из них от нападения извне, а по просьбе Законодательного собрания или исполнительной власти (когда Законодательное собрание не может быть созвано) – и от внутренних насилий.

СТАТЬЯ V

Раздел 1 (1). По требованию любых трех штатов, принятому несколькими собраниями этих штатов, Конгресс может созвать съезд всех штатов с целью рассмотрения поправок к Конституции, предложенных в таком требовании. И если какие-то из предложенных поправок к Конституции будут приняты на этом съезде голосованием по штатам, а затем будут ратифицированы Законодательными собраниями двух третей штатов, или же съездами в двух третях штатов, смотря какой из этих двух способов ратификации предложит общий съезд, они будут составлять с того момента часть настоящей Конституции. Однако ни один штат без его согласия не может быть лишен равного с другими голоса в Сенате.

СТАТЬЯ VI

Раздел 1. Правительство, утвержденное настоящей Конституцией, является преемником Временного правительства Конфедеративных Штатов Америки, все законы, принятые последним, сохраняют свою силу до их отмены или изменения; все должностные лица, назначенные Временным правительством, остаются на своих должностях до назначения и вступления в должность их преемников, или ликвидации этих должностей.

Раздел 2. Все долги и обязательства, существовавшие до принятия настоящей Конституции, сохраняют для Конфедеративных Штатов такую же юридическую силу, какую они имели при Временном правительстве.

Раздел 3. Настоящая Конституция и законы Конфедеративных Штатов, изданные в ее исполнение, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены Конфедеративными Штатами, являются высшими законами страны, и судьи каждого штата обязаны их исполнять, хотя бы в Конституции и законах отдельных штатов встречались противоречащие постановления.

Раздел 4. Вышеупомянутые Сенаторы и Представители, равно как и члены Законодательных собраний отдельных штатов, а также все должностные лица исполнительной и судебной властей Конфедеративных Штатов и отдельных штатов обязываются присягой к соблюдению настоящей Конституции. При этом никогда не будут требоваться принадлежность к какой-либо религии в качестве условия для занятия какой-либо должности или исполнения какой-нибудь общественной обязанности в Соединенных Штатах.

Раздел 5. Права, перечисленные в настоящей Конституции, не должны отрицать или принижать другие права граждан штатов, входящих в Конфедерацию.

Раздел 6. Определение полномочий, не относящихся к Конфедеративным Штатам по Конституции, но и не запрещенных ею для отдельных штатов, оставляется в компетенции штатов и людей, живущих в них.

СТАТЬЯ VII

(1). Ратификация Конвентами пяти штатов является достаточной для принятия этой Конституции теми штатами, которые утвердили ее в указанном порядке.

(2). После ратификации настоящей Конституции пятью штатами в указанном выше порядке Конгресс, действующий согласно Временной Конституции, установит время, когда будут проведены выборы Президента и Вице-президента, когда состоится собрание Коллегии Выборщиков, время подсчета голосов и инаугурации Президента. Конгресс также установит время выборов в Конгресс согласно этой Конституции и время начала его первой сессии. До созыва Конгресса, Конгресс действующий согласно Временной Конституции продолжит выполнять законодательные функции, порученные ему, но не дольше срока, обозначенного в Конституции Временного Правительства.

Принята единогласно Конгрессом Конфедеративных Штатов Южной Каролины, Джорджии, Флориды, Алабамы, Миссисипи, Луизианы и Техаса, заседавшим в здании Конгресса в Монтгомери, Алабама, марта одиннадцатого числа в год одна тысяча восемьсот шестьдесят первый.

**ЗАКОН О НАДЕЛЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ
ФАКТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ
НА ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗЕМЛЯХ**

1862 г.

Гомстед-акт
(Извлечение)

РАЗДЕЛ 1.

Сенат и Палата Представителей Конгресса Соединенных Штатов Америки совместным решением постановляют, что любое лицо, являющееся главой семьи, или достигшее возраста двадцати одного года и являющееся гражданином Соединенных Штатов, или подавшее заявление о своем намерении стать таковым, как того требуют законы Соединенных Штатов о натурализации, и которое никогда не подняло оружия против правительства Соединенных Штатов или не оказывало содействия его врагам, начиная с первого января тысяча восемьсот шестьдесят третьего года получает право на участок площадью в одну четверть надела или меньше на не востребуемых государственных землях, на который указанное лицо может подать заявление о преимущественном праве приобретения по цене один доллар

и двадцать пять центов или менее за акр; или восемьдесят или менее акров указанных не востребуемых земель по два доллара и пятьдесят центов за акр, которые должны быть расположены в одном месте, в соответствии с законным разделением государственной земли, и после проведения землемерной съемки. При этом любое лицо, которому принадлежит земля и которое на ней проживает, имеет право, согласно положениям настоящего закона, получить другую землю, расположенную рядом с его землей и никому не принадлежащую, если общий участок таких земель не превышает сто шестьдесят акров.

РАЗДЕЛ 2.

Настоящим постановляется, что лицо, ходатайствующее о применении настоящего закона, при подаче заявления в реестр земельного ведомства, в котором он или она собирается сделать такую запись, оставляет письменное свидетельство о том, что оно является главой семьи или имеет возраст 21 год или более, или служит в армии или военно-морском флоте Соединенных Штатов, и что оно никогда не поднимало оружия против правительства Соединенных Штатов, или оказывало помощь и поддержку его врагам, и что данное заявление подается исключительно для личного использования и выгоды, и что указанная регистрация делается с целью фактического заселения и обработки земли, а не прямо или косвенно для использования или выгоды любого другого лица или лиц, кто бы они ни были; и после передачи указанного письменного свидетельства регистратору или судебному исполнителю и уплаты десяти долларов, лицо получает разрешение переехать на определенную землю. При этом никакие другие свидетельства или патенты на участок не выдаются до истечения пяти лет после даты регистрации; и если, после истечения такого периода или в любое время в течение двух лет после его истечения, лицо, осуществившее регистрацию; или, в случае его смерти, его вдова, или в случае ее смерти – его наследники или представитель; или, в случае, если вдова осуществляла такую регистрацию, то ее наследники или представитель; должно доказать двумя заслуживающими доверия свидетелями, что он, она или они проживали или возделывали эти земли в течение пяти лет, непосредственно следующих за моментом подачи вышеуказанного свидетельства, и должно дать показания, что ни одна часть указанной земли не была отчуждена и что он сохранил истинную преданность правительству Соединенных Штатов Амери-

ки; затем, в таком случае, если он, она или они являются на данный момент гражданами Соединенных Штатов, то они получают право на свидетельство о собственности на землю, как и в других случаях, предусмотренных законом: При этом, в случае смерти родителей, после которых остался несовершеннолетний ребенок или дети в возрасте до двадцати одного года, право и стоимость земли переходит несовершеннолетнему ребенку или детям; и его душеприказчик, попечитель или опекун имеет право, в любое время в течение двух лет с момента смерти родителей и в соответствии с законами штата, в пределах которого проживают эти дети, продать землю в их интересах и ни для каких других целей; а покупатель приобретает абсолютное право собственности на землю и имеет право на свидетельство от Соединенных Штатов после оплаты официальных сборов и суммы, определенном настоящим документом.

РАЗДЕЛ 6.

Настоящим постановляется, что в соответствии с положениями настоящего закона ни одному лицу не разрешается приобретать право собственности более чем на одну четверть надела; и что уполномоченный Генерального Земельного управления обязан разработать и издать нормы и правила согласно настоящему закону, которые необходимы для надлежащего исполнения его положений; и что регистраторы и исполнители нескольких земельных управлений имеют право на получение такого же вознаграждения за любые земли, введенные в соответствии с положениями настоящего закона, какое они сейчас имеют право получать, когда такой же участок земли передается за деньги, причем одна половина вознаграждения должна быть выплачена лицом, подающим заявление в момент его подачи, а другая половина – при выдаче свидетельства о собственности лицом, которому оно может быть выдано; но данное положение не должно толковаться для увеличения максимального вознаграждения, предусмотренного действующим законом для любого регистратора или исполнителя. При этом никакие положения настоящего закона не должны толковаться как вмешательство или ограничение существующих прав на покупку: И все лица, подавшие заявление о праве на покупку до принятия настоящего закона, имеют право на все привилегии, предусмотренные настоящим законом: лицо, которое служило или может в дальнейшем служить в течение периода не менее четырнадцати дней

в армии или военно-морском флоте Соединенных Штатов, либо на регулярной основе, либо в качестве волонтера, во время действующей войны, внутренней или внешней, не может быть лишено выгод настоящего закона по причине недостижения им возраста двадцати одного года.

РАЗДЕЛ 7.

Настоящим постановляется, что пятая статья закона под названием «Закон о дополнениях к закону для эффективного наказания за определенные преступления против Соединенных Штатов и других целей», одобренного 3 марта 1857 года, распространяется на все присяги, торжественные заявления и письменные свидетельства, требуемые или уполномоченные настоящим законом.

РАЗДЕЛ 8.

Настоящим постановляется, что никакие положения настоящего закона не должны помешать любому лицу, которое использовало выгоды первой статьи настоящего закона, заплатить минимальную стоимость или стоимость, которая может быть установлена за зарегистрированный за ним участок земли, в любое время до истечения периода пяти лет и получить на него свидетельства от правительства, как и в других случаях, предусмотренных законом, после доказательства поселения на земле или ее обработки, предусмотренного действующими законами, предоставляющими права на покупку.

А. Стивенс
РЕЧЬ О КРАЕУГОЛЬНОМ КАМНЕ
21 МАРТА 1860 г.
(Извлечение)

Я уже говорил, что мы участвуем в одной из величайших революций в истории мира. Три месяца назад семь Штатов свергли старое правительство и создали новое. отмечал, что мы проходим через одну из самых больших революций в летописи мира. До недавнего времени в ходе нашей революции мы не потеряли ни одной капли крови.

..... Говоря о Конституции, я хочу заметить, что в ней предусмотрено достаточно средств для защиты наших древних прав, свобод и привилегий. Сохранены все главные принципы Великой хартии вольностей. Никакой гражданин не может быть лишен жизни, свобо-

ды, или собственности, кроме как по решению его пэров, вынесенному в соответствии с законами страны. Поддерживается и защищается главный принцип религиозной свободы, который был честью и гордостью старой Конституции. Всё то, что вызывало любовь американцев в старой Конституции, в новом соглашении сохранено на века.

.... Вопрос о растущих классовых интересах и развитии одних отраслей промышленности в ущерб другим при помощи протекционистских налогов, вызывавший большие конфликты в прежние времена, в новой Конституции окончательно решен. Мы не позволяем введения каких-либо пошлин, имеющих целью в любой сфере деятельности предоставление преимущества одному классу людей над другим. Всё в нашей системе подчинено самым принципам совершенного равенства. Честные работники и предприятия освобождаются от любых форм преследования. Старая тарифная колючка, столь многих раздражавшая в старом государстве, навсегда выдернута из нового.

Еще одним полезным изменением является отмена права Конгресса регулировать торговлю. Власть, данная ему старой Конституцией, по этому вопросу была, по крайней мере, сомнительной, и распространялась исключительно на строительство. Мы, Южане, не желая оспаривать Конституционные принципы, выступали против её осуществления, признавая её нецелесообразной и несправедливой. Несмотря на наше противодействие, миллионы долларов из федерального казначейства были потрачены на эти цели. Мы были не против развития торговли, или мер по её улучшению. Главный вопрос мы видели в том, на кого должно ложиться бремя этих трат. К примеру, в Джорджии мы сделали за счёт средств населения столько внутренних усовершенствований, сколько ни в какой другой части страны. Мы потратили 25 миллионов долларов на строительство железной дороги от побережья до гор, срыв для этого холмы и выровняв долины. Дорога была нужна нам и нашим западным соседям, чтобы открыть нашей продукции выход на мировые рынки. Ни один другой Штат не был так заинтересован в дороге, как Джорджия, и мы не обращались в федеральное казначейство за помощью. Все расходы во время строительства и оборудования дороги несли предприниматели, вступившие в это предприятие. Стоимость металла в смете строительства составила незначительную цифру, но мы были вынуждены заплатить в феде-

ральное казначейство несколько миллионов долларов для погашения расходов стальных импортеров, понесенных ими из-за разницы цен на внутренних и внешних рынках. Разве было справедливым вносить в казначейство деньги за импорт тогда, когда их можно было потратить на строительство гаваней на наших реках? Основной принцип, который мы отстаиваем, заключается в обязанности коммерсантов принимать на себя бремя расходов, требуемых для блага местности, где они проживают. Если Чарльстонской гавани требуется улучшение, то пусть необходимые работы оплатят чарльстонские предприниматели. Если необходимо очистить устье реки Саванна, то позвольте этим вопросом заниматься судоходной компании, зарабатывающей на этой реке деньги. То же с устьями рек Алабама и Миссисиппи. Мы выступаем за то, чтобы затраты по доставке по железным дорогам включались в стоимость нашей продукции, будь то хлопок, пшеница, зерно и что-то другое. Вот такой принцип совершенного равноправия и закреплён в новой Конституции.

Ещё одна особенность нового Конституционного соглашения, о которой я расскажу – разрешение членам кабинета министров и главам департаментов входить в состав Сената и Палаты представителей и принимать участие в дебатах и обсуждениях по различным вопросам управления. Я бы предложил пойти дальше и обязать президента набрать себе Конституционных советников из числа конгрессменов. Это полностью соответствовало бы практике британского парламента, являющейся, по моему мнению, одним из самых мудрых положений британской Конституции. Эта практика – единственное, что укрепляет то правительство. Она придает ему стабильность и возможность безболезненно менять курс. Наше положение является значительным шагом на пути к подобной практике.

...Другое изменение в Конституции касается продолжительности срока пребывания у власти президента. В новой Конституции установлены шесть лет вместо четырёх, и отменено право переизбрания. Конечно, это является решительным шагом в сторону консерватизма. Но он удалит от должностного лица все искушения использовать свое положение и доверенные ему полномочия для достижения личных целей. Единственной целью, которой должен руководствоваться тот, кому будет оказано такое высокое доверие, есть и будут

благо для народа, развитие и процветание, счастье и безопасность, честь и истинная слава для Конфедерации.

.... Новая Конституция навсегда запретила пропаганду против нашего особенного института африканского рабства в том виде, каком он существует, против того надлежащего статуса, который негры занимают в нашей цивилизации. Всё это явилось непосредственной причиной последнего раскола и настоящей революции. Джефферсон предсказывал, что рабство станет той «скалой, о которую разобьется старый Союз». Он был прав. То, что ему только казалось, теперь стало свершившимся фактом. Но вызывает сомнение, что он полностью постиг ту великую истину, на которую опирается эта скала. Им и большинством ведущих государственных деятелей, во время формирования старой Конституции руководила мысль о том, что порабощение африканских есть нарушение законов природы, что оно неправильно в принципе, социально, нравственно, и политически. Для них рабство было злом, с которым они не знали, как поступить, но которое, как они думали, является недолговечным, и по Божественной воле скоро прекратится. Эта идея преобладала над создателями Конституции, хотя и не нашла отражения в документе. Конституция, напротив, защитила права рабовладельцев на всё время существования рабства, так что всё утверждения, что не существует Конституционных гарантий рабовладельцам, столь популярные сегодня, не имеют под собой никакого основания. Антирабовладельческие идеи в корне неправильны. Они опираются на предположение о равенстве рас, которое является ошибочным. Эти идеи стояли на песчаном фундаменте, рассыпавшемся, как только «подул ветер, и началась гроза».

Наше новое правительство основано на диаметрально противоположной идее; краеугольным камнем в его фундаменте лежит та великая истина, что негр не равен белому человеку, а рабское подчинение превосходящей расе является его естественным и нормальным состоянием. Наше новое правительство является первым в мировой истории, основанным на этой великой физической, философской и моральной истине. Этот закон долго добивался своего права на существование, подобно всем другим истинам в различных разделах науки. Так было и среди нас. Многие из тех, кто слушает меня сегодня, возможно, помнят, что даже они сами эту истину признали не сразу. Ошибки прошлых поколений цеплялись за нас на протяжении

двадцати последних лет. Тех жителей Севера, кто все еще цепляется за эти ошибки с рвением, достойным лучшего применения, мы справедливо называем фанатиками. Весь их фанатизм является разновидностью безумия и возникает из непонимания и неправильного рассуждения. Одна из самых поразительных характеристик подобного безумия заключается в том, что такие безумцы делают нужные им умозаключения из ошибочных предпосылок, как в случае с нашими антирабовладельческими фанатиками. Их заключения были бы правильные, если бы имелись на то основания. Они предполагают, что негры равны белым людям, и, следовательно, имеют право на равные с белым человеком привилегии и свободы. Если бы их предпосылки были верны, то их умозаключения были бы логичны и справедливы, но данные предпосылки в корне неправильные, и все их аргументы не выдерживают критики. Я вспоминаю, что однажды слышал, как один небездарный Северный джентльмен, облеченный большой властью, пылко предсказывал с трибуны Палаты представителей, что мы на Юге в конечном итоге будем вынуждены покончить с рабством, поскольку-де против законов жизни также бессмысленно вести войну, как против законов физики и механики. Что их принцип, в конце концов, победит. Что мы, поддерживая рабство в том виде, в каком оно есть у нас, выступаем против законов природы, против закона равенства людей. Я ему ответил, что, если исходить из их собственных принципов, то победителями окажемся именно мы, и что крестовый поход его и его соратников против наших институтов окончится провалом. Признавая его правоту в том, что против законов жизни также бессмысленно вести войну, как против законов физики и механики, я добавил, что это в равной степени относится и к нему самому, выступающему против одного такого закона. Он пытается уравнивать вещи, которые Создатель сделал неравными.

...Тысячи людей, которые начинают понимать эти истины, еще не полностью оценили их всеохватность. Нам рассказывают о большой работе по христианизации и прививанию цивилизованного образа жизни среди варварских племен Африки. По моему мнению, эта работа никогда не будет доведена до конца, пока они не усвоят урок, преподанный Адаму – «В поте лица твоего будешь есть хлеб», и не будут научены самостоятельно работать, зарабатывая себе на пропитание и одежду.

Теперь поговорим о другом: Некоторые задают себе вопросы, реально ли существование Конфедерации без принятия новых членов? Есть ли у нас средства и способность упрочить положение своей нации среди мировых держав? Лично я на это ответил бы, что с тревогой слежу за обсуждением вопроса о присоединении к нам пограничных Штатов, имеющих такие же институты, как и у нас, но даже, если они окончательно решат отвергнуть союз с нами, у нас хватит силы удержать свои позиции. У меня не вызывает сомнения то, что они в конечном итоге будут вынуждены присоединиться к нам, хотя мы сможем добиться успеха и без них.

У нас есть все существенные предпосылки для успешной жизни как государства. На Севере и даже в пограничных Штатах популярна идея о том, что мы являемся слишком маленькими и слишком слабыми, чтобы удержать отдельную государственность. Эта идея – большая ошибка. Мы занимаем территорию более чем в пятьсот шестьдесят четыре тысячи квадратных миль, что на двести тысяч квадратных миль, больше чем территория, включенная в пределы начальных тринадцати Штатов. Она в два раза превышает территорию Франции или Австрийской империи. Франция имеет, округленно, только двести двенадцать тысяч квадратных миль. Австрия имеет, округленно, двести сорок восемь тысяч квадратных миль. Наша территория больше чем оба эти государства вместе взятые. И больше чем вся Франция, Испания, Португалия, и Великобритания, включая Англию, Ирландию, и Шотландию, вместе взятые. Население наше, согласно переписи 1860 года, включая и белых и черных, превышает пять миллионов человек. Всё население начальных тринадцати Штатов, включая белых и черных, в 1790 году было меньше четырёх миллионов человек, и еще меньше – в 1776 году, когда наши отцы получили независимость. Если они, с таким маленьким населением, сумели удержать свою независимость от самого величайшего государства на земле, то, что мешает нам сделать то же самое теперь?

Что касается материального богатства и ресурсов, то они перед нами. Налогооблагаемая собственность Конфедеративных Штатов никак не меньше двух тысяч двухсот миллионов долларов! Я думаю, что не очень ошибусь, если скажу, что она в пять раз превосходит собственность, которой колонии обладали в то время, когда достигли независимости. Одна Джорджия обладала в прошлом году, согласно

сообщению нашего генерального контроллера, шестьюстами семьюдесятью двумя миллионами налогооблагаемой собственности. Долги семи Конфедеративных Штатов в сумме составляют меньше восемнадцати миллионов, в то время как существующие долги других Соединенных Штатов совокупно составляют внушительную цифру в сто семьдесят четыре миллиона долларов. И это, не принимая во внимание большие городские долги, корпоративные долги, и долги железной дороги, которые давили, и продолжают давить тяжелым грузом на ресурсы тех Штатов. Эти долги, прибавленные к другим, увеличивают общую сумму до пяти сотен миллионов долларов. С такой территории, какая у нас есть, с таким населением, климатом и почвой, какие вы не встретите нигде больше, с такими ресурсами и продукцией, которая управляет миром, разве могут остаться сомнения в нашей способности преуспеть, в независимости от того, присоединятся ли другие к нам или нет?

Я полагаю, что выражаю общее чувство, когда говорю, что пограничные Штаты должны присоединиться к нам. Различия во мнениях, которые существовали среди нас в момент, предшествовавший отделению, имели больше отношения к вопросам совместной защиты наших достижений, чем к вопросам обеспечения общей безопасности, на которые мы смотрели одинаково.

Это различие во мнениях, в основном, относилось к политике, но не к нашим принципам. Мистер Джефферсон, после жаркой борьбы, сопровождавшей его избрание, сказал в своей инаугурационной речи в 1801 году, что «различия во мнениях могут существовать без различия в принципах, и все мы до некоторой степени одинаково и федералисты и республиканцы». То же можно сказать и про нас. Независимо от различия мнений по вопросам сотрудничества с нашими братскими рабовладельческими пограничными Штатами, теперь, когда случилось самое худшее, все мы точно такие же независимые государства, какими мы были соратниками, хотя бы они того, или нет.

В этой связи я пользуюсь случаем, чтобы заявить, что у меня есть серьезные опасения что теперь, когда случилось самое худшее и разрыв отношений со старым правительством является единственным путем обеспечить нашу безопасность и неприкосновенность, мы столкнемся с намного более серьезными бедами, чем прежде. До

настоящего времени мы не сталкивались ни с одной проблемой, какие обычно сопровождают революции. И не было замечено ни одной предпосылки для них. Мудрость, благоразумие и патриотизм отметили каждый шаг нашего движения в настоящее. Это предсказывает хорошее будущее, и я искренне рад, что могу так говорить. Я прошу меня извинить, но скажу, что за всю свою жизнь не встречал столько способных, мудрых, консервативных, одаренных, целеустремленных, решительных, и патриотических людей, сколько я видел в Конгрессе в Монтгомери. Их дела говорят за них; временное правительство говорит за них. Конституция постоянного правительства станет вечным памятником их ценности, достоинству, и государственной деятельности.

Но возвращаясь к вопросу о будущем. Что мы получим в результате этой революции?

Будет ли всё, имеющее такое хорошее начало, продолжаться так и впредь? В ответ на этот волнующий вопрос, я могу лишь сказать, что всё зависит только от нас. Молодой человек, начинающий свою жизнь в полном здравии, таланте и способностях, волею Господней назначен быть строителем собственного благосостояния. Его судьба находится в его собственных руках. Он только своими действиями может покрыть своё имя честью или позором. Если он живет правдой, честностью, честью и прямоотой, трудом, терпением и энергией, то он не может потерпеть неудачу. Так же и с нами. Мы – молодая республика, только вступающая в семью государств, и мы будем строителями своего собственного благосостояния. Провидением наша судьба вручена нам самим. Мудростью, благоразумием, и деятельностью наших государственных служащих, разумностью, достоинством и патриотизмом наших граждан мы добьемся успеха, и оправдаются самые жизнерадостные надежды. Но если возобладают неразумные решения, если будут править разногласия, если мы разделимся, будут возникать политические ереси и поднимет голову гидра внутреннего раскола, вскормленная чьими-то порочными личными амбициями, то я не смогу обещать вам ничего хорошего. Никакая республика или правительство не смогут продержаться долго без разумности, достоинства, целостности и патриотизма людей.

У нас есть разум, достоинство и патриотизм. Все, что требуется, это взрастить их и увековечить. Без достоинства мы не найдем при-

менения разуму. Франция была нацией философов. Но эти философы стали якобинцами. Они испытывали недостаток в том достоинстве, в той преданности моральным принципам и в том патриотизме, которые необходимы хорошему правительству, организованному на принципах совершенного правосудия, и ищущего согласия и дружбы со всеми другими государствами. Я не вижу никаких препятствий на пути нашего восходящего прогресса. Присоединение к нам других Штатов, будет очень зависеть от того, представим ли мы миру, а я полагаю, что представим, правительство, лучшее чем то, которое есть в соседних Штатах. Если мы сделаем это, то Северная Каролина, Теннесси и Арканзас не смогут долго колебаться, так же, как Виргиния, Кентукки, и Миссури. Они будут обязательно стремиться к нам, согласно высшему закону. В нашей Конституции есть положение, вполне чётко описывающее наше право принимать новых членов, оно более мудрое, чем то, которое было в старой Конституции, хотя и не обещает нам скорейшее их принятие. Смотри в отдаленное будущее, и, возможно, не в столь отдаленное, я признаю возможным, что все большие Штаты Северо-запада, такие как Теннесси, Кентукки, Миссури, Арканзас и т.д., будут стремиться к нам. Если они решатся на этот шаг, при условии готовности разделить с нами все наши принципы, то наши двери широко откроются, чтобы впустить их.

Если мы будем придерживаться правильного курса, то с почти абсолютной уверенностью можно ожидать продолжения распада старого Союза. Теперь мы – ядро нового государства, которое, если мы останемся верны себе, нашей судьбе и великой миссии, станет главенствующей силой на этом континенте. До какой степени мы расширим свои границы и какими они будут в будущем, покажет время. Что касается Штатов старого Союза, то этот процесс не будет основан на принципах реконструкции, как предлагается сейчас, но на принципах реорганизации и новой ассимиляции. Вот некоторые наши перспективы, как я их вижу.

Но сначала мы обязательно столкнёмся с неудобствами и трудностями, сопровождающими любые изменения правительства. Мы почувствуем их в наших почтовых делах и изменении торговых путей. Нужно надеяться, что эти неудобства будут явлением временным, и нам придется перенести их с терпением и сдержанностью.

Относительно того, будет ли у нас война с нашим прошлыми конфедератами, или мы дружеским путём уладим все вопросы различий между нами, я могу только сказать, что, насколько я информирован, перспектива мирного урегулирования сейчас реальнее чем когда-либо. По крайней мере, война нам не так угрожает, как раньше. Идея принудительного воссоединения, о которой можно было прочитать между строк инаугурационного послания президента Линкольна, к настоящему времени кажется, разработана не так далеко, как ожидалось. Форт Самтер скорее всего будет покинут их войсками. Но что они собираются делать с фортом Пикенс и другими фортами в заливе не совсем ясно. Остаётся только желать, чтобы и они были отданы нам. Наша цель – мир, не только с Севером, но и со всем остальным миром. Все вопросы, касающиеся общественной собственности и общественных долгов Союза, появившихся пока мы были его членами, мы готовы и хотим урегулировать и уладить на принципах права, равенства и доброй воли. Война не принесёт большой выгоды ни Северу, ни нам. Является ли намерение эвакуировать Форт Самтер свидетельством желания мирного разрешения наших споров с Соединёнными Штатами, или вынужденным шагом, я не смею загадывать. Я надеялся бы на первое. Хотя ходят слухи, что это вынужденное решение. Все, что я могу сказать Вам по этому поводу – держите порох сухим, а ружья – вычищенными.

Самый верный способ обеспечить мир состоит в демонстрации вашей способности отстаивать свои права. Принципы и позиция существующей администрации Соединённых Штатов представленные республиканской партией, озадачивают нас некоторыми вопросами. В то время как они заявляют, что не допустят увеличение рабовладельческой территории ни на фут, они одинаково не готовы расстаться и с дюймоном «проклятой земли». Выступая против института, которого они не приемлют, одновременно они выступают и против нашего освобождения. Они борются против сецессии Техаса с тем же рвением, с каким они боролись против его аннексии. Как же так? Чем может быть объяснён столь странный парадокс? Похоже, есть только одно логическое тому объяснение – они, выказывая свое человеколюбие, не проявляют ни малейшего желания расстаться с теми выгодами, которые несёт рабский труд. Их филантропия проигрывает их интересам. Их законопочитание имеет только одну цель и она – собира-

ние налогов, полученных с доходов от рабского труда и расходование их на свои неподъемные запросы. И им, похоже, всё равно, что эти деньги заработаны на рабах. ...

... Поскольку принятие Штатов, согласно Конституции, являлось прерогативой законодателей, и имело форму контракта или договора между уже принятыми и принимаемыми Штатами, то почему этот договор не может быть расторгнут, подобно обычным договорам, по взаимному согласию обеих сторон? Уходящие Штаты желают расторгнуть его и восстановить свой суверенитет. Почему, если Север хочет мира, этот вопрос не может быть улажен простым решением обеих палат Конгресса и одобрением президента, дающим их согласие на отделение и признание нашей независимости.

Авраам Линкольн
ПРОКЛАМАЦИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАБОВ
22 СЕНТЯБРЯ 1862 г.
(Извлечение)

....

И на основании предоставленных мне полномочий и в силу указанных выше причин я приказываю и отныне объявляю свободными всех лиц, содержащихся как рабы в указанных штатах и их частях, и заявляю, что исполнительная власть Соединенных Штатов, включая ее военные и военно-морские органы, будет признавать свободу указанных лиц и содействовать ей.

И я призываю упомянутых лиц воздерживаться от какого-либо насилия, не вызываемого необходимостью самообороны, и рекомендую во всех разрешенных им случаях честно трудиться, получая за это приемлемую заработную плату.

И я далее заявляю и сообщаю, что указанные лица, находящиеся в хорошей физической форме, будут приниматься на военную службу Соединенных Штатов для пополнения гарнизонов фортов, военных позиций постов и иных пунктов и экипажей военных судов всех категорий, принадлежащих к указанной выше службе.

Принимая это решение, искренне рассматриваемое как справедливое и предусмотренное Конституцией в случае военной необходи-

мости, я взываю к благосклонному суду человечества и великодушному расположению Всемогущего Господа Бога.

В подтверждение чего, я приложил к сему свою руку и повелел приложить гербовую печать Соединенных Штатов.

Совершено в городе Вашингтоне первого января в год одна тысяча восемьсот шестьдесят третий от Рождества Христова и восемьдесят седьмой год независимости Соединенных Штатов.

Авраам Линкольн
ПЕРВАЯ ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ
4 МАРТА 1861 г.

Соотечественники – граждане Соединенных Штатов!

В соответствии с традицией столь же старой, как сама форма правления я предстаю перед вами, чтобы обратиться к вам с краткой речью и принести в вашем присутствии присягу «перед вступлением в должность», как того требует от президента Конституция Соединенных Штатов.

Сегодня я не считаю для себя необходимым обсуждать те проблемы управления, которые не вызывают особого беспокойства или волнения. Судя по всему, среди жителей южных штатов существуют опасения, что с приходом республиканской администрации их собственность, мирная жизнь и личная безопасность могут оказаться под угрозой. Однако для подобных опасений не было и нет никаких разумных оснований, В действительности всегда были и есть самые убедительные доказательства, свидетельствующие об обратном, и их легко проверить. Их можно найти фактически во всех опубликованных речах того, кто сейчас выступает перед вами. Приведу лишь одно высказывание, содержащееся в одном из моих выступлений, где я заявляю, что у меня нет никаких намерений прямо или косвенно вмешиваться в функционирование института рабства в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что не имею законного прав делать это, и я не склонен делать это.

Те, кто выдвинул мою кандидатуру и избрал меня на этот пост, поступили так с полным сознанием того, что я сделал данное и многие другие подобные ему заявления и ни разу не отрекся от них; более

того, эти люди предложили мне включить в политическую платформу, причем как закон для самих себя и для меня, ясную и выразительную резолюцию, которую я сейчас зачитаю:

«Решили, что сохранение нерушимости прав штатов и особенно права каждого штата устанавливать порядки в своих внутренних институтах и управлять ими исключительно по своему собственному разумению является существенно важным для того равновесия сил, от которого зависят совершенство и долговечность нашей политической структуры; и осуждаем незаконное вторжение вооруженных сил на землю любого штата или территории, под каким бы предлогом оно ни совершалось, как одно из самых тяжких преступлений».

Я вновь повторяю сейчас эти убеждения, и, делая это, я лишь привлекаю особое внимание общественности к самому убедительному из всех возможных в этом деле доказательств того, что собственность, мир и безопасность любого региона никоим образом не будут подвергаться опасности со стороны приступающей к своим обязанностям администрации. Я хочу также добавить, что любая защита, которую можно предоставить в соответствии с Конституцией и законами, будет предоставлена всем штатам, когда она будет законно востребована, по любому поводу и с одинаковой готовностью независимо от того, кем она запрашивается.

Много споров возникает относительно выдачи беглых слуг или работников. Статья, которую я сейчас зачитаю, записана в Конституции столь же понятно, как и всякая другая:

«Ни одно лицо, обязанное к службе или работе в каком-либо из штатов согласно его законам и бежавшее в другой штат, не может на основании законов или постановлений последнего освободиться от этой службы или работы и должно быть выдано по требованию стороны, которая имеет право на такую службу или работу».

Вряд ли можно сомневаться в том, что авторы данного положения создавали его для востребования обратно тех, кого мы называем беглыми рабами; но намерение законодателя – закон. Все члены Конгресса клянутся соблюдать Конституцию во всех ее частях, в том числе и это положение, как и всякое другое. Таким образом, предложение, что раб, чей случай подпадает под действие этой статьи, «будет выдан», получает единодушное одобрение, сформулированное в виде клятвы. Теперь, если бы законодатели приложили должные усилия,

разве они не смогли бы с почти таким же единодушием выработать и принять закон, с помощью которого можно было бы надежно хранить эту единодушную клятву?

Имеются определенные расхождения во мнениях относительно того, кто должен обеспечивать соблюдение этой статьи – федеральные власти или власти штата, но эти разногласия, конечно же, не столь существенны. Если раб должен быть выдан, то для него или кого-либо еще вряд ли будет важно, какие власти сделают это. Но в любом случае следует ли удовлетвориться тем, что твоя клятва останется невыполненной из-за несущественного разногласия по поводу того, как ее надо соблюдать?

И опять, разве не следует в любой закон по этому вопросу внести все известные в цивилизованной и гуманной юриспруденции гарантии свободы, с тем чтобы свободный человек ни в коем случае не был выдан как раб? И разве не стоит одновременно с этим обеспечить законом проведение в жизнь той статьи Конституции, которая гарантирует, что «гражданам каждого штата предоставляются все привилегии и льготы граждан других штатов»?

Сегодня я приношу официальную клятву без мысленных оговорок и без намерения толковать Конституцию или законы с помощью каких-либо слишком строгих правил; и хотя я сейчас не называю конкретно те или иные законы Конгресса, которые следует проводить в жизнь, я настаиваю на том, что для всех, и для официальных и для частных лиц, будет гораздо безопаснее выполнять и соблюдать все те законы, которые продолжают оставаться в силе, чем нарушать любой из них, полагая найти себе оправдание в том, что, по его собственному разумению, они являются антиконституционными.

Семьдесят два года прошло со дня первой состоявшейся по нашей Конституции инаугурации президента. В течение этого периода пятнадцать различных в высшей степени выдающихся граждан один за другим осуществляли управление органами исполнительной власти. Они действовали вопреки многочисленным опасностям и, как правило, с большим успехом. И все же при всей масштабности прецедента сейчас я приступаю на короткий четырехлетний конституционный срок к исполнению той же задачи в крайне трудной и необычной ситуации. Раскол федерального Союза, выступавший доселе только

как угроза, теперь предстает как устрашающая попытка осуществить его.

Я считаю, что с точки зрения универсального права и Конституции союз этих штатов вечен. Вечность, даже если она не выражена прямо, подразумевается в Основном законе всех государственных форм правления. Можно с уверенностью утверждать, что никакая система правления как таковая никогда не имела в своем Основном законе положения о прекращении собственного существовании. Продолжайте выполнять все чётко выраженные положения нашей национальной Конституции, и Союз будет оставаться всегда, ибо его невозможно уничтожить иначе, как прибегнув к действию, не предусмотренному в самом этом документе.

И опять, если Соединенные Штаты являются не системой правления в собственном смысле слова, а ассоциацией штатов, основанной просто на договоре, может ли она, как договор, быть мирно расторгнута меньшим количеством сторон, чем было при ее создании? Одна сторона участница договора может нарушить его, т. е. разорвать, но разве не требуется согласия всех, чтобы законно отменить его действие?

Исходя из этих общих принципов, мы приходим к утверждению, что с юридической точки зрения Союз вечен, и это подтверждается историей самого Союза. Союз намного старше Конституции. Его фактическое существование началось с подписания Статей Ассоциации в 1774 году. Он окреп и продолжал развиваться с принятием Декларации независимости в 1776 году. Дальнейшее укрепление Союза, преданность которому все тогдашние тринадцать штатов наглядно подтвердили, дав слово верности и обещав, что он будет вечным, было отражено в Статьях Конфедерации в 1775 году. И, наконец, в 1787 году одной из целей разработки и учреждения Конституции была провозглашена задача «образовать более совершенный Союз».

Но если разрушение Союза одним или только частью штатов станет возможным по закону, то тогда Союз будет менее совершенен, чем до принятия Конституции, поскольку теряется жизненно важный элемент вечности.

Отсюда следует, что ни один из штатов не вправе сугубо по собственной инициативе выйти из Союза, что принимаемые с этой целью решения и постановления не имеют юридической силы и акты наси-

лия, совершенные в пределах любого штата (или штатов), направленные против правительства Соединенных Штатов, приобретают в зависимости от обстоятельств повстанческий или революционный характер.

Поэтому, исходя из Конституции и права, я считаю, что Союз нерушим, и я буду в пределах моих возможностей, как того прямо и недвусмысленно требует от меня Конституция, заботиться о том, чтобы законы Союза добросовестно соблюдались во всех штатах. Я полагаю, что поступить подобным образом просто мой долг, и я буду исполнять его, насколько позволят обстоятельства, пока мой законный хозяин, американский народ, не откажет мне в необходимых средствах или каким-либо властным образом не предпишет мне иное. Я надеюсь, что это будет расценено не как угроза, а всего лишь как объявленное намерение Союза защищать и охранять себя конституционными средствами.

При проведении этой политики нет никакой надобности в кровопролитии или насилии, и их не будет, если их не навяжут общенациональным органам власти. Доверенные мне полномочия будут использованы для того, чтобы контролировать, занимать собственность и территории, принадлежащие правительству, и владеть ими, а также собирать пошлины и налоги, но выходить за рамки того, что может быть необходимым для выполнения этих задач, недопустимо, также как и использовать силу против народа или в его среде, где бы то ни было. Если в каком-либо внутреннем районе страны враждебность к Соединенным Штатам будет столь велика и повсеместна, что не позволит компетентным местным гражданам исполнять свои обязанности на федеральных постах, то в этом случае для решения возникшей проблемы не будут предприниматься какие-либо попытки навязать людям неприемлемых для них лиц со стороны. Даже если у правительства окажется юридически безупречное право применить силу, чтобы обеспечить исполнение упомянутых обязанностей, попытка добиться этого может стать столь выбывающей и к тому же почти неосуществимой, что, как я полагаю, лучше на какое-то время воздержаться от создания таких постов.

Почта, если ее не отвергают, будет по-прежнему доставляться во всех частях Союза. Всюду, насколько это возможно, люди должны чувствовать себя в той высшей степени безопасности, которая наибо-

лее благоприятна, для того чтобы спокойно мыслить и рассуждать. Указанный курс будет последовательно проводиться в жизнь, если текущие события и опыт не докажут уместность внесения в него корректив или изменений, и всякий раз в случае такой потребности я буду оптимально использовать свои полномочия, сообразываясь с реально существующими обстоятельствами, имея в виду и надеясь, что тем самым будет достигнуто мирное урегулирование волнующих нацию проблем и будут восстановлены братские симпатии и отношения.

Я не стану ни утверждать, ни отрицать, что у нас кое-где есть люди, которые так или иначе хотят уничтожить Союз и рады любому предлогу, чтобы сделать это. Но если они существуют, мне нет необходимости обращаться к ним. Однако могу ли я не говорить с теми, кто действительно любит Союз?

Прежде чем приступить к такому серьезному вопросу, как разрушение нашего государственного устройства со всеми его выгодами, памятными событиями и надеждами, не следует ли уточнить, почему мы это делаем. Решитесь ли вы на столь безрассудный поступок, если есть все основания полагать, что любая часть бед, избегаемых вами, реально не существует. Возьмете ли вы на себя риск совершения столь ужасной ошибки, если неизбежные беды, к которым вы приближаетесь, более значительны, чем все реальные беды, от которых вы убегаете?

Все публично заявляют о своем удовлетворении Союзом при условии соблюдения в нем всех конституционных прав. Правда ли тогда, что кому-либо отказано в каком-либо четко записанном в Конституции праве? Думаю, что нет. К счастью, человеческий разум устроен так, что ни одна из сторон не осмелится на это. Вспомните, если сможете, хотя бы один случай, когда ясно записанное положение Конституции было бы отвергнуто. Если бы большинство просто в силу своего численного превосходства лишило меньшинство любого ясно записанного конституционного права, это могло бы с моральной точки зрения оправдать революцию, при том условии, конечно, что такое право имело бы жизненно важное значение. Но в нашем случае это не так. Все жизненно важные права меньшинств и индивидов столь явно обеспечены им содержащимися в Конституции утверждениями и отрицаниями, гарантиями и запретами, что относительно них

никогда не возникает споров. Но ни в каком Основном законе невозможно сформулировать положение, применимое к любому конкретному случаю, который может возникнуть в практике управления. Никакой провидец не может предугадать все вопросы будущего, и никакой документ разумного объема не может содержать верные ответы на все возможные вопросы. Кто должен выдавать беглых рабов – власти федерального центра или штата? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного. Может ли Конгресс запретить рабство в территориях? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного. Может ли Конгресс защищать рабство в территориях? В Конституции не говорится на этот счет ничего определенного.

Вокруг вопросов такого рода возникают все наши конституционные мифы, и мы разделяемся в отношении к ним на большинство и меньшинство. Если меньшинство не будет соглашаться, то большинство должно согласиться или же правительство должно уйти в отставку. Другой альтернативы нет, ибо, оставаясь у власти, правительство солидаризируется с одной или другой стороной. Если меньшинство в таком случае отколется от большинства, скорее чем согласится с ним, оно создаст прецедент, который, в свою очередь, расколется и погубит его, поскольку всякое возникающее в его собственной среде меньшинство будет откалываться от него всякий раз, когда большинство откажется быть контролируемым меньшинством. Почему, например, через два или три года какая угодно часть новой конфедерации не может произвольно отколоться снова точно так же, как части существующего Союза намереваются выйти из его состава?

Все, кто сейчас питает чувства разобщения, воспитываются точно в таком же духе.

Существует ли среди штатов, собирающихся создать новый союз, такое совершенное тождество интересов, которое будет порождать только гармонию и не допустит нового раскола?

Ясно, что центральная идея сторонников раскола – это, в сущности, анархия. Единственным истинным сувереном свободного народа является большинство, которое удерживается в определенных рамках посредством конституционных сдержек и ограничений и всегда легко и взвешенно меняется вместе с изменениями мнений и чувств народа. Всякий, кто отвергает это, неизбежно скатывается к анархии или деспотизму. Единодушие невозможно. Правление меньшинства, как

перманентное устройство, совершенно недопустимо, так что, если отклонить принцип большинства, ничего, не остается, кроме анархии или деспотизма в той или иной форме.

Я не забываю о занимаемой некоторыми позиции, согласно которой конституционные вопросы должны решаться Верховным Судом, и я ни коим образом не отрицаю, что выносимые им решения должны в любом случае быть обязательными для сторон, как в отношении судебной тяжбы, так и в отношении предмета этой тяжбы и что всем другим органам власти надлежит относиться к ним в высшей степени уважительно и учитывать во всех аналогичных случаях. Конечно, не исключено что такое решение по какому-нибудь конкретному делу может оказаться ошибочным, однако в силу того, что вытекающие отсюда пагубные последствия ограничены этим отдельным случаем, а решение может быть аннулировано, так и не став прецедентом для других дел, у него есть все шансы оказаться меньшим злом, чем те беды, которые породила бы иная практика.

В то же время честный гражданин должен признать, что если политику правительства по жизненно важным вопросам, затрагивающим весь народ, надо окончательно закрепить решениями Верховного Суда, то, как только эти решения будут приняты в обыкновенной судебной тяжбе между сторонами с личными исками, народ перестанет быть своим собственным правителем, поскольку в данных пределах он практически передаст свою исполнительную власть в руки этого выдающегося трибунала, и в этом суждении нет никаких нападок на суд или судей. Решать дела подаваемые в суд, должным образом – их обязанность, от исполнения которой они не могут уклониться; и не их вина, если кто-то стремится использовать их решения в политических целях.

Одна часть нашей страны считает, что рабство – правое дело и его следует распространять, в то время как другая считает, что это зло и его не следует распространять. Это единственный спор по существу. Статьи Конституции о беглых рабах и закон, направленный на прекращение зарубежной работоторговли, соблюдаются, пожалуй, столь же добросовестно, как и любой другой закон в обществе, где моральные устои людей таковы, что они ошибочно поддерживают сам закон. Основная часть народа соблюдает бесстрастное правовое обязательство в обоих случаях, но некоторые нарушают и то и другое.

Подобное положение, на мой взгляд, невозможно исправить до конца, и в обоих случаях после распада частей он может стать еще хуже, чем прежде. Зарубежная работоторговля, к настоящему времени ликвидированная не до конца, была бы в конечном счете восстановлена без каких-либо ограничений в одной части, тогда как беглые рабы, выдаваемые сегодня лишь в отдельных случаях, не выдавались бы другой частью вообще.

Реально говоря, мы не можем разделиться. Мы не можем отгородить части нашей страны друг от друга или построить между ними непреодолимую стену. Муж и жена могут развестись и выйти за пределы сферы общения друг с другом и досягаемости друг друга, но различные части нашей страны не могут сделать это. Они не могут не оставаться лицом к лицу, и сношения между ними, дружественные или враждебные, должны продолжаться. Возможно ли тогда после разделения сделать эти сношения более выгодными или более удовлетворительными, чем до этого? Разве чужестранцам проще заключать договоры, чем друзьям вырабатывать законы? Разве легче соблюдать договоры между чужестранцами, чем законы среди друзей? Предположим, вы вступаете в войну, но вы не можете воевать вечно, и тогда, после того как обе стороны понесли многочисленные потери и ни одна из них не добилась успеха, вы прекращаете военные действия, и перед вами снова встает все тот же старый вопрос: На каких условиях строить взаимоотношения.

Эта страна, со всеми ее учреждениями, принадлежит тем людям, которые ее населяют. Всякий раз, когда их начинает раздражать существующее правительство, они могут использовать свое конституционное право внести поправки в его деятельность либо свое революционное право разогнать или свергнуть его. Я не могу не обратить внимания на тот факт, что многие достойные и патриотично настроенные граждане очень хотят, чтобы в национальную Конституцию были внесены поправки. Не давая никаких рекомендаций относительно поправок, я в то же время считаю важным сказать, что полностью признаю законные полномочия людей по всей совокупности данной проблематики, которые они могут осуществить любым способом, указанным непосредственно в этом документе. ить звук

И в данных обстоятельствах мне следует не противодействовать, а способствовать тому, чтобы люди могли пользоваться справедливо

предоставленной им возможностью влиять на ход событий в этом деле. Смелюсь добавить, что я бы предпочел согласительный метод, поскольку в этом случае поправки могут исходить непосредственно от самого народа, в отличие от того, когда ему позволено лишь принимать или отвергать исходящие от других предложения, которые не выработывались специально для решения данного вопроса и которые могут не соответствовать его желанию одобрить или отвергнуть их. Насколько мне известно, через Конгресс прошла предложенная к Конституции поправка – которую, однако, я еще не видел – имеющая своей целью не допускать никакого вмешательства федерального правительства в деятельность внутренних институтов штатов, включая институт находящихся на официальной службе лиц. Дабы избежать неправильного истолкования того, что я сказал, я отступаю от своего намерения не говорить о конкретных поправках лишь для того, чтобы сказать, что в применении этого положения к подразумеваемому в данном случае конституционному закону я не возражаю против придания ему недвусмысленного и необратимого характера.

Президент США получает все свои полномочия от народа, и ни в одном из них ему не поручалось ставить условия разъединения штатов. Народ сам может сделать это, если, конечно, придет к такому решению. Но президент как таковой к этому не имеет никакого отношения. Его обязанность – руководить существующей системой управления в том виде, в каком она досталась ему, и передать ее не ослабленной своему преемнику.

Почему бы нам не сохранять терпеливо веру в конечную справедливость народного решения? Есть ли в мире лучшая или хотя бы равная этой надежда? В условиях нынешних разногласий какая из сторон не верит в свою правоту? Если Всемогущий Правитель Народов с Его вечной истиной и справедливостью будет на вашей стороне на Севере или на вашей стороне на Юге, эта истина и эта справедливость, конечно, восторжествуют благодаря решению этого великого суда американского народа.

В рамках системы правления, при которой мы живем, этот самый народ, проявляя мудрость, предоставил своим государственным чиновникам слишком малые полномочия для совершения подобного и столь же мудро предусмотрел возвращение этого немногого в свои собственные руки через очень короткие интервалы. И пока народ бу-

дет сохранять свое достоинство и бдительность, никакая администрация, при всей ее порочности или глупости, не сможет причинить очень серьезный вред системе правления за короткий четырехлетний срок.

Мои соотечественники, каждый и все вместе, спокойно и основательно обдумайте все стороны этой проблемы. Мы не потеряем ничего ценного, если не будем торопиться. Если имеется цель, побуждающая кого-либо из вас к опрометчивым действиям, к тому, чтобы в горячей спешке совершить поступок, на который вы никогда не пошли бы преднамеренно, то эта цель останется невыполненной, если вы не будете спешить, но доброй цели не может помешать неторопливое обдумывание. При всей вашей неудовлетворенности нынешним положением у вас всё еще есть старая, но по-прежнему сильная Конституция, а по чувствительному вопросу – законы, созданные вами в ее рамках; к тому же у новой администрации не будет полномочий, да и желания, немедленно менять какой-либо из них. Даже если допустить, что вы с вашей неудовлетворенностью стоите в этом споре на правой стороне, все равно для поспешных действий нет ни одной уважительной причины. Интеллект, патриотизм, христианство и твердое доверие к Нему, кто никогда не оставлял эту благословенную землю, по-прежнему в состоянии наилучшим образом уладить все существующие у нас сегодня трудности.

В ваших руках, мои недовольные соотечественники, а не моих – важнейшая проблема гражданской войны. Правительство не собирается нападать на нас. Вы не получите конфликта, если не нападете первыми. Вы не связаны никакой зарегистрированной на небесах клятвой уничтожить существующую систему правления, в то время как я буду связан самой торжественной клятвой поддерживать, охранять и защищать её.

Я не хочу так завершать свою речь. Мы не враги, а друзья. Мы не должны быть врагами. Хотя страсти, возможно, и ослабили узы нашей привязанности, они не должны разрывать их. Тайные струны памяти, протянувшиеся от каждого поля битвы и могилы патриота к каждому живому сердцу и домашнему очагу через всю нашу широкую страну, все же звучат единым хором Союза, когда к ним снова прикоснутся лучшие ангелы нашего естества, и это непременно произойдет.

Роберт Барнвелл Ретт
РАЗГОВОР, СОСТОЯВШИЙСЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ
1862 – 1866 гг.

Англичанин: Единственное, что мы не до конца понимаем – *причина мятежа!*

Конфедерат: Мятеж! Именно в этом слове, уважаемый сэр, кроется причина вашего непонимания. Вы читаете газеты Янки, и верите всему, что говорят Янки. *Нас*, отрезанных от остального мира морем, которым владеют *они*, никто не слышит. Мысль о том, что Южанин может быть Мятежником по отношению к Янки настолько смешна, что мы с трудом можем представить себе того, кто верит в это.

Англичанин: Ну, раз вы не мятежники, то кто же вы?

Конфедерат: Мы независимый народ, защищающий независимую страну!

Англичанин: Вы не часть Соединенных Штатов?

Конфедерат: Разумеется Соединенных Штатов, в значении *Штатов Соединенных*. Штаты, во всех значениях этого слова, должны быть независимой политической единицей. Чтобы быть объединенными, они, прежде всего, должны быть независимыми, или разъединенными (что бы это не значило). Верность граждан каждого штата принадлежит только этому штату. Она не может принадлежать другим штатам, и ещё меньше – объединению других штатов. Мятеж – это нарушение верности, и, конечно, Южные люди могут быть мятежниками только по отношению к своим родным штатам, но никак не – защищая эти штаты.

Англичанин: Всё это понятно. Но почему же тогда весь мир зовёт вас Мятежниками?

Конфедерат: Потому что весь мир слушает Янки, и склонен им верить. В их интересах убедить мир в том, что мы нарушители законов. Чтобы соответствовать этому, мы должны быть Мятежниками.

Англичанин: Хорошо, но каким образом, они убеждают всех в том, что вы Мятежники по отношению к ним.

Конфедерат: Беспрестным враньём. И никак иначе.

Англичанин: Ни один англичанин, зная, что в наших архивах хранится Парижский договор, не станет отрицать, что вы – суверенные и независимые государства.

Конфедерат: В «Статьях Конфедерации», первом соглашении о правительстве, заключенном штатами, определенно записано, что «каждый Штат сохраняет свою свободу, суверенитет и независимость». Сейчас это одновременно является и правдой и ложью.

Англичанин: Подобные факты не требуют доказательств. Но обратимся к Конституции. Что она говорит по этому поводу?

Конфедерат: Ни слова.

Англичанин: Ни слова?

Конфедерат: Ни одного. Вы можете прочитать Конституцию от первого слова до последнего, но вы не найдёте в ней упоминаний о суверенитете или верности.

Англичанин: Почему так?

Конфедерат: Потому что Конституция ничего с ними не сделала.

Англичанин: Как же тогда Северные Штаты могут утверждать, что Конституция передала суверенитет Штатов и преданность их граждан, национальному Правительству?

Конфедерат: Предположив это. Предположение для наших северных соседей – то же, что выгода для Фальстафа – «важнейший вопрос». Вы только представьте себе человека, который на основании соглашения, определяющего детали ведения совместных дел с его соседом, решит, что он может вмешиваться в жизнь этого соседа.

Англичанин: Я бы сказал, что он либо дурак, либо безумец.

Конфедерат: Либо Янки.

Англичанин: А как же быть с тем, что Народ Соединенных Штатов является единым народом? Разве ему не был передан суверенитет штатов?

Конфедерат: Никак! По той простой причине, что нет такого Народа.

Англичанин: Нет такого Народа? Разве вас не называют «Народ Соединенных Штатов»?

Конфедерат: А, да! «Соединенных Штатов» – Штатов Соединенных. Понятие «Народ Соединенных Штатов» в Конституции не встречается.

Англичанин: Значит, граждане Соединенных Штатов это просто граждане нескольких штатов?

Конфедерат: Разумеется. И никак иначе.

Англичанин: И Штат – это единственное суверенное государство, которому обязаны хранить верность его граждане?

Конфедерат: Разумеется. И теперь вы понимаете, каким абсурдным является утверждение, что граждане Южных Штатов, поддержавшие их сецессию, – предатели Соединенных Штатов и, следовательно, Мятежники. Ить звук

Англичанин: Но как всё это объясняет причину сецессии?

Конфедерат: Всё очень просто. Север утверждает, что он представляет Правительство Народа Соединенных Штатов и может расширять полномочия Конгресса на очень спорном основании того, что Конгресс сам может решать вопрос о своих полномочиях. По мнению Южных Людей, подобная Северная структура преподносит им в дар самую беспощадную форму деспотизма – деспотизм большинства Конгресса, абсолютно неподотчётного им.

Англичанин: Но разве не является аксиомой народного управления утверждение, что должно руководить большинство?

Конфедерат: Да! И очень хорошо, когда их интересы совпадают. Но в такой обширной стране, как Соединенные Штаты, это превращается в самую отвратительную форму деспотизма.

Англичанин: А рабство? Вы ничего не говорите об африканском рабстве, которое, как они говорят, было причиной сецессии. Сыграло ли оно большую роль в решении о сецессии?

Конфедерат: Да! Оно было *поводом*, но не *причиной*. Истинной причиной были смена Правительства и агитация против рабства. Секционный президент был избран на основе неконституционного отношения к рабству, и Южные Штаты вышли из Соединенных Штатов. Рабство было поводом, но не причиной сецессии.

Англичанин: Но почему тогда восстал не Север?

Конфедерат: Я думаю, что по этим причинам: 1. А потому что история не знает примеров, когда поработивший сам себя народ боролся бы за восстановление своих свобод. 2. Потому что Юг мог быть удержан в союзе с ними только силой, и деспотизм над нами, должен стать деспотизмом над ними. 3. Всё Правительство Соединенных Штатов находится во власти денег. Оно представляет собой широкую коалицию Производителей-Банкиров-Держателей государственных облигаций и капиталистов всех мастей. Подобное правительство, чтобы сохранить все свои привилегии, естественным путём придет к дес-

потизму. Но в одном мы уверены. Если они [северяне] когда-либо решат восстановить свои свободы, то это произойдет при помощи того же, что пыталось предотвратить создание этого Правительства, то есть при помощи Юга.

**ИНТЕРВЬЮ С ГЕНЕРАЛОМ
НАТАНОМ БЭДФОРДОМ ФОРРЕСТОМ
28 АВГУСТА 1868 г.**

(Извлечение)

Описание Форреста

Во время моего первого визита к генералу Форресту в 8 часов утра, я застал его в кабинете за работой, и это несмотря на недомогание, с которым он вернулся со съезда Демократической партии в Нью-Йорке. Теперь, когда южане считают его прорицателем и своим духовным лидером, я не могу не предварить свой разговор с ним кратким описанием этого человека. Не могу описать генерала лучше, чем это сделал один из его биографов: «Росту в этом широкоплечем полногрудом человеке было шесть футов полтора дюйма. Он имел симметричное сложение, тёмно-серые глаза, чёрные волосы, усы и бороду, тридцать два зуба и чистую белую кожу». Всё это делало его достаточно красивым для своих сорока семи лет.

«У меня нет, и никогда не было мнений по политическим вопросам, против опубликования которых я бы протестовал. Я говорю то, что думаю, честно и откровенно и меня возмущает, когда мои слова перевирают. Мне не нравится, когда меня перед страной выставляют в ложном свете, тем более что я не искал репутации, которую имею.»

Определение его статуса

«Хорошо, сэр», – сказал он, «когда я и 7 тысяч моих солдат капитулировали в 1865 году, я дал слово чести, и до сегодняшнего дня искренне соблюдал его. Я сообщил всему миру о своём решении и попросил своих людей подчиняться законам штата, какими репрессивными и неконституционными они бы ни были. Меня отпустили под честное слово, но не прощали до самого момента выпуска последней прокламации о всеобщей амнистии, и потому я считал разумным воздерживаться от активной деятельности до тех пор, пока

притеснения моих людей не стали настолько невыносимыми, что я решил прервать молчание. Мои друзья думали по-другому и делегировали меня в Нью-Йорк. Я доволен, что съездил туда.»

Ухудшение ситуации

«Могу я тогда предположить, генерал, что раз Вы считаете притеснение невыносимым, то ваши люди больше не будут его терпеть?»

«Нет, – ответил он, – хотя ситуация ухудшается с каждым часом, я твёрдо приказал своим людям исправлять несправедливость только законными средствами. Несколько недель назад меня приглашали в Нэшвилль, чтобы посоветоваться с другими господами, которых идентифицируют с делом Конфедерации, и там мы выработали условия, которые, как мы думали, удовлетворят мистера Браунлоу и его законодательный орган. Мы сказали им, что, если бы они не будут собирать ополчение, то мы бы согласились сохранить порядок и следовать принятым законам. Законодательное собрание штата вселило в меня уверенность в том, что ополчение не будет собираться. С мыслью об этом я вернулся домой и попросил своих людей сохранять мирный настрой и не сопротивляться разумным законам. Это правда, что я не признаю юридические полномочия существующего правительства штата Теннесси, но я готов подчиниться ему на какое-то время, если это приведёт к мирному исправлению сложившейся несправедливости.»

Чувства к Дяде Сэму

«Генерал, каково Ваше отношение к федеральному правительству?»

«Я любил старое правительство 1861 года. Также я любил старую Конституцию. Я думаю, что довоенное правительство было лучшим правительством в мире. Я не испытываю ненависти к существующему правительству, я выступаю только против радикальных революционеров, которые пытаются всё разрушить. Как мне видится из Теннесси, ныне у власти находятся самые худшие люди на Земле, – люди, которые не остановятся и перед преступлением, имеющие единственной своей целью собственное обогащение.»

О Браунлоу и К.К.К.

Я спросил: «Как Вы думаете сопротивляться в случае, если губернатор Браунлоу, всё-таки созовёт ополчение?»

«Всё будет зависеть от обстоятельств. Если созыв ополчения только этим и ограничится, и ополченцы не станут прибегать к силе, то я думаю, что всё окончится миром. В противном случае, если начнётся произвол в отношении народа, то правительство Браунлоу падёт и не останется в живых ни одного радикала. Созыв ополчения мы не можем рассматривать иначе, как объявление войны, потому что мистер Браунлоу уже выпустил обращение, в котором призвал убивать каждого встречного члена Клана. К слову сказать, к членам Ку-Клукс-Клана губернатор относит всех мужчин Юга.»

«Но, генерал, мы, люди с Севера, считаем Ку-клукс-клан организацией существующей только в перепуганном воображении отдельных политических деятелей.»

Ку-Клак-Клан

«Что ж, сэр, такая организация существует, и не только в штате Теннесси, но и на всём Юге, и её численность совсем не маленькая.»

«И какова она, генерал?»

«В Теннесси членов Клана более 40 тысяч; во всех южных штатах – приблизительно 550 тысяч мужчин.»

«Могу я полюбопытствовать, каков характер организации?»

«Конечно, сэр. Это – защитная политическая военная организация. Мне хотелось бы, чтобы каждый человек был знаком с её конституцией. Члены организации под присягой поклялись хранить верность правительству Соединенных Штатов. Но это не относится к правительству штата Теннесси. Изначально она создавалась как защита от Лояльных Лиг и Великой Армии Республики, но когда она распространилась повсеместно, то стало ясно, что с её помощью можно защищать политические интересы и она стала политической организацией под эгидой демократической партии.»

«Организация распространена по всему штату?»

«Да. В каждом избирательном округе есть капитан, который, в дополнение к своим другим обязанностям, обязан составлять список всех мужчин его округа, отмечая явных радикалов, сочувствующих демократам, сомневающимся, и лиц другого цвета. Этот список отправляется Главному командиру штата, который решает, кто является нашим другом, а кто – нет.»

«Можете ли Вы назвать имя командующего этим штатом?»

«Нет, это было бы нецелесообразно.»

Вероятность конфликта в Теннесси

«Могу я предположить, что с Вашей точки зрения, в случае если ополчение станет прибегать к силе, то столкновение неизбежно?»

«Да, сэр. Если они попытаются претворить в жизнь призыв губернатора Браунлоу стрелять ку-клукс-клановцев, к которым тот относит всех жителей Юга, если они начнут охоту на них, то начнётся война, самая кровавая за всю нашу историю. Я предупредил местных радикалов, что их ждёт в этом случае. Мне жалко пороха на негров. Я потрачу его на радикалов. Я сказал им, что у меня на примете каждый радикальный лидер этого города, и если начнутся проблемы, то никто из них не останется в живых. Я сказал, что им не удастся вызвать беспорядки и исчезнуть под шумок, оставив негров на растерзание. Если начнется война, то никто из них не уйдёт из города живым. Мы не собираемся выпускать их из страны. Но я хочу, чтобы все отчётливо поняли, что я против войны и буду воевать только в целях самообороны. Если ополчение нападёт на нас, мы будем сопротивляться до последнего, и мне кажется, что в случае необходимости, я в пятидневный срок смогу привести на поле боя 40 тысяч человек.»

Амнистия

«Как Вы думаете, что дала вашим людям амнистия?»

«Я полагаю, что амнистия восстановила все права человека в полном объёме. Я не думаю, что федеральное правительство имеет право лишить гражданских прав любого человека, но мне кажется, что подобное право имеют законодательные органы штатов. Возражение, которое у меня есть по вопросу лишения гражданских прав в Теннесси, состоит в том, что законодательный орган, который должен принимать решение об этом, нелегитимен и, следовательно, все его законы – ничтожны. Однако я буду уважать его до тех пор, пока он не будет изменен законным путём, но существует предел, который люди не должны переступать и я скорее умру, чем пожертвую своей честью. Этот орган должен когда-то прекратить существование, и время его конца приближается.»

Авраам Линкольн
ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
15 АПРЕЛЯ 1861
(Извлечение)

Я, Авраам Линкольн, Президент Соединенных Штатов, на основании полномочий, предоставленных мне Конституцией и законами, решаю призвать, и настоящим призываю, ополчение некоторых штатов, общим числом 75 тысяч, для преодоления указанного стечения обстоятельств и восстановления должного исполнения законов. Дополнительная информация будет немедленно отправлена властям штатов через Военный департамент.

Я обращаюсь ко всем преданным гражданам за одобрением, содействием и помощью в наших действиях по сохранению чести, целостности и существования Национального Союза, утверждению вечности народного правительства, и уничтожению зла, претерпеваемого нами уже достаточно долгое время.

Я полагаю уместным сказать здесь, что первоочередной задачей, поставленной перед вооруженными силами, настоящим призываемыми, будет возвращение фортов, городов и собственности, захваченных у Союза, и что при любом развитии событий будет проявлена высочайшая аккуратность в отношении указанных объектов, чтобы избежать какого-либо разорения или разрушения имущества, или доставления беспокойства мирным жителям в любой части страны, и настоящим я приказываю лицам, создающим вышеуказанное стечение обстоятельств, одуматься и мирно разойтись по своим домам в срок двадцати дней от сегодняшней даты.

ПИСЬМО У. ГРАНТА
1865 г.

Генерал: В соответствии с содержанием моего письма к Вам от 8-ого числа этого месяца, я предполагаю принять капитуляцию Северовиргинской армии на следующих условиях: Список всех офицеров и солдат, должен быть составлен в двух экземплярах, один из которых будет передан назначенному мной офицеру, второй останется у офи-

цера, назначенного Вами. Офицеры должны принести клятву, что не поднимут оружие против правительства Соединенных Штатов до тех пор, пока не будут должным образом обменены; каждый ротный или полковой командир должен подписать подобное обещание от лица подчиненных ему солдат. Оружие, артиллерия, и общественная собственность должна быть представлена и передана офицерам, назначенным мной для этой цели. Это не касается личного оружия офицеров, их личных лошадей и багажа.

После этого каждому офицеру и солдату будет позволено разойтись по домам, и они будут освобождены от преследования со стороны властей Соединенных Штатов, пока соблюдают упомянутую клятву и действующие законы местности проживания.

АКТ О БЕЗОГОВОРЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ ВОЙСК КОНФЕДЕРАЦИИ 9 АПРЕЛЯ 1865 ГОДА

Мы, нижеподписавшегося военнопленные, состоящие в составе Северовиргинской армии, в день капитуляции командующего упомянутой армией генерала Роберта Э. Ли, перед главнокомандующим армией Соединенных Штатов, генерал-лейтенантом У. С. Грантом, торжественно даем слово чести, что впоследствии мы не будем служить в армии Конфедеративных Штатов, либо каком-нибудь другом вооруженном формировании, враждебном Соединенным Штатам Америки, или оказывать помощь врагам последних до тех пор, пока не будем должным образом обменены через такую процедуру, какую совместно выработают соответствующие власти.

Подписан в Аппоматтокс Корт Хауз, штат Виргиния,

Р.Э. ЛИ, генерал
У.Г. ТЭЙЛОР, лейтенант-полковник
ЧАРЛЬЗ С. ВЕНАБЕР, лейтенант-полковник, адъютант
ЧАРЛЬЗ МАРШАЛ, лейтенант-полковник
У.Э. ПЕНТИН, лейтенант-полковник
ГИЛБЕРТ Б. КУК, майор
Г.С. ЯНГ, майор

Перечисленные здесь люди освобождаются от преследования властями Соединенных Штатов, пока соблюдают указанную клятву и действующие законы местности проживания.

EXTRACT FROM THE TREATY OF WASHINGTON
MAY 8, 1871.
The Northern Boundary

ARTICLE 1. Whereas it was stipulated by Article 1 of the treaty concluded at Washington on the 15th of June, 1846, between the United States of America and Her Britannic Majesty, that the *line of boundary between the territory of the United States and those of Her Britannic Majesty, from the point on the forty-ninth parallel of north latitude, up to which it had already been ascertained, should be continued westward along the said parallel of north latitude “to the middle of the channel which separates the continent from Vancouver Island, and thence southerly through the middle of the said channel, and of Fuca Straits, to the Pacific Ocean;” and whereas the commissioners appointed by the two high contracting parties to determine that portion of the boundary which runs southerly through the middle of the channel aforesaid were unable to agree upon the same; and whereas the government of Her Britannic Majesty claims that such boundary-line should, under the terms of the treaty above recited, be run through the Rosario Straits, and the Government of the United States claims that it should be run through the Canal de Haro, it is agreed that the respective claims of the government of Her Britannic Majesty and of the Government of the United States shall be submitted to the arbitration and award of His Majesty the Emperor of Germany, who, having regard to the above-mentioned article of the said treaty, shall decide thereupon finally and without appeal which of these claims is most in accordance with the true interpretation of the treaty of June 15, 1846. Matter and form of arbitration.[4]

ARTICLE 2. The award of His Majesty the Emperor of Germany shall be considered as absolutely final and conclusive, and full effect shall be given to such award without any objection, evasion, or delay whatsoever.

Such decision shall be given in writing and dated. It shall be in whatsoever form His Majesty may choose to adopt. It shall be delivered to the representatives or other public agents of the United States and Great Britain respectively, who may be actually at Berlin, and shall be considered as operative from the day of the date of the delivery thereof.

ARTICLE 3. The written or printed case of each of the two parties, accompanied by the evidence offered in support of the same, shall be laid before His Majesty the Emperor of Germany within six months from the date of the exchange of the ratification of this treaty, and a copy of such case and evidence shall be communicated by each party to the other through their respective representatives at Berlin. The high contracting parties may include in the evidence to be considered by the arbitrator such documents, official correspondence, and other official or public statements bearing on the subject of the reference as they may consider necessary *to the support of their respective cases. After the written or printed case shall have been communicated by each party to the other, each party shall have the power of drawing up and laying before the arbitrator a second and definitive statement, if it think fit to do so, in reply to the case of the other party so communicated, which definitive statement shall be so laid before the arbitrator, and also be mutually communicated in the same manner as aforesaid, by each party to the other, within six months from the date of laying the first statement of the case before the arbitrator.[5]

ARTICLE 4. If in the case submitted to the arbitrator either party shall specify or allude to any report or document in its own exclusive possession, without annexing a copy, such party shall be bound, if the other party thinks proper to apply for it, to furnish that party with a copy thereof, and either party may call upon the other through the arbitrator to produce the originals or certified copies of any papers adduced as evidence, giving in each instance such reasonable notice as the arbitrator may require; and if the arbitrator should desire further elucidation or evidence with regard to any point contained in the statements laid before him, he shall be at liberty to hear one counsel or agent for each party in relation to any matter, and at such time and in such manner as he may think fit.

ARTICLE 5. The representatives or public agents of the United States and Great Britain at Berlin respectively shall be considered as the agents of their respective Governments to conduct their cases before the arbitrator, who shall be requested to address all his communications and give all his notices to such representatives, or other public agents, who shall represent their respective governments generally in all matters connected with the arbitration.

ARTICLE 6. It shall be competent to the arbitrator to proceed in the said arbitration, and all matters relating thereto, as and when he shall see fit, either in person, or by a person or persons named by him for that purpose, either in the presence or absence of either or both agents, and either orally or by written discussion, or otherwise. The arbitrator may, if he think fit, appoint a secretary or clerk for the purposes of the proposed arbitration, at such rate of remuneration as he shall think proper. This, and all other expenses of and connected with said arbitration, shall be provided for as hereinafter stipulated.

* ARTICLE 7. The arbitrator shall be requested to deliver, together with his award, an account of all the costs and expenses which he may have been put to in relation to this matter, which shall forthwith be paid by the two governments in equal moieties.[6]

ARTICLE 8. The arbitrator shall be requested to deliver his award in writing as early as convenient after the whole case on each side shall be laid before him, and to deliver one copy thereof to each of the said agents.

Научные публикации

Т.В. Алентьева

ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В АМЕРИКАНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1861 – 1865 ГОДОВ

(Извлечение)

Пропаганда в условиях любой войны – необходимое средство эффективного сплочения народа для отпора врагу. В условиях гражданской войны она еще более необходима, поскольку подобная война трагична и братоубийственна. В условиях подобного конфликта зачастую трудно понять, кто прав и кто виноват, в чем причины трагедии. Гражданская война в США 1861-1865 гг. не является исключением. Пропаганда активно велась обеими сторонами, использовались самые различные методы и средства. Многие из них используются и поныне, особенно это касается визуальной пропаганды, как более действенной, поскольку она рассчитана на самую широкую аудиторию, зачастую малообразованную или невежественную, апеллирует, как правило, не к разуму, а к чувствам. Разделение, вычленение и противопоставление в визуальной пропаганде образов – мы / они, свой / чужой, друг / враг – остается и поныне важнейшим инструментом влияния на общество. Это придает изучаемой проблеме актуальность и научную значимость. Вместе с тем именно визуальная пропаганда в американской Гражданской войне до сих пор не являлась предметом изучения отечественных американистов, также в недостаточной степени она исследована в американской историографии. Целью данной статьи является анализ состояния визуальной пропаганды в условиях Гражданской войны в США 1861-1865 гг., определение ее средств и методов, а также ее эффективности.

Визуальная пропаганда в условиях XIX столетия обладала не столь широкими возможностями по сравнению с современностью. И, тем не менее, в связи с расширяющимися техническими возможностями она могла использовать и широко применяла различные формы изобразительного искусства, а также фотографию. Важнейшей частью визуальной пропаганды являлась вербальная составляющая. Не случайно о силе слова говорили, что оно могущественнее

меча. В целом коммуникативное воздействие было рассчитано больше на эмоциональное восприятие, на манипуляцию общественным сознанием, на конструирование реальности, а не ее репрезентацию.

...

В условиях гражданской войны чрезвычайно важно было убедить население каждой из сторон, что сражаться приходится за правое дело, сформировать достаточно убедительный социальный конструкт. Векторы развития американской цивилизации в первой половине XIX столетия вели к формированию различных идентичностей южан и северян. В менталитете южан преобладающими были ценности и стереотипы плантаторской аристократии: патриархальность и культ семьи, местный патриотизм, гипертрофированное чувство собственного достоинства, кодекс чести джентльмена, презрение к труду, незыблемость рабства как особого института, расизм по отношению к афроамериканцам. На Севере преобладающими ценностями были: мессианство, пуританская вера в избранность, предназначенность построить идеальное общество, основанное на идеалах свободы, демократии, прав человека и равенства возможностей, убежденность в преимуществах свободного труда, уважение к материальному успеху, индивидуализм. Разумеется, у этих регионов имелись общие корни и традиции, восходящие к временам освоения нового континента, совместной борьбы против колониального господства англичан, к наследию отцов-основателей. И визуальная пропаганда должна была учитывать и брать на вооружение и то, что было общим, и то, что было различным в экономической и социокультурной сферах. Пропагандисты обеих секций опирались как на общечеловеческие ценности и общие исторические традиции, так и на специфические особенности. Задачи пропаганды как на Севере, так и на Юге были схожи. И той, и другой стороне приходилось доказывать, что именно ее цели в войне справедливы, что именно ей будет принадлежать победа, а для этого надо сплотить общество, мобилизовать все ресурсы. Важнейшей задачей также являлось конструирование образа врага, отвратительного, трусливого и жестокого, сражаться с которым – дело чести каждого воина. Наряду с правдивой информацией пропаганда неизбежно прибегала к утаиванию неприятных фактов, искажению фак-

тов, прямой лжи, нагнетанию всякого рода фобий, распространению слухов и сплетен, возбуждению ненависти к врагу. В дихотомии «мы / другие» южными и северными пропагандистами создавались взаимоисключающие социальные конструкты.

И на Севере, и на Юге использовали одинаковый концепт Родины, вкладывая при этом различное содержание. Для северян – это защита общего дома – Союза штатов, для южан – защита своего родного штата. Обе стороны мобилизовали поэтов и писателей, журналистов, певцов и музыкантов, актеров и шоуменов, карикатуристов и художников для создания пропагандистских произведений, которые быстро распространялись среди общественности. Вербальная пропаганда велась, как и ранее, через газеты, брошюры, памфлеты, литературное творчество. Газеты были поистине пропагандистскими машинами того времени, недаром американский философ Генри Дэвид Торо называл их «библией наших дней», которую каждый носит в своем кармане. Печать обеих секций обменивались взаимными оскорблениями, формируя ментальные образы «себя» и «других», создавая негативные стереотипы и клише, способствуя укоренению дискурса врага.

Но даже эта мощная пропагандистская машина не могла иметь такого эффекта воздействия на общество, как визуальная пропаганда. Тиражи ежедневных нью-йоркских газет были на порядок ниже иллюстрированных изданий. Визуальная пропаганда была доступной и всеохватной, поскольку для ее восприятия не требовалось особых знаний, полноценного образования. Она была доходчивей и понятней для самых широких масс. Она четко разделяла «своих» и «чужих», союзников и врагов, избегая чрезмерной детализации, предпочитая односложное толкование в строгих черно-белых дефинициях. Каналами транслирования были: плакаты, листовки, фотографии, картины, гравюры, литографии, рисунки, карикатуры, конверты и почтовые марки, даже денежные купюры; а также различного рода мероприятия: религиозные и политические собрания, митинги, парады, театральные постановки.

...

Визуальная пропаганда в период Гражданской войны в США была разнообразной по форме, имела множество каналов транслирования контента, она была доходчивой, понятной и эффективной.

Ее цели, как на Севере, так и на Юге, состояли в мобилизации и сплочении населения, в конструировании образа врага, создании опирающихся на исторические корни и традиции социальных конструкторов. Разнообразные формы, средства, приемы и методы визуальной пропаганды эффективно использовались обеими сторонами. Однако, несомненно, что пропаганда на Севере была более действенной и массовой в плане охвата населения, имела более развитые технические возможности, использовала более широкий арсенал средств. Южная пропаганда уступала северной не только в техническом плане, она была менее целенаправленной, носила сугубо региональный характер, не имела таких ярких и талантливых создателей визуальных паттернов. Визуальная пропаганда сыграла важную роль в сплочении населения северных штатов в трагический период братоубийственной Гражданской войны, внесла свой вклад в достижение победы. Самая жестокая и кровопролитная война в истории США привела к поражению Юга и восстановлению целостности государства, к ликвидации позорного института рабства.

Т.В. Алентьева

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КАНУН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США

(Извлечение)

...

Гражданская война – катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она разводит по разные стороны баррикад единый народ, раскалывает семьи и даже личность человека. Она носит тотальный характер и оставляет тяжелые душевные травмы, которые долго влияют на жизнь общества. Каковы причины, приводящие к катастрофе братоубийства? Можно ли их сводить только к конфликту классов и отдельных социальных групп? Можно ли считать Гражданскую войну 1861-1865 гг. только лишь конфликтом промышленной буржуазии Севера и плантаторов-рабовладельцев Юга в их борьбе за власть и влияние в Союзе?

Гражданская война – несомненно более сложный конфликт множества сил с разными интересами и идеалами. Видимо, стоит несколько отойти от рассмотрения причин гражданской войны, ле-

жащих только в плоскости экономических и материальных интересов, хотя, безусловно, они играли существенную роль. И попытаться взглянуть на это явление в свете цивилизационного подхода, поскольку разлом социума происходит зачастую не по классовому признаку, а в соответствии с идейной позицией, убеждениями и взглядами. В Гражданской войне Севера и Юга на стороне плантаторов-рабовладельцев было немало белых бедняков, не владеющих рабами. В то же время в армии северян были широко распространены антинегритянские расистские настроения. На формирование позиций сторон огромную роль оказывает общественное мнение, иначе трудно объяснить страшное ожесточение и длительность Гражданской войны в США 1861-1865 гг. В данной статье мы попытаемся проанализировать состояние общественного мнения, как на Севере, так и на Юге, по важнейшему для страны вопросу – причинах Гражданской войны, а также рассмотреть борьбу мнений в кризисный для страны период 1860-1861 гг.

В отечественной американистике сложилось рассмотрение Гражданской войны как Второй американской революции, призванной решить проблему рабства и проблему гомстедов. В последних публикациях В.В. Согрин справедливо отмечает чрезвычайную важность этих проблем и неразрешимость противоречий, разделивших Север и Юг США.

Гражданские войны могут возникать не только как классовый или политический, но и как цивилизационный конфликт, в котором противоборствующие стороны отстаивают разную систему ценностей. Они могут порождаться искусственным разжиганием страстей, натравливанием общественного мнения на тех, из кого конструируют «образ врага», разумеется, при наличии серьезных оснований для подобной конфронтации. Решающим средством в такой накаленной атмосфере становятся не доказательства, а хлесткие фразы, стереотипы, периодические повторения, вколачивание в общественное сознание подходящих мифов, зачастую дезинформация и фальсификация подлинных фактов. Что довольно часто наблюдалось в период Гражданской войны в США. Так, в 1864 г. газеты «Нью-Йорк уорлд» и «Нью-Йорк джорнэл оф коммерс» напечатали поддельную прокламацию президента А. Линкольна, в которой в мрачных тонах рисовалось положение дел для Севера и провокаци-

онно объявлялось о мобилизации в армию еще 400 тыс. чел. В то же время распространение настроений толерантности, настойчивый поиск компромиссов могут в определенных условиях способствовать смягчению ситуации и мирному разрешению зреющего конфликта.

В американской историографии фактор общественного мнения привлекал внимание исследователей, но также в недостаточной степени. Центральной проблемой, которую уже на протяжении более ста лет пытаются решить американские историки, является выяснение причин Гражданской войны, выявление виновников трагедии. Вот почему в американской исторической науке весьма значителен интерес к периоду, предшествовавшему конфликту. Невозможно точно определить то количество работ, в которых рассматривается назревание Гражданской войны в США. И это неудивительно, поскольку изучение данного этапа американской истории связано с главнейшим вопросом второй американской революции: в чем причина кровавой междоусобицы, унесшей огромное количество жизней? Нация, насчитывающая в 1860 г. 32 млн., послала на войну 3 млн. людей. Потери составили почти 1 млн. человек.

Еще в 1959 г. в сборнике «Причины Гражданской войны» видный либеральный американский историк Кеннет Стэмп попытался суммировать разные подходы и создать общую картину состояния мнений историков по данной проблеме, однако вынужден был констатировать, что в объяснении причин войны современные историки находятся еще дальше друг от друга, чем были ее участники. Вместе с тем он выражал уверенность, что продолжающиеся дискуссии способствуют более глубокому пониманию «нашего величайшего национального кризиса». Традиция издания сборников, представляющих различные позиции историков, продолжается. В связи с этим стоит отметить появление книги «Лицом к врагу. Взгляды на Гражданскую войну», в которой собраны 36 эссе, написанных различными историками и по-разному интерпретирующих события.

Суммируя объяснения причин Гражданской войны, К. Стэмп на первый план поместил пропагандистскую войну, которую вели друг против друга обе секции Союза. Он приводит в доказательство этой точки зрения документы: передовицы из газет, заявления по-

литиков, последующие исторические труды, написанные непосредственными участниками событий. Следующая группа причин, выделяемых К. Стэмпом и другими учеными, рост национализма и борьба за «права штатов». Если идея роста и развития южного национализма является общепризнанной или, по крайней мере, разделяется большинством историков, занимающихся историей Юга, таких как Д. Фауст или М. Гриссом, то сложнее дело обстоит с национальной идентичностью Севера. Любопытно, что в последнее время появился ряд исследований, доказывающих, что на Севере сложилась собственная национальная идентичность, отличная от Юга и во многих отношениях, противоположная ему. Именно резким контрастом национальных идентичностей Севера и Юга объясняется теперь ожесточенность Гражданской войны. Современный историк Филипп Палудан считает, что главное для историка понять, не почему Юг отделился, а почему Север решил сопротивляться отделению. Это решение, как считает Палудан, было следствием самоидентификации северян как демократической и свободной нации, а также результатом их намерения сохранить «закон и порядок».

Среди причин Гражданской войны центральной многие историки по-прежнему считают проблему рабства, но не в экономическом, а скорее в моральном аспекте, поскольку враждующие стороны смотрели на этот институт с прямо противоположных позиций. Если «фанатики Севера» объявляли рабство злом, то «фанатики Юга», наоборот, провозглашали его благом для рабов и их хозяев.

Традиционно часть американских исследователей возлагала и продолжает возлагать ответственность за возникновение Гражданской войны на фанатиков-аболиционистов. Однако в настоящее время появился ряд интересных работ о других фанатиках-экстремистах, уже на Юге, называемых современниками «пожирателями огня». Современные исследователи с позиций постмодернизма пытаются объяснить причины «неотвратимого конфликта» цивилизационными различиями, различиями ментальности и культуры, южным и северным национализмом и патриотизмом, либерализмом Севера и консерватизмом Юга, а также с точки зрения психоистории, культурной антропологии, гендерного фактора и т.д.

Следует особо отметить ряд работ американских исследователей, в которых предпринимается попытка изучить фактор обще-

ственного мнения в связи с конкретными событиями, предшествовавшими Гражданской войне. Это работы А. Невинса, Д. Поттера, Д. Фермера о позиции в отношении сецессии Юга и начала Гражданской войны отдельных крупных изданий Север и их редакторов. Также следует выделить работу двух историков журналистики Л. Ратнера и Л. Дуайта, которые изучали влияние экстремистских групп на формирование общественного мнения.

И все же дискуссия постоянно возвращается вокруг проблемы: кто именно виновен в развязывании войны, что защищали в ней северяне и южане. Вот почему важной в научном плане остается задача изучения общественного мнения в США в связи с началом Гражданской войны.

...

Анализ общественного мнения как Юга, так и Севера, роли прессы в их формировании показывает, что в понимании причин надвигающейся Гражданской войны было много общего. Однако общественное мнение Юга оказалось сравнительно монолитным, чего нельзя сказать о Севере, где царили раздор и противоречия.

Значительная часть северян поверила Линкольну и его обещаниям добиваться сохранения единства страны. Они поддержали президента, потому что понимали ценность Союза, созданного в ходе Войны за независимость 1775-1783 гг. Но было немало и колеблющихся, исполненных расистских предрассудков, не согласных сражаться, как они считали, за равноправие негров, за отмену рабства. Определенная часть деловой элиты и общества прямо поддерживали южан и выступали против решительных мер по сохранению Союза.

Подобная расколотовость общественного мнения, отсутствие сплоченности дорого обошлись Северу, предопределив поражения его войск в начальный период войны и ее затяжной характер в целом. И все-таки самая кровопролитная и жестокая в американской истории война привела к поражению Юга и восстановлению целостности государства. Это подтвердило правоту тех, кто в 1860-1861 гг. в своих заявлениях, речах, статьях защищал Союз и таким образом формировал и мобилизовал общественное мнение для спасения единства страны.

С.Н. Бурин
ЗАХВАТ ФОРТА САМТЕР (ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США)
(Извлечение)

...

Напряженные отношения между северными штатами США, где рабство негров практически не получило распространения, и южными рабовладельческими штатами к середине XIX в. достигли наибольшей остроты, поэтому в историографии за ними закрепилось наименование «неотвратимого конфликта». Суть его заключалась в том, что буржуазия северных штатов стремилась ликвидировать рабство и крупное землевладение на Юге, так как оно сковывало развитие страны по капиталистическому пути; плантаторская же олигархия Юга, в свою очередь, жаждала распространить рабство на территории всех штатов, тем более что кризис рабовладельческого плантационного хозяйства к тому времени стал очевидным.

В феврале 1854 г. возникла республиканская партия, которая в те годы стала выразителем интересов молодой национальной буржуазии, а также средних и мелких фермеров. Ее лидеры вначале остерегались прямо высказываться за отмену рабства негров, хотя своей антипатии к рабству не скрывали и активно выступали за его ограничение теми штатами, где оно уже существовало. В мае 1860 г. на съезде новой партии в Чикаго ее кандидатом на пост президента был выдвинут адвокат из штата Иллинойс Авраам Линкольн, который еще в июне 1858 г. сравнил положение, создавшееся в стране, с «домом, расколотым надвое». Позднее, в феврале 1860 г., поясняя эти слова, Линкольн выразил уверенность, «что правительство не может постоянно быть полурабовладельческим и полусвободным» и что полная победа противников рабства или же его сторонников неизбежна.

Понимая, что значительная часть населения страны поддерживает позицию республиканцев, и предвидя неблагоприятный для себя исход президентских выборов, рабовладельцы «заблаговременно» начали подготовку к расколу страны. За месяц до выборов, 5 октября 1860 г., губернатор рабовладельческой Южной Каролины В. Гист отправил с секретными агентами одинаковые письма губернаторам нескольких южных штатов. Имея в виду перспективу по-

беды республиканцев на выборах, он писал что если какой-либо из штатов отделится от Союза, то Южная Каролина последует его примеру. Если же никакой из штатов не возьмет на себя инициативу, Южная Каролина отделится, как я думаю, одна в случае наличия определенных гарантии, что вскоре за ней последует некий штат или штаты». Довольно быстро пришли ответы, в которых губернаторы южных штатов в той или иной форме высказались за сецессию (так принято именовать выход этих штатов из состава США. Губернатор Алабамы А. Мур писал Гнету: «Алабама не отделится одна, но если два или более штатов объединятся с ней она отделится вместе с ними»⁴. Еще более решительную позицию занимал губернатор Джорджии Д. Браун, писавший, что его штат, возможно, выступит первым, «если это окажется необходимым для его безопасности». Так, еще до победы республиканцев на выборах, власти южных штатов спланировали провокационный раскол Союза.

6 ноября 1860 г. А. Линкольн голосами 1 866 452 американских граждан был избран президентом США и, согласно конституции страны, должен был занять свой пост спустя четыре месяца (позднее этот интервал был сокращен до двух с половиной месяцев). Для рабовладельцев победа Линкольна стала своеобразным сигналом к началу действий. Уже 20 декабря из состава США вышла Южная Каролина, за которой последовали Миссисипи (9 января 1861 г.), Флорида (10 января), Алабама (11 января), Джорджия (19 января), Луизиана (26 января), Техас (1 февраля), а позднее – Теннесси, Арканзас, Виргиния и Северная Каролина. 4 февраля 1861 г. представители отделившихся к тому времени от Союза штатов на конвенте в г. Монтгомери (штат Алабама) заявили о своем объединении в рабовладельческую Конфедерацию, президентом которой стал крупный плантатор Джефферсон Дэвис. Война надвигалась неотвратимо, и события, ставшие ее началом, уже разворачивались близ Чарлстона – столицы Южной Каролины.

Еще 21 ноября 1860 г. в город прибыл новый командующий федеральными войсками в этом районе 55-летний майор Роберт Андерсон. Хотя он и был родом из южных штатов, рабовладельцы, надеявшиеся найти в нем единомышленника, просчитались. Уже 23 ноября Андерсон доносил в Вашингтон, что гарнизон форта Моултри (на северной стороне прилегающей к Чарлстону бухты), где он

остановился, ничтожен по численности и в случае нападения южан будет совершенно беззащитным. Андерсон предлагал немедленно начать фортификационные работы, усилить гарнизон форта и установить на его стенах мощные орудия, что, по его подсчетам, можно было бы сделать в течение двух недель. Аналогичные работы он предлагал провести и в соседних фортах – Самтер и Кэстл Пинкни, расположенных на островах. Если без промедления сделать все это, подчеркивал Андерсон, то Южная Каролина не осмелится атаковать федеральные форты.

...

Южане, не заинтересованные даже в таком робком улучшении положения осажденного форта, решили действовать немедленно. «Президент» Конфедерации Дэвис назначил командующим всеми войсками Южной Каролины бригадного генерала Пьера Борегара, который уже 11 апреля через парламентариев направил Андерсону письмо с требованием незамедлительно эвакуировать Самтер. (Любопытно, что Андерсон некогда преподавал кадету Борегару курс артиллерии в военной академии в Вест-Пойнте.) Борегар обещал обеспечить в ходе эвакуации «удобства» и даже сохранить офицерам и солдатам гарнизона оружие и личное имущество. Андерсон поблагодарил Борегара за «любезность», но оставить форт отказался. Борегар повторил свое требование, как бы между прочим намекнув при этом, что его орудия могут «разнести на куски» Самтер и его гарнизон. В конце послания Борегар предлагал Андерсону самому назвать срок, к которому форт будет очищен, и обещал в случае уведомления об этом не открывать огня.

Угроза разрушения форта и уничтожения его гарнизона, а также катастрофическая нехватка продовольствия подействовали на Андерсона, тем более что федеральное правительство тогда явно не желало идти на обострение ситуации. Самтер был брошен на произвол судьбы, поэтому Андерсон вручил посланцам Борегара полковнику Дж. Чеснату и капитану С. Ли письмо, в котором сообщал о согласии во избежание ненужного кровопролития эвакуировать форт к полудню 15 апреля (т. е. за трое суток), если власти Чарлстона предоставят ему суда для перевозки людей и имущества. Руководство мятежников, однако, решило, независимо от ответа Андерсона, пойти на вооруженное столкновение. Это ясно из того,

что Чеснат и Ли, на месте ознакомившись с содержанием письма Андерсона, после трехчасовой беседы с ним в 3 часа 20 минут ночи с 11 на 12 апреля от имени Борегара сообщили, что через час по форту Самтер будет открыт огонь. Даже если предположить, что такое решение не было продумано заранее, у Борегара еще оставалось время по возвращении парламентариев отменить приказ о нападении на Самтер. Позднее в официальном отчете военному министру Конфедерации Борегар попросту лгал, утверждая, что Андерсон отказался назвать точное время эвакуации его войск из Самтера, и поэтому-де южане были вынуждены открыть огонь по форту.

...

Г.П. Куропятник

ВОЙНА ЮГА И СЕВЕРА: МНЕНИЯ, ОЦЕНКИ, ОПАСЕНИЯ И НАДЕЖДЫ СЕВЕРЯН

(Извлечение)

...

Усилиями нескольких поколений историков досконально изучены причины, развитие и итоги грандиозного конфликта, а результаты исследований обобщены в историографических работах. После анализа влияния войны на отдельные штаты и регионы дальнейшей разработке подверглись биографии почти всех крупных политиков, генералов, финансистов и общественных деятелей. Наконец, пристальное внимание было обращено на то, как же воспринимали трагические события не политики, газетчики, писатели или генералы, а основная масса американцев – те, кто, рискуя жизнью, подавлял мятеж и кто обеспечивал армию всем необходимым из городов и ферм.

Пионерами в серьезном изучении этого аспекта считают проф. Бэлл Уайли и проф. Генри Коммаджера, издавшего два увесистых тома писем участников войны. В предисловии к ним Коммаджер справедливо подчеркнул: «Вне всякого сомнения, ни одна другая глава в новой истории (США. – Г.К.) не была столь правдиво, тщательно и всесторонне документирована обыкновенными мужчинами и женщинами; в годы Гражданской войны каждый по сути становился собственным историком». Подхватила и развила эту тему плеяда талантливых ученых последней трети нашего столетия – Дж.

Макферсон, Р. Митчелл, Р. Джимерсон, Л. Соум, Дж. Гэллман, Ф. Пэлудан и др. В личных письмах и дневниковых записях они искали ответы на следующие вопросы: как воспринимали происшедшие события их участники и современники? За что они воевали? Как относились к своим противникам, таким же, как и они, белым американцам? Что у них было общего и что разъединяло? Что они думали по поводу рабства на Юге и свободных негров на Севере? Как воспринимали разрушения и насилие, которые чинились в ходе военных действий на территории своей страны? Значительная часть источников уже опубликована в виде выдержек из дневников, подборок фронтовых писем на страницах исторических журналов, издающихся в каждом штате. Еще большая их часть, по компетентному мнению разработчиков этой тематики, хранится в архивах исторических обществ, рукописных фондах университетов, местных краеведческих музеях, семейных архивах и ждет новых пытливых исследователей. Скрупулезная научная обработка сотен миллионов листов дневников и писем современников Гражданской войны с использованием наиновейших компьютерных программ наряду с другими важными источниками поможет полнее и достовернее, чем прежде, определить подлинное отношение разных слоев населения к происходившим более века назад бурным переменам. Но уже сейчас обнаруженные и введенные ими в научный оборот документальные свидетельства вместе с анализом, обобщениями, комментариями и выводами представляют значительный интерес, ибо они отвергают или, наоборот, подтверждают выдвинутые ранее гипотезы и позволяют не только уточнить многие детали, но подчас по-новому взглянуть на крупнейший катаклизм в истории мировой цивилизации XIX в.

12 апреля 1861 г. федеральная морская крепость форт Самтер содрогнулась под ураганным огнем пушек Конфедерации Юга. Рубикон был пройден. Белые южане, имея в тылу несколько миллионов черных рабов, пошли войной на белых соотечественников. Линкольн призвал «всех лояльных граждан» встать на защиту Союза и Конституции. По всему Северу прокатилась волна патриотических выступлений. После отделения ряда южных штатов и создания Конфедерации значительное число северян было готово дать им возможность уйти с миром. Но когда конфедераты взяли форт Сам-

тер, надругались над государственным флагом, а их вооруженные отряды появились в нескольких милях от Вашингтона, общественное мнение резко изменилось. Северяне тотчас, практически без разногласий, выступили за сохранение целостности страны. Хотя, конечно, каждый, кто готов был за это воевать, руководствовался личными соображениями. Многие после достижения провозглашенной цели – сохранения Союза – вероятно, надеялись решить какие-то конкретные житейские проблемы, свои и своей семьи. Судя по множеству опубликованных документов, желание защитить правительство от мятежа и тем самым сохранить Союз доминировало у северян над прочими желаниями и целями.

...

Доводы небольшой, но весьма активной группы аболиционистов и радикалов из Республиканской партии, что главное зло – рабство, вызывали неприятие, во всяком случае, не находили поддержки. Многим противникам раздела страны казалось, что защита Союза должна быть всепоглощающей целью начавшейся схватки, а все другие вопросы, в том числе вопрос, уже давно будировавшийся аболиционистами, не имеет к этому никакого отношения. На занятие ими такой позиции влияла не только сложившаяся обстановка после агрессии Юга, но и политический курс недавно избранного ими же президента. Мнение Линкольна, что «самым важным вопросом является сохранение Союза», разделял и Уолт Уитмен.

...

Выдвинувшая Линкольна партия выступала за сохранение Союза, защиту Конституции (которая гарантировала всем гражданам неприкосновенность собственности, в том числе на рабов), за свободное предоставление гражданам земель Запада, где рабство не допускалось, и в то же время за сохранение рабства там, где оно существовало. В своей инаугурационной речи Линкольн торжественно обещал придерживаться этих положений, подчеркнув, что он как президент «не имеет законного права и склонности к тому, чтобы прямо или косвенно вмешиваться в дела рабовладения в тех штатах, где оно существует». ...

...

Обмен мнениями в солдатской среде, чтение попадавших на фронт с опозданием северных газет приводили их к убеждению, что

провозглашение независимой Конфедерации – это незаконный мятеж, а их борьба за единство страны – правое и угодное Богу дело. Поэтому Бог на их стороне и будет способствовать их усилиям. В письмах родным и друзьям, порой в высокопарных выражениях, они уверяли в готовности защитить страну от «этого чудовищного и дьявольского мятежа и уберечь от расчленения наш любимый Союз». ...

...

Смертельная опасность, лишения и далеко не идеальные условия походной жизни не пугали сотни других добровольцев. Они гордились, что им доводится участвовать «в великом сражении за Союз, Конституцию и закон». Патриотические чувства нашли яркое выражение в частных письмах домой уже упоминавшегося Роберта Макалистера: «Я вступил в армию потому, что люблю свою страну, ее установления и готов пожертвовать многим – даже самой жизнью, чтобы сохранить в целости нашу чудесную родину и лучшее в мире правление... Мы будем отвечать перед Богом, если не внесем свой вклад в дело сохранения для последующих поколений дарованных нам гражданских и религиозных свобод». ...

Размышления и обсуждение происходивших на их глазах событий подводили многих северян к умозаключению, что война за Союз одновременно становится борьбой за укрепление свободы каждой отдельной личности. В связи с этим некоторые из них указывали на важность воспитания патриотических чувств и религиозных верований, что в дальнейшем, при вступлении на территорию Юга, позволило усилия Севера по подавлению мятежа квалифицировать как «священный поход».

Но, пожалуй, решающее влияние на подвижки во мнениях оказывали успехи и поражения на полях сражений. Даже незначительное наступление федеральной армии на территорию Юга немедленно выносило на поверхность такие проблемы, принципиальное решение которых могло повернуть прежние представления на 180°.

...

Вместе с тем многочисленные сторонники Союза на Севере и в федеральной армии враждебно или, по крайней мере, подозрительно относились к аболиционизму. Против эмансипации выдвигали

гались самые разные мотивы: конституционные, экономические, политические, военные. Одни полагали, что вмешательство во внутренние распорядки южных штатов усилит враждебность и сопротивление Конфедерации и исключит какое-либо примирение воюющих сторон. Другие не скрывали своей убежденности в необходимости рабовладения на Юге, поскольку, по их мнению, «низшая раса, хотя и должна подчиняться высшей для общего блага наибольшего числа людей», стоит за единство страны.

В стране проходила шумная пропагандистская кампания аболиционистов, но в рядах действующей армии их было немного. Если верить солдатским письмам с фронта, менее одного человека из ста, а может быть из тысячи, вступали в северную армию с открыто выраженным стремлением добиться отмены невольничества черных.

...

Духом расового превосходства и нетерпимости проникнуты фронтовые письма сержанта Оунли Эндрюса. Он писал жене: «Я считаю, что моя жизнь и счастье моей семьи имеют гораздо большую ценность, чем какого-нибудь ниггера», и не следует жертвовать жизнями «свободных белых граждан» ради освобождения «черных дьяволов».

Уильям Дюбуа, по-видимому, был не далек от истины, когда отметил, что «в начале Гражданской войны, возможно, лишь один белый американец из ста склонялся к тому, что негров можно интегрировать в американскую демократию».

Сохранившиеся письма и дневники той эпохи свидетельствуют о широком распространении расовых предрассудков не только на Юге, но и на Севере. Изгнав краснокожих с их исконных земель, бледнолицые с такой же непримиримостью воспротивились появлению на завоеванных просторах черного человека, независимо от того свободный он или раб. Перекатывавшаяся волна за волной за Аллеганские горы группы переселенцев из Европы и восточных штатов были полны решимости превратить плодороднейшие прерии Запада в собственность исключительно белого человека. Вдумчивый путешественник и ученый Алексис де Токвиль обратил внимание на то, что «расовые предрассудки сильнее проявляются в тех местах, где рабство отменено, чем в тех, где оно еще существует.

Но наибольшая нетерпимость проявляется там, где рабство никогда не существовало».

Это наблюдение полностью соответствовало реальному положению в США. Накануне Гражданской войны практически во всех северных штатах и территориях к западу от Аллеган действовали законы об ограничении прав свободных черных, а в некоторых из них (Иллинойсе, Индиане, Орегоне и Канзасе) даже запрещалось появление их в штате.

...

Военные неудачи и исход рабов с Юга вынудили правительство Линкольна и Конгресс принять решительные меры по ряду насущных проблем, в том числе по вопросу рабовладения на Юге, в дела которого правительство ранее обязалось не вмешиваться ни при каких условиях. ...

Многие солдаты-добровольцы, как и их семьи в тылу, отнюдь не были в восторге от «особенного института» на Юге, но их встревожило опасное, по их мнению, изменение политического курса в Вашингтоне, что приведет к неблагоприятным для северян последствиям. Офицер федеральной армии Чарлз Уэйнрайт принадлежал к горячим сторонникам сохранения целостности страны. Происхождение свое он вел из семьи крупных землевладельцев долины р. Гудзон (штат Нью-Йорк), еще со времен президентства Эндрю Джексона его родственники и друзья поддерживали Демократическую партию. Чарлз добровольно пошел на войну, поверив Линкольну, что единственной целью его правительства являлось подавление мятежа для восстановления целостности страны. Но уже в конце весны 1862 г. получивший звание полковника Ч. Уэйнрайт почувствовал, что из Вашингтона подул другой ветер. В своем военном дневнике Чарлз ставил в вину Линкольну то, что он идет на уступки «черным республиканцам», превращает войну в аболиционистскую, а это неизбежно подорвет позиции лояльных жителей Юга, которые выступают за сохранение Союза...

Когда в Белом доме завершалась работа над текстом предварительной прокламации об освобождении рабов, находившихся в собственности у мятежников Юга, в ряде штатов Севера спешно принимались превентивные меры против «наплыва толп ниггеров». Широко было известно, что в прифронтовой полосе, в тылу войск

Союза, скопились десятки тысяч сбежавших с плантаций черных рабов, слонявшихся в поисках пищи и укрытия.

...

Но провал на выборах 1862 г. и следовавшие одно за другим катастрофические поражения на фронте не помешали Линкольну подписать 1 января 1863 г. Прокламацию об освобождении рабов. Скорее наоборот. Но об оформлении ее положений в закон и одобрении ее Конгрессом в качестве 13-й поправки к Конституции США в тех условиях не могло быть и речи. Прокламация вызвала восторг одних, яростное осуждение и неприятие других.

В день вступления Прокламации в силу, 1 января 1863 г., во многих городах Севера и на отвоеванных у Юга территориях прошли митинги и праздничные шествия. В Блэнфорте (Юж. Каролина) большая группа освобожденных негров пришла в расположение лагеря I Южнокаролинского добровольческого полка, набранного из негров. После митинга, на котором с приветствиями выступили бригадный генерал Сэкстон и другие офицеры, была исполнена «Ода в честь дня Освобождения» и устроен праздничный обед для всех присутствовавших. В виргинском городе Норфолк более четырех тысяч негров в сопровождении оркестров и с флагами Союза промаршировали по улицам.

...

Успешное введение в бой на ряде участков фронта черных полков продемонстрировало, что Прокламация начала приносить плоды. Но глубоко укоренившиеся расовые предрассудки не могли так быстро исчезнуть из сознания многих северян, тем более что их подпитывали страх перед появлением освобожденных рабов в родных штатах, успех Демократической партии на выборах, широкая антивоенная пропаганда на Севере ярых противников отмены рабства и деятельность тайных антиправительственных организаций. Неприятие Прокламации приводило к дезертирству и бунтам в армии Союза. Летом 1863 г. волна стихийных антиправительственных мятежей и погромов черных прокатилась по улицам многих северных городов – Нью-Йорку, Бостону, Филадельфии, Детройту, Кливленду, Чикаго, Буффало, Олбани. Ярость противников войны была направлена против политики эмансипации, аболиционистов и черных. «Нью-Йорк таймс» писала, что «в городе идет постоянная охо-

та на африканцев, как на диких зверей». На подавление бунтовщиков пришлось отзывать войска с фронта, где продолжалось летнее наступление южан, которое ознаменовалось новой победой федерации и страшным поражением Союза при Чанселлорвилле. Развивая успех, генерал Роберт Ли вторгся в Пенсильванию, казалось, столица Филадельфия падает под натиском 75 тысяч ветеранов Юга. но путь им преградила 88-тысячная армия Севера, и после трехдневных сражений под Геттисбергом фортуна наконец улыбнулась северянам. На следующий день, 4 июля 1863 г., поступило известие, что после шестидневной осады генерал У.С. Грант взял укрепленный Вискбург. Это означало, что Союз установил контроль над всем течением р. Миссисипи, а Конфедерация южных штатов – разделена на две части.

...

А. Линкольн понимал, что для достижения победы необходимо объединить все силы, борющиеся за сохранение Союза. Он старался опираться в первую очередь на миллионы поселенцев Запада, рабочих и ремесленников Северо-Востока, учитывая при этом их укоренившиеся расовые предрассудки. Общась с простыми людьми, он отдавал себе отчет в том, что большинство северян смирится с отменой рабовладения на Юге, но при одном условии: если в ходе войны с мятежниками будут подняты и решены вопросы, затрагивающие их непосредственные интересы. Для достижения понятных и жизненно важных целей они могут объединиться в непреодолимую силу, перед которой не устоит любой противник.

Президент не уставал разъяснять свою позицию: «Моя главная цель и этой борьбе – спасти Союз, а не сохранение или уничтожение рабства». Идя навстречу тем согражданам, кто был сторонником энергичного ведения войны, но выступал против отмены рабства на Юге, Линкольн заявил: «Если бы я мог спасти Союз, не освободив при этом ни одного раба, я бы сделал это». Обращаясь прямо к лояльным плантаторам пограничных штатов, он добавил: «Если бы при этом была возможность освободить только часть рабов, я пошел бы и на это. Все, что я предпринимаю в отношении рабовладения и цветной расы, я делаю потому, что надеюсь этим спасти Союз».

...

По мере развития военных успехов Союза в 1864-1865 гг. крепла уверенность северян в близком разгроме мятежников и правильности избранного Линкольном курса. Те, кто до этого был убежден, что единственно жизненно важная цель войны – сохранение Союза, получили возможность присоединиться к тем, кто призвал сохранить не только Союз, но и свободу белых, а кроме того, предоставить ее черным, поскольку участие десятков тысяч черных бойцов в войне явилось существенным вкладом в победу.

...

Как свидетельствуют приведенные ранее фрагменты из дневников и писем, солдаты Союза воспринимали события иначе, чем многие профессиональные историки следующих поколений. Северяне объединились против мятежников вовсе не потому, что были озабочены бедственным положением черных рабов на южных плантациях белых господ. В ходе войны мало кто из северян изъявлял готовность заботиться правах освобожденных черных, поскольку расистские предрассудки владели над подавляющим большинством северян. Еще долгие десятилетия после окончания Гражданской войны страна оставалась обществом расовых привилегий и сегрегации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хрестоматия способствует обеспечению целостности в изучении дисциплины «Новая история стран Европы и Америки 1640 – 1870 гг.».

В издании содержатся выдержки из источников (в том числе на языке оригинала), научных статей и монографий ведущих специалистов по истории Нового времени в своей предметной области. Исходя из современного понимания и подходов к составлению хрестоматии и ее роли в создании единого комплекса по изучению новой истории стран Европы и Америки, обоснована возможность представления текстов статей и монографий: цитирование, аналитический обзор, библиография.

Список использованной литературы и источников, приведенный в издании, призван мотивировать студентов к самостоятельному освоению знаний в рамках обозначенной тематики.

Сведения, изложенные в хрестоматии, окажут заинтересованному читателю помощь в изучении истории европейских государств в период Нового времени, расширят кругозор знаний выпускников-историков, необходимый при профессиональной деятельности практического и научного характера.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ХРЕСТОМАТИИ

Тема 1. Венский конгресс: создание новой системы международных отношений

1. The Treaty between Russia and Austria of the 21 April, 3 May, 1815.
2. The Treaty between Russia and Prussia of the 21st April (3D May) 1815.
3. Венский конгресс по рассказам графини Э. фон Берн-Сторф.
4. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Священный союз от Берлинского до Венского конгресса 1814 – 1878.
5. Мирный договор между Россией и Францией, заключенный в Париже 8/20 ноября 1815 г.
6. Заключительный Акт Венского конгресса.
7. Г.Г. Гервинус История девятнадцатого века от времени Венского конгресса.
8. Мартенс Фридрих-Фромгольд Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами.
9. Шарль-Морис Талейран Мемуары.
10. Описание В. Гюго сражения при Ватерлоо, 18 июня 1815 г.
11. Отречение Наполеона после битвы при Ватерлоо, 22 июня 1815 г.
12. Генеральный акт Венского конгресса, подписанный 28 мая (9 июня) 1815 г.

Тема 2. Война за независимость в Латинской Америке (1810 – 1826 гг.): предпосылки, ход, образование незави- симых государств

1. Brackenridge H. M. South America: a letter on the present state of that country to James Monroe, president of the United States, by an american
2. Brackenridge, H.M. The principal occurrences at Buenos Ayres since the commencement of their revolution

3. Caesar A. Rodney to Thomas Jefferson 8 August 1818
4. Cornelio de Saavedra, President of the Governing Junta of the provinces of the Rio de la Plata, to James Madison, President of the United States Buenos Aires, June 26, 1811.
5. Cornelio de Saavedra, President of the Governing Junta of the provinces of the Rio de la Plata, Domingo Matheu, and eleven others, to James Madison, President of the United States Buenos Aires, June 6, 1811.
6. Декларация независимости Аргентины 9 июля 1816 г.
7. Доктрина Монро (из ежегодного послания Конгрессу президента Джеймса Монро, 2 декабря 1823 г.)
8. From John Adams to Caesar Augustus Rodney, 26 September 1818
9. From John Adams to Caesar Augustus Rodney, 4 April 1819
10. Miguel Hidalgo. The Grito De Dolores ("Cry Of/From Dolores")
11. W. G. Miller, United States Consul At Buenos Aires, To James Monroe, Secretary Of State Of The United States Buenos Aires, April 30, 1812.
12. Plan of Iguala, 24 february 1821
13. Из выступления С. Боливара в Ассамблее Венесуэльской республики в Каракасе, 2 января 1814 г.
14. Симон Боливар. Манифест из Картахены, 15 декабря 1812 г.
15. Речь С. Боливара на конгрессе в Ангостуре, 14 декабря 1819 г.

Тема 3. Социальные утопии XIX в.

1. Л. Блан Организация труда
2. О. Бланки Кто варит суп, тот пусть его и ест.
3. О. Бланки Исповедание веры
4. Э. Кабе Путешествие в Икарию
5. Р. Оуэн Замечания о влиянии промышленной системы

6. Р. Оуэн Речь в учреждении на улице Шарлотты, 1833 г.
7. Р. Оуэн Обращения к конгрессу кооперативных обществ Великобритании и Ирландии к правительствам Европы и Америки
8. П. Прудон Что такое собственность?
9. А. Сен-Симон Письма женеvского жителя к своим современникам
10. А. Сен-Симон Парабола
11. А. Сен-Симон Катехизис промышленников
12. Ш. Фурье О воспитании при строе гармонии

Тема 4. Парламентская реформа 1832 года в Великобритании и движение за «Народную хартию»: 1830-е – начало 1850-х гг.

1. Хлебный закон, 1815 г.
2. Акт 1832 г. об изменении народного представительства в Англии и Уэльсе
3. Цели лондонской ассоциации рабочих, 1836 г.
4. Шесть пунктов народной хартии, 1837-39 гг.
5. Дж. Д. О'брайен О целях рабочего движения, 7 января 1837 г.
6. Народная Хартия в форме билля, 8 мая 1838 г.
7. Первая Национальная петиция, 1838 г.
8. Протест Дж. Гарни против мирной тактики лондонской ассоциации рабочих, 12 марта 1838 г.
9. Речь Фергюса О'коннора на митинге в Лондоне, 17 сентября 1838 г.
10. Речь Стивенса на митинге в Ньюкастле на-Тайне, июнь 1838 г.
11. Обращение Национального конвента, 1839 г.
12. План организации чартистов Великобритании, выработанный и принятый на собрании делегатов в Манчестере, 20 июля 1840 г.
13. Вторая национальная петиция, 1842 г.
14. Резолюция делегатов тред-юнионов, принятая в Манчестере о Всеобщей стачке, 12 августа 1842 г.

15. Воззвание Исполнительного комитета о поддержке Всеобщей стачки, 17 августа 1842 г.
16. Отношение чартистов к биллю о свободной торговле, 1846 г.
17. «Северная Звезда» об историческом значении закона о десятичасовом рабочем дне, 1847 г.
18. Резолюция Национального конвента по вопросу о тактике, 5 апреля 1848 г.
19. Обращение Национального конвента к жителям Лондона, 1848 г.
20. Письмо лорда Пальмерстона лорду Норманби о событиях, 10 апреля 1848 г.

Тема 5. «Весна народов»: буржуазные революции 1848 – 1851 гг.

1. Прокламация Временного правительства французскому народу, 1848 г.
2. Провозглашение республики 24 февраля 1848 г.
3. Декрет Временного правительства о создании мобильной гвардии, 25 февраля 1848 г.
4. Организация Люксембургской комиссии, 28 февраля 1848 г.
5. Законопроект Люксембургской комиссии
6. Декрет о сокращении рабочего дня, 2 марта 1848 г.
7. Приказ о частичной ликвидации национальных мастерских, 1848 г.
8. Воззвание, расклеенное на улицах Сент-Антуанского предместья, 1848 г.
9. Прокламация повстанцев VIII округа Парижа июнь 1848 г.
10. Конституция французской республики 4 ноября 1848 г.
11. Избрание Луи Бонапарта президентом французской республики, декабрь 1848 г.
12. Отмена всеобщего избирательного права Законодательным собранием, 31 мая 1850 г.
13. Воззвание Луи Бонапарта к народу, 2 декабря 1851 г.

14. Приказ Луи Бонапарта о роспуске Национального собрания, 2 декабря 1851 г.
15. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. Письмо девятое.
16. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. Письмо десятое.
17. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. Письмо тринадцатое.
18. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. Письмо четырнадцатое
19. Маркс К. Классовая борьба во Франции в 1848-1850 гг.
20. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта
21. Закон относительно выборов в народную палату
22. Конституционная Хартия Пруссии, 31 января 1850 г.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Требования коммунистической партии в Германии
24. Маркс К., Энгельс Ф. Буржуазия и контрреволюция
25. Имперская конституция, принятая Франкфуртским парламентом, 28 марта 1849 г.
26. Манифест Австрийского императора 16 октября 1848 г.
27. Бакунин М.Л. Манифест славянского съезда к европейским народам, 1848 г.
28. Ш. Петефи 12 пунктов, 1848 г.
29. Манифест Временного правительства в Милане «к европейским народам» об австрийском гнете, апрель 1848 г.
30. Из постановлений Учредительного собрания и Триумvirата Римской республики (10 февраля 1849 г., 21 февраля 1849 г., 25 февраля 1849 г.
31. Прокламация Триумvirата об обороне Римской республики, 3 июня 1849 г.
32. Статут королевства, 4 марта 1848 г.
33. Гарибальди Дж. Мемуары.

Тема 6. Гражданская война и Реконструкция Юга в США

1. Закон о выдаче беглых рабов 18 сентября 1850 г.
2. Билль Канзас-Небраска 30 мая 1854 г.
3. Декларация причин, вызывающих и оправдывающих выход Южной Каролины, 1860 г.
4. Конституция Конфедеративных штатов Америки, 11 марта 1861 г.
5. Закон о наделении земельными участками фактических поселенцев на общественных землях, 1862 г.
6. А. Стивенс Речь о краеугольном камне, 21 марта 1860 г.
7. А. Линкольн Прокламация освобождения рабов, 22 сентября 1862 г.
8. А. Линкольн Первая инаугурационная речь, 4 марта 1861 г.
9. р. б. ретт разговор, состоявшийся во время войны, 1862-1866 гг.
10. Интервью с генералом Натаном Бэдфордом Форрестом, 28 августа 1868 г.
11. А. Линкольн Заявление президента соединенных штатов, 15 апреля 1861
12. Письмо У. Гранта, 1865 г.
13. Акт о безоговорочной капитуляции войск Конфедерации, 9 апреля 1865 года
14. Extract from the Treaty of Washington, May 8, 1871.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авлиев В.Н., Авлиев С.Н. Симон Боливар как освободитель Америки: историографический аспект URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simon-bolivar-kak-osvoboditel-ameriki-istoriograficheskiy-aspekt?ysclid=lhz781ycjj119412930> (дата обращения 13.05.2022)

2. Алентьева Т.В. Причины Гражданской войны (1861-1865) в новейшей американской историографии // Новая и новейшая история. - 2007. - №5. - С. 67-79. URL: <https://america-xix.ru/library/alentieva-causes-historiography/> (дата обращения 13.05.2022)

3. Алентьева Т.В. Визуальная пропаганда в американской Гражданской войне 1861-1865 ГОДОВ URL: <https://america-xix.ru/library/alentieva-civilwar-propaganda/> (дата обращения 07.12.2022.)

4. Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в канун гражданской войны в США. URL: <https://america-xix.ru/library/alentieva-public-opinion/> (дата обращения 07.12.2022.)

5. Архипцева Е.В. К вопросу о предпосылках парламентской реформы 1832 года в Великобритании. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42800134_40629556.pdf (дата обращения 07.12.22.)

6. Барышников В.Н., В.Н. Борисенко, Ю.И. Кузнецова Тамвортские манифесты Роберта Пиля и процесс консолидации консерваторов в первой половине 1830-х годов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tamvortskie-manifesty-roberta-pilya-i-protsess-konsolidatsii-konservatorov-v-pervoy-polovine-1830-h-godov/viewer> (дата обращения 07.12.2022.)

7. Борисов Ю.В. Шарль - Морис Талейран. – М.: Международные отношения, 1989.

8. Бугашев С.И. Реформа 1832 г. – первая парламентская реформа в Великобритании. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32428455_97581307.pdf (дата обращения 07.12.22.)

9. Бунькова Ю.В., Тамазов М.С., Атгоева Л.З. Парламентская реформа 1832 года в Великобритании: начало полномасштабной модернизации государственного строя. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskaya-reforma-1832-goda-v-velikobritanii->

nachalo-polnomasshtabnoy-modernizatsii-gosudarstvennogo-stroya?ysclid=lhz7ropjd2203644751 (дата обращения 07.12.22.)

10. Бурин С.Н. Время в романе Маргарет Митчелл «Унесенные Ветром» // Американский ежегодник 1989 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. - М. : Наука, 1989. - С. 97-121. URL: <https://america-xix.ru/library/burin-gone-with-the-wind/> (дата обращения 07.12.22.)

11. Бурин С.Н. Захват форта Самтер (первое сражение Гражданской войны в США) URL: <https://america-xix.ru/library/burin-sumter/> (дата обращения 07.12.22.)

12. Василькова, Ю. В. Социалисты-утописты об образовании и воспитании. идеал человека будущего / Ю. В. Василькова. - М.: Педагогика, 1989. URL: <http://padabum.com/d.php?id=184016> (дата обращения 07.12.20)

13. Волгин В.П. Сен-Симон и сен-симонизм / В. П. Волгин. - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. URL: https://istmat.info/files/uploads/27222/st-simon_volguin-v-p_1961.pdf (дата обращения: 07.12.22.)

14. Волгин, В.П. Очерки истории социалистических идей. первая половина XIX века / В. П. Волгин. - М.: Наука, 1976. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://istmat.info/files/uploads/27203/essays_on_the_history_of_socialist_ideas_volgin_v-p_1976.pdf (дата обращения 07.12.22.)

15. Воскресенская Н.О. Реформаторские программы и футурологические идеи европейских социалистов-утопистов нового времени // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformatorskie-programmy-i-futurologicheskie-idei-evropeyskih-sotsialistov-utopistov-novogo-vremeni> (дата обращения 01.12.22.)

16. Григорьева И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки: учебное пособие / И.В. Григорьева – М.: ИНФРА-М. 2017.

17. Жолудов М.В. Реформа 1832 года и совершенствование парламентской процедуры в Великобритании. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27603368_41508462.pdf (дата обращения 20.03.2022)

18. Застенкер Н.Е. Роберт Оуэн как мыслитель // В кн.: История социалистических учений. М. 1976. URL:

https://istmat.info/files/uploads/33812/hsd-1976_owen_n-e-zastenker.pdf (дата обращения 07.12.22.)

19. Иванов Р.Ф. Негритянская проблема и Гражданская война 1861-1865 гг. в США // Межрегиональные и межнациональные отношения в Европе и Америке. XIX-XX вв.. - М. : РАН. ИВИ., 1996. - С. 222-231. URL:<https://america-xix.ru/library/ivanov-negro-problem-civilwar/> (дата обращения 20.05.2022)

20. Иванов Р.Ф. Конфедерация рабовладельческих штатов в годы Гражданской войны (1861 – 1865 ГГ.) // К столетию гражданской войны в США / Под ред. А.В. Ефимова и Л.И. Зубока. - М. : 1961. - С. 130-173. URL:<https://america-xix.ru/library/ivanov-confederacy/> (дата обращения 23.04.2022)

21. Ионе В.И. Концепция «позитивной политики» в утопической доктрине Сен-Симона // Вестник Воронежского института МВД России, 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-rozitivnoy-politiki-v-utopicheskoy-doktrine-sen-simona> (дата обращения 30.11.22.)

22. Казаков В.П. Великобритания и война за независимость на Рио-де-Ла Плате. URL: <https://ahl.igh.ru/uploads/article/file/133/казаков.pdf> (дата обращения 10.03.2022)

23. Киселева О.А. Официальные источники по истории американо-английских отношений эпохи реконструкции (1865-1877) // Вестник Вологодского Государственного Университета. Серия: исторические и филологические науки. - 2019. - №2. - С. 24-27. URL:https://vestnik.vogu35.ru/docs/2019/istor_fililog/2/24.pdf (дата обращения 13.0.2022)

24. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX вв. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.

25. Котова Е.В. Россия на Венском конгрессе 1814-1815 ГО-ДОВ. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29966378_88689248.pdf (дата обращения 10.03.2022)

26. Кудрявцева Е.П. За кулисами Венского конгресса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/za-kulisami-venskogo-kongressa?ysclid=lhz8ddj9v5915291437> (дата обращения 10.03.2022)

27. Куропятник Г.П. Война Юга и Севера: мнения, оценки, опасения и надежды северян. URL: <https://america-xix.ru/library/kuropiatnik-opinions/> (дата обращения 07.12.22.)

28. Кучеренко, Г. С. Сен-Симонизм в общественной мысли XIX в. / Г. С. Кучеренко. - М.: Наука, 1975. URL: <https://studylib.ru/doc/2409148/sen-simonizm-v-obshhestvennoj-mysli-xix-veka> (дата обращения 07.12.22.)

29. Ларин Е.А. Хосе Де Сан-Мартин (1778 – 1850)

30. Левитас И. Я. Русские эскадры в Америке // История СССР. - 1968. - №5. - С. 135-141. URL: <https://america-xix.ru/library/levitas-russian-squadron-in-america/> (дата обращения 10.03.2022)

31. Лисневский Э.В. Ку-Клукс-Клан в период Реконструкции Юга (1865-1877 гг.) // Американский ежегодник 1976 / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. - М.: Наука, 1976. - С. 228-263. URL: <https://america-xix.ru/library/lisnevskiy-ku-klukh-klan/> (дата обращения 23.04.2022)

32. Минькова А.А., Явнова И.И. Парламентская реформа в Великобритании 1832 года. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskaya-reforma-v-velikobritanii-1832-goda?ysclid=lhz8fmy8k9943819329> (дата обращения 10.03.2022)

33. Мойсеев Д.С. Политическая мысль Джузеппе Мадзини. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-mysl-dzhuzeppe-madzini?ysclid=lhz8gmkoa4246341479> (дата обращения 10.03.2022)

34. Молок А.И. Венский конгресс и Священный Союз. URL: https://istmat.org/files/uploads/33312/congres-viennois_a-i-molok_1949.pdf?ysclid=lhz8i2cvkn690586440 (дата обращения 10.03.2022)

35. Морозов В.В., Рымарович С.Н. Модели альтернативного общества в социально-философских утопических проектах XIX – начала XX вв. // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-alternativnogo-obschestva-v-sotsialno-filosofskih-utopicheskikh-proektah-xix-nachala-xx-vv> (дата обращения 01.12.22.)

36. Павлов В.А., Растимешина Т.В. Проблемы социального прогресса в трудах К.А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р.Оуэна // Экономические и социально-гуманитарные исследования, 2017. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnogo-progressa-v-trudah-k-a-sen-simona-sh-furie-i-r-ouena> (дата обращения 01.12.22.)

37. Панкина. Е.Е. Становление конституционного права в Испании и испаноговорящих странах Латинской Америки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-konstitutsionnogo-prava-v-ispanii-i-ispanogovoryaschih-stranah-latinskoj-ameriki?ysclid=lhz8jkpc9d584031369> (дата обращения 10.03.2022)

38. Пастусьяк Л. Внешняя политика Конфедерации южных штатов во время Гражданской войны // Американский ежегодник 1978 / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. - М.: Наука, 1978. - С. 235-248. URL: <https://america-xix.ru/library/pastusiak-csa-foreign-policy/> (дата обращения 14.05.2022)

39. Петрова А. А. К 180-летию завершения освободительной войны испанских колоний в Америке. решающая схватка: сражения при Хунине (6 августа 1824 г.) и Аякучо (9 декабря 1824 г.)

40. Подмарков, В. Г. Роберт Оуэн - гуманист и мыслитель / В. Г. Подмарков. - М.: Наука, 1976. URL: <http://padabum.com/d.php?id=36143> (дата обращения 07.12.22.)

41. Практикум по новой истории / Сост. Е.Е. Юровская. – М.: Высшая школа, 1967.

42. Растимешина Т.В., Павлов В.А. Критический утопический социализм К. А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна: создание социальной науки // Экономические и социально-гуманитарные исследования, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-utopicheskiy-sotsializm-k-a-sen-simona-sh-furie-i-r-ouena-sozdanie-sotsialnoy-nauki> (дата обращения 07.12.22.)

43. Растимешина Т.В., Павлов В.А. Из истории утопического социализма: критика буржуазного мироустройства в концепциях К. А. Сен-Симона и Ш. Фурье // Вестник РМАТ, 2017 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-utopicheskogo-sotsializma-kritika-burzhuznogo-miroustroystva-v-kontseptsiyah-k-a-sen-simona-i-sh-furie> (дата обращения 07.12.22.)

44. Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И. Динамика революционной волны: сравнительная политология «Весны народов» 1848–1949 гг. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-revolyutsionnoy-volny-sravnitel'naya-politologiya-vesny-narodov-1848-1949-gg?ysclid=lhz8kou3ek382107234> (дата обращения 10.03.2022)

45. Розов Н.С., Цыганков В.В. Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848–1849 гг. в Австрийской империи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonomernosti-v-smute-sravnitelno-politologicheskiiy-analiz-revolyuetsionnoy-volny-1848-1849-gg-v-avstriyskoy-imperii?ysclid=lhz8m7gfsy177707518> (дата обращения 10.03.2022)

46. Романова М.И. Парламентская реформа 1832 года в Англии и ее последствия. URL: <https://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/REFORM.HTM> (дата обращения 10.03.2022)

47. Самойлова Г.И. Парламентская реформа 1832 года в Англии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskaya-reforma-1832-goda-v-anglii?ysclid=lhz8n319c5428473797> (дата обращения 10.03.2022)

48. Сборник документов по истории нового времени стран Европы и Америки / Сост. Е.Е. Юровская. – М.: Высшая школа, 1990.

49. Сборник документов по истории нового времени. Буржуазные революции XVII-XVIII вв. / Под ред. В.Г. Сироткина. – М.: Высшая школа, 1990.

50. Сборник документов по истории нового времени. рабочее и социалистическое движение в странах Европы и Америки / Под ред. П.И. Острикова. – М.: Высшая школа, 1985.

51. Согрин В.В. Гражданская война и Реконструкция в США. Современное прочтение // Новая и новейшая история. - 2010. - №1. - С. 21-42. URL:<https://america-xix.ru/library/sogrin-civilwar-modern-view/> (дата обращения 23.04.2022)

52. Стельмах В.Г. Политика рабовладельческой Конфедерации по отношению к индейцам в годы Гражданской войны в США (1861-1865 гг.) // Американский ежегодник 1985. - М.: Наука, 1985. - С. 106-123. URL:<https://america-xix.ru/library/stelmakh-csa-indeans/> (дата обращения 10.03.2022)

53. Троицкий Н.А. Александр I И Венский конгресс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-i-i-venskiy-kongress?ysclid=lhz8qpzswd496585282> (дата обращения 10.03.2022)

54. Фалькович С.М. Польский вопрос в решениях Венского конгресса 1815 г. и причины краха венских договоренностей. URL:

[https:// cyberleninka.ru/article/n/polskiy-vopros-v-resheniyah-venskogo-kongressa-1815-g-i-prichiny-kraha-venskih-dogovorennoy?ysclid=lhz8re3ijh109585515](https://cyberleninka.ru/article/n/polskiy-vopros-v-resheniyah-venskogo-kongressa-1815-g-i-prichiny-kraha-venskih-dogovorennoy?ysclid=lhz8re3ijh109585515) (дата обращения 10.03.2022)

55. Федоров М.В. Конституционное закрепление основ взаимоотношений государства и церкви в Латинской Америке (в первой трети XIX в.) URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-zakreplenie-osnov-vzaimootnosheniy-gosudarstva-i-tserkvi-v-latinskoj-amerike-v-pervoy-treti-xix-v?ysclid=lhz8s7ky9c651988459](https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-zakreplenie-osnov-vzaimootnosheniy-gosudarstva-i-tserkvi-v-latinskoj-amerike-v-pervoy-treti-xix-v?ysclid=lhz8s7ky9c651988459) (дата обращения 10.03.2022)

56. Федоров М.В. Политическая мысль в Латинской Америке в период войны за независимость (1810-1826 гг.) URL: [https:// elibrary.ru/download/elibrary_23858627_71041085.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_23858627_71041085.pdf) (дата обращения 10.03.2022)

57. Фонер Э. Рабство, Гражданская война и Реконструкция: новейшая историография // Новая и новейшая история. - 1991. - №6. - С. 35-51. URL: <https://america-xix.ru/library/foner-civilwar-historiography/> (дата обращения 10.05.2022)

58. Фраскет И. Обретение независимости ибероамериканскими странами и европейская реставрация: постановка проблемы и перспективы исследования. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/obretenie-nezavisimosti-iberoamerikanskimi-stranami-i-evropeyskaya-restavratsiya-postanovka-problemy-i-perspektivy-issledovaniya-per?ysclid=lhz8u5u3ec181836578](https://cyberleninka.ru/article/n/obretenie-nezavisimosti-iberoamerikanskimi-stranami-i-evropeyskaya-restavratsiya-postanovka-problemy-i-perspektivy-issledovaniya-per?ysclid=lhz8u5u3ec181836578) (дата обращения 10.03.2022)

59. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З.М. Черниловского. – М.: Юридическая литература, 1984.

60. Хрестоматия по истории нового времени и стран Европы и Америки: в 2 кн. кн.1. Внутривосточное развитие / сост. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – Ч. 1: XVII-XVIII вв.

61. Хрестоматия по истории нового времени и стран Европы и Америки: в 2 кн. кн.1. Внутривосточное развитие / сост. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – Ч. 2: XIX в.

62. Хрестоматия по новой истории / Под ред. А.А. Губера и А.В. Ефимова: В 3-х тт. Т.1: 1640-1815 гг.; Т.2: 1815-1870 гг.; Т.3: 1870-1917 гг. – М.: Соцэкгиз, 1963-1967.

63. Хрестоматия по новой истории / Под ред. В.Г. Сироткина.
– М.: Просвещение, 1990

64. Шмакова. Н.Н. Итоги войны за независимость (1810 - 1826 гг.) в испанских колониях. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27246454_84379861.pdf (дата обращения 10.03.2022)

65. Щелчков А.А. Роялистское Верхнее Перу во время войны за независимость. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21955629_46415231.pdf (дата обращения 10.03.2022)

Учебное электронное издание

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ XIX в.
(до конца 60-х годов)

Хрестоматия

Автор-составитель
ЗАХАРОВА Ольга Владимировна

Издается в авторской редакции

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10;
Adobe Reader; дисковод CD-ROM.

Тираж 25 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Изд-во ВлГУ
rio.vlgu@yandex.ru

Педагогический институт
кафедра всеобщей истории
zaharova33@yandex.ru